165220

ПУТЕШЕСТВІЕ
по
АМУРУ И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Александровская
г. Самары
Публичная библиотека

ПУТЕШЕСТВІЕ

по

АМУРУ И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

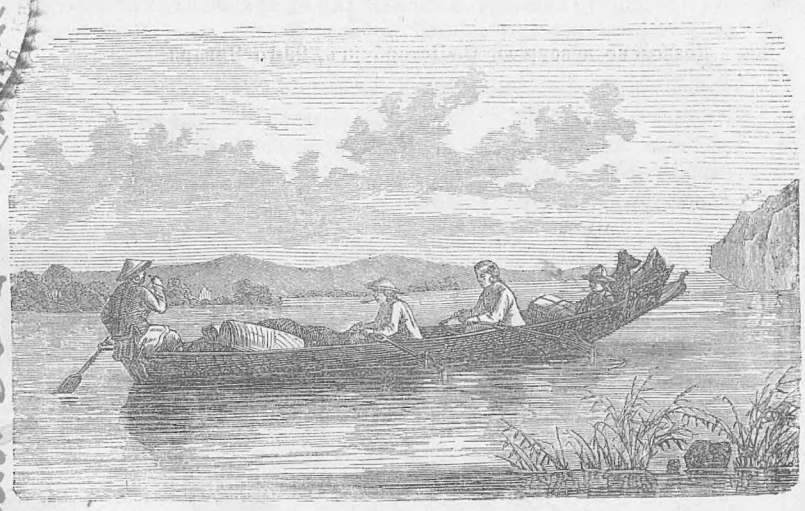
А. МИЧИ.

СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ СТАТЕЙ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ

Г. РАДДЕ, Р. МААКА и др.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО П. ОЛЬХИНА.

Съ 80 рисунками.



ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.*

МОСКВА, *Кузнецкій мостъ, д. Рудакова.*

1868.

№ 165990

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29-го Января 1868 г.

въ типографіи м. о. вольфа (спб., каравайная, № 24).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе. 1

Значеніе Сибири. — Русскіе въ Сибири. — Россія и Китай. — Амурскія страны и ихъ произведенія. — Торговля. — Недостатокъ желѣза. — Русско-американскій телеграфъ.

I. Путешествіе отъ Пекина до Калгана вдоль Большой Стѣны, съ 3 рис. 20

Открытіе Китая. — Отъ Шанхая до Пекина. Приготовленіе къ путешествію. — Носилки на мулахъ. — Караванъ отправляется въ путь. — Проходъ Нанъ-Ке-У. — Китайскіе мухамедане. — Бараній супъ. — Мостъ безъ рѣки. — Нападеніе монголовъ. — Китайскія сказанія. — Рѣка Янгъ-Хо. — Прибытіе въ Калганъ. — Его значеніе, какъ торговаго города. — Смѣшеніе народовъ. — Наемъ верблюдовъ — Большая Стѣна. — Конскій рынокъ. — Погода. — Погонщики верблюдовъ.

II. Странствованіе по Монголіи, съ 5 рис. 35

Отъѣздъ изъ Калгана. — Китайскіе земледѣльцы. — Вступленіе въ степь. — Отопленіе навозомъ. — Антилопы. — Посѣщеніе монголовъ въ юртѣ. — Несчастіе. — Монголы любятъ выпить. — Какъ монголы зарѣзываютъ и ѣдятъ барановъ. — Собаки. — Инстинктъ монголовъ. — Оазизъ Цаганъ-Тугуркъ и его храмъ. — Приключеніе. — Равнина. — Русскій курьеръ. — Гора Улинъ-Даба. — Сѣверный вѣтеръ. — Приключеніе съ предводителемъ каравана. — Ледъ. — Молодой богомолецъ. — Обонъ и монгольскій чертъ. — Гора Цаганъ-Дипси. — Долина рѣки Куль. — Длинношерстый быкъ. — Станъ у Толлы. — Маймачинъ. — Русское консульство. — Ургa. — Рынокъ. — Ламайскій монастырь. — Богомольцы. — Верховный лама въ Ургѣ. — Путешествіе до Кяхты.

III. Кяхта и русскокитайская торговля, съ 3 рис. 67

Прибытіе въ Кяхту. — Пограничный городъ Маймачинъ и русская станица. — Кяхта. — Троицкосавскъ. — Цивилизація въ Кяхтѣ. — Этикетъ. — Смѣсь народовъ. — Богатство кяхтинцевъ. — Дрожки въ Кяхтѣ. — Рынки. — Публичныя мѣста, прогулка кяхтинцевъ. — Домы — Торговля. — Отъѣздъ.

стр.

IV. Отъ Кяхты до Байкальскаго озера.—Иркутскъ, съ 4 рис. . . 79
Дорога къ Байкальскому озеру.—Трудности путешествія. — Селенгинскъ. — Почтовая дорога. — Почтовая станція. — Селенга.—Земледѣліе. — Гавани у Байкальскаго озера. — Бури на Байкалѣ.—Дорога на южный конецъ озера. — Пароходство по Байкалу.—Западный конецъ озера. — Иркутскъ. — Сибирская гостиница.— Общественная жизнь въ Иркутскѣ. — Хорошее общество.

V. Отъ Иркутска до Екатеринбурга, съ 2 рис. 92
Сибирская почтовая дорога. — Первый телеграфный столбъ.— Неблагоразуміе сибирскихъ золотоискателей. — Паромы. — Красноярскъ. — Томскъ.— Приключеніе у Тома. — Ночь въ крестьянской избѣ.—Телеграмма въ Петербургъ.—Барабинская степь.—Омскъ.— Тюмень.— Екатеринбургъ. — Уралъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЮГУ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

ГУСТАВА РАДДЕ.

VI. Путешествіе по восточному Саяну и восходъ на ледники Мунку Сардика, съ 6 рис. 103
Положеніе Саяна. — Китайско-русскія пограничныя дощечки.—Буряты-земледѣльцы. — Черный Иркутъ.—Рыбная ловля на Ильчирскомъ озерѣ. — Гроза. — Графитныя копи Алибера. — Графитъ въ Туруханскомъ уѣздѣ. — Соіоты-охотники. — Долина Оки.— Восхожденіе на Мунку-Сардикъ.—Насѣкомыя на ледникахъ этой горы.— Легенда о Мунку-Сардикѣ.—Суслики на Мунку-Сардикѣ.— Долина Иркута.—Путешествіе Пермикина къ Косоголу.—Начальникъ уріенховъ.—Яки.—Юрта дананна. — Посѣщеніе буддійскаго монастыря.— Игра въ шахматы у уріенховъ. — Наказанія.—Свѣдѣнія о Косоголѣ.

VII. Байкальское озеро и его береговые виды, съ 9 рис. 136
Положеніе, величина и притоки Байкала.—Суда и туманъ.—Вода.— Буря.—Скала баклановъ. — Судовщики. — Бурятскіе идолы. — Островъ Ольхонъ и Малое море.—Бурятскія юрты.—Растительность.— Тюлени.—Хвойные лѣса.—Горячіе источники. — Хищныя птицы.— Буряты. — Образъ правленія. — Буддизмъ и шаманство. — Бурятскій обѣдъ.— Одежда, нравы и обычаи. — Переходъ отъ кочеванія къ осѣдлости. — Шаманы. — Ламы. — Погребеніе. — Ловля омулы въ сѣверной Ангарѣ. — Озеро Фрелиха —Гимнастическія игры тунгузовъ. — Выхухоль и кабарга. — Туркинскіе минеральные источники. — Байкалъ зимою. — Тунгузы на восточномъ берегу и ихъ образъ жизни. — Землетрясеніе.

VIII. Источники Амура, съ 2 рис. 175
Область Амура. — Гора Сохонда и восхожденіе на нее. — Сѣвер-

стр.

ные тунгузы. — Истоки Онона. — Ингода. — Нерчинскъ.— Торговыя сношенія. — Шилка. — Шилкинскій заводъ.—Ярмарки.—Рѣка Керлунь. — Далайское озеро. — Аргунь.

IX. Бурейскія степи, съ 7 рис. 189
Географическое положеніе даурскихъ нагорныхъ степей. — Искусственные холмы. — Зима на казацкой станицѣ. — Вьюга. — Степные волки. — Ловля корсаковъ. — Антилопы. — Перелетныя птицы весной.—Путешествіе ихъ, съ наполненными камнями желудками.— Соляныя испаренія почвы. — Весенніе цвѣты. — Образъ жизни и ловля степныхъ сурковъ. — Зайцы-свистуны. — Земляныя мыши.— Зайцы-скакуны и хомяки. — Растительность въ степяхъ. — Саджи и перелеты ихъ въ Германію. — Степной номадъ лѣтомъ. — Тинистые столбы. — Монголы не убираютъ водиныхъ животныхъ.— Китайско-русская граница. — Джигетаи и охота за ними. — Дикая овца. — Солончаковыя травы. — Переселенія животныхъ.

X. Верховье Амура, съ 8 рис. 115
Имя „Амуръ“. — Названія этой рѣки. — Верхнее теченіе. — Орочоны и манегры. — Нравы, обычаи, жилища. — Музыкальные инструменты. — Охота и рыбная ловля. — Развалины Албазина. — Первые русскіе поселенцы на Амурѣ. — Осада Албазина. — Храбрый Бейтенъ. — Притоки. — Саянскій хребетъ. — Фантазіи Аткинсона.—Путешествіе Усольцева и борьба съ голодной смертью.— Новый городъ Благовѣщенскъ. — Цивилизованный китайскій берегъ Амура. — Айгунъ. — Даурцы и ихъ нравы. — Глубина Амура.

XI. Бурейскія горы, съ 6 рис. 141
Плаваніе по Амуру.—Возведеніе зимняго дома.—Бурейскія горы.— Климатъ. — Тунгузы. — Бирары. — Сказаніе о медвѣдяхъ. — Зима въ горахъ. — Степные пожары.—Животныя. — Странствованіе бѣлокъ и медвѣдей. — Растительность сѣверной Манджуріи.—Луга.— Подлѣсокъ. — Хвойныя деревья. — Казачья станица.

XII. Низовье Амура, съ 12 рис. 262
Путешествіе Маака.— Устье Зунгари. — Берегъ низовья Амура.— Развалины Ачинска. — Усури и Хабаровка. — Охота за лосями.— Ловля лисицъ.—Серебряныя горы и ихъ духи.—Растительность.— Лѣса. — Воровство собакъ. — Мангуны. — Ихъ поясъ и одежда.— Жилище и занятіе. — Рыболовство. — Самострѣлы. — Религія. — Гробницы. — Число жителей у Амура. — Маріинскъ. — Кизіи. — Острова у Амура. — Памятникъ у Тира. — Николаевскъ. — Истокъ Амура. — Дикіе гиляки и ловъ дельфиновъ. — Изобиліе рыбы въ Амурѣ. — Охота за тюленями. — Какъ гиляки пожираютъ своихъ медвѣжьихъ боговъ.—Зимнее путешествіе Маака вверхъ по рѣкѣ.— Переговоры и плѣнъ въ Айгунѣ. — Борьба съ льдинами. — Пребываніе у манегровъ.

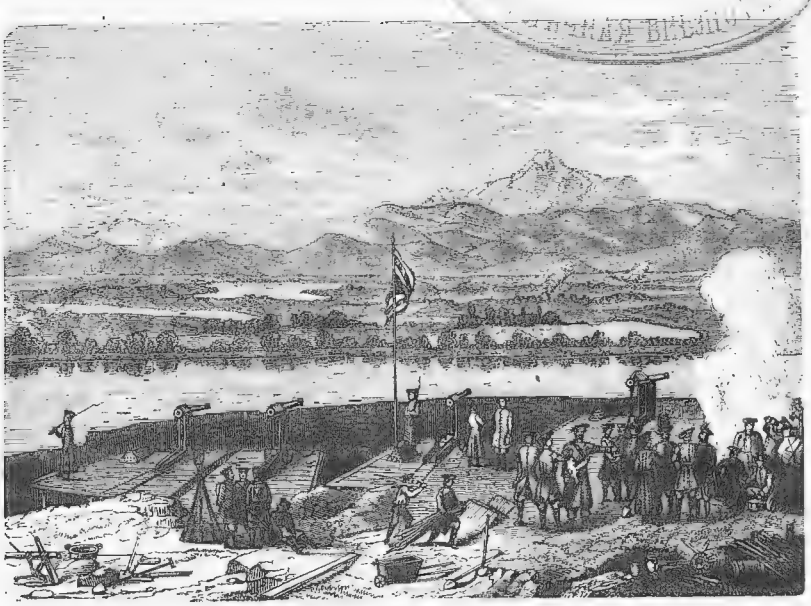
стр.

XIII. Зунгари, съ 2 рис. 306

Зунгари.—Важное значеніе ея для Китая.—Пограничная стража,—Путешествіе Максимовича до Санъ-Сина. — Миссіонеръ Франкле (Franclet).—Обходъ Большой Стѣны.—Гиринъ. — Плаваніе по Зунгари.—Пребываніе въ Санъ-Синѣ.—Ужасное наводненіе.—Гольды.—Плаваніе по Амуру. — Деревни гольдовъ. — Столбы-идолы. — Разсказы о тиграхъ.

XIV. Усури. 323

Усури, — Путешествіе де-ла-Брюньера. — Санъ-Синъ. — Сухой путь къ Усури. — Китайцы и гольды. — Вызыванія духовъ. — Путешествіе Вено (Venault). — Мирный договоръ съ гиляцкими убійцами. —Венюковъ плыветъ вверхъ по Усури. —Джизенговыя плантаціи. — Золотопискатели. — Переходъ черезъ береговой хребетъ.—Колонизація по Усури. — Манджурская береговая полоса. — Горный хребетъ Шихота-Алинъ. — Заливъ Кастрисъ и Александровскъ. — Барракута. — Орочи. — Заливъ Ольга. — Заливъ Викторія. — Городъ Хунъ-Чунъ.



Фортъ въ Маріинскѣ.

Введеніе.

Значеніе Сибири. — Русскіе въ Сибири. — Россія и Китай. — Амурскія страны и ихъ произведенія. — Торговля. — Недостатокъ желѣза. — Русско-американскій телеграфъ.

Сибирь день-ото-дня пріобрѣтаетъ все больше значенія. Еще недавно названіе этой страны рисовало въ воображеніи непривѣтливыя картины, потому что Сибирь представляли себѣ страною, покрытою саваномъ вѣчныхъ снѣговъ, вспоминали о мѣстахъ ссылки, гдѣ преступники ведутъ грустный образъ жизни, подвергаясь заслуженному ими наказанію, и думали о мрачныхъ хвойныхъ лѣсахъ, въ которыхъ охотятся полудикари за пушными звѣрями.

О произведеніяхъ земли говорили мало и молчали о существованіи большихъ пространствъ, которыя ожидаютъ

лишь воздѣлыванія, чтобы обратиться въ плодородныя поля. Такъ же мало говорили о прекрасной системѣ рѣкъ, облегчающей сообщеніе, и о странахъ съ умѣреннымъ климатомъ и прекрасною растительностью на югѣ Сибири. Никто не могъ представить себѣ, какое важное значеніе можетъ имѣть эта страна. Конечно, о такомъ значеніи нельзя было и говорить, пока Сибири принадлежали лишь рѣки, которыя изливаются въ Полярное Море, окованное вѣчными льдами, преграждающими путь народамъ, ведущимъ морскую торговлю.

Все это измѣнилось съ того времени, какъ рѣка Амуръ, изливающаяся въ Татарскій Проливъ, была уступлена Россіи, и великолѣпныя гавани у манджурскихъ береговъ обращены въ надежныя убѣжища для судовъ всѣхъ народовъ.

Россія неусыпно исполняетъ въ Азіи историческую свою задачу. Благодаря осторожной политикѣ и постоянству въ своихъ стремленіяхъ, Россіи предстоитъ въ Сибири великая будущность. Страна, доставлявшая одни только мѣха, начинаетъ заселяться, и возникшія колоніи обѣщаютъ много. Всѣ туземцы чувствуютъ себя счастливыми подъ русскимъ правленіемъ и безъ всякаго сопротивленія выплачиваютъ свой ясакъ мѣхами или деньгами. Въ самомъ дѣлѣ, средствами, совершенно противоположными тѣмъ, къ которымъ прибѣгаютъ англичане, русскіе умѣютъ поступать съ покоренными полупросвѣщенными и непросвѣщенными народами, соотвѣтственно ихъ потребностямъ, предоставляя имъ привычный кругъ дѣйствій и, особенно, не оскорбляя безъ особенной нужды ихъ религіозныхъ воззрѣній.

Переселенцы и ссыльные въ Сибири уже издавна представляли хорошіе элементы для заселенія. Между ними находятся не только земледѣльцы и ремесленники, но также лица изъ высшаго сословія, съ развитыми умственными способностями. Оттого мы видимъ въ Сибири не только матеріяльные успѣхи, но и умственное развитіе. Въ настоящее время, въ этой странѣ замѣтно движеніе, въ которомъ видны стремленія, по крайней мѣрѣ, уравняться съ европейскою

Россіею, что́ весьма естественно, тѣмъ болѣе, что населеніе Сибири живетъ при благопріятнѣйшихъ условіяхъ, такъ какъ тамъ вовсе не существовало крѣпостнаго состоянія, и потому нѣтъ надобности бороться съ неблагопріятными послѣдствіями такого учрежденія. Умственное движеніе Сибири выразилось даже весьма рѣзко въ предложеніи учредить сибирскій университетъ. Кромѣ того, въ новѣйшее время въ Сибири является нѣсколько мѣстныхъ газетъ, издающихся довольно успѣшно.

Само собою разумѣется, что матеріяльные успѣхи стали также значительнѣе, и правительство всѣми мѣрами старается поддержать ихъ. Всего болѣе стремятся привлечь къ Сибири внутреннюю торговлю Азіи. Съ самаго начала, торговая политика въ Азіи была предусмотрительна и разумна, въ чемъ убѣждаютъ превосходные ея успѣхи. На востокѣ Амурская область стала владѣніемъ Государя, вслѣдствіе чего границы Россіи распространились до Кореи; въ то же время вліяніе русскихъ въ Монголіи становится болѣе и болѣе значительнымъ, а въ западной и внутренней Азіи мы видимъ, что присоединеніе большихъ пространствъ успѣшно продолжается каждый годъ. Судьба влечетъ насъ въ Азію все дальше впередъ, и это движеніе значительно облегчается слабостью китайскаго правленія. Точно также намъ не могутъ долго противостоять туркоманскія ханства, столь превосходно описанные въ новѣйшее время Германомъ Вамбери. Стараясь возстановить миръ между воюющими племенами и отвратить разбойничьи набѣги киргизовъ и туркменовъ, мы были вынуждены постепенно двигаться все далѣе къ югу. Такимъ образомъ учредилась Семипалатинская область и была построена подъ 43° 15′ с. ш. крѣпость Вѣрная, для охраны мѣстности около Иссы-Кула и у горъ Алатау на границахъ Китая. Затѣмъ намъ пришлось рѣшительно выступить противъ Коканскаго ханства, и мы уже овладѣли важнымъ городомъ Ташкентомъ, подъ 42° 17′ с. ш. Вся торговля Туркестана съ Сѣверною Азіею уже въ нашихъ рукахъ, и ка-

раваны изъ Хивы и Бухары, распространяющіе свои торговыя сношенія до Афганистана, приходятъ къ Ново-Петровской крѣпости у Каспійскаго моря, гдѣ встрѣчаются съ пароходами изъ Астрахани и устьевъ Волги. Такимъ образомъ, корабли пустыни и пароходы подаютъ другъ другу руку.

Особенно измѣнились отношенія Китая къ Россіи. Они всегда были лучше, чѣмъ къ другимъ европейскимъ государствамъ. Одна только Россія пользовалась правомъ отправлять, въ опредѣленное время и по предписанному пути, посольства въ Пекинъ. Вліяніе Россіи въ Китаѣ было всегда значительнѣе, чѣмъ остальныхъ западныхъ державъ, какъ это подтверждаютъ всѣ европейскіе путешественники, ознакомившіеся со страною на мѣстѣ. Русскія посольства самыя старинныя. Въ то время, какъ англичане и французы тратили милліоны на войну съ Китаемъ, и кровь ихъ сыновъ лилась потоками въ Небесномъ царствѣ, границы наши раздвигались просто, на основаніи политическихъ договоровъ, и этимъ путемъ Китай уступалъ намъ цѣлыя провинціи.

Россія и Китай были покорены въ XIII вѣкѣ монголами; та и другой впослѣдствіи сбросили съ себя наложенное на нихъ иго. Съ того врзмени постоянно поддерживались сношенія между русскими и китайцами. Россія распространяла свои владѣнія на востокъ, а Китай на западъ, и теперь границы обоихъ государствъ, на протяженіи многихъ сотенъ верстъ, тянутся по внутренней Азіи. Успѣшное движеніе наше въ Азіи и покореніе безчисленныхъ племенъ въ Сибири прервалось, когда мы встрѣтились съ просвѣщенными китайцами, имѣвшими хорошо организованное войско. Была пора, когда Китай еще могъ предписывать намъ условія, какъ напр. при договорѣ въ Нерчинскѣ, въ 1689 году. Но Россія, со свойственнымъ ей терпѣніемъ и непоколебимостью, шла все впередъ, поднимая оружіе лишь въ крайности и пользуясь преимущественно искусною дипломатикою. Такимъ образомъ расли наши успѣхи въ Азіи, и, наконецъ, въ 1860 году, генералъ Игнатьевъ отважною операціею увѣн-

чалъ все дѣло. Безъ всякаго сопротивленія и жертвъ онъ пріобрѣлъ берега отъ устьевъ Амура до Кореи.

Когда Китай впервые столкнулся съ Россіею не совсѣмъ пріязненно, всѣ выгоды были на его сторонѣ. Могущественному въ то время Китаю стоило только сдѣлать воззваніе къ воинственнымъ манджурамъ, чтобы собрать грозное войско. Денегъ у китайцевъ также было вдоволь, гораздо больше, чѣмъ у насъ; населеніе Китая было прилежно, производило очень много и потому составляло неисчерпаемый источникъ поборовъ. Китайцы защищались, мѣсто ихъ военныхъ дѣйствій находилось въ родной странѣ, а правительство было сильное и прозорливое. Оттого Россія во многомъ уступала въ то время китайцамъ, не имѣя возможности соперничать съ ними, тѣмъ болѣе, что мѣсто боя находилось очень далеко отъ родины.

Петръ Великій вдохнулъ въ свое царство новую жизнь. Кромѣ многихъ внутреннихъ улучшеній, онъ заботился также объ увеличеніи могущества своего государства и, сверхъ того, не оставлялъ безъ вниманія интересовъ отдаленнаго Востока. Но для него самого и для его наслѣдниковъ манджурскіе императоры были равносильные противники, и со временъ Ханъ-Си, который вытѣснилъ русскихъ изъ Амурскихъ странъ въ 1688 г. до новѣйшаго времени, намъ нельзя было получить что-либо болѣе, какъ разрѣшеніе отправлять въ Пекинъ торговыя посольства, которыя пользовались самымъ скромнымъ положеніемъ въ Китаѣ, потому что члены его походили почти на просителей или данниковъ.

Все это, однако, нисколько не ослабляло неусыпной дѣятельности Россіи, которая, между тѣмъ, пользовалась чужимъ опытомъ и вслѣдствіе этого сдѣлалась могучимъ военнымъ государствомъ. Петръ Первый, Екатерина Вторая и Николай Первый расширили границы своего царства. Въ то время, какъ Россія преуспѣвала безпрерывно, Китай не дѣлалъ ни одного шага впередъ. Первая англійская война, въ 1839 г., была зачаткомъ паденія этого государства и подала по-

водъ къ растлѣвающей роскоши, быстро распространившейся по всему Китаю. Развращенные манджурскіе императоры совершенно забыли добродѣтели своихъ отцевъ и предались удовольствіямъ. При дворѣ укоренилась безнравственность, и китайскій народъ сталъ терпѣть несправедливости и притѣсненія. Шайки разбойниковъ опустошали прекраснѣйшія провинціи государства, вслѣдствіе чего потрясло все зданіе въ своихъ основаніяхъ, и теперь недостаетъ только человѣка, который взялъ бы бразды правленія изъ рукъ неспособныхъ правителей. Не смотря на то, ослѣпленіе пекинскаго двора оставалось безмѣрнымъ. На западныхъ варваровъ глядѣли съ презрѣніемъ и были вполнѣ убѣждены въ своей непобѣдимости, пока взятіе Пекина, въ 1860 г., однимъ ударомъ не уничтожило всѣхъ этихъ ложныхъ представленій. Для насъ настала пора воспользоваться представляющимися выгодами. Во время споровъ съ западными государствами, Россія стояла на сторонѣ Китая и въ награду за оказанныя услуги получила при-амурскія страны. Китай находился въ положеніи, въ которомъ долженъ былъ сдѣлать эту уступку. Договоръ былъ заключенъ, и мы пріобрѣли огромную страну, не пожертвовавъ ни одною каплею крови своихъ соотечественниковъ.

Важность этого пріобрѣтенія еще нельзя вполнѣ оцѣнить. До этого времени мы не обладали ни одною хорошею гаванью въ Восточномъ морѣ, по крайней мѣрѣ, такою, которая не была бы закрыта льдами въ теченіе полугода. Теперь же на нашихъ берегахъ, особенно на югѣ, много удобныхъ гаваней, открытыхъ нѣсколько мѣсяцевъ позже, чѣмъ Николаевскъ при устьѣ Амура.

Настоящая безпомощность Китая зависитъ преимущественно отъ уничтоженія военнаго порядка во время продолжительнаго мира. Сами китайцы не охотники до войны; они прилежны, стремятся къ пріобрѣтеніямъ и потому не любятъ жертвовать людьми, временемъ или деньгами изъ-за споровъ. Поэтому они вполнѣ покоряются чужеземнымъ арміямъ и туземнымъ шайкамъ разбойниковъ. При такихъ об-

стоятельствахъ могущество и значеніе правительства окончательно падаетъ.

Перевѣсъ же Россіи безпрерывно увеличивался при усовершенствованіи военной ея организаціи. Постоянная борьба съ Европою побудила ее развить свою армію, и самыя операціи въ Азіи требовали значительнаго войска. Такимъ образомъ соединились многія обстоятельства, заставившія Россію сдѣлаться большимъ военнымъ государствомъ. Россія убѣдилась, что татарская орда, руководимая могучею волею, можетъ покорить Азію и Европу. Отчего же не отразить заблаговременно такого удара? Впрочемъ, какимъ путемъ ни возникла мысль о покореніи Азіи, исторія Россіи послѣднихъ двухъ вѣковъ указываетъ на постоянные успѣхи ея политики на Востокѣ.

Никто не можетъ отвергать, что политика Россіи очень полезна. Богатства, мертво лежащія въ пустынныхъ областяхъ, раскрываются; торговые пути пролагаются въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ донынѣ господствовали только охотники и лютые звѣри; плугъ проходитъ по прежнимъ полямъ битвъ, и цвѣтущія селенія возникаютъ тамъ, гдѣ прежде была только пустыня. Вотъ благословенные плоды русской политики, которые зрѣютъ въ то время, какъ разслабленный Китай распадается, стремясь во что бы то ни стало поддержать миръ.

Всѣ приведенныя обстоятельства, измѣнившія характеръ обоихъ государствъ и самую судьбу ихъ, только случайныя и зависятъ отъ внѣшнихъ условій. Существенная же причина возвышенія Россіи и паденія Китая лежитъ гораздо глубже. Россія обладаетъ юношескою силою, и народъ ея началъ разцвѣтать послѣ того, какъ сталъ заботиться о своемъ просвѣщеніи. Китай же давно созрѣлъ; его промышленость и искусства, коротко сказать, все, что составляетъ цивилизацію, достигло вершины, и дальнѣйшіе успѣхи невозможны. Но ошибаются тѣ, кто подумаетъ, что вслѣдствіе этого Китай долженъ совершенно пасть. Въ самомъ дѣлѣ, устарѣло только

правительство, китайскій же народъ не извращенъ. Онъ еще свѣжъ и могучъ, преданъ мирнымъ занятіямъ и переживетъ, можетъ быть, много династій.

Сибирь, не имѣя хорошихъ гаваней въ Тихомъ океанѣ, почти совершенно не могла войти въ торговыя сношенія съ остальнымъ міромъ. Она походила на человѣка, который силенъ и полонъ жизни, но не можетъ выказать своихъ способностей, по неимѣнію рукъ. Мы весьма хорошо сознавали это и, потому совершенно естественно, стремились пріобрѣсть амурскія страны, съ того времени, какъ въ XVII вѣкѣ на короткое время вступили въ эту область, но при заключеніи нерчинскаго мира должны были возвратить ее Китаю. Уже въ 1741 г. историкъ Е. Г. Мюллеръ указалъ на то, какъ выгодно было бы для Россіи свободное судоходство по Амуру даже для того, чтобы доставлять камчатскимъ колоніямъ жизненные припасы водою, а не провозить съ большимъ трудомъ и расходами сухимъ путемъ. До средины этого столѣтія дѣлали предположенія о средствахъ пріобрѣсти Амуръ. Средства эти, однако, сдѣлались, вполнѣ осуществимыми лишь въ 1847 г., когда генералъ губернаторомъ Восточной Сибири назначили графа Муравьева. Однимъ изъ первыхъ его дѣйствій было отравить Ваганова въ Амурскую область. Послѣдній выступилъ изъ Усть-Стрѣлки весною 1848 г. и не возвращался. По всей вѣроятности, туземцы умертвили его, такъ какъ и китайскія власти объявили, что ничего не знаютъ о немъ. Все это нисколько не остановило движеній нашихъ въ Азіи. Графъ Муравьевъ былъ неутомимо дѣятеленъ; онъ приказалъ изслѣдовать Охотское море и устье Амура и въ 1851 г. учредилъ тамъ торговые посты: Николаевскъ и Маріинскъ, а при устьяхъ Амура — Александровскъ, у близлежащаго залива Кастри.

1854 годъ особенно замѣчателенъ въ исторіи Амура. Тогда совершили первый военный походъ къ Амуру, подъ личнымъ управленіемъ графа Муравьева. Въ то время, при началѣ восточной войны, русскимъ военнымъ судамъ въ Тихомъ

океанѣ скорѣе надо было доставить необходимые съѣстные припасы и огнестрѣльныя принадлежности. Нельзя было терять времени, и графъ поплылъ съ маленькимъ флотомъ и арміею на помощь русскимъ. Пароходъ, 50 большихъ судовъ и множество плотовъ съ оружіемъ и 1,000 казаками отправились внизъ по Амуру и стали на якорѣ у манджурскаго города Айгуна, гдѣ находились плохо вооруженные китайскіе солдаты, которые нисколько не воспрепятствовали дальнѣйшему плаванію русскихъ, до устьевъ Амура.

Такимъ образомъ графъ Муравьевъ ознакомился со слабостью китайцевъ и превосходствомъ Амура, какъ водянаго пути сообщенія, воспользовался собранными свѣдѣніями и въ слѣдующемъ году началъ устраивать на рѣкѣ станціи. Такимъ образомъ уже въ 1858 г. русскіе заняли страны, лежащіе на сѣверъ отъ Амура, и всѣ эти области были отданы Россіи айгунскимъ договоромъ съ Китаемъ, 28 мая 1858 г. Что касается области между рѣкою Уссури и манджурскимъ берегомъ, гдѣ уже находились русскіе, то было опредѣлено, что она принадлежитъ обоимъ государствамъ сообща. Въ такомъ положеніи были дѣла еще два года. Въ 1860 же г. Китай вполнѣ уступилъ Россіи и эту область, вслѣдствіе чего наши границы распространились до Кореи.

Колонизація береговъ Амура стала развиваться весьма дѣятельно. Уже 28 мая 1858 г. графъ Муравьевъ заложилъ новый городъ — Благовѣщенскъ. Затѣмъ учредилъ Хабаровку у истоковъ Уссури, а Софіевскъ у низовья Амура обратилъ въ главное мѣсто: такъ какъ положеніе Маріинска было непрактично, и протекающій тутъ рукавъ Амура не весь годъ судоходенъ. Къ Амуру привлекли колонистовъ и на границахъ учредили казачьи посты.

Въ короткое время у береговъ Амура сдѣлано много; но всего болѣе тамъ ощутителенъ недостатокъ въ людяхъ. Во всей Восточной Сибири будетъ около милліона жителей, вмѣстѣ съ туземцами, и изъ нихъ, конечно, немногіе заселяютъ при-амурскую область. Въ самой этой области находится,

можетъ быть, 24,000 туземцевъ и, сверхъ того, приблизительно 40,000 русскихъ, въ томъ числѣ 15,000 войска. Такое населеніе ничтожно, въ сравненіи съ огромнымъ пространствомъ. За исключеніемъ немногихъ городовъ, русскія колоніи представляютъ не болѣе какъ бѣдныя деревни, состоящія изъ деревянныхъ домовъ.

Всего болѣе, конечно, стараются развить торговлю Восточной Сибири. Оттого обращали особенное вниманіе на улучшеніе гаваней, построили маяки и доки, а Николаевскъ на 20 лѣтъ сдѣлали свободнымъ портомъ. Теперь товаръ можетъ быть отправленъ вверхъ по всему Амуру и Восточной Сибири безъ малѣйшей пошлины. Благопріятное дѣйствіе такого учрежденія уже замѣтно и было бы желательно, чтобы преемники графа Муравьева продолжали дѣйствовать въ его духѣ. Сдѣланное же имъ должно считать хорошею основою, на которой, однако, еще надобно возвесть частности великаго зданія. Во всякомъ случаѣ, зачатки развитія существуютъ, и они дадутъ хорошіе плоды, если у береговъ Амура будетъ довольно жителей.

Уже одинъ обзоръ произведеній Восточной Сибири и превосходнаго положенія Амура указываетъ, что тамъ должна развиться значительная торговля, если прилежные колонисты откроютъ источники богатства этой страны, разовьютъ промышленость, проложатъ дороги, устроятъ гавани и привлекутъ къ манджурскимъ берегамъ корабли всѣхъ націй.

Огромные лѣса богаты превосходнѣйшимъ строевымъ лѣсомъ. Орѣшникъ, ясень и илемъ доставляютъ твердый подѣлочный лѣсъ, а хвойныя деревья, кромѣ великолѣпныхъ строевыхъ стволовъ, даютъ еще смолу, скипидаръ и деготь. Яблони и сливныя деревья, которыя плохо растутъ въ остальной Сибири, превосходно прозябаютъ у Амура. Отъ разведенія винограда едва ли можно ожидать успѣха, такъ какъ зима очень холодна даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ средняя годовая температура не препятствуетъ произрастанію лозы. Близъ Залива Викторіи, прилегающаго къ Кореѣ, ви-

нограда растетъ превосходно, потому что тамъ климатическія условія благопріятнѣе. Весьма много успѣха можно ожидать отъ вывоза лѣса, вспоминая при этомъ развитіе лѣсной торговли въ Канадѣ, также богатой лѣсами. Тогда какъ у Николаевска и залива Кастри едва можетъ расти ячмень, между Сесю и Маріинскомъ созрѣваютъ всѣ европейскія хлѣбныя растенія, а также маисъ и сахарное сорго. Значительная влажность, въ обширныхъ лѣсахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. по Уссури, еще мѣшаютъ развитію земледѣлія, но оно, вѣроятно, будетъ процвѣтать послѣ уничтоженія лѣсовъ. У Амура есть также благопріятная почва для табаку, конопли и льна, и туземцы разводятъ видъ крапивы, весьма богатой волокнами, изъ которыхъ приготовляютъ веревки.

Изъ произведеній животнаго царства должно упомянуть прежде всего о рыбѣ и пушныхъ звѣряхъ. Рыба, составляющая главную пищу туземцевъ, при полномъ развитіи колонизаціи страны, безъ сомнѣнія, уменьшится, какъ уже въ настоящее время пушные звѣри. Но, съ другой стороны, Амурскія страны представляютъ превосходную почву для скотоводства. Сотни квадр. миль могутъ служить превосходнымъ пастбищемъ для милліоновъ овецъ, лошадей и рогатаго скота.

Изъ пушныхъ звѣрей въ Амурской области соболь все еще занимаетъ первое мѣсто. Онъ составляетъ золотое руно, для полученія котораго ходятъ въ лѣсъ многіе охотники, существенно содѣйствующіе открытію страны и ознакомленію съ нею. Русскіе искатели приключеній, которые съ XVII вѣка проникали въ Восточную Сибирь все далѣе, получали отъ туземцевъ богатую дань соболями и отправляли добытые мѣха въ Якутскъ и Москву. Поярковъ, который перезимовалъ въ 1644 г. близъ истоковъ Амура, получилъ отъ гиляковъ первую дань соболями. Позднѣе эта дань не доставлялась правильно, вслѣдствіе войны китайцевъ съ русскими.

Леопольдъ Шренкъ, который путешествовалъ по Амурской области съ 1854 по 1856 г., встрѣчалъ соболя повсюду

въ Манджуріи. Тамъ, гдѣ между тунгузами не въ ходу деньги, соболь составляетъ единицу мѣры для опредѣленія цѣны всѣхъ мѣховъ и служитъ самой общеупотребительной замѣной монеты при мѣновой торговлѣ и мѣриломъ благосостоянія. На правомъ берегу Аргуни (одного изъ двухъ главныхъ притоковъ Амура) соболей стало гораздо меньше, какъ и вообще у верховьевъ Амура. Теперь охотники обращаютъ главное вниманіе на бѣлокъ, которыя значительно размножились одновременно съ уменьшеніемъ числа важнѣйшаго ихъ преслѣдователя — соболя. Послѣдній водится также на лѣвомъ берегу Сунгари, въ областяхъ богатыхъ лѣсомъ. У береговъ Уссури онъ тоже встрѣчается весьма нерѣдко. Къ югу соболь распространяется до 44° сѣв. шир., и, вѣроятно, совершенное исчезновеніе хвойныхъ лѣсовъ полагаетъ ему предѣлъ въ горахъ на югѣ. Гдѣ болѣе нѣтъ хвойныхъ лѣсовъ и гдѣ у низовьевъ Уссури берега лугообразны, соболь встрѣчается только въ горахъ. То же самое наблюдаютъ у Амура. Китайское правительство всегда дорожило обладаніемъ лѣсистыхъ горъ къ сѣверу отъ Амура, именно потому, что эта страна богата соболями. Ниже Уссури, тамъ, гдѣ Амуръ направляется къ сѣверу и течетъ въ гористой, лѣсистой странѣ соболи вмѣстѣ съ хвойными лѣсами приближаются все болѣе, и болѣе къ берегамъ рѣки. Лѣса эти доходятъ до самыхъ береговъ у истока Горина. Далѣе Шренкъ встрѣчалъ много соболей у береговъ Амура, до самаго его впаденія въ море. Это животное распространилось также на близлежащіе острова, напр. на Шантарскіе и на Сахалинъ, гдѣ его больше, чѣмъ на материкѣ, почему онъ составляетъ тамъ важный предметъ торговли японцевъ.

Соболь не имѣетъ однообразнаго цвѣта, но представляетъ многіе оттѣнки отъ почти чернаго до свѣтлобураго, рыжаго или желтоватаго. При оцѣнкѣ мѣховъ, оттѣнокъ шерсти весьма важенъ. Чѣмъ мѣхъ темнѣе, тѣмъ онъ дороже; чѣмъ свѣтлѣе, тѣмъ дешевле. Опытный знатокъ соболей однимъ взглядомъ можетъ опредѣлить, въ какой мѣстности Сибири

или у какой рѣки убитъ соболь. Въ Амурской области считается за правило, что чѣмъ далѣе соболь водится на востокѣ и югѣ, слѣдовательно, чѣмъ болѣе онъ удаляется отъ внутренности страны къ морскимъ берегамъ и отъ сѣверныхъ пустынь Сибири къ умѣреннымъ странамъ, тѣмъ хуже становится его мѣхъ, потому что шерсть теряетъ черноту и густоту. Камчатскіе соболи свѣтлы, между тѣмъ какъ водящіеся у береговъ Охотскаго моря относятся къ лучшимъ сортамъ. Превосходнѣйшихъ соболей получаютъ съ береговъ Олекмы.

Палласъ утверждаетъ что чернота мѣха зависитъ отъ лѣса, въ которомъ водится соболь. Самые лучшіе соболи находятся въ хвойныхъ лѣсахъ, менѣе темные въ осиновыхъ и ивовыхъ и, наконецъ, самые свѣтлые въ чащахъ лиственницъ и сибирскаго кедра. Съ этимъ замѣчаніемъ вполнѣ согласуются наблюденія Шренка. На островѣ Сахалинѣ, гдѣ находится самый дурной соболь, растетъ очень много сибирскаго кедра. Впрочемъ, характеръ лѣса не можетъ считаться единственною причиною оттѣнка собольяго мѣха. На цвѣтъ его одновременно имѣютъ вліяніе многія обстоятельства.

Въ Амурской области, кромѣ собольихъ мѣховъ, всѣхъ важнѣе, безспорно, бѣличьи; сверхъ того, въ торговлю поступаетъ много лисьихъ мѣховъ. Медвѣжьи мѣха, большею частью, тратятся на мѣстѣ и ихъ рѣдко продаютъ въ Сибири.

Минеральныя сокровища Амурской области обѣщаютъ также весьма много. Въ этомъ отношеніи все зависитъ, конечно, отъ будущихъ дѣятельныхъ изслѣдованій. Во многихъ мѣстностяхъ у самаго Амура найденъ каменный уголь, который есть также и на Буреѣ, и на Сахалинѣ. Во многихъ мѣстностяхъ есть золото, и еще болѣе драгоцѣнное—желѣзо, а при дѣятельныхъ изысканіяхъ, по всей вѣроятности, найдутся и другіе полезные металлы.

Не слѣдуетъ упускать также изъ виду жинзенга, разводимаго китайцами у верховьевъ Уссури и составляющаго важный предметъ вывоза. Тутъ растетъ настоящая порода

этого растенія (panax ginseng), между тѣмъ какъ ненастоящій жинзенгъ (panax sessiflorum), вывозимый изъ Соединенныхъ Штатовъ, доставляетъ ежегодно 200,000 долларовъ.

Это главныя произведенія страны. О промышленности теперь, разумѣется, говорить нечего, хотя нѣкоторыя отрасли обѣщаютъ блестящую будущность. При увеличеніи скотоводства станетъ процвѣтать производство кожъ, а когда обширные луга будутъ прокармливать стада овецъ, безъ сомнѣнія, разовьется сукнодѣліе. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ питать большихъ надеждъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ несравненно выгоднѣе вымѣнивать сырыя произведенія на готовый европейскій товаръ.

Ввозятъ въ Амурскую область преимущественно такіе предметы, которые требуются непросвѣщенными туземцами, особенно сукно, бумажныя ткани, даба (грубая шерстяная ткань), простой русскій табакъ, порохъ, свинецъ, ножи, водка, игрушки, стекло и бусы. Кромѣ того, есть довольно охотниковъ на красную, черную и синюю краски. Самый же вѣрный сбытъ имѣютъ спиртные напитки. Русскіе же покупаютъ различные предметы, употребляемые въ Европѣ.

Всего важнѣе для развитія торговли въ Восточной Сибири пути сообщенія. Превосходныя рѣки, особенно Амуръ, конечно, составляютъ самый лучшій путь. Вверхъ по ней далѣе Сеи могутъ плавать суда, сидящія въ водѣ до глубины 4-хъ фут., а до впаденія Шилки лишь суда съ посадкою въ 2 фута. Впрочемъ, весною, во время прибыли воды, эти суда доходятъ до Читы. Плаваніе въ лодкѣ внизъ по рѣкѣ продолжается 50 дней, а вверхъ 100, между тѣмъ какъ пароходъ внизъ по рѣкѣ идетъ 20, а вверхъ 30 дней. Въ 1861 году по Амуру плавало уже 14 пароходовъ; число ихъ ежегодно увеличивается. Впрочемъ, товарные транспорты отправляются преимущественно на грубо сколоченныхъ баркахъ въ 25 тоннъ. Ихъ строятъ у верховья Амура и сплавляютъ до Николаевска, гдѣ разнимаютъ и употребляютъ для топлива.

Караванъ во время бури въ степи.

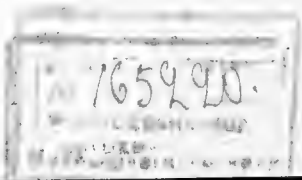
Дорогъ еще проложено мало, но правительство обратило уже вниманіе на этотъ важный предметъ и приступило къ проложенію многихъ правильныхъ дорогъ. Отъ Николаевска проведена дорога къ Селенгѣ, единственная чрезъ Яблоновыя горы и проходимая во всѣ времена года. Отъ Маріинска у низовья Амура идетъ дорога мимо Софійска и озера Кидзи къ важному заливу Кастри, откуда намѣреваются провести желѣзную дорогу, такъ какъ этотъ заливъ годится для гавани гораздо лучше Николаевска.

Торговля въ Амурскихъ странахъ еще весьма мало развита. О предметахъ вывоза едва ли стоитъ упоминать, а немногія европейскія или американскія суда, приплывающія въ Николаевскъ или заливъ Кастри, доставляютъ предметы, нужные русскому гарнизону и поселенцамъ, или покрываютъ потребности туземцевъ. Еще до прибытія русскихъ, китайцы вели мѣновую торговлю, впрочемъ, довольно значительную. Они отправлялись до гилякской деревни Пулъ, снабжали самогировъ и другія племена, живущія на сѣверъ отъ рѣки, порохомъ, свинцемъ, ружьями, водкой и табакомъ и получали за это мѣха.

Забайкалье, доставляющее Амуру поселенцевъ, должно снабжать ихъ также съѣстными припасами и другими предметами. Торговля эта находится въ рукахъ сибирскихъ купцевъ. Что касается торговли съ иностранными судами, то она въ рукахъ Русско-Американской компаніи и чужеземныхъ купцевъ, живущихъ въ Николаевскѣ. Между ними весьма многочисленны нѣмцы и американцы. Амурская Русско-Американская компанія основана въ 1858 году съ капиталомъ въ 45,000 фунтовъ стерл. Она получила право закладывать у Шилки и Амура торговыя станціи, брать, гдѣ нужно, уголь и дрова и вести торговлю съ русскими и туземцами. Кромѣ того, ей выдаютъ порохъ и свинецъ изъ Нерчинска по своей цѣнѣ. Слѣдовательно, компаніи представлялось превосходное поле дѣйствія, но участники ея не успѣли воспользоваться своими правами съ выгодой. Вскорѣ въ Бла-

говѣщенскѣ стали жаловаться, что она продаетъ изъ своихъ магазиновъ товаръ дороже, нежели онъ обошелся бы при выпискѣ прямо изъ Петербурга, и, сверхъ того, товаръ весьма низкаго качества. Вслѣдствіе этого, цѣна акцій компаніи весьма быстро понизилась. Ввозная торговля въ Амурской области безпрерывно усиливается. Въ 1859 году въ Николаевскъ прибыло 8 судовъ, въ 1,836 тоннъ вмѣстимости, съ товаромъ на 96,075 фунт. стерл.; въ заливъ Кастри 5 судовъ въ 2,578 тоннъ, съ грузомъ на 56,173 фунта стерл. Корабли эти, большею частью, американскіе. Какъ мы уже замѣтили, вывозная торговля незначительна, такъ что многія суда должны отплывать безъ груза. Въ 1859 году цѣна вывезенныхъ предметовъ составляла только 2,967 фунт. стерл. Шерсть, сырыя кожи, солонина и бѣличьи мѣха—главные предметы вывоза.

Добываніе желѣза въ Восточной Сибири относится къ отраслямъ промышлености, которыя подаютъ большую надежду въ будущемъ, потому что топлива и руды есть вдоволь. Въ настоящее же время страна весьма бѣдна желѣзомъ. Вотъ что разсказываетъ Радде въ описаніи своего путешествія: „Вообще въ тѣхъ пограничныхъ мѣстностяхъ, гдѣ я странствовалъ, я не находилъ ни обработаннаго, ни сыраго желѣза, почему должно удивляться, какъ безъ этого драгоцѣннаго металла, которому человѣчество обязано съ древнѣйшихъ временъ множествомъ успѣховъ, жители въ состояніи дѣлать постройки и т. д. Мнѣ случалось видѣть у богатыхъ казаковъ зеркала, стоившія по 600 рублей ассигнаціями: такихъ излишнихъ вещей находилось четыре въ одной комнатѣ; но въ томъ же самомъ домѣ нельзя было найти гвоздя, и если хозяинъ отправлялъ работниковъ въ лѣсъ рубить дрова, то брали у сосѣда взаймы топоръ. Въ Колусутѣ ежедневно выковываютъ не болѣе 3—4 пудовъ желѣза. Кузнецъ, почти ослѣпшій тунгузъ, который, какъ цыганъ, имѣетъ мастерскую подъ открытымъ небомъ и изготовляетъ молотомъ и наковальнею все, что въ состояніи сдѣлать, именно


№ 165220.

нѣсколько дюжинъ скобокъ, плохихъ гвоздей и, въ случаѣ крайней нужды, ободъ на колесо. Въ рѣжущихъ орудіяхъ въ тѣхъ областяхъ такой недостатокъ, что рѣдко случается видѣть даже самые необходимые предметы."

Въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ находится этотъ первобытный кузнецъ, есть богачъ, имѣющій болѣе тысячи лошадей и 800 головъ рогатаго скота. Лѣтомъ у него постоянно въ 125 горшкахъ есть молоко. Что же дѣлается изъ этого огромнаго количества въ теченіе года и сколько изъ него выручаютъ денегъ? Не продавалось ничего и два раза въ недѣлю въ кухнѣ на печку раскладывали творогъ для высушиванія, не безпокоясь о томъ, что мухи буквально покрывали его. Чистаго масла почти нигдѣ нельзя получить, потому что все дѣлается неопрятно и небрежно. Но сколько выгодъ доставило бы въ этой мѣстности масло и сыръ. Поэтому видно, что по Амуру можно сдѣлать многое, но предварительно необходимо развиться торговлѣ, промышлености и земледѣлію и вообще распространиться просвѣщенію.

Въ этомъ отношеніи мы можемъ ожидать весьма утѣшительныхъ результатовъ. Тамъ, гдѣ недавно суевѣрный идолопоклонникъ кочевалъ и проникалъ во мракъ лѣсовъ, преслѣдуя соболя, гдѣ дикарь велъ бѣдственную свою жизнь, или нѣсколько шаговъ далѣе лѣнивый туземецъ, равнодушный къ будущности, работалъ лишь столько, сколько нужно, чтобы не умереть съ голода, теперь мы должны ожидать пріятнаго зрѣлища дѣятельной жизни и благотворнаго вліянія соревнованія. Первый толчекъ къ тому данъ торговлею, которая вообще самый могучій цивилизаторъ въ наше время. Охотничья и кочевая жизнь оттѣсняется все далѣе. Звѣроловъ замѣщается мирнымъ земледѣльцемъ, который своимъ благоразуміемъ и прилеженіемъ увеличиваетъ производительность природы.

Весьма важно также и то, что Восточная Сибирь дѣлается мѣстомъ проведенія всемірнаго телеграфа. Послѣ затрудненій, встрѣченныхъ при проложеніи обѣихъ подводныхъ телеграф-

ныхъ проволокъ въ Атлантическомъ океанѣ, приступили къ устройству азіятско-американскаго телеграфа, значительная часть котораго уже готова. Мы можемъ надѣяться, что это громадное русско-американское предпріятіе вскорѣ вполнѣ осуществится, не смотря на неимовѣрныя трудности, представляющіяся и здѣсь со стороны суроваго климата и непросвѣщеннаго населенія.

Всадники въ степи.

Ущелье Нанъ-Ке-У.

I.

Путешествіе отъ Пекина до Калгана вдоль Большой стѣны.

Открытіе Китая.—Отъ Шанхая до Пекина.—Приготовленіе къ путешествію.—Носилки на мулахъ.—Караванъ отправляется въ путь.—Проходъ Нанъ-Ке-У.—Китайскіе мухамедане.—Взраній супъ.—Мостъ безъ рѣки.—Нападеніе монголовъ.—Китайскія сказанія.—Рѣка Янгъ-Хо.—Прибытіе въ Калганъ.—Его значеніе, какъ торговаго города.—Смѣшеніе народовъ.—Наемъ верблюдовъ.—Большая стѣна.—Конскій рынокъ.—Погода.—Погонщики верблюдовъ.

Въ началѣ прошлаго столѣтія, англичанинъ Джонъ Бель совершилъ, съ русскимъ посольствомъ, путешествіе отъ С.-Петербурга до Пекина. Онъ обнародовалъ донесеніе объ этомъ путешествіи, написанное имъ весьма наивно, но притомъ очень увлекательно. Описаніе этого путешествія читалъ Але-

ксандръ Мичи, и такъ какъ онъ жилъ въ значительномъ китайскомъ торговомъ городѣ Шанхаѣ, то у него пробудилось желаніе подражать примѣру своего земляка, но въ обратномъ направленіи, т. е., пропутешествовать отъ Пекина сухимъ путемъ до С.-Петербурга.

Нѣсколько лѣтъ раньше исполнить это было бы такъ же легко, какъ отправиться изъ Пекина на луну. Въ ту пору Пекинъ былъ книгою, запечатанною семью печатями, которыя китайское правительство сторожило глазами аргуса. Со временъ Марко Паоло, только іезуитскіе миссіонеры и русское посольство доставляли нѣкоторыя свѣдѣнія о Небесной имперіи. Но завѣса, скрывавшая громадный городъ отъ взоровъ европейцевъ, теперь разорвана. Чужеземцы имѣютъ право странствовать вдоль и поперекъ по всей странѣ и разсматривать ее, сколько душѣ угодно. Тьенцинскій договоръ и конвенція, подписанная въ ноябрѣ 1860 г. въ Пекинѣ, открыли страну европейцамъ, какъ занимающимся торговыми дѣлами, такъ и странствующимъ для собственнаго удовольствія. Немедленно послѣ этого страну изъѣздили вдоль и поперекъ любознательные путешественники. Большія путешествія сухимъ путемъ по Монголіи и Сибири уже описали англичанинъ Грантъ (1861 г.), госпожа Бурбулонъ, жена французскаго посланника въ Китаѣ, и, наконецъ, Александръ Мичи. Европейскіе пароходы уже ѣздятъ по волнамъ исполинскихъ китайскихъ рѣкъ и проникаютъ по нимъ глубоко въ сердце цвѣточнаго царства Срединьі. Оттого мы вскорѣ будемъ судить по донесеніямъ европейскихъ путешественниковъ о томъ, о чемъ знали лишь по разсказамъ китайскихъ географовъ.

Монголія, также подвластная императору Китая, открыта по договорамъ для европейцевъ. Такимъ образомъ уничтожились всѣ искусственныя препятствія для путешествія сухимъ путемъ отъ Пекина до С.-Петербурга. Мичи познакомился въ Шанхаѣ съ однимъ молодымъ французомъ изъ Ліона, который рѣшился сопутствовать ему и тотчасъ сталъ

готовиться къ странствованію. Для путешествія по Монголіи всего нужнѣе палатка, и ее вскорѣ удалось купить у одного французскаго офицера. Кромѣ того добыли пробковый матрасъ, нѣсколько воздушныхъ подушекъ и надлежащее количество легкой и теплой одежды, потому что на продолжительномъ пути отъ 31° до 60° сѣверной широты предстояло переносить и зной, и холодъ. О Монголіи идетъ слава, что она голодная пустыня, гдѣ можно добыть только баранину, почему Мичи позаботился о достаточномъ количествѣ съѣстныхъ припасовъ.

28-го іюля 1863 года онъ отправился на пароходѣ „Нанцингѣ“ къ заливу Пе-Чи-Ли, по Желтому морю, а затѣмъ поѣхалъ по рѣкѣ Пейхо, впадающей въ этотъ заливъ. На этой рѣкѣ находится городъ Тьенцинъ съ 400,000 жителей, знаменитый по заключенному въ немъ договору. Тьенцинъ составляетъ ключъ къ Пекину, и до него Мичи достигъ 1-го августа. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ немъ, Мичи продолжалъ свое путешествіе дальше, до Тунгъ-Чея, въ лодкѣ. Плаваніе продолжалось 4 дня и было весьма скучно, такъ какъ берегъ по обѣимъ сторонамъ плоскій и однообразный. Городъ Тунгъ-Чей не представляетъ никакого особеннаго интереса и находится близъ самаго Пекина, куда Мичи отправился верхомъ 10-го августа, остановился въ китайской гостинницѣ и сталъ готовиться къ дальнѣйшему странствованію.

Извѣстно, что китайцы искусные торговцы и умѣютъ извлекать пользу изъ самаго ничтожнаго дѣла. Мичи нужны были мулы и носилки. Когда онъ сталъ спрашивать у торговцевъ, гдѣ можно получить эти предметы, ему сказали, что ихъ вовсе нѣтъ въ Пекинѣ. Они, однако, говорили это только для того, чтобы получить, по возможности, высокую плату. Хитрые китайцы тотчасъ поняли, что Мичи снѣшилъ. На другой день купцы объявили, что можно достать муловъ и носильщиковъ, сколько угодно. Мичи нанялъ 8 муловъ, каждый по 8 рублей, и трое носилокъ, каждыя по 8 руб.

Китайскій фортъ на р. Пейхо.

50 к., за провозъ на протяженіи 400 китайскихъ ли (т. е. 4 дней пути) до селенія Калгана у Большой стѣны, которое китайцы называютъ Шанъ-Кіа-Кей. Наемъ вьючныхъ животныхъ съ принадлежностями стоилъ всего 60 таэловъ, или 120 руб. сер. Одну треть этой суммы должно было выплатить при подписаніи договора, другую — при нагруженіи муловъ, а послѣднюю — по прибытіи въ Калганъ. Кромѣ того, Мичи нанялъ китайскаго слугу, или ма-фу, который былъ, впрочемъ, совершенно излишнимъ, умѣлъ разсказывать довольно хорошо о различныхъ бояхъ пѣтуховъ, но притомъ всевозможными способами обманывалъ своего господина и постоянно утверждалъ, что онъ прекрасный малый. Но такъ какъ Мичи нерѣдко убѣждался въ его обманѣ, то и назвалъ своего лакея неопытнымъ мошенникомъ, потому что ловкій китаецъ обыкновенно сумѣетъ надуть европейца такъ, что тотъ не замѣтитъ этого.

Своевременно, рано утромъ, явились нанятые мулы съ носилками къ мѣстопребыванію Мичи. Тотчасъ же по ихъ прибытіи приступили къ нагруженію вещей. Работа эта вовсе нелегкая, потому что тюки складываютъ не на спину животныхъ, но по обѣимъ ихъ сторонамъ, такимъ образомъ, чтобы было равновѣсіе. Вся кладь вѣсила 90 пудовъ, а на одного мула полагается 16 пудовъ груза. Вмѣсто нанятыхъ восьми муловъ, китайцы привели девять, почему на каждаго мула пришлось среднимъ числомъ около 10 пудовъ груза.

Носилки, которыя въ сѣверномъ Китаѣ тащатъ мулы, представляютъ родъ паланкина, прикрѣпленнаго къ двумъ жердямъ. Концы этихъ жердей привязаны къ сѣдлу двухъ муловъ, изъ которыхъ одинъ становится передъ носилками, а другой позади ихъ. Жерди эластичны, и потому путешественнику сидѣть довольно хорошо. Странствовать въ носилкахъ вообще несравненно пріятнѣе, чѣмъ терпѣть толчки телѣги. Сверхъ того, носилки довольно длинны, почему въ нихъ можно вытянуться. На днѣ носилокъ находится помѣщеніе для различныхъ путевыхъ принадлежностей.

17-го августа 1863 года, утромъ въ 10 часовъ, караванъ пустился въ дорогу. Безъ всякаго сожалѣнія Мичи покинулъ грязную китайскую гостиницу и поѣхалъ по длиннымъ, пыльнымъ улицамъ Пекина къ сѣвернымъ воротамъ. Онъ бросилъ послѣдній взглядъ на знойный городъ, который не произвелъ на него пріятнаго впечатлѣнія, но не было видно ничего, кромѣ высокихъ и хорошо сохранившихся стѣнъ. Двойныя ворота съ широкими башнями въ три этажа какъ бы прощались съ нимъ. Путешественники совершенно спокойно расположились въ носилкахъ, которыя медленно несли мулы.

Въ Шахо, лежащемъ на разстояніи 60 ли, или 15 верстъ отъ Пекина, остановились, чтобы пообѣдать, и затѣмъ пустились въ дорогу лишь вечеромъ. Земля тутъ обработана очень хорошо, и на ней воздѣлывается барбадосское просо, имѣющее въ вышину до 15 футовъ, и хлопчатникъ. Ночью, въ 11 часовъ, караванъ прибылъ на постоялый дворъ Нанъ-Ке-У и своимъ пріѣздомъ во дворѣ произвелъ немалое смятеніе. Тамъ было множество вещей и путешественниковъ; довольно долго трудились, чтобы пріискать свободное мѣстечко для новоприбывшихъ. При тускломъ свѣтѣ плохаго фонаря, достаточнаго только на то, чтобы сдѣлать болѣе явственною темноту, путешественники пробирались между ногъ лошадей, муловъ иословъ, наполнявшихъ дворъ. При ругательствѣ пробужденныхъ людей, прибывшихъ раньше ихъ, путешественники, наконецъ, пріискали себѣ гадкое мѣстечко для ночлега.

Деревня Нанъ-Ке-У лежитъ близъ ущелья, по которому рѣшительно нельзя ѣздить, и потому черезъ него проѣзжихъ переносятъ въ носилкахъ. Остальная же часть большаго торговаго пути довольно хороша, такъ что по ней могутъ ѣздить повозки. Ущелье имѣетъ въ длину около 13 англійскихъ миль ($19^1/_2$ верстъ), и однообразный видъ отвѣсныхъ скалъ почти ничѣмъ не прерывается на всемъ этомъ протяженіи. Развалины нѣсколькихъ старыхъ крѣпостей указываютъ, что этотъ проходъ имѣлъ въ прежнія времена нѣкоторую важ-

ность въ военномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, ущелье составляетъ ключъ къ Пекину и отъ природы расположено столь благопріятно, что горсть людей можетъ противостоять большой арміи.

Медленно, съ большимъ трудомъ, но весьма ловко, мулы пробирались съ своимъ грузомъ по скалистому проходу, на концѣ котораго существуетъ развалившаяся часть Большой стѣны. Тутъ находится небольшой городъ Ча-Тау. Путешественники остановились здѣсь, и Мичи, къ величайшему удивленію, попалъ въ отличную гостиницу. Всѣ постоялые дворы въ этой мѣстности содержатся мухамеданами, которыхъ китайцы называютъ хвуй-хвуй. Извѣстная степень цивилизаціи, какую они пріобрѣли, принявъ религію пророка, съ выгодной стороны отличаетъ ихъ отъ согражданъ. Хотя они и не очень строго держатся предписаній корана и не считаютъ за большой грѣхъ выпить вина, тѣмъ не менѣе они живутъ между собою очень дружно. Въ Тьенцинѣ и Пекинѣ, а также въ бо́льшей части значительныхъ городовъ въ сѣверномъ и западномъ Китаѣ, они имѣютъ мечети, куда не пускаютъ никого, кто могъ бы помѣшать имъ въ исполненіи обрядовъ ихъ богослуженія. Китайское правительство весьма вѣротерпимо. Сыны Небесной имперіи сами очень мало привержены къ дѣламъ вѣры и вовсе не фанатики. Строгимъ оказалось правительство только относительно христіанской вѣры. Но оно имѣло на это весьма основательныя причины, потому что миссіонеры и особенно іезуиты, не ограничивались распространеніемъ вѣры, но мѣшались въ дѣла правленія. Вообще китайцы въ дѣлѣ вѣротерпимости гораздо выше жителей многихъ христіанскихъ государствъ.

Въ гостиницѣ Ча-Тау, посреди кухни, стоялъ на огнѣ большой котелъ, въ которомъ клокотало и кипѣло съ утра до вечера огромное количество воды съ бараниной. Одинъ мальчикъ занимался приготовленіемъ клецекъ, которыя бросалъ въ отваръ и затѣмъ подавалъ это вкусное и питательное блюдо путешественникамъ. Овцеводство весьма процвѣ-

таетъ въ этой области, почему баранина дешева и составляетъ главную пищу. На открытыхъ пастбищахъ и холмахъ встрѣчаются огромныя стада барановъ, отправляемыхъ въ Пекинъ.

Изъ Ча-Тау Мичи выѣхалъ на обширную равнину, ограниченную двумя горными цѣпями, направляющимися къ востоку и находящимися, по крайней мѣрѣ, на 1,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Воздухъ тутъ гораздо свѣжѣе, чѣмъ въ Пекинѣ, а почва менѣе плодоносна. Поля съ просомъ и другими произведеніями имѣли довольно тощій видъ. Холмы были голы, и лишь изрѣдка на равнинѣ виднѣлись деревья.

Мичи остановился въ весьма красиво расположенномъ городѣ Хвай-Лай-Хіенъ. Предъ этимъ городомъ былъ возведенъ большой каменный мостъ, отъ котораго осталось пять готическихъ арокъ. Видна еще шестая арка, на разстояніи 200 футовъ отъ остальныхъ. Это указываетъ, очевидно, что мостъ разрушенъ силою. Въ руслѣ рѣки, подъ мостомъ, нѣтъ ни одной капли воды; оно занято превосходными полями, между прежними берегами. Какимъ образомъ это случилось? Куда дѣвалась рѣка? Кто разрушилъ мостъ? Это объясняется въ упомянутомъ нами описаніи путешествія Джона Беля. Онъ разсказываетъ: „У города Хвай-Лай-Хіена протекаетъ широкая рѣка, которая, кажется, судоходна; черезъ нее перекинутъ превосходный мостъ со многими арками, вымощенный большими четыреугольными камнями.“ Старинный англійскій писатель сообщаетъ еще о землетрясеніи, отъ котораго много потерпѣла эта часть страны, а, вѣроятно, также и превосходный мостъ. Рѣка, можетъ быть, нынѣшняя Хвай-Хо, приняла, вѣроятно, другое направленіе.

Чрезъ городъ безпрерывно проходятъ караваны муловъ иословъ, съ различнымъ товаромъ, и отправляются въ Пекинъ. Особенно много провозятъ угля и прогоняютъ стада овецъ и табуны лошадей въ громадный городъ, который имѣетъ вліяніе на столь значительное разстояніе.

Окрестности Хвай-Лая-Хіена представляютъ почву историческую, потому что здѣсь Чингисъ-ханъ разбилъ въ 1212 году манджуровъ, и одинъ изъ его генераловъ занялъ даже ущелье Панъ-Кей-У. Повсюду видны развалины старыхъ крѣпостей, и цѣлыя линіи четыреугольныхъ башенъ стоятъ вдоль дороги. Это нѣмые свидѣтели кроваваго боя, происходившаго здѣсь между монголами и китайцами и сохранившагося въ памяти народа въ различныхъ сказаніяхъ. Одно изъ нихъ напоминаетъ извѣстную басню о пастухѣ и волкѣ, и мы сообщаемъ ее со словъ Мичи. „Въ ту пору, когда подавали знаки о предстоящей опасности огнемъ, зажигаемымъ на башняхъ, женѣ одного императора отъ скуки вздумалось просить государя приказать зажечь огни, чтобы собрать всѣхъ генераловъ и офицеровъ страны. Сказано — сдѣлано. Огни запылали на всѣхъ башняхъ китайской имперіи, и вотъ съ юга и сѣвера, съ востока и запада прибыли мандарины, чтобы помочь изгнать враговъ государства. Но, увидѣвъ, что они были только игрушкой капризной женщины, они возвратились озлобленные. Когда дѣйствительно прибыли враги, татары (точно такъ же, какъ въ извѣстной баснѣ волки), то сигналы на башняхъ показались совершенно напрасно, и императоръ остался предъ врагомъ одинъ.“

Китайцы, какъ мы видимъ, не лишены романтизма. О всякой болѣе или менѣе значительной мѣстности по этой дорогѣ есть какое-нибудь сказаніе, точно такъ же, какъ и каждой развалинѣ на Рейнѣ свойственно какое-нибудь преданіе.

Мичи достигъ рѣки Янгъ-Хо, протекающей по прекрасной долинѣ, гдѣ находятся въ красивыхъ рощахъ премилыя деревеньки. Эта долина защищена отъ холоднаго сѣвера горами, и превосходная растительность разстилается здѣсь свѣжимъ ковромъ. Тутъ китайскіе монахи построили себѣ монастырь, потому что духовныя лица въ Китаѣ весьма любятъ селиться въ красивыхъ мѣстностяхъ. Близъ этого романтическаго мѣста, посреди равнины, выдается высокая скала, на которую можно взобраться только съ запада, по страш-

ной тропинкѣ. Наверху находятся храмъ и женскій монастырь, который снизу имѣетъ весьма величественный видъ. Такая замѣчательная мѣстность не могла остаться безъ легенды. Говорятъ, что здѣсь нѣкогда жила красивая и добродѣтельная принцеса, которая имѣла весьма много гордыхъ и отважныхъ жениховъ изъ самыхъ благородныхъ семействъ, но не отдавала своей руки никому, кто не исполнитъ трудной задачи. Она хотѣла собственными руками въ одну ночь возвести на вершинѣ скалы монастырь и храмъ, а желающій сдѣлаться ея супругомъ долженъ былъ въ ту же ночь построить на рѣкѣ, также собственными руками, каменный мостъ. Всѣ женихи уѣхали опечаленные, и только одинъ чужеземецъ отважился предпринять исполинскую постройку. За дѣло принялись въ одно время, и до восхода солнца постройка принцесы была готова. Въ нѣмецкихъ легендахъ, отважный женихъ навѣрное получилъ бы за свою смѣлость руку принцесы, но китайцы имѣютъ другой образъ мыслей. Дѣло въ томъ, что когда показалась утренняя заря, мостъ былъ готовъ лишь до половины, и бѣдная принцеса осталась безъ мужа; послѣ этого она прожила конецъ своей жизни въ монастырѣ, построенномъ собственными руками.

Янгъ-Хо, незадолго до прибытія Мичи, затопилъ всю мѣстность, и потому теперь къ нему со всѣхъ сторонъ водопадами стекала вода. Рѣка пѣнясь проходитъ чрезъ ущелье, гдѣ свергается съ высоты 200 футовъ на протяженіи $7^1/_2$ верстъ, причемъ безпрестанно шумитъ такъ сильно, что пугаетъ лошадей. Съ большимъ трудомъ удалось пробраться по крутой дорогѣ, къ ночи, до слѣдующей деревни. Шесть монголовъ храпѣли, лежа одинъ возлѣ другаго на землѣ, и нисколько не безпокоились. Поэтому путешественнику не оставалось другаго выбора, какъ только проспать въ носилкахъ. 20-го августа, въ часъ пополудни, Мичи вступилъ въ большой торговый городъ Калганъ. Этотъ городъ лежитъ подъ 40° 15′ сѣверной широты въ большой долинѣ и съ трехъ сторонъ окруженъ горами, а съ четвертой обнесенъ знаме-

Вьючный верблюдъ.

нитою Большою стѣною, которая здѣсь перекрещивается горами и спускается въ долину. Калганъ имѣетъ вполнѣ характеръ торговаго города и пріобрѣлъ значеніе вслѣдствіе того, что здѣсь сосредоточилась китайско-русская торговля. Весь товаръ, отправляемый изъ Кяхты къ Желтому морю, долженъ пройти чрезъ этотъ городъ. Оттого сюда сходятся китайцы со всѣхъ мѣстностей имперіи, многіе изъ нихъ проводятъ значительную часть жизни въ Кяхтѣ, хорошо говорятъ по-русски и обыкновенно обогащаются цвѣтущею китайско-русскою торговлею.

Такъ какъ Калганъ городъ пограничный между Китаемъ и Монголіей, то здѣсь поселилось довольно много монголовъ, торгующихъ овцами, рогатымъ скотомъ и лошадьми и предлагающихъ своихъ верблюдовъ для провоза клади по пустынямъ. Скотъ они обыкновенно мѣняютъ на кирпичный чай и различную мелочь, напр. трубки, табакъ, ножи и т. д. Русскіе купцы имѣютъ также факторію въ Калганѣ и нерѣдко встрѣчаются въ этомъ городѣ, находящемся посреди Небесной имперіи. Названіе Калганъ есть испорченное монгольское слово Халганъ, что́ означаетъ ворота. Но этого слова болѣе не употребляютъ въ такомъ смыслѣ на монгольскомъ языкѣ, и самый городъ гораздо чаще называютъ по-китайски Шанъ-Кіа-Кей. Улицы въ Калганѣ узки, грязны и вонючи и притомъ плохо расположены. Жителей здѣсь весьма много, около 200,000. Вдоль домовъ всегда тѣснятся пѣшеходы, между тѣмъ какъ средина улицы совершенно занята повозками, верблюдами, ослами и лошадьми.

Мичи надобно было помыслить о томъ, какъ бы достать себѣ верблюдовъ для дальнѣйшаго путешествія. Всѣ переговоры, которые онъ заводилъ объ этомъ предметѣ съ китайцами, не имѣли никакого успѣха. Къ счастію, онъ познакомился съ русскими, живущими въ Калганѣ и принявшими его весьма ласково. Они очень хорошо знали мѣстныя условія и умѣли обходиться съ китайцами, считавшими Мичи за жирную птицу, которую можно общипать. Одинъ русскій,

который зналъ всѣ пріемы и хитрости китайцевъ и говорилъ по-монгольски, какъ природный монголъ, взялся все удалить. На разстояніи двухъ дней пути отъ Калгана находится монгольскій монастырь, съ ламами котораго этотъ русскій былъ знакомъ. Эти жрецы имѣютъ большое вліяніе на своихъ земляковъ, и съ ихъ-то помощію онъ старался добыть верблюдовъ. Впрочемъ, все это оказалось излишнимъ, потому что на второй день къ Мичи явились два монгола, изъ которыхъ одинъ былъ курьеръ, доставляющій въ Кяхту почтовый чемоданъ и ожидающій срочнаго дня, чтобы выѣхать. Съ этими людьми можно было устроить дѣло, и они обѣщали въ 4 дня добыть нужное число верблюдовъ. За 8 животныхъ, которымъ нужно было пройти 1,200 верстъ, требовали около 420 рублей. Сверхъ того, было опредѣлено выплатить 2 кирпича чаю паромщику при переправѣ чрезъ рѣку.

Пока Мичи поджидалъ верблюдовъ, онъ имѣлъ довольно времени ознакомиться съ городомъ. Сперва онъ осмотрѣлъ знаменитую Большую стѣну, камни которой почти совершенно развалились, такъ что можно различить лишь направленіе, въ какомъ она была возведена. Нѣсколько башенъ еще сохранилось въ цѣлости. Далѣе, къ востоку стѣна находится въ лучшемъ состояніи, а у Калгана ее содержатъ въ исправности. Подъ стѣною выведенъ сводъ воротъ, черезъ которыя проходятъ всѣ караваны, прибывающіе изъ Монголіи.

Каждое утро на площади, у Большой стѣны собирались продавцы лошадей, и Мичи посѣщалъ этотъ рынокъ для удовольствія. На продажу выставляли нѣсколько сотенъ, большею частью, монгольскихъ лошадей. Онѣ разставлялись рядами, и русскіе объѣзжали ихъ предъ покупателями. Торгъ заключали китайскіе посредники пальцами. По крайней мѣрѣ, дѣло начиналось съ того, что представители покупателя и продавца засовывали другъ другу руки въ рукава и подъ ними, посредствомъ пальцевъ, переговаривались о цѣнѣ. При полномъ разгарѣ этого безмолвнаго спора, раздавались нерѣдко и голоса.

Почти ежечасно изъ Монголіи пріѣзжаютъ многочисленныя телѣги, запряженныя волами. Въ этихъ телѣгахъ нѣтъ ни кусочка желѣза. На нихъ подвозятъ дрова изъ горъ Урги, находящихся въ странѣ монголовъ-калаковъ, на разстояніи 1,000 верстъ отъ Калгана. Этотъ дальній путь проѣзжается въ недѣлю, причемъ животныя питаются только травою, которая растетъ у дороги. Для такого товара находятъ обильный сбытъ въ этой мѣстности, весьма бѣдной деревомъ. Изъ привозимаго лѣса приготовляютъ также гробы.

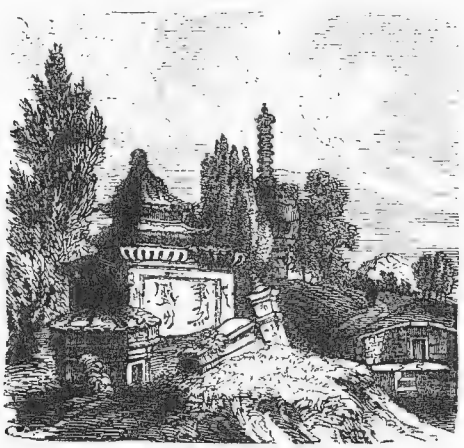
Въ Калганѣ погода значительно измѣнилась. Въ первые дни пребыванія Мичи было жарко. Но такъ какъ Калганъ лежитъ на высотѣ 2,050 футовъ, то воздухъ здѣсь гораздо разрѣженнѣе, чѣмъ въ Пекинѣ, и измѣненія атмосферы обнаруживаются гораздо рѣзче. Дѣйствительно, зной смѣнился ужасной грозой, послѣ которой послѣдовалъ жестокій холодъ, и путешественники нисколько не сожалѣли, что запаслись шубами и одѣялами.

Въ Калганѣ растетъ отличная капуста, картофель, морковь и другія овощи. Мичи запасся вдоволь всѣми этими предметами и свѣжимъ мясомъ; сверхъ того, онъ пріобрѣлъ двѣ прочныя китайскія повозки, которыя обили войлокомъ. На дорогу надо было запастись различными предметами, такъ какъ въ Монголіи нельзя разсчитывать во время путешествія на какое-либо пособіе отъ мѣстныхъ жителей. Оттого взяли съ собою даже жира для смазыванія колесъ, угольевъ, фонарей и множество другихъ вещей. Весьма важный предметъ потребности составляетъ теплая одежда, потому что безъ хорошихъ валеныхъ сапоговъ и полушубка изъ овчины европеецъ не можетъ тутъ обойтись даже лѣтомъ.

Съ крикомъ и ревомъ прибыли 26 августа верблюды. Монголы водятъ ихъ на веревкѣ, привязанной къ палкѣ, продернутой сквозь носовой хрящъ, и заставляютъ становиться на колѣни, покрикивая: сохъ, сохъ! Для предохраненія спины животнаго отъ ссадинъ, особенно между горбами, ее покрываютъ войлокомъ. Приведенныя животныя, дѣйствительно,

представляли собою корабли пустыни, съ которыми намъ надо было пройти по травянистому океану монгольской степи. Въ сравненіи съ своимъ ростомъ, монгольскій верблюдъ весьма слабъ. Главная сила его сосредоточивается въ спинѣ, на которой онъ выноситъ довольно значительный грузъ. Хотя это животное идетъ довольно медленно, но въ пустынѣ оно неоцѣнимо, потому что много дней можетъ оставаться безъ пищи и довольствуется тѣмъ, что ему удастся найти на дорогѣ.

Главнымъ погонщикомъ верблюдовъ былъ буддійскій лама, весьма простой человѣкъ. Онъ назывался Тупчунъ и соединялъ въ себѣ всѣ недостатки и достоинства своего племени. Первый его помощникъ назывался Теллигъ. Этотъ отличный человѣкъ при всѣхъ обстоятельствахъ оставался веселымъ, былъ всегда прилеженъ и доброхотливъ и вообще отличался хорошимъ нравомъ. У втораго помощника лице имѣло хитрое выраженіе, а такъ какъ Мичи трудно было произносить монгольское его имя, то онъ прозвалъ его китайцемъ. Сначала проводникъ возставалъ противъ ненавистнаго для него прозвища, но вскорѣ привыкъ къ нему.



Прибытіе каравана.

II.

Странствованіе по Монголіи.

Отъѣздъ изъ Калгана. — Китайскіе земледѣльцы. — Вступленіе въ степь. — Отопленіе навозомъ. — Антилопы. — Посѣщеніе монголовъ въ юртѣ. — Несчастіе. — Монголы любятъ выпить. — Какъ монголы зарѣзываютъ и ѣдятъ барановъ. — Собаки. — Инстинктъ монголовъ. — Оазисъ Цаганъ-Тугурикъ и его храмъ. — Приключеніе. — Равнина. — Русскій курьеръ. — Гора Улинъ-Даба. — Сѣверный вѣтеръ. — Приключеніе съ предводителемъ каравана. — Ледъ. — Молодой богомолецъ. — Обонъ и монгольскій чертъ. — Гора Цаганъ-Дипси. — Долина рѣки Куль. — Длинношерстный быкъ. — Станъ у Толлы. — Маймачинъ. — Русское консульство. — Урга. — Рынокъ. — Ламайскій монастырь. — Богомольцы. — Верховный лама въ Ургѣ. — Путешествіе до Кяхты.

* * *

Въ сопровожденіи русскихъ друзей, Мичи началъ самую интересную часть своего путешествія. Если бы онъ

вѣрилъ въ дурныя предзнаменованія, то долженъ былъ бы ожидать весьма неблагопріятнаго странствованія. Въ самомъ дѣлѣ, лошадь сбросила его за Калганомъ, отчего у него сильно повредилось лице. Затѣмъ животное убѣжало въ просовое поле и принялось пастись, вслѣдствіе чего Мичи едва не разбранился съ хозяиномъ поля.

Непосредственно за Калганомъ дорога проходитъ чрезъ узкое ущелье между крутыми холмами. Почва поднимается на протяженіи 20 верстъ до высоты въ 2,000 футовъ. Далѣе путь лежитъ чрезъ возвышенную равнину, которая находится на высотѣ 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Китайцы распространились до предѣловъ пустыни и съ неутомимымъ прилежаніемъ занимаются земледѣліемъ даже на мало плодородной землѣ. На правильное состояніе атмосферы здѣсь разсчитывать нельзя: нерѣдко бываетъ засуха, буря навѣваетъ пески, а ураганы и сильные проливные дожди портятъ посѣвъ. Вслѣдствіе этого нерѣдко бываетъ дурная жатва со всѣми ея послѣдствіями. Монголы весьма непріязненно смотрятъ на распространеніе китайцевъ, столь же ненавистныхъ для нихъ, какъ и для манджуровъ, въ странѣ которыхъ китайское населеніе увеличивается также очень быстро, отчего первобытныхъ обитателей теперь стало сравнительно меньше.

Хотя солнце весь день свѣтило съ полною силою, вечеромъ при постановкѣ палатки, руки у Мичи такъ окоченѣли, что онъ едва могъ держать молотокъ, которымъ вбивалъ колья. И это происходило 26 августа, подъ 41° сѣверной широты! Послѣ холодной ночи настало прекрасное ясное утро; жаворонки весело пѣли, летая по воздуху, и вскорѣ солнце уничтожило крупныя капли росы, которыми была обременена трава. На зеленомъ коврѣ луга паслись большіе табуны лошадей и стада рогатаго скота, въ которыхъ поддерживали порядокъ монгольскіе пастухи, разъѣзжавшіе верхомъ; крики ихъ разносились далеко. Мичи теперь находился въ странѣ шатровъ и былъ удаленъ отъ всякой цивилизаціи. Монгольскій храмъ надолго былъ для него послѣднимъ каменнымъ

зданіемъ. Онъ находился въ травяной мѣстности и былъ вполнѣ свободенъ и независимъ отъ людей.

Путешественники шли въ слѣдующемъ порядкѣ. Одинъ монголъ на верблюдѣ ѣхалъ впереди, а за нимъ слѣдовали остальные верблюды, привязанные мордою къ предшествующему; другой монголъ заключалъ шествіе, между тѣмъ какъ лама постоянно разъѣзжалъ взадъ и впередъ вдоль всей линіи. Этотъ лама отличался превосходнымъ голосомъ, и когда онъ пѣлъ вмѣстѣ съ Теллигомъ, то звучныя его пѣсни были слышны далеко. Монголы поютъ охотно и всегда грудным голосомъ, а не фистулою, какъ китайцы, пѣніе которыхъ отвратительно. Лама часто опережалъ караванъ, чтобы заѣзжать въ монгольскія палатки, гдѣ благословлялъ жителей и пилъ съ ними чай. Мичи ѣхалъ верхомъ. На верблюдѣ, движущемся медленно, ему скучно было ѣхать. По приблизительному разсчету, верблюду надобно было поднять ноги, по крайней мѣрѣ, 700,000 разъ до прибытія въ Кяхту. Нашъ путешественникъ рѣдко садился въ повозку, гдѣ ему приходилось переносить страшную вонь запряженнаго верблюда. Ночью онъ завертывался въ одѣяло и спалъ, между тѣмъ какъ верблюды спокойно продолжали тащить повозку. Нерѣдко къ вечеру раскидывали палатку. Монголы имѣли собственную палатку изъ синей бумажной ткани, которая съ теченіемъ времени совершенно почернѣла отъ дыма. Посреди палатки разводили огонь, надъ которымъ вѣшали котелъ для варки. Дымъ выступалъ чрезъ входъ въ палатку и нисколько не былъ тягостенъ монголамъ, между тѣмъ какъ европейцы отъ него задыхались. Впрочемъ, отъ дыма у монголовъ большею частію глаза красны, что́ вовсе не удивительно, такъ какъ огонь поддерживаютъ только конскимъ и коровьимъ навозомъ. Степь не доставляетъ другаго горючаго матеріяла. Какъ скоро монголы видятъ, что близъ нихъ раскидываютъ палатку, они посылаютъ къ ней женщину съ топливомъ изъ навоза, который называется *аргаломъ* или *архоломъ*. Раздача топлива въ обычаѣ у монголовъ и находится въ тѣсной связи

съ ихъ гостепріимствомъ. Палатка всегда раскидывается близъ источниковъ, которые въ Гоби многочисленны, но не легко могутъ быть открыты незнакомыми съ мѣстностію, между тѣмъ монголы находятъ ихъ какъ бы по инстинкту.

Часть Монголіи, по которой проѣзжалъ Мичи, состоитъ изъ ряда равнинъ и волнистыхъ пространствъ. Мѣстами почва становится холмистою, и вообще вся степь походитъ на море. На обширномъ пространствѣ нельзя открыть ни одного дерева или какого-либо другаго предмета, и глаза могутъ отдохнуть только на какомъ-нибудь стадѣ или на палаткѣ. Восходъ и закатъ солнца еще болѣе увеличиваютъ сходство мѣстности съ моремъ. Слѣдовательно, названіе корабля пустыни, которое даютъ верблюдамъ, кажется тутъ чрезвычайно умѣстнымъ. Впрочемъ, и здѣсь есть нѣкоторое разнообразіе. Иногда показываются стаи гусей и стада дикихъ козъ. Китайцы называютъ послѣднихъ желтыми баранами, ванъ-янгъ, а монголы гурушъ. Собственно говоря, оказывается, что эти животныя ни козы, ни бараны, а пѣгій видъ антилопы (procapra gutturosa) величиною съ лань, желто-бураго цвѣта, который переходитъ у ногъ въ бѣловатый. Эти антилопы бѣгаютъ стадами въ нѣсколько сотъ штукъ, чрезвычайно боязливы и проворны, и къ нимъ, повидимому, почти невозможно приблизиться на разстояніе выстрѣла. Мичи нѣсколько разъ тщетно пытался застрѣлить такую антилопу. Его лошадь не могла угнаться за проворнымъ животнымъ. Впрочемъ, монголы иногда подстерегаютъ ихъ и застрѣливаютъ изъ ружья, которое опираютъ на сошку.

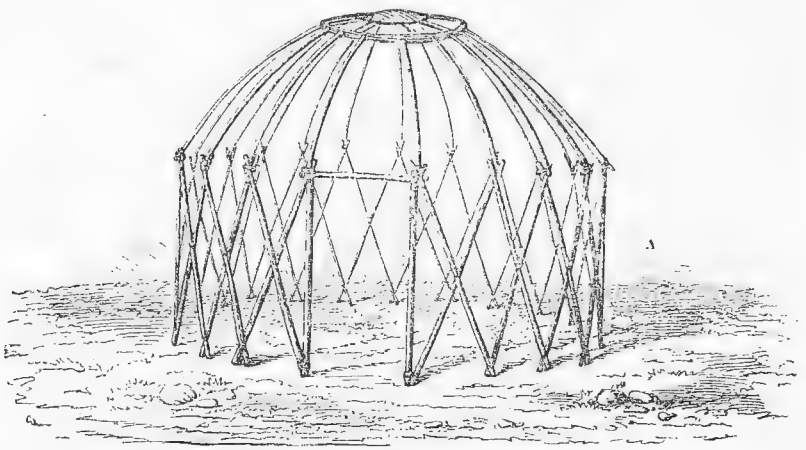
Мало-по-малу хорошая трава стала исчезать, мѣстность становилась пустыннѣе, и несчастныя лошади и верблюды находили мало корма. Стада рогатаго скота и табуны болѣе не встрѣчались. Казалось, что тутъ могли прокормиться только бараны и верблюды. 29-го августа Мичи въ первый разъ раскинулъ палатку въ мѣстности, близъ которой не было видно шатровъ. Поэтому никто не посѣтилъ его, между тѣмъ какъ до того времени къ его монгольскимъ спутникамъ

со всѣхъ сторонъ сбѣгались сосѣди, съ которыми, по мѣстному обычаю и этикету гостепріимства, приходилось бесѣдовать, отчего въ теченіе ночи едва удавалось поспать нѣсколько часовъ. Такимъ образомъ, можно было вздремнуть лишь во время странствованія, потому что варка кушанья и раскидываніе шатра также отнимали много времени. Чтобы избавиться отъ труда устанавливать собственную палатку, путешественники нерѣдко отправлялись въ ближайшую юрту, въ которой готовили себѣ ужинъ или завтракъ.

Юрта простое жилище монголовъ, которое на ихъ языкѣ называется гирай. Этотъ шатеръ существенно отличается отъ дорожнаго или майчунга. Гирай состоитъ изъ рѣшетчатаго деревяннаго остова, покрытаго войлокомъ. Такое сооруженіе кругло и имѣетъ коническую, довольно плоскую крышу съ отверстіемъ для дыма. Отверстіе на ночь закрывается. Посреди юрты горитъ костеръ аргала, который на ночь гасятъ. Боковыя стѣны юрты имѣютъ вышину немного болѣе 5-ти футовъ. При входѣ въ юрту надобно наклониться, потому что дверь состоитъ только изъ висящаго куска войлока. Весь гирай имѣетъ около осьми шаговъ въ поперечникѣ. У монголовъ нѣтъ постели; они спятъ въ одеждѣ и закрываются нѣсколькими одѣялами. Если ночь холодная, то въ юрту, которая и безъ того очень тѣсна, помѣщаютъ еще ягнятъ. Когда въ окрестности съѣдена вся трава, монголы складываютъ свою хижину, взваливаютъ ее на спину верблюда и отправляются на лучшее пастбище.

Монголъ, такъ сказать, сросся съ юртою. Безъ нея онъ не можетъ существовать. Даже въ Ургѣ, гдѣ довольно дерева для постройки домовъ, онъ все-таки остается въ юртѣ, которую окружаетъ досчатымъ заборомъ. На всемъ своемъ длинномъ пути Мичи не нашелъ ни одного монгола, живущаго въ домѣ. Съ приближеніемъ къ ихъ юртѣ и при вступленіи въ нее необходимо соблюдать опредѣленный этикетъ. Такимъ образомъ, не должно входить въ юрту съ кнутомъ. Вступленіе человѣка съ кнутомъ въ шатеръ считается же-

стокимъ оскорбленіемъ. Къ двери подходятъ также по опредѣленному правилу, къ которому Мичи никакъ не могъ пріучиться. Предъ юртою обыкновенно лежатъ веревки, прикрѣпленныя къ кольямъ и служащія для привязыванія скота. Чрезъ или вокругъ нихъ должно ходить извѣстнымъ образомъ. Если при своемъ приближеніи къ юртѣ Мичи не удавалось идти надлежащимъ образомъ, то ему отказывали въ гостепріимствѣ, не смотря на обычное привѣтствіе: „Мендо! мендо!“ Такіе обычаи проистекаютъ изъ суевѣрія монголовъ.



Остовъ юрты.

Устройство юрты самое первобытное. Неподвиженъ одинъ очагъ посреди палатки, все же остальное состоитъ изъ движимаго имущества. Главную домашнюю утварь составляютъ сковороды, чугунники, горшки для варки баранины, нѣсколько чашекъ и кружекъ для храненія молока и деревянныя чашки, ей-иги, которыя монголы носятъ съ собою на груди. Сверхъ того, монголъ имѣетъ при себѣ ножъ для разрыванія баранины. Платье всего семейства хранится въ деревянномъ сундукѣ. Столы и стулья для монгола столько же излишнія вещи, какъ и умывальникъ. Онъ лежитъ и сидитъ на нѣсколькихъ войлокахъ, разложенныхъ на землѣ.

До сихъ поръ путешествіе было довольно благопріятно, но теперь одна невзгода послѣдовала за другою. Никто не смѣлъ отлучаться отъ каравана, чтобы не потеряться. Должно замѣтить, что вообще путешествуютъ по дорогѣ, протоптанной верблюдами и довольно замѣтной даже въ пескѣ. Зимой такая дорога, конечно, заносится снѣгомъ, но и тогда монголы умѣютъ отыскать ее.

Внезапно сильный сѣверный вѣтеръ съ дождемъ подулъ прямо въ лице нашимъ путешественникамъ. Они зябли и не могли обогрѣться подъ войлокомъ въ повозкѣ, притомъ терпѣли жажду, потому что не имѣли ни воды, ни молока. Въ одной юртѣ этому горю, однако, помогли. Затѣмъ верблюды опять обратили морды противъ вѣтра и быстро пошли посреди бурной ночи. Когда прекращался дождь, сильный вѣтеръ наносилъ столбомъ песокъ. Ко всѣмъ этимъ невзгодамъ еще издохъ одинъ верблюдъ, съ котораго пришлось снять грузъ и переложить на другихъ, уже и безъ того очень обремененныхъ животныхъ. Что подобныя несчастія случались также съ другими путешественниками, свидѣтельствовали побѣлѣвшіе скелеты верблюдовъ, валявшіеся на дорогѣ. Животныя несутъ взваленный на нихъ грузъ, пока могутъ, а затѣмъ падаютъ и издыхаютъ. Мертвыхъ животныхъ оставляютъ на дорогѣ, которая и обозначается ихъ костями. Мѣстность, гдѣ остановились наши путешественники, называется Минганъ и бѣдна травою; отчего тамъ рѣдко встрѣчаются юрты.

На этомъ мѣстѣ стоянки къ ламѣ пришло много посѣтителей, и онъ тотчасъ началъ переговариваться съ ними при помощи пальцевъ подъ рукавомъ. Дѣло шло у нихъ о продажѣ больнаго верблюда. При подобнаго рода сдѣлкахъ бутылка обходитъ монголовъ весьма дѣятельно, и явившійся большой сосудъ самшу, или рисовой воды, скоро опоражнивается. Въ короткое время стало замѣтнымъ дѣйствіе этого напитка, обнаружившееся весьма непріятно. Большая часть собутыльниковъ начала покачиваться, и одинъ изъ нихъ упалъ

на полку палатки и переломилъ ее. Спутники окружили его, сѣтуя не о товарищѣ, а о сломанной полкѣ, которую въ этой мѣстности, бѣдной деревомъ, замѣнить трудно. Хотя пьяный не могъ болѣе стоять на ногахъ, его, однако, посадили на лошадь и дали ему въ руки поводья, и онъ уѣхалъ. Казалось, лошадь замѣтила состояніе всадника, понеслась во весь опоръ и сбросила его. Добрые пріятели поймали коня и привязали его близъ хозяина, котораго оставили всю ночь на открытомъ воздухѣ. Такъ какъ всѣ перепились, то лама не могъ окончить дѣла и сожалѣлъ объ истраченномъ имъ самшу и о сломанной полкѣ.

Монголы плохіе пѣшеходы, но отличные всадники. Съ ранней молодости они уже ѣздятъ верхомъ, и въ этомъ отношеніи женщины нисколько не уступятъ мужчинамъ, потому что превосходно ѣздятъ на неосѣдланныхъ лошадяхъ, волахъ и верблюдахъ.

Въ первый день сентября караванъ достигъ степи Гуншандака, гдѣ нѣтъ никакаго слѣда травы. Впрочемъ, здѣсь растетъ много дикаго лука, линейные листья котораго весьма походятъ на траву. Это растеніе встрѣчалось путешественникамъ и раньше, но здѣсь оно росло чрезвычайно обильно. Овцы и верблюды охотно ѣдятъ лукъ, и лошади не презираютъ его. Мясо рогатаго скота пріобрѣтаетъ отъ этого корма запахъ лука. Мичи раскинулъ тутъ свою палатку и купилъ у сосѣднихъ монголовъ за 2 руб. барана. Хотя у этого народа все обмѣнивается на кирпичный чай, тѣмъ не менѣе они очень хорошо знаютъ серебряныя деньги и охотно берутъ ихъ.

Барана надобно было зарѣзать. Такъ какъ монголы, сопровождавшіе Мичи, уже занимались разрѣзываніемъ козы, то онъ обратился къ продавцамъ съ просьбою убить животное. Когда же они рѣшительно отказались отъ этого, Мичи объяснилъ, что онъ священнослужитель и поэтому не смѣетъ умерщвлять животное.

— Значитъ, ты лама? Это дѣло другое! сказали они.

Послѣ того они немедленно принялись за работу, очень ловко вонзили ножъ въ животъ, подъ грудною костью, вслѣдствіе чего баранъ тотчасъ издохъ, а кровь почти вся осталась въ его тѣлѣ. Сниманіе кожи продолжалось лишь нѣсколько минутъ. Барана опрокинули на спину и, отдѣливъ кожу отъ тѣла, разложили ее на землѣ, причемъ ее не сняли со спины. Такимъ образомъ растянутая кожа служила столомъ, на которомъ барана разрѣзали на части, вслѣдствіе чего на мясо не могло попасть песку. Монголы превосходно знаютъ анатомію барана и поэтому отдѣляютъ каждую его часть очень легко, пользуясь только небольшимъ ножемъ. Кровь собираютъ въ глубокую сковороду, тагу, и варятъ, смѣшивая съ мукою или просомъ. Приготовленіемъ такого пуддинга обыкновенно занимаются женщины. Монгольскій баранъ вообще очень тощъ и имѣетъ лишь чрезвычайно жирный хвостъ, вѣсомъ иногда до 10 фунтовъ. Внутренности и мясо бросаютъ въ котелъ, гдѣ вода едва покрываетъ ихъ, и быстро отвариваютъ. Затѣмъ одинъ изъ членовъ общества засовываетъ руку въ котелъ, очень ловко, не обжигаясь вытаскиваетъ одинъ кусокъ за другимъ и раздѣляетъ ихъ большими долями между присутствующими. Зрѣлище монголовъ, пожирающихъ барана, возбуждаетъ въ просвѣщенномъ европейцѣ отвращеніе. Засунувъ въ зубы длинную полосу мяса, они отрѣзываютъ ее кусокъ за кускомъ у самаго рта и съѣдаютъ баранину безъ соли, хлѣба или похлебки. Въ заключеніе оскабливаютъ кости и разламываютъ ихъ, чтобы достать мозгъ. Всего важнѣе у барана хвостъ. Этотъ лакомый кусокъ получаетъ лама или почетный гость, который великодушно раздѣляетъ его между присутствующими.

Когда мясо съѣдено, монголы вытираютъ маленькіе свои ножи объ одежду и прячутъ ихъ; послѣ этого хлебаютъ мясной отваръ, къ которому иногда прибавляютъ немного проса, черпая маленькими деревянными чашками. Когда уничтоженъ весь такой супъ, въ жирномъ котлѣ варятъ кирпичный чай.

Монголъ предпочитаетъ жирное мясо, причемъ покоряется непроизвольно инстинкту, такъ какъ жиръ долженъ замѣнять ему недостатокъ мучной пищи. Онъ находится въ такомъ же положеніи, какъ эскимосъ, который, по климатическимъ условіямъ, не можетъ воздѣлывать земли и потому замѣняетъ хлѣбъ ворванью. Во всякомъ случаѣ, желудокъ монгола столь же вмѣстителенъ, какъ у любаго лютаго звѣря. Монголы ѣдятъ, когда могутъ, и голодаютъ въ случаѣ нужды, что́ нисколько не разстроиваетъ ихъ пищеваренія. Въ этомъ отношеніи они походятъ на верблюдовъ, такъ какъ тѣ также обладаютъ дорогою способностью голодать. Монголы, сопровождавшіе Мичи, послѣ своего отъѣзда изъ Калгана ни разу не ѣли хорошенько, но семь дней постились и притомъ мало спали. Тѣмъ яростнѣе они бросились на козу, которою наѣлись опять на цѣлую недѣлю.

Въ пустынной степи Гуншандака Мичи видѣлъ только двѣ юрты. Его весьма озабочивали верблюды, потому что у многихъ показались раны. Значительный грузъ продавилъ у нихъ мясо до самыхъ реберъ, и въ гноящихся мѣстахъ завелись черви, которыхъ монголы выскабливали щепкой. Животныя, казалось, не страдали отъ этого. Когда они спокойно паслись, то на нихъ садились вороны и выклевывали червей изъ ранъ. Лошади также ослабѣли, и надобно было чѣмъ-нибудь помочь животнымъ. Ни одинъ караванъ не встрѣчался съ путешественниками, и лишь мѣстами попадались повозки съ дровами, запряженныя быками и сопровождаемыя собаками. Монгольскія собаки той же самой породы, какъ и китайскія, но нѣсколько крупнѣе и волосистѣе. Объ ихъ прокормленіи хозяева заботятся мало, тѣмъ не менѣе онѣ отлично служатъ имъ.

Мичи чрезвычайно удивился тому, какъ легко монголы узнавали мѣстности въ степи. Послѣ ночнаго путешествія, на другое утро, они весьма точно опредѣляли, гдѣ именно находятся. Имъ не нужно было никакихъ дорожныхъ столбовъ и указокъ, чтобы отыскать извѣстный колодезь. Какой-то

особенный инстинктъ, которымъ они въ высокой степени одарены природою, руководитъ ихъ совершенно вѣрно. Подобнымъ же образомъ, китайскіе судовщики посреди ночи и въ густой туманъ совершенно самоувѣренно плаваютъ вдоль опасныхъ береговъ. Просвѣщенный человѣкъ въ подобныхъ случаяхъ вынужденъ замѣнить такой инстинктъ искусственными средствами; но кочующій народъ изощряетъ свои чувства безпрерывнымъ упражненіемъ, потому что только при ихъ содѣйствіи добываетъ себѣ насущный хлѣбъ.

У одной скалы, гдѣ протекалъ небольшой ручеекъ, путешественники увидѣли необычайную рѣдкость: нѣсколько маленькихъ, весьма уродливыхъ деревъ. Здѣсь былъ весьма обиленъ лукъ вмѣстѣ съ степною травою, что́ составляло признакъ улучшенія мѣстности.

7-го сентября Мичи достигъ обѣтованной земли въ пустынѣ, хорошо орошаемой травянистой равнины Цаганъ-Тугуркъ, которая вся усѣяна юртами и многочисленными стадами, и гдѣ находилась родина ламы Тупчуна. Прежде, нежели путешественники дошли до этого оазиса, Теллигъ уже очень много наговорилъ о зумѣ, или монгольскомъ храмѣ, который находится тамъ. Это небольшое красивое каменное зданіе, самый маленькій храмъ, какой Мичи случалось видѣть. Ламы съ большою готовностію показали ему это зданіе, внутри котораго было много пыли. Храмъ наполненъ матеріяломъ для постройки юртъ, что́, конечно, не дастъ особенно благопріятнаго понятія объ уваженіи къ нему. Ламы вытащили нѣсколько старыхъ бронзовыхъ трубъ, похожихъ на китайскія, и принялись играть на нихъ. Концертъ, однако, не удавался: чѣмъ сильнѣе жрецы дули въ трубы, тѣмъ больше изъ нихъ вылетало пыли и тѣмъ меньше издавалось звуковъ.

Тутъ же Мичи познакомился съ однимъ молодымъ и очень умнымъ монголомъ, Халцундорики, который хорошо умѣлъ писать и читать по-монгольски и тангузски и вообще былъ хорошо воспитанъ, хотя не считался ламою. Съ утра

до поздняго вечера онъ оставался у Мичи и съ большою готовностью исполнялъ различныя порученія: приносилъ аргалы, разжигалъ огонь, мылъ посуду и водилъ лошадей на водопой.

Особенно полезенъ онъ былъ тѣмъ, что разгонялъ множество своихъ земляковъ воровъ, которые сходились со всѣхъ сторонъ; затѣмъ онъ, сколько могъ, училъ Мичи по-монгольски. Являющіеся туземцы просили сухарей, водки и пустыхъ бутылокъ. Требованія ихъ становились все настоятельнѣе, и они безпрерывно осаждали палатку Мичи. Если бы онъ уступалъ ихъ просьбамъ, ему пришлось бы лишиться всѣхъ своихъ запасовъ. Оттого онъ сталъ прибѣгать къ различнымъ забавнымъ средствамъ, чтобы избавиться отъ навязчивости монголовъ. Напримѣръ, требовавшимъ водки, онъ давалъ отвѣдать горькаго портеру, тогда монголы морщились и отходили, покачивая головой. Пустыя бутылки выдавались только за какую-нибудь услугу. Одна старая вѣдьма потребовала водки слѣдующимъ образомъ: „Ты лама, и я также лама, значитъ, мы братъ и сестра, и наши сердца имѣютъ сочувствіе, оттого ты долженъ подарить мнѣ бутылку вина.“ Когда Мичи отказалъ ей, она стала требовать настоятельнѣе. Чтобы избавиться отъ нея, Мичи далъ ей немного крѣпкаго спирту, которымъ старуха обожгла себѣ языкъ и тотчасъ же исчезла, страшно корчась.

Оказалось также, что нѣкоторыя вещи были украдены. Разсерженный этимъ, Мичи собралъ нѣсколько ламъ, чтобы заклинаніемъ отыскать вора. При этомъ употребляли книги, звонки и свѣчи, читали молитвы и пили вино. На другой день одинъ лама объявилъ, что вора открыли, но нѣтъ никакой возможности изловить его и получить украденное.

Монголъ, прозванный китайцемъ, находился нѣсколько дней въ отсутствіи, отыскивая убѣжавшую лошадь, причемъ онъ лишился верблюда. Тутъ онъ покинулъ караванъ. Оттого наняли другаго ламу, умѣвшаго немного говорить по-китайски, почему его и прозвали ламою-китайцемъ. Утомленныхъ верблюдовъ замѣнили другими, плотные горбы которыхъ сви-

дѣтельствовали о полнотѣ ихъ тѣла и силѣ. Освѣжившись такимъ образомъ, караванъ могъ выѣхать изъ травянистой равнины Цаганъ-Тугуркъ.

Мичи миновалъ нѣсколько соляныхъ равнинъ, отчасти съ водою, а отчасти сухихъ и покрытыхъ слоемъ соли. На ихъ краю растутъ темнозеленыя соляныя травы, охотно пожираемыя верблюдами. Затѣмъ слѣдуетъ болотистая почва, по которой верблюды, по строенію своихъ ногъ, не могутъ ходить. Одинъ караванъ уже засѣлъ въ болотѣ, и поэтому предводитель каравана Мичи сдѣлалъ большой кругъ, чтобы обойти болото. По другую его сторону находился также караванъ болѣе чѣмъ въ 60 верблюдовъ. Онъ шелъ изъ Кяхты и отправился въ Пекинъ на счетъ китайскихъ купцевъ. Два чрезвычайно веселые парня китайца стерегли товаръ, и Мичи завелъ съ ними довольно продолжительный разговоръ, преимущественно о состояніи дороги и о мѣстностяхъ, гдѣ можно кормить скотину. Путешественники-китайцы обыкновенно лгутъ и говорятъ что ни попало, утверждая, напримѣръ, что погода прекрасная, когда дождь льетъ ливнемъ.

Въ совершенно безлюдной пустынѣ Таріаги опять остановились у мутной лужи. Монголы напились воды, очень богатой известью, какъ ни въ чемъ не бывало, между тѣмъ европейцы не могли бы взять ея въ ротъ. Ночью пошли далѣе. Но нѣкоторыя животныя разбѣжались, и потому ихъ принялись искать съ калганскими фонарями. Всѣ старанія оказались, однако, безуспѣшными. Было совершенно темно; не смотря на то, монголы знали, какъ взяться за дѣло. Они бросились на землю и стали осматривать горизонтъ, пока не замѣтили на совершенно плоской равнинѣ неясные очерки животныхъ.

Далѣе слѣдуютъ степи Баутинъ-Тола и Саинъ-Кутулъ. За этою степью къ каравану присоединился русскій курьеръ, который ѣхалъ на верблюдѣ и былъ лама. Обыкновенно курьеры ѣдутъ на перемѣнныхъ лошадяхъ. Курьеръ, говорившій по-русски, принялъ англичанина за русскаго, потому

Почта въ степи Гоби.

что не зналъ никакихъ другихъ европейцевъ, кромѣ русскихъ. По понятіямъ монголовъ, ихъ страна находится въ серединѣ земли, которая съ одной стороны кончается Китаемъ, а съ другой — Россіею.

Почтовое сообщеніе въ Монголіи русскіе поручаютъ большею частью ламамъ, которые охотно странствуютъ. Съ перемѣнными лошадьми они совершаютъ путешествіе отъ Калгана до Кяхты, значитъ, около 1,120 верстъ въ 10 или 12 дней. Если эти курьеры поспѣшатъ, то могутъ проѣхать то же самое пространство въ 6 дней. Но они вовсе не спѣшатъ, а спокойно останавливаются у всякой юрты, благословляютъ жителей, пьютъ чай и по часамъ болтаютъ со своими земляками. Три курьера проѣзжаютъ этотъ путь ежемѣсячно. Одного содержитъ русское правительство и отправляетъ въ Пекинъ, а двухъ другихъ китайскіе купцы посылаютъ въ Тьенъ-Цинь. Съ 17-го октября 1865 г. установлено почтовое сообщеніе между Кяхтою, Пекиномъ и Тьенъ-Циномъ. Почта отходитъ 4 раза въ мѣсяцъ. Простое письмо стоитъ только 30 коп.

Характеръ мѣстности измѣнялся лишь постепенно; стали появляться неправильныя возвышенія и трава. Путешественники миновали самую дурную часть дороги, и Мичи увидѣлъ передъ собою горы Улинъ-Дабы. Здѣсь дорога поднимается отъ 3,700 до 4,900 футовъ высоты въ глубокомъ, легко проходимомъ ущельѣ, которое открывается на сѣверѣ въ красивую долину. Тутъ все кипѣло жизнію, потому что живущіе тамъ монголы собирались переселиться на зимнія квартиры. Юрты снимали и нагружали на спину верблюдовъ или на простыя телѣги и угоняли стада овецъ и рогатаго скота. Кочевыя племена разсѣяны по всей пустынѣ и при наступленіи зимы отыскиваютъ болѣе защищенное мѣсто, чтобы имѣть достаточно травы въ теченіе грустнаго зимняго времени. Сѣверный вѣтеръ, предвѣщающій приближеніе зимы, всегда приводитъ монголовъ въ ужасъ, и онъ дѣйствительно страшенъ. Каковъ же онъ въ январѣ! Такой хойнаръ-салхинъ

является внезапно. При теплой, ясной погодѣ показывается облако, изъ котораго падаетъ нѣсколько капель, но немедленно вслѣдъ затѣмъ дуетъ очень холодный вѣтеръ, и въ нѣсколько часовъ тропическій климатъ обращается въ полярный.

При такомъ вѣтрѣ Мичи достигъ степи Гунту-Гулу. Мимо него шли въ Китай безконечныя вереницы повозокъ, запряженныхъ быками. Одинъ изъ этихъ обозовъ состоялъ изъ ста или двухъ сотъ повозокъ, слѣдовавшихъ одна за другою непрерывной цѣпью. Колокольчики, повѣшенные на шею животныхъ, производятъ особенный звонъ, который далеко раздается по степи. Тутъ съ нашими путешественниками случилось происшествіе, которое могло имѣть важныя послѣдствія, но, къ счастію, окончилось благополучно и лишь на короткое время задержало ихъ. Мичи имѣлъ въ повозкѣ заряженныя ружья. Одно изъ нихъ случайно выстрѣлило, и пуля пролетѣла сквозь постель и заднюю стѣнку повозки вдоль всего каравана до ушной мочки старшаго ламы. Къ несчастію, уши монголовъ далеко отстоятъ отъ головы и у бѣднаго ламы не представляли исключенія въ этомъ отношеніи. Когда подстрѣленный замѣтилъ на себѣ кровь, онъ сталъ страшно ревѣть, считая себя почти убитымъ. Караванъ долженъ былъ остановиться. Раскинули палатки; не смотря на ничтожность поврежденія, монголы чрезвычайно взволновались. Когда рану промыли арникой и заклеили англійскимъ пластыремъ, перепуганный лама отказался продолжать путешествіе и съ трепетомъ легъ, утверждая, что у него болитъ голова, шея и грудь, и что ему необходимы дальнѣйшія врачебныя пособія, въ которыхъ Мичи и не отказалъ. Сначала путешественникъ приказалъ ему выпить стаканъ водки: которую больной проглотилъ съ жадностью; затѣмъ монголъ принялся пить чай, и, когда вслѣдствіе этого опять оживился, ему захотѣлось баранины, которую ему и подали. Трубка табаку закончила леченіе, и на другой день караванъ опять тронулся.

Степь, по которой теперь путешествовалъ Мичи, чрезвычайно богата сурками и пищухами. Мы ознакомимся съ этими

четвероногими позднѣе, при описаніи Даурской степи, прилегающей на сѣверо-востокѣ къ Гоби. 17-го сентября утромъ Мичи замѣтилъ первый ледъ, и съ этого дня морозъ не прекращался во все время его путешествія.

22 дня онъ уже находился въ Монголіи и привыкъ къ степной жизни. Ничто не прерывало однообразія ландшафта, ни одной башни или гостиницы, ни одного верстоваго столба! Различныя сбивчивыя названія мѣстностей тамъ ничѣмъ не характеризуются и могутъ быть приданы любому мѣсту, какъ въ океанѣ. Въ самомъ дѣлѣ, степь повсюду одинакова. Наскучившись такимъ однообразіемъ, Мичи вздыхалъ о Кяхтѣ, какъ еврей о Ханаанѣ. Но до Кяхты ему надобно было проѣхать еще чрезъ монгольскій городъ Ургу.

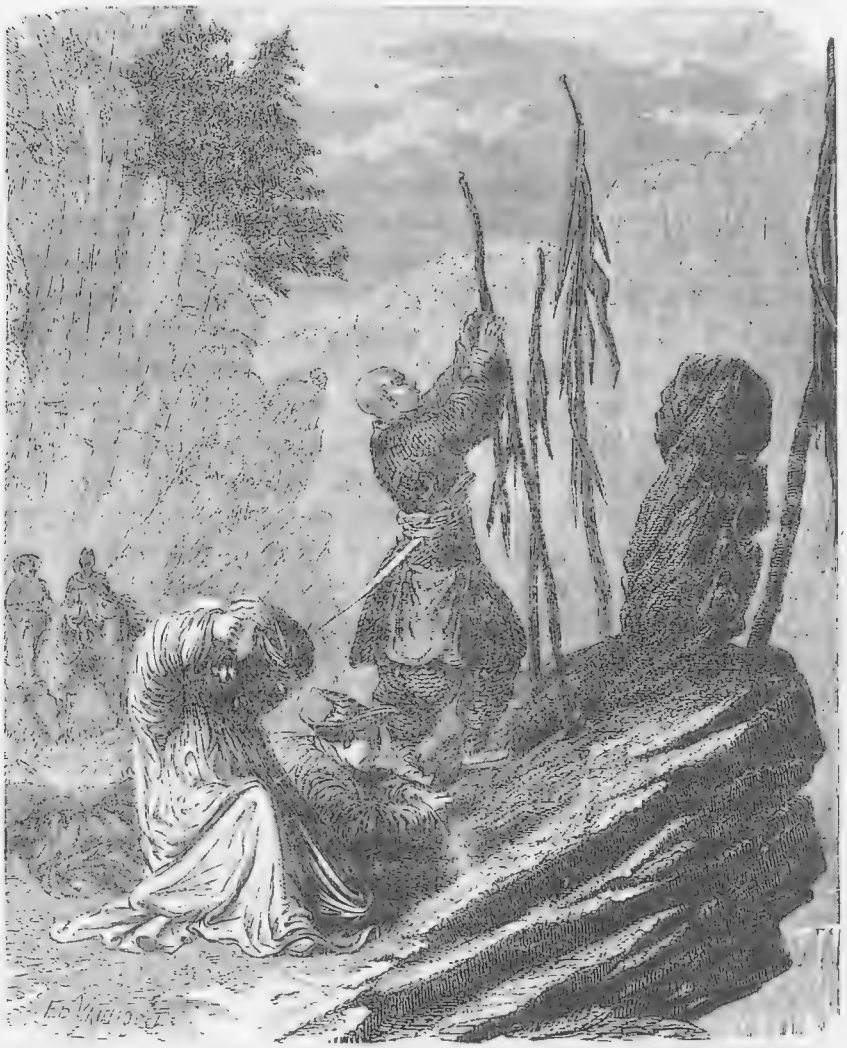
Однажды къ каравану присоединился молодой богомолецъ-лама, который учился въ большомъ монастырѣ въ Ургѣ. Это былъ еще мальчикъ, но онъ совершилъ пѣшкомъ путешествіе въ 300 или 450 верстъ. Кромѣ одежды, онъ не имѣлъ ничего, за исключеніемъ нѣсколькихъ лоскутковъ пожелтѣвшей бумаги, исписанной молитвами и рачительно хранимой между двумя дощечками. У него не было съ собою ни съѣстныхъ припасовъ, ни денегъ, потому что онъ вполнѣ полагался на гостепріимство и милосердіе земляковъ. Когда европейскіе путешественники выразили удивленіе, что 15-лѣтній мальчикъ столь отважно предпринялъ такое путешествіе, монголы отвѣчали ему, что это дѣло совершенно обыкновенное. Молодой богомолецъ могъ теперь продолжать странствованіе совершенно удобно, потому что, присоединившись къ каравану, онъ считался его членомъ. Этотъ мальчикъ какъ бы свалился съ неба, потому что его нашли въ палаткѣ, не замѣтивъ, какъ онъ вошелъ въ нее. Мичи прозвалъ его пага-лама, т. е. маленькій лама. За нѣсколько дней, когда было еще жаркое лѣто, мальчикъ этотъ вышелъ изъ юрты своей матери, а теперь была уже зима. Въ Монголіи нѣтъ осени и весны, и несчастный ребенокъ былъ въ чрезвычайно тонкой одеждѣ. Оттого погонщикъ верблюдовъ далъ ему теплую одежду, а

такъ какъ у бѣдняка изъ разорванной обуви выглядывали пальцы, то ему позволили ѣхать на верблюдѣ, за что́ молодой лама былъ весьма благодаренъ.

Послѣ продолжительнаго странствованія по пустынѣ, путешественники увидѣли предъ собою неожиданное зрѣлище. Они пришли къ мѣсту, гдѣ дорога какъ бы внезапно прерывалась, потому что вдругъ спускалась по крутизнѣ, подъ которой открывалось поразительно величественное зрѣлище. На равнинѣ поднимался амфитеатромъ островъ горныхъ хребтовъ, взгроможденныхъ одинъ на другой, какъ волны бурнаго моря. Между ними виднѣлись многіе холмы, поросшіе лѣсомъ. Это зрѣлище доставляло путешественникамъ особенное наслажденіе, потому что они вовсе не ожидали его и увидѣли впервые послѣ продолжительнаго странствованія по пустынѣ. Склонъ къ долинѣ былъ крутъ и имѣлъ въ вышину около 500 фут. На его вершинѣ находился обонъ, или монгольскій алтарь, состоящій лишь изъ кучи камней. Такихъ обоновъ въ Монголіи много, они высоко почитаются кочевыми племенами и имѣютъ суевѣрно-религіозное значеніе. Каждому путешественнику вмѣняется въ обязанность положить на него камень для его увеличенія. Лама, сопровождавшій Мичи, по лѣни не хотѣлъ слѣзть, чтобы сыскать камень. Онъ ограничился тѣмъ, что вырвалъ изъ горба верблюда клочекъ волосъ и, произнося молитву, бросилъ его на воздухъ, предоставляя вѣтру донести шерсть до обона.

Монголы весьма боятся злыхъ духовъ и вѣруютъ въ существованіе цѣлаго легіона. ихъ Они никогда не говорятъ легкомысленно о *чудгурѣ*, или своемъ чертѣ, такъ что въ этомъ отношеніи не походятъ на китайцевъ. Впрочемъ, хотя монголы и приписываютъ діаволу всѣ свои несчастія, которыя можно отвратить лишь молитвами ламы, они все-таки не полагаютъ, чтобы его можно было увидѣть. Когда Мичи начиналъ подсмѣиваться надъ чертомъ монголовъ, они всегда казались испуганными.

Въ умственномъ отношеніи монголы стоятъ не на высокой степени. Жизнь въ обширныхъ пустынныхъ простран-



Монгольскій обонъ.

ствахъ внутренней Азіи и удаленіе отъ всѣхъ просвѣщенныхъ племенъ неизбѣжно обусловливаютъ ихъ невѣжество.

Единственное ихъ стремленіе заключается въ пріобрѣтеніи большаго стада. Если у нихъ есть вдоволь травы для стада и достаточно барановъ для удовлетворенія голода, то они совершенно довольны, живутъ беззаботно и не волнуются никакими мыслями. Конечно, это весьма низкая форма земнаго существованія и болѣе напоминаетъ жизнь животнаго, нежели человѣка. Монголы не знаютъ различныхъ умственныхъ возбужденій, имѣющихъ существенное значеніе въ жизни просвѣщенныхъ народовъ, почему умственныя и нравственныя ихъ качества находятся на весьма низкой степени. При такихъ условіяхъ суевѣріе распространяется между монголами весьма легко и вполнѣ предаетъ ихъ власти духовенства.

Люди, которые дни и ночи проводятъ въ одиночествѣ и видятъ предъ собою только пустынную степь и голубой сводъ неба, мало или вовсе не заботятся объ остальномъ мірѣ. Даже въ просвѣщенной Европѣ пастухи, проводящіе одинокую жизнь на лугахъ, весьма склонны къ представленіямъ таинственнаго, населяютъ воздухъ духами и становятся суевѣрными. Слѣдовательно, нечего удивляться, что монголы, при ихъ уединенномъ образѣ жизни, создали міръ демоновъ, которые навѣваютъ на нихъ бурные вѣтры и подвергаютъ различнымъ невзгодамъ. Кого сынъ степей считаетъ понимающимъ эти таинства, того онъ глубоко почитаетъ. Вотъ почему монголы боятся ламъ и благоговѣютъ передъ ними безгранично.

Монголы — буддисты, но только по имени, потому что сущность этой религіи мало понимается и простолюдинами, и жрецами. Ламы машинально бормочутъ молитвы, не понимая тибетскаго языка, на которомъ онѣ написаны. Оттого вѣру монголовъ слѣдовало бы лучше назвать ламайствомъ, потому что она состоитъ только изъ объясненія философскихъ вопросовъ, высказываемаго каждымъ ламою по-своему, совершенно безъ системы. Обыкновенно жрецъ нисколько не заботится о высшихъ вопросахъ, если только его мѣшекъ наполненъ пожелтѣвшими богословскими сочиненіями, гдѣ означены всѣ

18 адовъ и 26 небесъ. Писанная служба составляетъ для него средство, которымъ онъ вліяетъ на весь народъ. Чѣмъ длиннѣе молитва, тѣмъ она считается у ламъ дѣйствительнѣе. Чтобы, однако, избавить себя отъ чтенія такихъ длинныхъ молитвъ, усердные ламы укрѣпляютъ ихъ къ молитвенному колесу, которое приводится ими въ движеніе. Еще болѣе облегчается трудъ, если къ молитвенному колесу придѣлываются крылья, и оно вслѣдствіе этого вращается, какъ вѣтряная мельница. Пока вертится полоса бумаги съ молитвою, она и производитъ свое дѣйствіе, въ чемъ не сомнѣвается ни одинъ монголъ. Одна изъ такихъ молитвъ, въ буквальномъ переводѣ, читается такъ: „Охрани меня и всѣхъ людей отъ гнѣва короля, отъ разбойниковъ, отъ огня и воды, отъ утратъ, отъ враговъ, отъ голода; охрани меня отъ молніи, отъ скоропостижной смерти, отъ землетрясенія, отъ наказанія королей и отъ лютыхъ звѣрей.“

Во всѣхъ религіозныхъ представленіяхъ монголовъ преобладаетъ матеріяльное. Преимущественно они молятся о предохраненіи себя отъ различныхъ невзгодъ и о достиженіи земныхъ благъ; мысль о вѣчной жизни имѣетъ у нихъ второстепенное значеніе. Лама, который есть посредникъ въ исполненіи молитвы, считается священной особой. Куда онъ ни придетъ, его принимаютъ съ открытыми объятіями и удѣляютъ ему въ юртѣ почетное мѣсто. Каждое семейство считаетъ за честь посвятить, по крайней мѣрѣ, одного изъ своихъ членовъ духовному званію. Большею частью, ламою становится второй сынъ, который съ ранняго дѣтства занимаетъ въ семействѣ почетное мѣсто. Какъ скоро мальчикъ въ состояніи сидѣть со скрещенными ногами, онъ занимаетъ въ кругу семьи почетное мѣсто, и родители оказываютъ ему величайшее почтеніе. При первой возможности, его отправляютъ въ монастырь, для обученія тибетскому языку. Когда миновала пора ученія, лама возвращается къ своимъ родственникамъ и къ племени и считается великимъ человѣкомъ. Если родственники бѣдны, и ему невозможно пропитаться

получаемыми отъ нихъ подарками и вынуждаемыми дарами, то онъ поступаетъ, какъ всѣ остальные монголы, т. е. становится скотоводомъ. Впрочемъ, многіе отказываются отъ такого рода жизни и бродятъ по всей Монголіи, заходя въ шатры и обирая ихъ обитателей.

При могуществѣ ламъ и вліяніи, которое они имѣютъ на своихъ земляковъ, христіанскимъ миссіонерамъ, нерѣдко посѣщавшимъ Монголію, не было никакой возможности обращать жителей въ христіанство. Лама, такъ сказать, укоренился въ семействѣ, чему не мало способствовало и то, что онъ не только лице духовное, но и врачъ. Именно въ медицинской практикѣ высказывается шаманство монгольской религіи, еще не вытѣсненное буддизмомъ. Лама лечитъ людей и скотину, возстановленіе здоровья которой для монгола нерѣдко важнѣе выздоровленія иного больнаго родственника, какъ напр. старца или ребенка. Лама предотвращаетъ также будущія невзгоды. Скотину предохраняютъ отъ грозы пожертвованіемъ лошади, а такъ какъ богъ грозы любитъ преимущественно бѣлыхъ и буланыхъ лошадей, то лама всего охотнѣе беретъ коней такой масти. Лошадь привязывается къ палаткѣ хозяина; затѣмъ лама становитъ ей на спину чашку съ молокомъ и начинается церемонія, послѣ которой лошадь отвязываютъ. При первомъ движеніи чашка съ молокомъ опрокидывается и проливается на животное, которое считается послѣ этого священнымъ. Никто не смѣетъ пользоваться имъ, а если оно издыхаетъ, то ему срѣзываютъ гриву и хвостъ, которые привязываютъ къ хвосту другихъ лошадей, считающихся тогда также священными.

Когда Мичи выѣхалъ въ долину, пошелъ рѣдкій, но крупный дождь. Монголами овладѣлъ страхъ, потому что дождь идетъ у нихъ рѣдко, и они боятся сырости, какъ куры.

— Дождь идетъ! закричали они и пришлись ставить палатки.

Прежде, нежели они успѣли окончить это дѣло, дождь лился уже потокомъ и промочилъ путешественниковъ до кос-

тей. При такихъ обстоятельствахъ нечего было и думать о продолженіи путешествія. Къ довершенію несчастія, промокшіе аргалы не загорались. Мичи сидѣлъ въ палаткѣ, дрожа отъ холода, и, наконецъ, рѣшился разрубить старый ящикъ, чтобы развести огонь.

На другое утро земля была повсюду покрыта снѣгомъ. Не смотря на то, пустились въ путь къ горамъ Цаганъ-Дипси. Цаганъ значитъ бѣлый и названіе это дано горамъ весьма удачно, потому что онѣ покрыты снѣгомъ и по бѣлизнѣ видны издалека. Лишь изрѣдка солнце проглядывало сквозь облака и согрѣвало окоченѣвшіе члены путешественниковъ, которые не могли выносить стужи ни на лошадяхъ ни въ повозкѣ и потому шли пѣшкомъ. Верблюды были совершенно бодры, потому что любятъ холодъ, и шли теперь гораздо веселѣе, чѣмъ въ жаркіе дни.

Чрезъ красивую долину рѣки Кулъ, впадающей въ Толлу или Туллу, Мичи вступилъ въ Цаганъ-Дипсійскія горы, поросшія здѣсь еловымъ и березовымъ лѣсомъ, въ которомъ летали голуби и сороки. Въ лѣсу нагружали деревомъ обозы быковъ, подобные тѣмъ, какіе столь часто встрѣчались на пути. Кромѣ обыкновенныхъ быковъ, здѣсь встрѣчаются также длинношерстные, или яки. Это косматое животное водится здѣсь, какъ и въ Тибетѣ, и употребляется для перевозки тяжестей. Топленіе аргаломъ прекратилось, и онъ замѣнился дровами. Это уже было улучшеніе и признакъ просвѣщенія.

Когда Мичи завидѣлъ рѣку Туллу, опять поднялась страшная мятель, которой не могли противостоять ни животныя, ни люди. Пришлось снова раскинуть палатки, чтобы сколько-нибудь защититься отъ непогоды. Буря, однако, не смотря на свою силу, нисколько не мѣшала монголамъ, живущимъ вблизи, посѣтить путешественниковъ. По этому случаю Мичи узналъ, что Тулла выступила изъ береговъ и произвела весьма опустошительное наводненіе. Паромъ унесло, причемъ утонуло два человѣка и лошадь. Все это, конечно, было весьма неутѣшительно. Путешественники надѣялись скоро

добраться до города Урги и отдохнуть тамъ послѣ вынесенныхъ трудностей странствованія, а теперь имъ предстояло оставаться на открытомъ воздухѣ. Оттого шатры устроили какъ можно удобнѣе и, чтобы разогнать скуку, болтали съ монголами, которые забавлялись самыми пустыми, ребяческими шутками. Такъ напр. всѣ разражались громкимъ смѣхомъ, когда Мичи спрашивалъ ламу о здоровьѣ его супруги, потому что буддійское духовенство не вступаетъ въ бракъ.

Весьма многіе караваны раздѣляли судьбу нашихъ путешественниковъ, почему у береговъ Толлы собралось множество народа. Хотя монголы вообще считаются людьми честными, однако, при случаѣ охотно воруютъ, и потому надобно было ставить ночью стражу, которая не смѣнялась до самаго утра. Откровенный монголъ говоритъ, что онъ охраняетъ свою собственность отъ злыхъ людей, между тѣмъ какъ хитрый китаецъ утверждаетъ, что стража стоитъ лишь для охраненія людей отъ волковъ и тигровъ. Когда Теллигъ исполнялъ должность сторожа, онъ подходилъ къ палаткѣ Мичи и, если видѣлъ въ ней свѣтъ, то просовывалъ сквозь занавѣску голову, оставляя тѣло на открытомъ воздухѣ. Онъ вѣжливо просилъ позволенія выкурить трубку, потому что на открытомъ воздухѣ ее задуваетъ вѣтеръ. Послѣ того, онъ принимался болтать и разсказывалъ съ наивнымъ краснорѣчіемъ, что дома осталась любимая его жена и два мальчика 4-хъ и 2-хъ лѣтъ, которые составляютъ его гордость и радость. Юрта его находилась въ Цаганъ-Тугуркѣ, гдѣ онъ имѣлъ нѣсколько скотины. Между тѣмъ вѣтеръ завывалъ и колебалъ палатку, какъ парусъ.

20-го сентября утромъ было очень холодно. Мичи спустился къ рѣкѣ, чтобы на мѣстѣ убѣдиться, въ какомъ положеніи находятся ея берега. У воды было много жизни. Всадники разъѣзжали взадъ и впередъ между караванами, которые дожидались спада водъ. Монголы кричали, размахивали руками и давали другъ другу совѣты, которые, однако, ни къ чему не вели. Единственный паромъ уплылъ, а плотъ изъ

бревенъ нельзя было употребить, потому что Толла пѣнилась и шумѣла, какъ водопадъ, и была столь глубока, что доходила до подбородка человѣку. Дно рѣки покрыто круглыми голышами, затрудняющими переходъ даже при низкомъ уровнѣ воды. Слѣдовательно, путешественникамъ оставалось съ терпѣніемъ ждать и пока наслаждаться величественными видами. Долина Кула направляется здѣсь къ сѣверу и подъ прямымъ угломъ соединяется съ долиною Толлы, которая стекаетъ съ отдаленныхъ восточныхъ горъ, на всемъ своемъ протяженіи прикрыта ивами и кустарникомъ и становится открытою у Кула, гдѣ она какъ бы выступаетъ изъ отверстія. Горы въ окрестностяхъ Урги голы или покрыты, большею частью, жидкимъ лѣсомъ.

Подъ вечеръ вѣтеръ затихъ, и звѣзды ярко засверкали на ясномъ небѣ. На слѣдующій день солнце взошло на чистомъ голубомъ сводѣ. Воздухъ былъ спокоенъ, и земля подмерзла. Скотина мычала, а собаки лаяли, радуясь перемѣнѣ погоды. Наконецъ, вода нѣсколько упала, и многіе верблюды переправились на другой берегъ. Тогда, около полудня, тронулся и каравань Мичи. Такъ какъ на обыкновенномъ мѣстѣ переправы вода была слишкомъ глубока, то избрали бродъ немного повыше, тамъ, гдѣ два островка раздѣляютъ рѣку на три рукава. Монголы сѣли верхомъ на лошадей, засучивъ панталоны, и повели верблюдовъ въ холодную воду за веревку, продѣтую сквозь носъ. Животныя дрожали, но человѣкъ двѣнадцать толкали и били ихъ, вслѣдствіе чего они, наконецъ, пошли въ воду. На круглыхъ голышахъ верблюды не могли ставить надежно ногъ и потому должны были напрягать всѣ свои силы, чтобы потокъ не увлекъ ихъ. Телѣги, сдѣланныя изъ одного только дерева, плыли на водѣ и едва не были увлечены ею. Коротко сказать, лишь съ большимъ трудомъ удалось переправить животныхъ и людей на другой берегъ. По окончаніи переправы легкомысленные монголы хохотали, хотя ноги ихъ совсѣмъ покраснѣли отъ холодной воды.

Между тѣмъ стемнѣло. Караванъ находился вдали отъ дороги и въ темнотѣ не могъ идти дальше. Мичи не хотѣлъ раскидывать своей палатки и охотно воспользовался гостепріимствомъ въ ближайшей юртѣ. Какъ же онъ удивился, когда узналъ въ хозяинѣ юрты монгола, котораго онъ въ шутку назвалъ китайцемъ, и который покинулъ его въ степяхъ Цаганъ-Тугурка. Монголъ весьма обрадовался, что можетъ угостить Мичи, приказалъ своей женѣ сварить баранины, а самъ подалъ молока и сыру, вполнѣ выказывая прославленное гостепріимство монголовъ.

На другое утро Мичи отправился въ китайскій городъ Маймачинъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ городомъ того же имени у Кяхты. Маймачинъ лежитъ въ двухъ верстахъ отъ Толлы. Монголы утверждаютъ, что этотъ городокъ заложенъ лишь для того, чтобы обманывать ихъ. Домы въ немъ большею частію деревянные и окружены заборами изъ кольевъ. Такимъ образомъ китайцы, преимущественно купцы изъ провинціи Ханъ-Си, охраняютъ себя отъ монголовъ, которые ненавидятъ ихъ. Улицы въ Маймачинѣ очень грязны. Мичи сравниваетъ ихъ со сточными канавами, которые едва проходимы даже для животныхъ. Онъ былъ весьма радъ, когда миновалъ первый городъ, послѣ продолжительнаго странствованія по пустынѣ.

На дорогѣ къ Ургѣ, въ прекрасной мѣстности, на возвышенной равнинѣ, находится русское консульство, въ которомъ англійскаго путешественника весьма привѣтливо принялъ консулъ Шишмаревъ и попотчивалъ европейскимъ завтракомъ, на бѣлой скатерти. Подали даже свѣжихъ яицъ. Мичи былъ изумленъ такою роскошью, такъ какъ въ Монголіи вовсе не держатъ куръ. Шишмаревъ получаетъ нужные для него припасы большею частію изъ Кяхты, находящейся на разстояніи 160 верстъ. Кромѣ китайскаго мандарина и монгольскаго хана, онъ не имѣлъ для своего общества ни одного просвѣщеннаго человѣка. Впрочемъ, при немъ находится 20 человѣкъ казаковъ и достаточное число русскихъ ремесленниковъ.

Переходъ черезъ Толлу.

Урга значитъ мѣсто стоянки. Обыкновенно же это наименованіе не употребляется, а селеніе называютъ: Куреномъ или Та-Куреномъ, что́ значитъ огороженное мѣсто. Положеніе города очень живописно. Онъ находится по ту сторону Толлы, на обширной равнинѣ, и за нимъ виднѣются крутыя горныя цѣпи, охраняющія его отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Населеніе разсѣяно на равнинѣ безъ всякаго порядка; улицъ нѣтъ вовсе, и лишь различные закоулки отдѣляютъ одно жилище отъ другаго. Единственныя зданія заключаются въ храмѣ, присутственныхъ мѣстахъ и въ домахъ русскихъ и китайцевъ. Монголы же живутъ тутъ, какъ въ пустынѣ, въ юртахъ, но, чтобы предохранить себя отъ воровъ, окружаютъ ихъ заборомъ. Лавокъ въ Ургѣ нѣтъ, потому что такое учрежденіе вовсе не соотвѣтствуетъ монгольской натурѣ. Всѣ потребности степной жизни монгольскія женщины продаютъ на площади за кирпичный чай. На этомъ базарѣ можно получить лошадей, рогатый скотъ, палатки, сѣдла, мясо, сбрую, женскія украшенія, шапки, войлокъ, — коротко сказать, все, что требуется монголу. Мичи закупилъ нужныя для него вещи и былъ радъ, что, наконецъ, имѣетъ дѣло съ честными монголами, потому что такъ долго находился въ зависимости отъ хитрыхъ китайцевъ.

Средоточіе монгольскаго населенія находится здѣсь въ большомъ ламайскомъ монастырѣ Гизонъ Тамбы, или короля ламъ Монголіи. Въ этомъ монастырѣ и въ маленькихъ прилегающихъ зданіяхъ живетъ 3,000 ламъ. Впрочемъ, нельзя быть вполнѣ убѣжденнымъ въ вѣрности этого числа. Въ изгибахъ горъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Урги, расположены большіе монастыри Дободорша и Дайшеналонъ. Мичи не имѣлъ времени посѣтить ихъ, но узналъ, что принадлежащія имъ зданія весьма обширны и содержатся, какъ казармы. Немногія украшенія этихъ зданій выполнены со вкусомъ, но совершенно отличаются отъ китайскихъ и походятъ болѣе на тибетскія. На склонѣ, надъ монастыремъ, сдѣлана надпись,

Улица въ Ургѣ.

буквы которой составлены изъ бѣлыхъ камней, такъ что на разстояніи 1½ версты можно прочитать ее.

Такъ какъ Мичи не былъ внутри монастырей, то мы позаимствуемъ ихъ описаніе у одного англійскаго путешественника, посѣтившаго Куренъ годомъ позже. Различные монгольскіе храмы походятъ одинъ на другой. Внутри господствуетъ полумракъ. Громадныя занавѣси, съ ужасно-отвратительными изображеніями боговъ, колышутся и ударяются объ стѣну, какъ парусъ въ бурю, и препятствуютъ вступленію свѣта. Двѣ длинныя полосы раскаленныхъ углей, насыпанныхъ отъ одного конца храма до другаго, то гаснутъ, то воспламеняются, и, при ихъ неравномѣрномъ свѣтѣ, можно видѣть предметы лишь въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Въ храмѣ находилось около тысячи человѣкъ. Это были молящіеся ламы, стоящіе на колѣняхъ, на каменныхъ плитахъ пола. Они то появлялись, то исчезали при колеблющемся свѣтѣ, причемъ можно было видѣть ихъ желтую и красную одежду и головы съ коротко остриженными волосами. Внезапно раздирающимъ голосомъ они запѣли пѣсню, состоящую изъ однообразной смѣны четырехъ тоновъ. Они прославляли ею Будду, уродливое бронзовое изображеніе котораго по временамъ освѣщалось у стѣны. Иногда нѣкоторыя мѣста пѣсни сопровождались ударами въ большой барабанъ, по которому колотили съ страшною яростью, такъ что все вмѣстѣ образовало какую-то адскую музыку.

Всякій хорошій лама считаетъ своею обязанностію, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ побывать въ Ургѣ, и потому изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Манджуріи, съ границъ Тибета, сюда сходится множество народа. На равнинѣ стоитъ много божницъ, предъ которыми богомольцы преклоняются, прославляя Будду. Мичи видѣлъ, какъ одинъ странникъ подошелъ къ божницѣ. Пройдя три шага, этотъ богомолецъ бросился плашмя на землю, дѣлалъ разныя движенія, молился, всталъ и, пройдя три шага, снова бросился на глинистую землю. Откуда пришелъ этотъ человѣкъ, Мичи уз-

нать не могъ, но во всякомъ случаѣ онъ странствовалъ долго прежде, нежели успѣлъ достигнуть мѣста назначенія.

Верховный лама въ Ургѣ почитается монголами почти за бога. По ихъ мнѣнію, онъ никогда не умираетъ, но его душа переходитъ изъ одного тѣла въ другое. Всѣ монголы-калки находятся подъ его властью, и оттого китайское правительство слѣдитъ за нимъ съ мнительностью. Впрочемъ, китайцы весьма хитро организовали систему ламъ и, можно сказать, именно они создали власть тибетскаго духовенства. Послѣдній независимый король Тибета, уставъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ безпокойствъ, отказался отъ правленія и сдѣлался ламой. Это случилось около 1000-го года, и вскорѣ затѣмъ Тибетъ сдѣлался подвластнымъ Китаю. Когда позднѣе Кублай былъ возведенъ на китайскій престолъ, онъ сдѣлалъ ламу королемъ Тибета. Слѣдующій затѣмъ китайскій императоръ поступилъ точно такъ же и вручилъ власть восьми ламамъ, которые съ 1426 г. приняли титулъ великихъ ламъ. Старѣйшій изъ нихъ сдѣлался Далай-Ламой Тибета. Ему одному было невозможно управлять кочующими племенами, разсѣянными по обширному пространству, почему онъ утратилъ свою силу, когда китайская Татарія, при императорѣ Ханъ-Си, была объявлена независимою, подъ властью верховнаго ламы монголовъ-калковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ китайскіе послы въ Ласѣ умѣли вліять на Далай-Ламу такимъ образомъ, что Гизонъ Тамба успѣлъ сдѣлаться самостоятельнымъ.

Урга калковъ не всегда находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ она теперь. Въ 1720 г. она была расположена у рѣки Орхона, тамъ, гдѣ этотъ потокъ впадаетъ въ Селенгу, на сѣверъ отъ нынѣшней Урги.

Когда Мичи окончилъ всѣ свои дѣла въ Ургѣ, караванъ опять пустился въ дорогу и отправился на сѣверъ, къ Кяхтѣ. Путешествіе въ горахъ было очень затруднительно, потому что снѣгъ таялъ. Затѣмъ дорога стала лучше и показался рядъ прекрасныхъ плодородныхъ долинъ, орошаемыхъ рѣками, въ которыхъ вода стояла весьма высоко. Здѣсь пре-

обладали березы и сосны. Нѣсколько долинъ съ обильною травою служили зимнимъ мѣстопребываніемъ монголовъ, а въ долинѣ Боро эти кочевыя племена воздѣлывали грубый видъ ржи, называемой тамъ *бута*. Слѣдовательно, монголы, повидимому, могутъ сдѣлаться и земледѣльцами.

Шангайскія горы на югозападъ отъ Урги образуютъ, такъ сказать, край Гоби и представляютъ весьма удобное сборное мѣсто для большой арміи. Въ водѣ здѣсь недостатка нѣтъ, а роскошные луга доставляютъ довольно корма. Уже до христіанскаго лѣтосчисленія гунны располагались около нынѣшней Урги. Каракорумъ, другой городъ монголовъ, находился въ 45 верстахъ къ югозападу. Отсюда монголы отправились въ походъ, для покоренія Азіи и Европы, и туда же опять собрались, когда ихъ изгнали изъ Китая въ 1368 г. Тогда они основали новое могучее государство. Въ Каракорумѣ царствовалъ ЧингисъХанъ. Какъ буря пронесся монгольскій народъ подъ предводительствомъ Чингисъ-Хана, опустошая міръ. Просвѣщеніе Азіи и восточной Европы было затоптано этими дикими толпами, нахлынувшими съ желтаго песчанаго моря и распространившимися къ западу до Одера и къ востоку до Японскаго моря и прошедшими отъ Персидскаго залива до сѣвернаго полярнаго круга. Но, послѣ смерти могучаго хана, громадное государство распалось, внутреннее единство уничтожилось, и отдѣльныя племена стали подвластными особымъ государямъ, которые, однако, при Тамерланѣ еще разъ привели въ ужасъ весь міръ.

Наши путешественники спѣшили теперь добраться до Россіи и потому день и ночь погоняли своихъ монголовъ. На шестой день по выѣздѣ изъ Урги, 29-го сентября, Теллигъ показалъ съ возвышенія двѣ бѣлыя точки. Это были башни Кяхты. Странствованіе по пустынѣ продолжалось 34 дня, и теперь Мичи приближался къ сибирской границѣ.

Китайцы.

III.

Кяхта и русско-китайская торговля.

Прибытіе въ Кяхту. — Пограничный городъ Маймачинъ и русская граница. — Кяхта. — Троицкосавскъ. — Цивилизація въ Кяхтѣ. — Этикетъ. — Смѣсь народовъ. — Богатство кяхтинцевъ. — Дрожки въ Кяхтѣ. — Рынки. — Публичныя мѣста, прогулка кяхтинцевъ. — Домы. — Торговля. — Отъѣздъ.

Сильно забилось сердце Мичи, когда онъ приблизился къ сибирской границѣ. Послѣ продолжительнаго странствованія по дикимъ областямъ, онъ тутъ приближался къ отблеску европейской цивилизаціи и вступалъ въ христіанскую

страну. Сперва ему слѣдовало проѣхать чрезъ китайскій городъ Маймачинъ, окруженный палисадами и снаружи имѣющій весьма ничтожный видъ. Улицы въ немъ правильны и, по китайскимъ понятіямъ, широки и довольно опрятны. Весь городъ построенъ четыреугольникомъ, который пересѣкается тремя главными улицами. Въ городѣ находится великолѣпная восьмиугольная башня, на которой стекляные колокольчики и металлическія палочки при вѣтрѣ издаютъ пріятные звуки. Одноэтажные, прочной постройки домы безъ оконъ имѣютъ башни, на которыхъ золотыми буквами красуется имя владѣльца. Такіе домы смѣняются часовнями съ пестро-расписанными идолами.

Неизбѣжные бумажные фонари раскачиваются посреди улицъ на веревкахъ. Симунъ, или домъ городскаго правленія, гдѣ повелѣваетъ монгольскій правитель, находится на концѣ города. Въ послѣдній въѣзжаютъ чрезъ трое воротъ, изъ которыхъ одни имѣютъ многозначительную надпись: „Благо и счастіе“.

Лугъ позади Маймачина считается нейтральной почвой между Китаемъ и Россіею. Тутъ представилась весьма занимательная пестрая толпа продавцевъ скота изъ Монголіи и сибирскихъ крестьянъ, которые на своихъ телѣгахъ проѣзжали мимо путешественниковъ. Здѣсь изъ черной войлочной юрты выглядываетъ желтое лице монгола, а тамъ покачиваясь идутъ пьяные калмыки. Тунгузы или буряты расположились вокругъ котла съ чаемъ и съ наслажденіемъ причмокиваютъ губами послѣ каждаго глотка жирнаго кирпичнаго чаю. Между китайцами въ длинной шелковой одеждѣ и жителями степей въ шубахъ и кожаномъ платьѣ попадаются мундиры русскихъ офицеровъ, таможенныхъ чиновниковъ и пограничныхъ казаковъ, а также кафтаны русскихъ купцевъ. Тутъ то и дѣло, что торгуются. Одни расхваливаютъ свой товаръ, другіе хулятъ его, здѣсь продаютъ и покупаютъ, кутятъ и наслаждаются; однимъ словомъ, представляются картины, о которыхъ нельзя составить себѣ понятія по европейскимъ

рынкамъ. Но едва въ Кяхтѣ бьютъ зорю, а въ Маймачинѣ поднимается на вечернемъ небѣ огненный шаръ, служащій знакомъ, что наступаетъ пора закрыть ворота, какъ толпы расходятся, и въ обоихъ городахъ умолкаетъ многоязычный говоръ.

Отсюда путешественники подъѣхали къ воротамъ и вступили чрезъ нихъ въ Кяхту, подъ крыльями русскаго двуглаваго орла, который величественно глядитъ во всѣ стороны. Далѣе путешественнику встрѣчались полосатый столбъ, красивые дома съ бѣлыми штукатуренными стѣнами, великолѣпныя церкви съ высокими башнями, широкія пустыя улицы и стража у воротъ.

Кяхта, собственно говоря, небольшое селеніе съ малымъ числомъ жителей. Тѣмъ не менѣе тамъ живутъ купцы, которые ведутъ торговлю съ китайцами, между тѣмъ какъ главная часть населенія находится въ Троицкосавскѣ, на разстояніи трехъ верстъ отъ Кяхты.

Мичи отправился туда съ своимъ караваномъ и скоро нашелъ себѣ хорошее убѣжище при содѣйствіи одного земляка. Верблюдовъ разгрузили въ послѣдній разъ, лама получилъ условленную плату, Теллига путешественникъ наградилъ особенными подарками. Послѣ этого монголы приготовились къ обратному путешествію, получивъ грузъ для провоза, и опять пустились въ дальній путь по зимней дорогѣ. Не смотря на всѣ невзгоды путешествія по пустыннымъ монгольскимъ степямъ, эти люди весело проводятъ плачевную свою жизнь на спинѣ вонючаго верблюда.

Первое удобство просвѣщенной Кяхты, которымъ воспользовался Мичи, была баня, смывшая съ него пыль и грязь, накопившуюся на его тѣлѣ въ продолженіе мѣсячнаго путешествія. Монголы никогда не пытаются мыться. Они рады, если находятъ довольно воды, чтобы приготовить себѣ чай и сварить баранину, и никогда не ставятъ своихъ юртъ у колодцевъ. Мичи не могъ объяснить этого обычая и полагаетъ, что вѣроятно у монголовъ существуетъ законъ, предотвращающій монополизированіе колодца какимъ-нибудь

однимъ семействомъ. Хотя монголы никогда не моются, но по темнотѣ цвѣта кожи не кажутся столь грязными, какъ не мытый европеецъ. Монгольская же опрятность ограничивается утираніемъ жирнаго рта полою кафтана.

Домы въ Троицкосавскѣ большею частью велики и устроены удобно. Всѣ они деревянные, бревенчатые. Лучшіе домы обшиты досками, выкрашенными бѣлой краской, и покрыты зелеными или красными крышами, вслѣдствіе чего все селеніе получаетъ весьма привлекательный видъ. Три церкви съ зелеными куполами весьма красиво возведены изъ кирпича, а улицы опрятны, сухи и содержатся въ порядкѣ. На многихъ изъ нихъ настланы боковые деревянные мостики, въ которыхъ, однако, бываютъ такія дыры, что ночью легко переломать ноги.

Всякій русскій, проживающій въ Кяхтѣ, за исключеніемъ крестьянъ, имѣетъ собственный экипажъ. Тутъ можно видѣть повозки всевозможныхъ сортовъ, отъ простыхъ дрожекъ съ парой косматыхъ сибирскихъ лошадокъ до роскошной франтовской коляски съ кучеромъ и ливрейнымъ лакеемъ. Для удовольствія русскіе не любятъ ѣздить верхомъ. Въ этомъ отношеніи они походятъ на китайцевъ, которые никогда не катаются, не гуляютъ и не пляшутъ для собственнаго удовольствія. Ходить пѣшкомъ здѣсь считается неприличнымъ, и лишь больные, которымъ врачи предписываютъ моціонъ, прохаживаются въ Кяхтѣ и Троицкосавскѣ.

Въ Кяхтѣ ревностно занимаются модами, за которыми слѣдятъ портные и модистки. Посѣтить кяхтинскаго купца въ охотничей одеждѣ было бы страшнымъ преступленіемъ. Когда однажды Мичи принялъ одного кяхтинца рано утромъ у себя на квартирѣ въ туфляхъ и китайскомъ халатѣ, посѣтитель пришелъ въ ужасъ и минуты двѣ не могъ произнести ни одного слова. Для удовлетворенія своего тщеславія кяхтинцы носятъ весьма дорогія шубы и пьютъ ан-

глійскій портеръ, за который приходится платить по 4 рубля за бутылку.

На улицахъ города жизнь очень дѣятельна. Тутъ длинноволосые русскіе мужики, всегда готовые выпить, ходятъ возлѣ грязныхъ бурятъ, а около нихъ можно видѣть монгола и хлопотливаго сына Небеснаго Царства съ свѣтложелтымъ лицемъ и чрезвычайно длинною косою.

Кяхтинскіе купцы славятся богатствомъ, милліонеры тамъ не рѣдкость. Впрочемъ, всѣ эти сокровища существуютъ нерѣдко лишь въ воображеніи. Такъ какъ здѣсь не могутъ похвалиться чѣмъ другимъ, кромѣ денегъ, то названіе милліонеръ весьма часто служитъ не болѣе какъ выраженіемъ уваженія къ купцу, о которомъ говорятъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ сомнѣнія, что кяхтинскіе купцы богаты, хотя нельзя сказать, чтобы всѣ добыли свой достатокъ честнымъ образомъ. Если купецъ полагаетъ, что дѣла его плохи, онъ отправляется въ Нижній Новгородъ или въ Москву, чтобы спасти свой кредитъ и разсчитаться, можетъ быть, по пятидесяти копѣекъ за рубль. Предложеніе его приходится принять, потому что громадное разстояніе затрудняетъ взысканіе съ должниковъ. Кяхтинцы же возвращаются затѣмъ спокойно домой и покупаютъ новые участки земли.

Мичи упоминаетъ, что ему показывали многихъ крезовъ, которые пріобрѣли свои богатства такимъ путемъ. Самые большіе доходы доставляетъ кяхтинцамъ русская транзитная торговля. Почти всякій купецъ имѣетъ въ Кяхтѣ и Троицкосавскѣ лавку и держится правила, что лучше продать съ большею выгодою хотя и мало, нежели, занимаясь большими дѣлами, пользоваться малымъ барышемъ. Благотворная конкуренція Европы здѣсь не существуетъ. Торговцы сговариваются между собою и соглашаются о цѣнѣ, которая оказывается непомѣрно высокой, даже если принять въ соображеніе большіе расходы на провозъ. Русское правительство гораздо прозорливѣе этихъ эгоистовъ-купцовъ, которые очень сердятся, что русскія гавани открыты теперь для

ввоза чая моремъ. Караванная торговля казалась имъ наслѣдственнымъ достояніемъ, и они полагали, что всегда будутъ пользоваться монополіею чайной торговли и доставлять товары изъ Китая въ Россію сухимъ путемъ.

Маймачинскіе китайцы также считаются богачами. Такое предположеніе, судя по ихъ наружности, должно быть вѣрно. Дѣло въ томъ, что въ Китаѣ толщина тѣла составляетъ вѣрный признакъ богатства, почему слитокъ золота и кусокъ жира выраженія равнозначащія.

Китайцы живутъ въ Маймачинѣ безъ семействъ. Они питаютъ непреодолимое отвращеніе къ удаленію своего семейства отъ мѣста, гдѣ родились ихъ отцы и они сами. Оттого даже въ предѣлахъ своего отечества они путешествуютъ неохотно и лишь когда этого требуетъ необходимость.

Отношенія русскихъ и китайцевъ въ торговлѣ и дипломатіи особенныя. Уже давно замѣчено, что русскіе весьма хорошо умѣютъ обращаться съ азіятцами; этимъ объясняется отчего они тихо и мирно проложили себѣ путь въ Китай, между тѣмъ какъ англичане вторглись въ него съ огнемъ и мечемъ. Русскіе обращаются съ китайцами, какъ греки съ греками. При взаимныхъ сношеніяхъ они дѣйствуютъ силою противъ силы, учтивостью противъ учтивости и терпѣніемъ противъ терпѣнія: одинъ понимаетъ другаго отлично. Если нужно сдѣлать какое-нибудь дѣло, то, само собою разумѣется, разговоръ начинается съ чего-нибудь, не имѣющаго никакой связи съ цѣлью бесѣды. Толкуютъ о томъ, о другомъ, выкуриваютъ много трубокъ и выпиваютъ много чашекъ чаю прежде, нежели рѣчь зайдетъ о настоящемъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, разумѣется, теряется много времени; но такого рода торговля предпочитается, и въ Кяхтѣ не знаютъ другаго способа вести дѣла.

Самое значительное зданіе въ Кяхтѣ таможня; она, однако, болѣе не исполняетъ первоначальнаго своего назначенія, потому что недавно уничтоженъ всякій таможенный сборъ у китайской границы. Теперь въ этомъ домѣ помѣ-

Кяхта.

щается почтамтъ. Это зданіе находится на возвышенномъ мѣстѣ, въ концѣ Троицкосавска. Для исполненія своихъ дѣлъ въ различныхъ частяхъ города, Мичи нанялъ дрожки за два рубля въ день. Это былъ старый, поломанный экипажъ, съ плохими ресорами и парою дикихъ лошадей, запряженныхъ веревками. Извощикомъ былъ растрепанный мужикъ. Мичи было совѣстно ѣхать въ такомъ экипажѣ и хотѣлось лучше идти пѣшкомъ; но въ сибирскомъ городѣ порядочный человѣкъ долженъ ѣздить: онъ лишился бы всякаго уваженія, если бы вздумалъ ходить, — и Мичи покорился. Въ этомъ дрянномъ экипажѣ онъ разъѣзжалъ по улицамъ Кяхты.

Кяхта лежитъ въ долинѣ между песчаными холмами съ сосновымъ лѣсомъ. Долина открывается къ югу, на сторонѣ Монголіи, и защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ. По долинѣ протекаетъ ручекъ, направляющійся къ западу въ песчаныя равнины Монголіи. Говорятъ, что Кяхта съ Троицкосавскомъ имѣетъ 20,000 жителей, которые получаютъ все необходимое изъ внутренней Россіи. Каждое утро подъѣзжаютъ къ Кяхтѣ длинные обозы съ овощами, говядиною и бараниною. Послѣднюю русскіе ѣдятъ мало. Все это привозится издалека, и крестьяне должны пускатся въ путь задолго до зори, чтобы прибыть на рынокъ во-время. Мужикъ обыкновенно ведетъ лошадь, между тѣмъ какъ его жена, закутанная въ множество одеждъ, возсѣдаетъ на возу съ капустою или другимъ товаромъ. Большая площадь въ Троицкосавскѣ служитъ сѣннымъ и хлѣбнымъ рынкомъ, гдѣ все продается по вѣсу, подъ надзоромъ городскаго правленія. Въ Китаѣ также продаютъ все по вѣсу, даже живыхъ цыплятъ, вѣсъ которыхъ увеличиваютъ тѣмъ, что, набиваютъ имъ въ зобъ нѣсколько песку, отчего они скоро издыхаютъ. Въ Кяхтѣ вдоволь рыбы, особенно осетровъ изъ Селенги, и въ этомъ городѣ Мичи ѣлъ въ первый разъ свѣжую икру.

Кяхтинскія дамы гуляютъ по общественному парку, окруженному красивою рѣшеткою. Тамъ онѣ дышатъ свѣжимъ воздухомъ и въ теченіе короткаго лѣта показываютъ свои

наряды. Этотъ паркъ называютъ садомъ, и, можетъ быть, онъ лѣтомъ дѣйствительно походитъ на садъ; но въ сентябрѣ, когда Мичи былъ тамъ, онъ имѣлъ грустный видъ замерзшей земли и холмовъ, покрытыхъ снѣгомъ.

Во всякомъ случаѣ, старанія кяхтинцевъ заслуживаютъ похвалы, потому что они устроили свой садъ при весьма неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ. Цвѣты у нихъ можно разводить почти только въ комнатахъ, но во многихъ домахъ столь много цвѣтущихъ кустовъ, что покои походятъ на оранжереи.

Климатъ Кяхты зимою очень холоденъ, а лѣтомъ довольно жарокъ. Воздухъ сухъ и почва песчана. Снѣгу и дождя выпадаетъ мало. Городъ лежитъ подъ 50° 15′ сѣверной широты, 2,200 футовъ надъ уровнемъ моря. Здоровье жителей превосходно, и старцы за 80 лѣтъ еще совсѣмъ свѣжи. Домы уютны и особенно теплы. Толстыя бревенчатыя стѣны, тщательно законопаченныя, отлично удерживаютъ теплоту. Въ окна вставлены двойныя рамы, щели которыхъ заткнуты хлопчатою бумагою. Большія печи служатъ въ одно время и для отопленія, и для варки кушанья. Но, къ сожалѣнію, комнаты очень мало провѣтриваются, и оттого воздухъ въ нихъ душный. Для Мичи комнатный воздухъ былъ очень непріятенъ, между тѣмъ какъ русскихъ онъ, повидимому, нисколько не безпокоилъ. Обыкновенно въ комнатѣ поддерживаютъ температуру въ 16° по Реомюру. Топятъ дровами, которыхъ очень много въ сосѣднихъ лѣсахъ.

Чиновники въ Кяхтѣ родъ кочующаго племени. Ихъ часто мѣняютъ, но многіе изъ нихъ остаются съ своимъ семействомъ въ городѣ. Купцы также часто переселяются далѣе на западъ, и постоянными жителями остаются ремесленники и люди низшихъ сословій. О Петербургѣ и Москвѣ говорится мало и то съ какимъ-то благоговѣніемъ, какъ о высшемъ мірѣ. Иркутскъ составляетъ средоточіе всѣхъ мыслей кяхтинцевъ. Чего нѣтъ въ Кяхтѣ, то въ Иркутскѣ существуетъ въ полномъ совершенствѣ: тамъ находятся луч-

шія гостиницы, лошади, экипажи, врачи, домы, церкви и лавки. Въ Иркутскъ изъ Кяхты ѣздятъ часто, а въ Москву или Петербугъ, можетъ быть, только разъ въ жизни.

Кяхта основана въ 1728 году для сосредоточенія караванной торговли съ Китаемъ. Главный предметъ торговли—чай. Но эта торговля значительно упала со времени ввоза чая въ балтійскіе порты. Въ послѣднее время купцы пытались соперничать съ новыми торговцами, покупая чай тамъ же, гдѣ и послѣдніе; но весь образъ торговли измѣнился. Мѣна на русскія произведенія почти совсѣмъ прекратилась, и длинный караванный путь не можетъ соперничать съ болѣе удобнымъ морскимъ.

Отъѣздъ Мичи замедлился выступленіемъ Селенги изъ береговъ. Но онъ между тѣмъ не терялъ времени, а готовился къ отъѣзду. Сперва онъ вымѣнялъ китайскія деньги на русскія съ потерею лишь одного процента. Лошадь свою онъ продалъ въ Кяхтѣ, а повозку въ Маймачинѣ безъ особенно большаго убытка, и купилъ русскій тарантасъ и нѣсколько китайскихъ козьихъ шкуръ съ шерстью длиною въ футъ, для покрыванія ногъ. Надобно было вооружаться противъ морозовъ, потому что приближалась зима, а путешествовать приходилось по Сибири. Начиналъ уже выпадать снѣгъ (было начало октября), и перспектива странствованія по полузамершей землѣ и черезъ рѣки безъ мостовъ вовсе не казалась пріятною.

Всего же необходимѣе оказалась для Мичи подорожная. Онъ получилъ ее безпрепятственно отъ кяхтинскихъ чиновниковъ, предупредительностью которыхъ путешественникъ не можетъ нахвалиться. Наконецъ, 7 октября 1863 года онъ съ тяжело нагруженнымъ тарантасомъ пустился въ дорогу.

Мы прибавимъ тутъ еще нѣсколько словъ о чайной торговлѣ Россіи съ Китаемъ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ Сѣверной Почтѣ. Въ Кяхтѣ была сосредоточена чайная торговля обоихъ государствъ. Но послѣ первой, такъ называемой, опійской войны англичанъ съ китайцами, стала развиваться кон-

трабандная торговля чаемъ. Англичане вывозили чай громадными количествами въ Гамбургъ, а отсюда евреи тайно перевозили его въ Россію, такъ что очень много такого чаю распространялось не только въ западной Россіи, но поступало даже на ярмарку въ Нижній Новгородъ. Затѣмъ кяхтинская торговля разстроилась еще возстаніемъ въ Китаѣ. Подъ конецъ 1852 года закрылись всѣ ярмарки и торговые пути въ Китаѣ, вывозъ изъ Сибири въ Китай прекратился совершенно, китайцы стали требовать за чай серебряныхъ денегъ, и русскіе купцы были вынуждены уступить свой товаръ за безцѣнокъ. Кяхтинцы увидѣли, что чайная торговля вскорѣ совершенно перейдетъ въ руки англичанъ, и потому рѣшились закупать и другія произведенія, хлопчатую бумагу, шелкъ, песочный сахаръ и т. д. по совершенно покинутому караванному пути. Между тѣмъ китайцы все настоятельнѣе требовали золота и серебра. За чеканенную монету они уступали цибикъ чаю по 40 или 50 рублей, а при обмѣнѣ на товаръ онъ обходился въ 100 и 120 рублей. Наконецъ, въ 1855 году была разрѣшена свободная торговля въ Кяхтѣ и допущенъ вывозъ золота и серебра въ Китай. Вслѣдствіе этого торговля поднялась такъ, что въ 1860 году китайцы продали 159,316 цибиковъ листоваго чаю и 43,658 цибиковъ кирпичнаго. Но вслѣдствіе этого въ Сибири не осталось и пятачка серебра.

Послѣ похода англичанъ и французовъ въ Пекинъ въ 1860 году, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ заключилъ съ Китаемъ договоръ, по которому возстановлена прежняя караванная торговля, и подданнымъ Россіи и Китая разрѣшенъ проѣздъ по обоимъ государствамъ. Для споспѣшествованія торговлѣ уменьшили ввозную пошлину на кяхтинскій чай и уничтожили въ Кяхтѣ таможню, которую перемѣстили въ Иркутскъ. Послѣ этого караваны снова стали отправляться въ середину Небеснаго Царства; но морская торговля тогда уже основательно преобразовала всѣ отношенія, и на долю Кяхты осталась собственно торговля съ Монголіею. Монголы

покупаютъ все у русскихъ, а послѣдніе получаютъ отъ жителей степей одинъ скотъ, потому что земля ихъ ничего другаго не производитъ. Монголія притомъ давно уже желаетъ присоединиться къ Россіи и лишь ждетъ для этого удобнаго случая.

Русская изба.

IV.

Отъ Кяхты до Байкальскаго озера.—Иркутскъ.

Дорога къ Байкальскому озеру. — Трудности путешествія. — Селенгинскъ. — Почтовая дорога. — Почтовая станція. — Селенга. — Земледѣліе. — Гавани у Байкальскаго озера. — Бури на Байкалѣ. — Дорога на южный конецъ озера. — Пароходство по Байкалу. — Западный конецъ озера. — Иркутскъ. — Сибирская гостиница. — Общественная жизнь въ Иркутскѣ. — Хорошее общество.

Дорога изъ Кяхты къ Байкальскому озеру направляется къ сѣверозападу, по долинѣ Селенги. Дорога эта весьма неровная, и во многихъ мѣстахъ путешествіе затрудняется глубокими песками. Ямщикъ Мичи былъ бурятъ, а такъ какъ языкъ, которымъ говорятъ буряты, мало отличается отъ монгольскаго, то путешественникъ могъ бесѣдовать съ нимъ. Впрочемъ, буряты съ ранней молодости выучиваются по-

русски, но при этомъ упорно сохраняютъ прежніе свои обычаи и между собою говорятъ только по-бурятски.

Первая станція, до которой доѣхалъ путешественникъ, была красивая деревня Усть-Кяхтинскъ, состоящая изъ деревянныхъ домиковъ и небольшой церкви. Мичи предполагалъ, что онъ остановится въ полуварварской станціи, а вмѣсто того увидѣлъ новый, красиво-устроенный домъ. Четыре клячи, уже оставившія за собою четыре станціи, были впряжены въ тарантасъ и снова пущены въ дорогу. Оттого неудивительно, что бѣдныя животныя скоро остановились, и пришлось послать еще за пятою лошадью. Съ крикомъ, стеганіемъ и ласковыми словами догналъ бурятъ свою пятерку до холма, чрезъ который лежала дорога. Тутъ, однако, силы животныхъ совершенно истощились. Настала ночь, и Мичи со своимъ товарищемъ устроили себѣ въ тарантасѣ постель; лошадей же пустили пастись. Ямщикъ развелъ огонь, у котораго заснулъ спокойно.

На другое утро прошло добрыхъ полтора часа, пока тарантасъ съ большимъ трудомъ перетащился чрезъ холмъ. На слѣдующей станціи Мичи принужденъ былъ нанять кибитку для поклажи. Вдоль дороги часто видны обработанныя пространства съ русскими хуторами и стадами скота. Боковой ложбиной доѣхали путешественники до рѣки Селенги, которая течетъ по глубокому руслу, въ широкой долинѣ, ограниченной лѣсистыми холмами. На хорошемъ паромѣ повозки, лошади и люди были быстро переправлены на другой берегъ. Перевощики были — русскіе и буряты. Какъ глубоко бываетъ русло Селенги, путешественники лучше всего могли судить по знакамъ, оставленнымъ водою на скалѣ. По нимъ было видно, что въ настоящее время вода упала не менѣе какъ на 12 футовъ.

Недалеко отъ мѣста переправы находится маленькій, но красивый городокъ Селенгинскъ. Тутъ опять перемѣнили лошадей, и путешествіе продолжалось по хорошо населеннымъ долинамъ. Было уже начало октября, и погода стала холод-

нѣе. Селенга своими разливами обратила берега въ болота и мѣстами попортила дороги. Видъ этихъ береговъ великолѣненъ; иногда деревья опускаютъ свои вѣтви въ воду, которая медленно и безмолвно движется громадною массою къ Байкальскому озеру, ускоряя свое теченіе лишь тамъ, гдѣ русло сужйвается высокими скалами, поросшими хвойнымъ лѣсомъ и березами. Въ этомъ мѣстѣ проселочная дорога идетъ по скалѣ, на довольно значительной вышинѣ надъ уровнемъ воды, и мѣстами до того узка, что двѣ встрѣтившіяся повозки не могутъ разъѣхаться. Прелесть вида, конечно, отходитъ здѣсь на второй планъ, когда посмотришь въ глубокую пропасть, въ которую свалился не одинъ пьяный ямщикъ.

На станціи Половина собралось много проѣзжихъ, которые были задержаны разлитіемъ Селенги, а потому лишь съ трудомъ можно было получить лошадей. Многіе русскіе офицеры разгоняли скуку ожиданія тѣмъ, что, усѣвшись вокругъ самовара, распивали чай. Ночь Мичи провелъ въ весьма опрятномъ почтовомъ домѣ въ Ильинскѣ и съ возможною поспѣшностію продолжалъ дальше свое путешествіе, чтобы не опоздать на пароходъ, который два раза въ недѣлю ходитъ по Байкальскому озеру. Но что за дорога предстояла ему! Повсюду безконечныя лужи; каменные мосты были разрушены разливами Селенги. Чтобы сдѣлать возможнымъ проѣздъ, была проложена временная боковая дорога, а вмѣсто мостовъ положили бревна и прикрыли ихъ сучьями. По такому пути пришлось пробираться тарантасу. Ямщикъ ругался, лошади, погруженныя по брюхо въ воду, пыхтѣли. Но вотъ, у Посольска окончилась забайкальская дорога, и путешественники достигли озера. На слѣдующее утро долженъ былъ отойти пароходъ, а потому почтовая станція была переполнена мужчинами, женщинами и дѣтьми, такъ что Мичи не могъ получить не только постели, но и стула, а долженъ былъ провести ночь между своими вещами.

Селенга течетъ изъ Монголіи; на югъ отъ озера Косогола образуется она отъ соединенія нѣсколькихъ небольшихъ рѣ-

чекъ и впослѣдствіи принимаетъ въ себя выходящую изъ Хинганъ-Уласкихъ горъ рѣку Орхонъ. Длина всего теченія Селенги, по словамъ Мичи, составляетъ 480 верстъ. Всего важнѣе эта рѣка по обилію рыбы; особенно много въ ней осетровъ, которые составляютъ дѣйствительное благодѣяніе для населенія, питающагося почти исключительно одной рыбой. Селенга впадаетъ нѣсколькими устьями въ Байкальское озеро. Пристань для пароходовъ находится у южнаго устья. Самая рѣка судоходна. Вѣроятно, въ непродолжительномъ времени по ней будутъ плавать пароходы, содѣйствуя заселенію мѣстности, и теперь уже довольно хорошо обработанной. Разумѣется, здѣсь не слѣдуетъ оцѣнивать земледѣліе съ европейской точки зрѣнія; потому что тутъ почва легка и суха. Воздѣлываютъ преимущественно хлѣбныя растенія: ячмень, пшеницу и рожь. Громадныя пространства у этой прекрасной рѣки, однако-жъ, вовсе еще не тронуты и ожидаютъ только дѣятельности дровосѣка и земледѣльца, чтобъ обратиться въ богатую, плодородную страну.

Теперь горы и равнины покрыты превосходнымъ лѣсомъ, который при удобствѣ водянаго сообщенія могъ бы представить запасъ дровъ и подѣлочнаго матеріяла для Сибири на сотни лѣтъ.

Въ почтовой станціи Посольскѣ всѣ съ нетерпѣніемъ добивались самовара, потому что русскій не можетъ ни за что приняться, не выпивъ нѣсколькихъ стакановъ чаю. Разумѣется, почталіоны получили самоваръ всѣхъ раньше, по знакомству съ кухарками. Кухня почтоваго дома составляетъ также единственное мѣсто, гдѣ можно добыть нѣсколько воды для умыванія, которую, однако-жъ, за недостаткомъ рукомойниковъ, приходится черпать руками.

Гавань, гдѣ пристаютъ суда, находится въ девяти верстахъ отъ Посольска, и потому Мичи долженъ былъ отправиться туда въ своемъ тарантасѣ. Такъ какъ дорога, ведущая туда, не почтовая, то путешественникъ не могъ получить почтовыхъ лошадей и принужденъ былъ за громадную цѣну

нанять обывательскихъ. Гавань образуется косой, выдавшейся въ озеро, и по своему мелководію много затрудняетъ торговлю. Нѣсколько русскихъ барокъ со снастями, наподобіе японскихъ, съ очень большою мачтою и около 150 тоннъ вмѣстимости, занимались перегрузкой. Эти суда имѣютъ первобытное устройство, чрезвычайно коротки, снабжены высокими бортами и приводятся въ движеніе столь же первобытными веслами, какъ лодки китайскихъ судовщиковъ. Вслѣдствіе этого, барки могутъ двигаться лишь по тому направленію, по которому дуетъ вѣтеръ. Народа на нихъ много и большею частію, буряты, которые то и дѣло, что возятся съ тяжелымъ парусомъ и огромными веслами или же заняты разгрузкою и нагрузкою.

Посмотрѣвъ на эти плохія суда съ ихъ ни къ чему негоднымъ экипажемъ, вполнѣ поймешь преувеличенность разсказовъ о страшныхъ буряхъ на Байкальскомъ озерѣ. Что Байкалъ, подобно горнымъ озерамъ, замкнутымъ со всѣхъ сторонъ высокими горами, подверженъ внезапнымъ и сильнымъ бурямъ, которыя наводятъ ужасъ на дурныя барки съ плохими матросами, — это понятно; но дѣло въ томъ, что на немъ самый тихій вѣтерокъ считается бурею. Весьма замѣчательно тутъ слѣдующее явленіе: иногда, въ совершенно тихую погоду, внезапно какъ бы подводною силою поднимаются большія волны. Явленіе это донынѣ еще не объяснено.

Самая гавань не безъ значенія. Песчаный берегъ ея заваленъ всевозможнымъ товаромъ, который съ его азіятскою упаковкою въ коровьи шкуры, рогожи и боченки представляетъ весьма оригинальный видъ. Произведенія, доставляемыя съ запада, отправляются отсюда въ Китай и на Амуръ, тогда какъ китайскіе товары нагружаются здѣсь на суда. Уже по этому можно судить о важности настоящаго пункта, и, однако-жъ, здѣсь находится (въ 1863 году) только одинъ домъ. Большая часть произведеній идетъ, конечно, съ запада, изъ Россіи, и состоитъ изъ предметовъ роскоши, одежды и другихъ вещей, въ которыхъ нуждаются въ сибирскихъ го-

родахъ. ама же Сибирь доставляетъ только мѣха и благородные металлы, а также привозныя китайскія произведенія.

Такъ какъ путешествіе по озеру сопряжено съ большими затрудненіями и различными опасностями, то русское правительство приступило къ устройству хорошей дороги отъ Иркутска до Кяхты по южной окраинѣ Байкала. Лѣтомъ и зимою сообщеніе по озеру происходитъ довольно правильно, но въ неустановившіяся времена года — весною вслѣдствіе таянія льда, а осенью вслѣдствіе появленія большихъ льдинъ — становится до того опаснымъ, что вовсе прекращается. Не обходится тутъ также безъ несчастныхъ случаевъ. На поверхности озера, покрытой толстымъ, твердымъ слоемъ льда, устроиваются настоящія почтовыя станціи. Случалось, что подобныя постройки при внезапномъ таяніи льда тонули вмѣстѣ съ людьми и лошадьми. Слѣдовательно, устройство дороги будетъ дѣйствительнымъ благодѣяніемъ, хотя оно и сопряжено съ большими трудностями, такъ какъ приходится прокладывать ее тамъ, гдѣ еще и понынѣ, по отвѣснымъ склонамъ горъ, едва-едва пробирается пѣшеходъ или лошадь. Рабочія силы можно имѣть лишь зимою, когда фабричные съ золотыхъ пріисковъ и крестьяне не заняты болѣе своимъ дѣломъ. Сильные морозы, доходящіе здѣсь до 30 и 40° нисколько не затрудняютъ работниковъ; напротивъ того, подобный холодъ много облегчаетъ имъ дѣло. Въ такую погоду, чтобъ оторвать часть скалы, стоитъ только развести на ней костеръ изъ лѣса, находящагося тутъ въ изобиліи. При этомъ холодные камни растрескиваются отъ сильнаго жара. Разумѣется, при такомъ ходѣ дѣла работы подвигаются весьма медленно, и пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ окончится эта важная дорога.

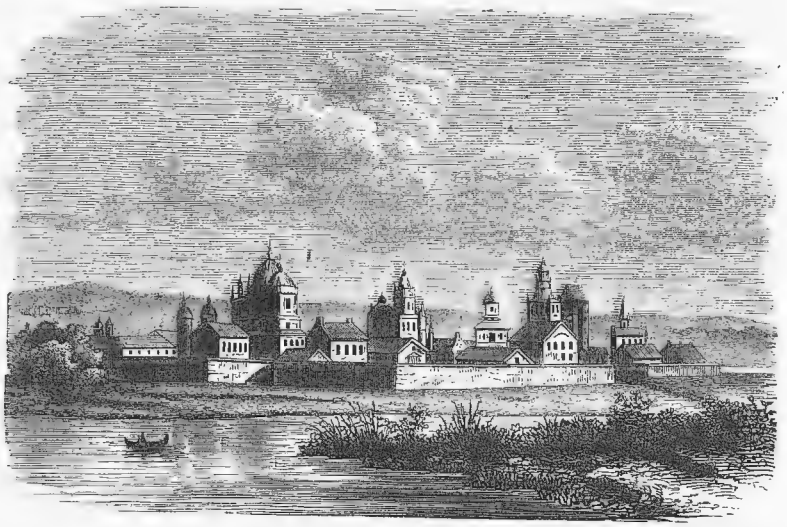
Пароходъ, поддерживающій сообщеніе между берегами Байкальскаго озера, называется по имени нынѣшняго генералъ-губернатора Восточной Сибири „Генералъ Корсаковъ“. Онъ представляетъ, однако, удивительный образчикъ судостроительнаго искусства и можетъ соперничать развѣ только

съ неуклюжими бурятскими барками. Такую форму, по всей вѣроятности, имѣли первые пароходы, и мѣсто „Генерала Корсакова“ — въ какомъ-либо историческомъ музеѣ, а ничуть не на озерѣ. Все на немъ топорно и неопрятно, и лишь паровая машина въ 50 силъ, устроенная однимъ англичаниномъ въ Западной Сибири, соотвѣтствуетъ своей цѣли. За проѣздъ съ пассажира берутъ въ первой каютѣ 8 рублей, а на палубѣ 5, за поклажу платятъ по взаимному соглашенію. Это судно доставляетъ, однако, довольно выгодъ своимъ владѣльцамъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что построить пароходъ на Байкальскомъ озерѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ техническихъ пособій, дѣло не легкое. Судно это плаваетъ въ западно-юго-западномъ направленіи до гавани Лиственичной, на противолежащемъ берегу, гдѣ южная Ангара вытекаетъ изъ озера. Видъ съ палубы величественный и живо напоминаетъ панорамы альпійскихъ озеръ. Оба берега ограничиваются горами; вершины, лежащія на юго-востокѣ, такъ какъ Мичи переправлялся черезъ озеро въ октябрѣ мѣсяцѣ, были покрыты снѣгомъ до самой подошвы; между тѣмъ какъ его еще не было на возвышенностяхъ западнаго берега. Вода озера имѣетъ темно-синій оттѣнокъ, который на серединѣ озера становится почти чернымъ.

Экипажъ судна состоялъ изъ бурятъ, которые, занимаясь своимъ дѣломъ, не забываютъ и объ удобствѣ. Оттого, чтобъ добраться до Лиственичной, находящейся на разстояніи около 100 верстъ, потребовалось ровно 18 часовъ времени. Въ Лиственичной устроена каменная плотина, и суда поэтому имѣютъ надежное убѣжище; даже почтовая станція достаточно снабжена здѣсь лошадьми. Когда Мичи прибылъ въ Лиственичную въ 3 часа утра, было очень холодно; дорогу преграждалъ полосатый шлагбаумъ, позади котораго ярко горѣлъ огонь. При его свѣтѣ, русскіе солдаты въ сѣрыхъ шинеляхъ ходили взадъ и впередъ и вмѣстѣ съ таможеннымъ чиновникомъ принялись осматривать багажъ путешественниковъ. Всѣ

ящики были запечатаны, и Мичи получилъ свидѣтельство, которое его просили немедленно сдать въ Иркутскѣ.

Западный берегъ Байкала и мѣстности по дорогѣ въ Иркутскъ густо поросли лѣсомъ. Многія пространства, однако, хорошо обработаны и заселены, такъ что здѣсь земледѣліе сравнительно очень развито. Опрятные крестьянскіе домики и дѣятельное населеніе дѣйствительно представляютъ прекрасное зрѣлище, и англійскій путешественникъ считаетъ своей обязанностью похвалить русское правительство, которое



Иркутскъ.

вполнѣ понимаетъ свое назначеніе и распространяетъ порядокъ и просвѣщеніе въ страны, до того не приносившія никакой пользы.

Большая дорога идетъ по правому берегу Ангары, вытекающей изъ Байкальскаго озера. Мѣстность здѣсь прекрасная. Высокія горы, окружающія озеро, смѣняются равнинами, на которыхъ разбросаны привѣтливыя деревеньки, а рачительно обработанныя поля напоминаютъ Европу. Прозрачныя воды текутъ въ высокихъ берегахъ, поросшихъ де-

ревьями и кустарникомъ. Шоссе содержится весьма хорошо, и дорога между Байкальскимъ озеромъ и Иркутскомъ раздѣлена на 3 станціи.

Солнце ярко освѣщало башни и куполы Иркутска, когда Мичи приближался къ городу, производящему очень пріятное впечатлѣніе бѣлыми стѣнами и зелеными крышами своихъ церквей. Ямщикъ слѣзъ съ облучка и снялъ съ лошадей звонки, потому что по широкимъ и хорошо содержимымъ улицамъ Иркутска не дозволяютъ разъѣзжать съ колокольчиками. Наперекоръ желанію Мичи, который велѣлъ везти себя въ гостиницу Мецгира, кучеръ доставилъ его въ отель Амуръ, гдѣ путешественникъ, совершенно утомленный, приказалъ отвести себя въ комнату и имѣлъ случай вполнѣ ознакомиться съ удобствами сибирской гостиницы. Мальчикъ ввелъ его въ комнату, гдѣ, кромѣ деревянной софы, трехъ стульевъ и стола, не было никакого убранства. Печки топились извнѣ, а окна на зиму были заколочены. Кромѣ нѣсколькихъ картинъ, на стѣнѣ висѣлъ прейсъ-курантъ кушаньямъ и напиткамъ; англичанинъ пришелъ въ восторгъ, когда открылъ на немъ названіе роднаго бифштекса. Оборванная, нечесанная женщина служила горничною гостиницы и являлась весьма часто, но не тогда, когда была нужна. Такъ какъ въ гостиницѣ нѣтъ звонковъ, то, если нуженъ былъ мальчикъ, приходилось звать, причемъ онъ являлся лишь когда ему хотѣлось. Кушанье вполнѣ соотвѣтствовало прислугѣ: все было холодно, неопрятно и гадко. Бифштексъ подали еще горячій, но ножъ и вилку принесли только черезъ четверть часа, ибо они оказались нечищенными. Все дѣлалось въ этомъ родѣ. Если кому вздумается спросить въ сибирской гостиницѣ яйце, то онъ получитъ навѣрно испортившееся. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ Мичи, который, впрочемъ, и требованія въ гостиницѣ Амуръ заявлялъ такія, какъ будто бы дѣло было въ какомъ-нибудь Чарингъ-Кросъ-Отелѣ въ Лондонѣ.

Домы въ Иркутскѣ все большіе и красивые, насколько это позволяетъ матеріялъ, изъ котораго они построены. Темная ихъ окраска съ перваго взгляда нѣсколько непріятно поражаетъ глазъ, но общій видъ города весьма недуренъ отъ множества церквей и нѣсколькихъ красивыхъ публичныхъ зданій. На улицахъ находятся лавки со всѣми европейскими предметами роскоши, и надъ ними есть даже французскія вывѣски. Иркутскіе булочники большею частью нѣмцы, и приготовляемый ими французскій хлѣбъ разсылается весьма далеко. Иркутскіе табачные торговцы славятся папиросами, которыя они дѣлаютъ изъ турецкаго табаку.

Въ Иркутскѣ есть весьма хорошіе извощики, лошадки которыхъ исполняютъ свою обязанность несравненно лучше, чѣмъ во многихъ европейскихъ столицахъ. Въ книжной торговлѣ имѣется довольно большой выборъ новѣйшихъ сочиненій. Здѣсь выходитъ газета, есть театръ и нѣсколько ученыхъ обществъ. Но всему этому англичанину пришлось отказаться отъ ложнаго мнѣнія о Сибири, такъ какъ здѣсь, въ ея сердцѣ вовсе не вѣяло могильнымъ холодомъ, и страна не была покрыта саваномъ, какъ обыкновенно представляютъ ее себѣ иностранцы.

Иркутскъ, какъ и большая часть сибирскихъ городовъ, называется по имени протекающей чрезъ него рѣчки, именно малаго Иркута, впадающаго въ Ангару. Населеніе состоитъ изъ 23,000 человѣкъ; но зимою, когда нельзя работать на золотыхъ пріискахъ, къ этому присоединяется еще около 4,000 рабочихъ, проживающихъ въ городѣ свои заработки, до послѣдней копѣйки. Иркутскъ особенно важенъ тѣмъ, что здѣсь находится мѣстожительство генералъ-губернатора, — это главный городъ Восточной Сибири. Оттого здѣсь средоточіе правительственныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе множества чиновниковъ различныхъ отраслей государственнаго управленія, въ городѣ образуется дѣйствительно просвѣщенное общество.

Разъ въ недѣлю для всѣхъ открытъ доступъ къ губернатору. Тогда заблаговременно сходятся къ назначенному

Видъ у Бойкальскаго озера.

часу крестьяне изъ различныхъ мѣстностей съ своими прошеніями, которыя предварительно разсматриваются адъютантомъ. Такой пересмотръ, конечно, составляетъ необходимость, чтобы не задерживать губернатора пустыми дѣлами, такъ какъ онъ и безъ того очень занятъ. Въ самомъ дѣлѣ, у него занятій вдоволь, потому что нелегко управлять страной, которая больше всей Европы и притомъ еще находится на первой ступени своего развитія.

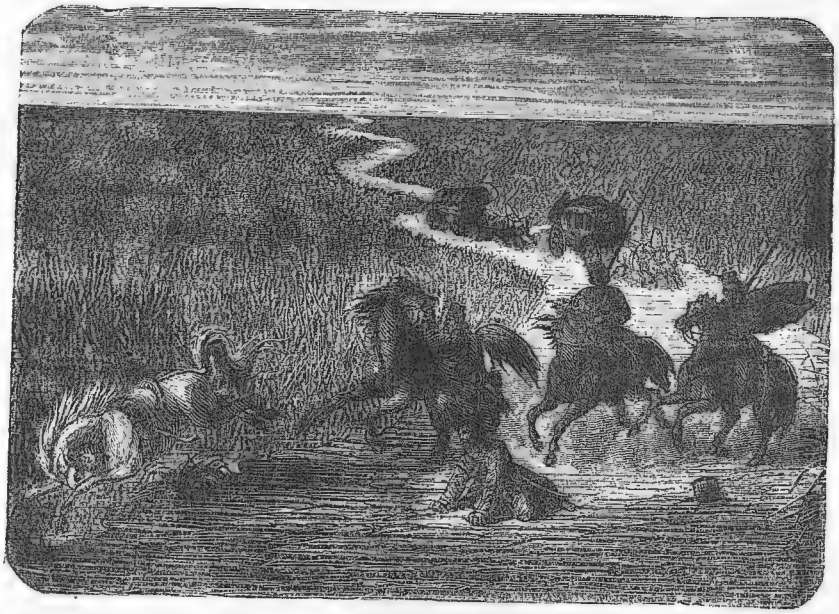
Иркутскъ составляетъ средоточіе Восточной Сибири, вслѣдствіе чего важность этого города увеличивается еще болѣе. Купцы, торгующіе въ Кяхтѣ, бо́льшею частью имѣютъ здѣсь главное мѣсто своего пребыванія. Здѣсь находится главный складъ товаровъ, идущихъ въ Китай и Россію. Вслѣдствіе этого, въ Иркутскѣ живетъ много богатыхъ купцевъ, но промышленость почти совсѣмъ не развита, такъ какъ существуетъ лишь нѣсколько кожевенныхъ и мыловаренныхъ заводовъ. Впрочемъ, при большомъ изобиліи сырыхъ произведеній необходимо лишь лице, нѣсколько предпріимчивое, чтобы пробудить дѣятельность промышлености.

Иркутскъ, какъ и большая часть другихъ значительныхъ городовъ Сибири, имѣетъ хорошія школы, но очень многія достаточныя семейства держатъ для своихъ дѣтей домашнихъ учителей и гувернантокъ. Оттого высшія сословія весьма образованы, между тѣмъ какъ низшіе классы, къ которымъ въ Иркутскѣ можно причислить и купцевъ, еще мало развиты.

Многіе близлежащіе золотые пріиски, принадлежатъ членамъ русской аристократіи, которые съ своими семействами постоянно живутъ здѣсь. Хотя они не прерываютъ сношеній съ европейской Россіей, тѣмъ не менѣе считаютъ Сибирь своимъ настоящимъ отечествомъ. Они дѣлаютъ все, чтобы, по возможности, развить своихъ дѣтей, и приглашаютъ учителей и художниковъ, съ которыми обращаются съ изысканною предупредительностію, потому что просвѣщенные сибиряки особенно уважаютъ искусства и науки. Сибирскіе купцы

или, вѣрнѣе сказать, торговцы стоятъ на довольно низкой ступени общественной лѣстницы. Даже самые богатые между ними, производящіе обширнѣйшія торговыя операціи, по своему просвѣщенію, не могутъ сравниться съ европейскими купцами. Обычаи ихъ мало отличаются отъ крестьянскихъ, потому что бо́льшею частью эти торговцы происходятъ отъ простолюдиновъ. Хотя въ новѣйшее время и между купцами стало распространяться европейское образованіе, тѣмъ не менѣе они еще не сближаются съ высшими сословіями.

Бурятскій лама изъ селенгинской долины.



Барабинская степь.

V.

Отъ Иркутска до Екатеринбурга.

Сибирская почтовая дорога. — Первый телеграфный столбъ. — Неблагоразуміе сибирскихъ золотоискателей. — Паромы. — Красноярскъ. — Томскъ. — Приключеніе у Тома. — Ночь въ крестьянской избѣ. — Телеграмма въ Петербургъ. — Барабинская степь. — Омскъ. — Тюмень. — Екатеринбургъ. — Уралъ.

Дальнѣйшее путешествіе Мичи по большой дорогѣ, идущей чрезъ Сибирь отъ востока къ западу, указываетъ на многіе недостатки почты въ этой области. Должно замѣтить, что этотъ трактъ одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ путей въ мірѣ и единственная значительная въ Сибири дорога, въ которую открываются всѣ побочные пути, и вдоль которой проведенъ телеграфъ.

Почтовая дорога идетъ чрезъ Ангару, дѣлящую Иркутскъ на двѣ части пониже впаденія Иркута. Постоянные мосты въ Сибири составляютъ рѣдкость, а потому и тутъ чрезъ Ангару перекинутъ разводный мостъ. Прозрачныя воды Ангары текутъ здѣсь весьма быстро между живописными берегами. На юго-западѣ вдали виднѣются высокія горы; но вскорѣ видъ закрывается громадными лѣсами, которые прорѣзываются множествомъ маленькихъ рѣкъ. Чрезъ послѣднія можно переправиться лишь посредствомъ паромовъ. Смотря по свойству почвы, дорога идетъ то вверхъ, то внизъ, потому что нигдѣ не заботятся о болѣе горизонтальномъ проложеніи пути. Съ горъ лошади, запряженныя обыкновенно въ очень грузныя повозки, бѣгутъ во весь опоръ, потому что употребляемые тормазы весьма несовершенны. Вообще на лошадей обращаютъ весьма мало вниманія. Имъ даютъ вдоволь корма, но больше о нихъ не заботятся. Разстояніе, какъ и на всѣхъ русскихъ дорогахъ, обозначено здѣсь пестрыми верстовыми столбами. Мичи овладѣло какое-то особенное чувство, когда онъ прочиталъ за Иркутскомъ, что до Петербурга осталось еще около 6,000 верстъ. У рѣчки Бирюзы Мичи увидѣлъ первый телеграфный столбъ и привѣтствовалъ его, какъ предвѣстника высшей культуры. Большіе свертки проволоки лежали на дорогѣ, и работники прикрѣпляли ихъ къ телеграфнымъ столбамъ. Въ декабрѣ 1863 года телеграфъ былъ оконченъ до Иркутска.

Мы покидаемъ здѣсь большую иркутскую дорогу и нашего путешественника и на нѣсколько времени послѣдуемъ за Скарятинымъ къ сѣверу, въ Енисейскую губернію, къ ледовитымъ тундрамъ, къ царямъ Тайгаскихъ горъ, т. е. къ золотопромышленикамъ, живущимъ въ роскоши и придумывающимъ новые планы и средства къ добыванію все большаго и большаго количества золота, рискующимъ даже для этого милліонами, которые доставляютъ выгоду массѣ народа. Жажда золота побуждаетъ милліонера обратиться на время въ простаго рабочаго. Въ сопровожденіи тысячъ наем-

ныхъ работниковъ, онъ устремляется въ неприступныя горы, проникаетъ въ лѣса, идетъ по тундрамъ, гдѣ никогда не раздавался человѣческій голосъ, разрываетъ здѣсь торфъ, погружаясь нерѣдко по поясъ въ воду и снѣгъ или работая при морозѣ въ 25°. Тамъ бродятъ эти крезы, которые не только могли бы жить безъ всякаго труда, въ избыткѣ, но въ состояніи даже обезпечить будущность своихъ дѣтей капиталомъ. Они пробираются по скаламъ и склонамъ, по болотамъ и пустынямъ, переносятъ чрезвычайныя страданія и лишенія, голодаютъ, подвергаются жаждѣ и холоду и не щадятъ ни жизни, ни даже здоровья. Тѣ самые сибариты, которые нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ наслаждались въ Енисейскѣ, Красноярскѣ или Томскѣ трюфелями, доставляемыми изъ-за тысячъ верстъ, и споласкивали ихъ однимъ шампанскимъ, утоляютъ свой голодъ самой гадкой пищей. Для чего же они подвергаются такого рода лишеніямъ? Только для того, чтобы открыть новые пріиски и добыть больше золота. Между тѣмъ въ пустынѣ подъ топоромъ, пилой и огнемъ исчезаетъ вѣковой лѣсъ, расчищаются золотоносныя поверхности, на которыхъ, какъ бы мановеніемъ волшебства, воздвигаются домы, магазины и другія зданія. По непроходимымъ лѣсамъ пролагаются дороги, для провозки громадныхъ запасовъ. Лѣтомъ, въ пору работы, на золотыхъ пріискахъ трудятся тысячи людей, которые спятъ лишь нѣсколько часовъ, чтобы отдохнуть отъ тяжкихъ занятій. Конечно, такіе труды, если они были удачны, смѣняются страшною невоздержностью, потому что не только сами золотопромышленики, но и ихъ работники считаютъ, такъ сказать, своею обязанностію прокутить заработки. Нерѣдко у подобныхъ людей являются самыя безсмысленныя прихоти. Такъ напр. разсказываютъ, что одинъ работникъ купилъ въ Енисейскѣ за громадную цѣну кусокъ шелковой матеріи, разостлалъ ее по самой грязной улицѣ города и прошелъ по ней, чтобы не запачкать сапоговъ.

Впрочемъ, къ такого рода безалаберщинѣ, которая иногда переходитъ въ совершенно противозаконные поступки, нельзя быть слишкомъ строгимъ. Жажда къ золоту распространилась въ Енисейской губерніи еще въ то время, когда тамъ не было самостоятельнаго, образованнаго общества, даже такого, какое можно встрѣтить во всѣхъ другихъ губерніяхъ. Чиновники, которые прежде задавали тонъ обществу, уступили золотоискателямъ, прибывающимъ со всѣхъ концевъ, преклонились предъ ними и плясали по ихъ дудкѣ. Когда люди, которые выросли на щахъ и кашѣ и считали свое имущество грошами, внезапно начинаютъ объѣдаться трюфелями, опиваться шампанскимъ и располагать громаднымъ имуществомъ, то простительно, если у нихъ станетъ кружиться голова. Такіе люди, конечно, не считаютъ нужнымъ или возможнымъ отказать себѣ въ чемъ бы то ни было, если его только можно получать за деньги; достаточно, чтобъ оно было, а о цѣнѣ не спрашиваютъ. Оттого не удивительно, что торговля и промышленость потокомъ хлынули изъ европейской Россіи и Западной Сибири въ отдаленныя тундры и непривѣтливыя горы востока. Все находило покупателей на чистыя деньги и за высокія цѣны. Въ городкахъ, обратившихся въ города, и въ деревняхъ не прекращались ярмарки. Населеніе увеличилось, сбытъ земледѣльческихъ и промышленыхъ произведеній возросталъ и не ограничивался только Восточною Сибирью, но распространился на западъ и подѣйствовалъ даже на ярмарки Ирбитскую и Нижегородскую. Оборотъ Ирбитской ярмарки, считая съ 1825 по 1830 годъ, составлялъ среднимъ числомъ 30 милліоновъ руб. сер., между тѣмъ какъ съ 1840 до 1860 годовъ онъ поднялся до 60 милліоновъ руб. сер. Такимъ образомъ, вслѣдствіе обращенія денегъ, благосостояніе сибирскихъ крестьянъ очень увеличилось. У нихъ поэтому все устроилось на городскую ногу; въ ихъ домикахъ находится по нѣскольку комнатъ; они ежедневно сидятъ съ семействомъ у самовара и носятъ прекрасныя шубы, а ихъ жены и дочери имѣютъ даже шелковыя платья. Зажиточные

крестьяне держатъ для гостей не только водку и наливку, но также вино, плоды и конфекты. Они разъѣзжаютъ въ довольно красивыхъ повозкахъ тройкою и нанимаютъ работниковъ.

Теперь золотопромышленость въ Енисейской губерніи упала. По словамъ Скарятина, это зависитъ отъ двухъ причинъ: отчасти отъ истощенія золотыхъ пріисковъ, отчасти отъ несообразныхъ правилъ относительно добыванія золота. Оттого на открытіе новыхъ пріисковъ едва ли можно надѣяться. Послѣ такого отклоненія, указавшаго намъ на занимательныя стороны жизни сѣверо-восточной Сибири, возвратимся къ нашему путешественнику и послѣдуемъ за нимъ въ его странствованіи.

Въ Енисейской губерніи дороги гораздо лучше, чѣмъ въ Иркутской. Здѣсь устроено шоссе по системѣ Макъ-Адама, но мостовъ тоже не видно. Какъ это вредитъ сообщенію, можно судить по тому, что Мичи ночью прождалъ у берега рѣки Кана нѣсколько часовъ, пока перевощику, заснувшему на другомъ берегу, вздумалось подъѣхать, чтобы перевезти тарантасъ. На западъ отъ этой рѣки нѣтъ лѣса, и мѣстность представляетъ почти совершенную равнину. Земледѣліе становится значительнѣе, и деревни встрѣчаются чаще. Но вотъ и широкій Енисей. По другой сторонѣ рѣки находится Красноярскъ. Въ немъ считается 10,000 жителей. Названіе этого города заимствовано не отъ рѣки, какъ это водится повсюду, но отъ скалъ, называемыхъ „Краснымъ Яромъ“. Мѣстность здѣсь покрыта отличною травою и хорошо обработана. Городъ лежитъ на возвышенной плоскости, въ широкой долинѣ. Какъ и въ прочихъ городахъ Сибири, улицы въ Красноярскѣ хорошія, чистыя и прямыя. Темные домы представляютъ рѣзкую противоположность съ совершенно бѣлыми стѣнами церквей. Мичи не получилъ въ Красноярскѣ лошадей и потому прибѣгнулъ къ книгѣ для записыванія жалобъ. Впрочемъ, англійскій путешественникъ замѣчаетъ, что почтовое сообщеніе, не смотря на встрѣчающіяся затрудненія во время

путешествія, все-таки производится по Сибири съ замѣчательною быстротою. Извѣстія изъ Кяхты достигаютъ до Петербурга въ 20 дней. Важныя политическія происшествія въ Китаѣ постоянно были извѣстны въ Петербургѣ раньше, чѣмъ въ Лондонѣ. Свѣдѣніе о подписаніи мирнаго договора въ Тьенъ-Цинѣ, въ 1858 году, прибыло въ Петербургъ нѣсколькими недѣлями раньше, чѣмъ въ Лондонъ; а такъ какъ теперь телеграфъ проведенъ до китайской границы, то извѣстія изъ Пекина получаются чрезъ Россію скорѣе, чѣмъ чрезъ Бомбай и Суэцъ.

На равнинѣ за Красноярскомъ было очень холодно. Морозъ много затруднялъ путешествіе. Мичи миновалъ Ачинскъ, послѣдній городъ Восточной Сибири, отличающійся двумя красивыми церквами. Во всей Енисейской губерніи дороги довольно хороши, и по бокамъ ихъ проведены рвы. Напротивъ того, въ Томской губерніи самыя плохія сибирскія дороги, совершенно испорченныя отъ слишкомъ большой ѣзды. Въ сырые, осенніе мѣсяцы эти дороги превращаются въ широкую полосу грязи, въ которой колеса тяжело нагруженныхъ повозокъ прокладываютъ глубокія борозды. Но вотъ затѣмъ наступаетъ стужа, и эти бугры и рытвины, образовавшіеся въ мягкой массѣ, замерзаютъ такъ, что дорога дѣлается неудобною. Въ такомъ случаѣ повозки держатся то правой, то лѣвой стороны, пока выпавшій снѣгъ не сгладитъ искусственныхъ неровностей. Оттого возникла даже поговорка: что „между осенью и зимою въ Томской губерніи дороги не бываетъ“.

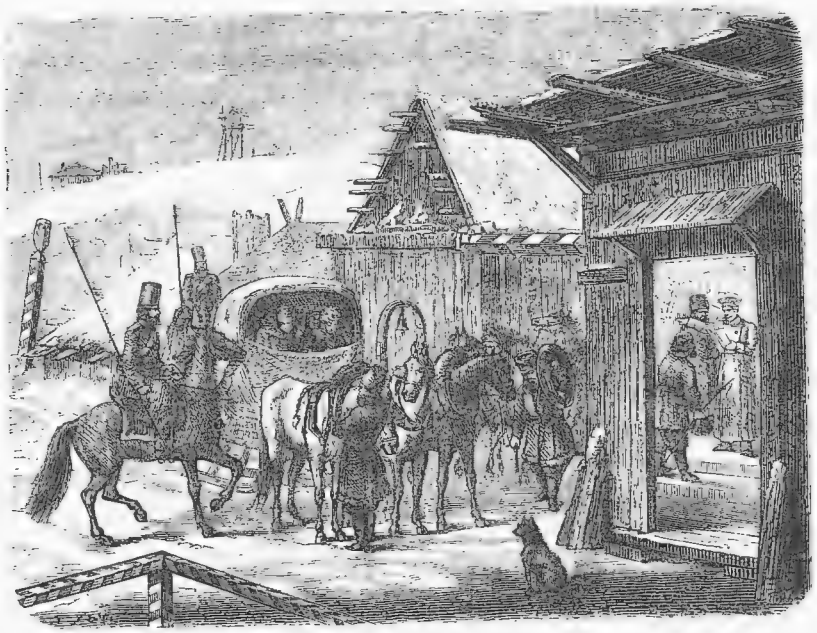
Перваго ноября Мичи прибылъ въ Томскъ, гдѣ его отлично приняли въ домѣ одной пожилой дамы. Комнаты были украшены не только обычными образами, но также видами Казани и Александровской колонны; тутъ же висѣло нѣсколько раскрашенныхъ литографій, изображавшихъ бомбардированіе Севастополя. Рядомъ со всѣмъ этимъ помѣщалось въ рамкѣ за стекломъ свидѣтельство, что хозяйка сдѣлала въ 1846 году приношеніе въ церковь.

Въ Томскѣ жителей меньше, чѣмъ въ Иркутскѣ, и улицы расположены въ немъ менѣе симметрично; кромѣ того, домы построены не такъ щеголевато; но при всемъ томъ они кажутся какъ-то привѣтливѣе. Недостатокъ архитектурной красоты зданій болѣе чѣмъ вознаграждается прекраснымъ мѣстоположеніемъ Томска. Онъ находится на нѣсколькихъ холмахъ у береговъ Тома. Между ними проходятъ глубокія ущелія, придающія мѣстности живописный характеръ. Многіе домы изъ кирпича, и на болѣе значительныхъ видны даже вывѣски страховаго общества „Саламандра“. Пожаровъ здѣсь весьма опасаются, по причинѣ деревянныхъ домовъ, почему запрещаютъ даже курить на улицѣ.

Климатъ Томска весьма холодный, потому что зимой температура понижается до 30 и 40° по Реомюру, что́, впрочемъ, не тягостно для мѣстныхъ жителей. Мичи видѣлъ, какъ многія женщины стирали въ проруби, сдѣланной во льду замерзшаго Тома. Тутъ даже самый бѣдный человѣкъ имѣетъ шубу, безъ которой, впрочемъ, здѣсь нельзя и существовать.

5-го ноября, послѣ обѣда, Мичи выѣхалъ изъ Томска въ кибиткѣ. Была уже ночь, когда они ѣхали по большому лѣсу, который тянется на западъ отъ города. Ближайшая станція находилась въ восемнадцати верстахъ, у берега Тома; но когда путешественники прибыли на мѣсто, то, оказалось, что станція перенесена на другое мѣсто. Ямщики отказывались ѣхать дальше и остановились передъ станціоннымъ домомъ. Тогда, посреди ночи, на берегу замерзшаго Тома, возникъ весьма непріятный споръ съ ямщиками, въ который вмѣшался и староста съ нѣсколькими крестьянами. Никто не рѣшался переправиться черезъ ледъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что ямщики выпрягли лошадей и оставили Мичи одного въ его кибиткѣ у рѣки. Конечно, нельзя назвать удобствомъ провести ночь въ открытой повозкѣ; при жестокомъ холодѣ. Деревня, гдѣ случилась такая непріятность, называется Калтарская.

Въ избѣ, находившейся неподалеку отъ повозки, раздавалась пѣсня мужика, и по временамъ слышны были ругательства. У дома стояли покинутыя лошади и терпѣливо сносили холодъ и голодъ. Къ утру стужа увеличилась, и Мичи, будучи не въ силахъ переносить ее, рѣшился войти въ избу. Когда онъ открылъ дверь, то на него пахнуло теплымъ паромъ, и обоняніе его поразилъ страшный запахъ отъ множе-



Почтовая станція въ Ачинскѣ.

ства людей, лежавшихъ въ тѣсномъ помѣщеніи. По храпѣнію, которое раздавалось изъ различныхъ угловъ, Мичи могъ опредѣлить, гдѣ лежатъ спящіе. Ловко пробираясь между ногами и головами этого общества, онъ наткнулся на столъ, который и послужилъ путешественнику до самой зори великолѣпною постелью. Когда онъ открылъ глаза, то увидѣлъ, что его товарищи занимались утреннимъ туалетомъ, т. е.

зѣвали, распрямляли руки и ноги и тужe стягивали пояса. Главная особенность при устройствѣ этого дома, точно такъ же, какъ и почтовой станціи, о которой у насъ рѣчь, заключалась въ удаленіи свѣжаго воздуха, для предохраненія отъ холода. Въ теченіе дня отопленіе большой печи поддерживаетъ пріятную, равномѣрную теплоту, между тѣмъ какъ ночью теплотѣ помѣщенія содѣйствуютъ тѣла хозяина, его семейства, ямщиковъ и путешественниковъ.

На слѣдующій день ямщики сдѣлались милостивѣе и повезли Мичи до слѣдующей станціи. Чрезъ Обь переправились съ нѣкоторою опасностью, потому что по ней шелъ ледъ. Вскорѣ Мичи достигъ грустнаго Колывана, который, однако, показался Мичи самымъ просвѣщеннымъ городомъ, послѣ его отъѣзда изъ Пекина. Тутъ онъ нашелъ первую телеграфную станцію, гдѣ, впрочемъ, какъ на второклассной, депеши принимались лишь на русскомъ языкѣ. Петербургъ находится отъ Колывана на разстояніи четырехъ тысячъ верстъ. Депеша, которую отправилъ Мичи, прибыла на мѣсто назначенія чрезъ 36 часовъ.)

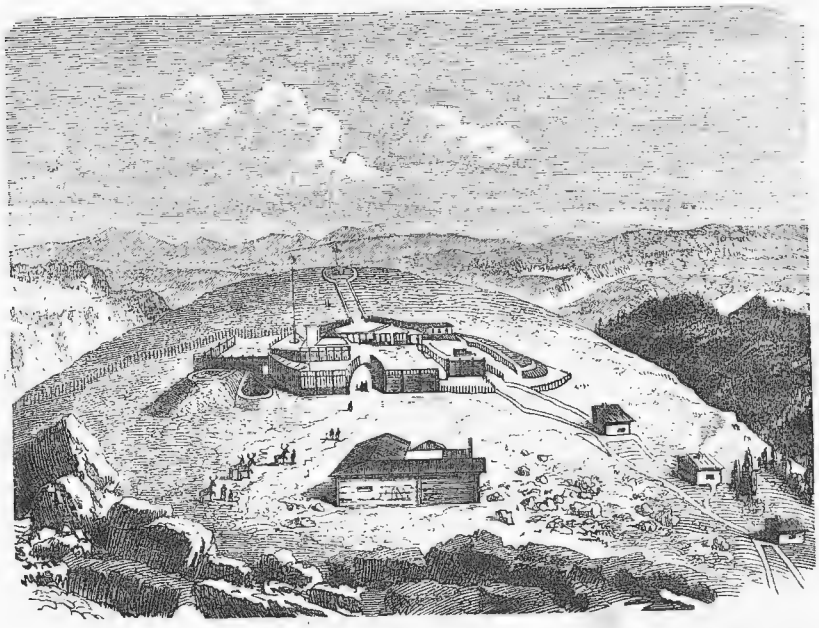
За Колываномъ дорога идетъ по скучной Барабинской степи, простирающейся обширною болотною равниною на лѣвомъ берегу Оби до Тюмени. На югѣ эта степь прилегаетъ къ Киргизской и можетъ считаться сѣвернымъ ея продолженіемъ. Трава, растущая въ степи, длинна и груба, и почва ея лѣтомъ всегда болотиста, почему и не можетъ служить для пастбищъ. Лѣсу въ Барабинской степи вовсе нѣтъ, и на ней лишь кое-гдѣ растутъ съ большимъ трудомъ маленькія березки. Деревья составляютъ на этомъ пространствѣ рѣдкость. По наружности жителей, видно, что они ведутъ невеселую жизнь. Всего поразительнѣе въ этихъ степяхъ вѣтряныя мельницы, которыя видны гораздо раньше самыхъ деревень. Большая сибирская дорога была тутъ во время проѣзда Мичи до того плоха, что цѣлые обозы ожидали снѣга. Путешественникъ не обращалъ на это никакого вниманія и продолжалъ ѣхать по болотистой почвѣ.

Гостиница „Москва“ въ городѣ Омскѣ была столь же дурнымъ убѣжищемъ, какъ и хваленая гостиница „Амуръ“ въ Иркутскѣ; не было почти никакихъ удобствъ, даже комнаты оказались холодными и неуютными, причемъ, само собою разумѣется, за все брали очень дорого. Городъ лежитъ на холмѣ у впаденія Ома въ Иртышъ, въ немъ считается около 12,000 жителей, и здѣсь находится мѣстопребываніе генералъ-губернатора Западной Сибири, подъ управленіемъ котораго состоятъ и Киргизскія степи. Не смотря на чрезвычайный холодъ, было мало снѣга, почему Мичи никакъ не могъ пользоваться санями и долженъ былъ подвергнуться мучительной ѣздѣ въ кибиткѣ на колесахъ. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, нельзя было спать ночью, и въ теченіе двухъ сутокъ путешественникъ долженъ былъ довольствоваться лишь легкою дремотою, причемъ ѣлъ, когда только удавалось. Не смотря на это, Мичи чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Безпрерывное пребываніе на свѣжемъ сибирскомъ воздухѣ дѣйствовало благотворно, и Мичи говоритъ, что, не смотря на обиліе снѣга и льда, нѣтъ въ мірѣ климата здоровѣе сибирскаго. Сперва путешественникъ переправился чрезъ Иртышъ и затѣмъ прибылъ въ Тюмень, гдѣ купилъ себѣ сани. Начиная отъ этого города, почтовыя станціи, лошади и дорога стали лучше, чѣмъ въ Восточной Сибири. Въ 35 часовъ Мичи доѣхалъ до Екатеринбурга. Въ этотъ городъ въѣзжаютъ мимо низкихъ, бѣдныхъ домиковъ, образующихъ предмѣстье. Жителей считается въ Екатеринбургѣ около 19,000. Городъ расположенъ на обширной равнинѣ, орошенной рѣчкою Ирхетъ, расширяющейся здѣсь въ озеро, и съ своимъ мостомъ имѣетъ величественный и даже щеголеватый видъ, если на него смотрѣть съ почтовой дороги. Многочисленные каменные домы, красивыя церкви и публичныя зданія производятъ также благопріятное впечатлѣніе. Между всѣми зданіями особенно выдается монетный дворъ, въ которомъ чеканятъ мѣдную монету, обращающуюся въ Россіи; здѣсь есть заводъ для обдѣлыванія драгоцѣнныхъ

камней. Малахитъ, топазъ и аметистъ — камни, которые на многихъ языкахъ предлагаются проѣзжимъ мальчиками. Почти такъ же дѣятельны заводы чугунолитейные, получающіе чугунъ изъ ближайшихъ городовъ. Отсюда большая часть Сибири снабжается желѣзомъ, такъ напр. котлы и машины байкальскихъ пароходовъ сдѣланы въ Екатеринбургѣ, который самый западный городъ Сибири и лежитъ у подошвы Урала, отдѣляющаго Европу отъ Азіи. Мичи разсказываетъ: „я представлялъ себѣ эту горную цѣпь величественною, но моя иллюзія совершенно исчезла, когда я спросилъ, гдѣ Уралъ, и мнѣ указали на цѣпь холмовъ, покрытыхъ частымъ лѣсомъ и не произведшихъ на меня болѣе величественнаго впечатлѣнія, чѣмъ Ламермурскія горы въ Шотландіи. Я не понимаю, къ чему ихъ оттѣняютъ на нашихъ картахъ, какъ будто бы они составляютъ дѣйствительно рѣзкую границу между обѣими частями свѣта. Конечно, эти холмы занимаютъ обширное пространство, но ихъ высота на самомъ дѣлѣ весьма незначительна и кажется еще незначительнѣе, особенно потому, что они поднимаются надъ равниной постепенно. На широтѣ Екатеринбурга горы эти не выше 2,000 ф. надъ уровнемъ моря, а равнина съ сибирской стороны находится на 800 до 1,000 ф., вслѣдствіе чего горная цѣпь становится совершенно незамѣтною.“ Такое же замѣчаніе сдѣлалъ Аткинсонъ, когда подъѣхалъ къ Уралу съ русской стороны. Здѣсь, на границѣ европейской Россіи, мы разстаемся съ Мичи, который чрезъ Казань поѣхалъ въ Нижній Новгородъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ГУСТАВА РАДДЕ

ПО ЮГУ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.



Графитныя копи Алибера въ Саянскихъ горахъ.

VI.

Путешествіе по восточному Саяну и восходъ на ледники Мунку Сардика.

Положеніе Саяна. — Китайско-русскія пограничныя дощечки. — Буряты-земледѣльцы. — Черный Иркутъ. — Рыбная ловля на Ильчирскомъ озерѣ. — Гроза. — Графитныя копи Алибера. — Графитъ въ Туруханскомъ уѣздѣ. — Соіоты-охотники. — Долина Оки. — Восхожденіе на Мунку-Сардикъ. — Насѣкомыя на ледникахъ этой горы. — Легенда о Мунку-Сардикѣ. — Суслики на Мунку-Сардикѣ. — Долина Иркута. — Путешествіе Пермикина къ Косоголу. — Начальникъ уріенховъ. — Яки. — Юрта данаина. — Посѣщеніе буддійскаго монастыря. — Игра въ шахматы у уріеновъ. — Наказанія. — Свѣдѣнія о Косоголѣ.

Восточная часть большой сибирской горной цѣпи, идущей главнымъ образомъ по направленію между 50 и 51 градусомъ широты, составляетъ на значительномъ протяженіи границу двухъ величайшихъ государствъ на землѣ и называется Са-

янскими горами. До новѣйшаго времени эти горы были недостаточно извѣстны, и даже великій Карлъ Риттеръ, написавшій классическую географію Азіи, не зналъ высочайшей точки этой цѣпи, Мунку-Сардика; сомнительна даже тожественность горы, означенной въ Гумбольдтовой картѣ центральной Азіи, съ данной вершиной. Это тѣмъ поразительнѣе, что означенная гора находится лишь на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ главнаго города восточной Сибири, Иркутска. Близживущіе народы называютъ значительный хребетъ Тунгузскими горами или же иногда даютъ ему болѣе общее названіе Урала. У подошвы этой цѣпи съ южной стороны, уже въ китайскихъ владѣніяхъ, находится котловина, образующая большое озеро Косоголъ. Узкій гребень со многими зубцами и острою вершиною выдается надъ прочими горами, которыя простираются съ сѣверной стороны непрерывными широкими хребтами. Посреди этихъ горъ Мунку-Сардикъ воздымается высочайшею точкою, и нагорный ледникъ версты въ двѣ шириною, виднѣющійся издали, указываетъ набожнымъ послѣдователямъ буддійскаго ученія въ Монголіи эти священныя для нихъ мѣста. Далѣе къ югу находится плоская возвышенность отъ 3 до 4,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Она прилегаетъ къ пустынѣ Гоби и своимъ степнымъ, безплоднымъ характеромъ представляетъ поразительный контрастъ съ сѣверными лѣсистыми возвышенностями Саянскихъ горъ, съ которыхъ въ Ангару, притокъ Байкала, стекаютъ рѣки Иркутъ, Ока, Китой и Бѣлая.

Въ эту интересную область Радде отправился лѣтомъ 1859 года. Онъ полагалъ пробраться и на монгольскую сторону горъ, около озера Косогола, какъ вдругъ ему представилось особеннаго рода препятствіе. Племя урісанховъ, обитающее у этого озера, было запугано военною рекогносцировкою, произведенною за годъ предъ тѣмъ генеральнымъ штабомъ въ Иркутскѣ. Оттого они пропускали къ себѣ лишь тѣхъ лицъ, которыя имѣли такъ называемыя пограничныя дощечки. Эти дощечки представляютъ собою двѣ продолгова-

Видъ въ восточныхъ Саянскихъ горахъ.

тыя, четыреугольныя пластинки, взятыя отъ одного и того же куска дерева, расколотаго пополамъ. Одна изъ нихъ хранится въ монгольскомъ пограничномъ постѣ, а другая въ русскомъ. При офиціяльномъ осмотрѣ границъ, который со стороны Россіи производится весною, а монголами осенью, приносятся въ соотвѣтственные посты обѣ половинки и накладываются одна на другую мѣстами раскола. Если онѣ подходятъ другъ къ другу, это считается признакомъ искреннихъ дружественныхъ отношеній обоихъ государствъ. Радде не получилъ такой дощечки и потому не могъ продолжать путешествія за предѣлы русской границы. Кромѣ того, случилось, что въ то время одинъ буддійскій жрецъ изъ Дарахтской страны былъ арестованъ русскими за нѣкоторые противозаконные поступки при переходѣ чрезъ границу. Это было извѣстно сосѣдямъ и еще болѣе увеличивало ихъ мнительность по отношенію къ чужестранцамъ.

Упомянутый жрецъ поступилъ противъ законовъ русскаго правительства, которое строго запрещаетъ сообщеніе между ламами Сибири и Монголіи.

8 іюля Радде вмѣстѣ со Львовымъ отправился въ свое путешествіе изъ укрѣпленія Тунка, лежащаго по среднему теченію Иркута. Онъ намѣревался достигнуть до главнаго истока Иркута, Чернаго Иркута, который начинается у восточнаго конца узкаго Ильчирскаго озера. Тутъ предъ нимъ воздымался гребень Мунку-Сардика, увѣнчанный снѣгомъ и имѣющій высоту въ 10,400 фут. Путешественникъ лишь медленно могъ продолжать свой путь по горамъ, которыя почти всѣ подымаются выше предѣловъ произрастанія деревъ и представляютъ только сѣверную растительность лишаевъ. Большіе валуны гнейса, увлеченные дождемъ и водою отъ тающаго снѣга и снесенные въ долину, затрудняли верховую ѣзду. Дорога спускается въ долину Шоломуръ, обитаемую бурятами, надъ которыми Радде сдѣлалъ наблюденія, указывающія на практичность этого племени. Буряты устроили по крутымъ скатамъ значительное число мелкихъ отводныхъ

каналовъ для того, чтобъ лѣтомъ, при сильныхъ дождяхъ, отъ внезапнаго наплыва воды не попортились ихъ сѣнокосы. Они переняли отъ русскихъ кошеніе травы, что представляетъ переходъ монгольскаго кочующаго племени къ жизни пастушеской съ осѣдлостью и можетъ считаться первымъ шагомъ къ земледѣлію.

Растительность нижней части долины Шоломуръ и вообще нижней части Саяна весьма бѣдна. Издали видны только кусты ревеня съ широкими темными листьями, и нѣсколько рыцарскихъ шпорокъ украшаетъ собою сухіе, покрытые голышами скаты, гдѣ которыхъ поросъ жидкою, жалкою травою. И лиственица является здѣсь, на высотѣ отъ 5 до 6,000 фут., единственнымъ представителемъ деревъ.

Во время путешествія Радде она была совершенно гола, и ея иглы едва только пустили почки. Время еще было холодное, а здѣсь вовсе не рѣдкость, что въ іюнѣ выпадаетъ снѣгъ по колѣни, губя проголодавшіяся стада.

На Радде произвела удивительное впечатлѣніе страшная величественность и вмѣстѣ съ тѣмъ волшебная привлекательность альпійской природы. Онъ еще не знаетъ всѣхъ ужасовъ этой мѣстности и охотно остается въ ней. Со всѣхъ его сторонъ упираются въ небо растрескавшіяся гранитныя стѣны. Предъ нимъ протекаетъ прелестный каскадъ низвергающейся чистой, снѣжной воды между цвѣтущими кустами рододендрона, пока, наконецъ, за свѣтлозеленымъ холмомъ лишаевъ не достигаетъ предѣла произрастанія деревъ, который обозначается лиственицей. Снѣжныя вершины близлежащихъ горъ, позлащенныя заходящимъ солнцемъ, окаймляютъ эту картину, которая внезапно можетъ принять совершенно иной характеръ. Однообразный, густой туманъ, чрезвычайно затруднявшій дальнѣйшее странствованіе, окуталъ собою весь ландшафтъ. Только и слышно, какъ оступаются вьючныя лошади, и самъ проводникъ съ безпокойствомъ слѣдитъ, какъ бы не потерять узкой тропинки въ этомъ царствѣ камней и лишаевъ. Уже нѣсколько часовъ бредутъ то туда,

то сюда, въ туманѣ, пузырьки котораго успѣли пропитать кожаную одежду до самаго тѣла. Вдругъ подулъ сѣверо-западный вѣтеръ съ градомъ и хлопьями снѣга, прямо въ лице путешественнику, какъ бы для того, чтобъ ознакомить его и съ ужасающей стороной этой мѣстности.

Продолжая идти въ такомъ влажномъ туманѣ, Радде достигъ области истоковъ Иркута и Оки — рѣкъ, текущихъ на сѣверо-востокъ. Къ жалкимъ лиственницамъ, между которыми лесталъ большой сорокопутъ, присоединилось растеніе, которое придавало мѣстности совершенно особую прелесть. Сгруппировавшись повсюду небольшими кучками, большею частью вдоль ручьевъ, рядомъ съ альпійскими ивами и рододендронами, стоятъ caragana jubata, съ ихъ слегка искривленными и гибкими вѣтвями, густо усаженными колючками. Среди нихъ и между скудно одѣтой лиственицей бродитъ дикій сѣверный олень, всегда держащійся предѣла произрастанія деревъ и питающійся лишаями. Въ лунную же ночь россомаха крадется по свѣжимъ слѣдамъ кабарги, служащей для нея главною пищею.

Лишь къ закату солнца путешественникъ добрался до рѣки *Тумалика*, берега которой были покрыты совершенно мокрымъ мохомъ и не представляли ни малѣйшаго мѣстечка для ночлега. Онъ принужденъ былъ идти дальше по едва распознаваемымъ тропинкамъ и уже съ наступленіемъ ночи достигъ восьми покинутыхъ соіотами юртъ. Въ лучшей изъ нихъ путешественники и расположились на ночлегъ. Эти юрты были на самомъ южномъ предѣлѣ кочевья соіотовъ, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. На другой день они достигли широкой долины Иркута, ограниченной съ обѣихъ сторонъ постепенно возвышающимися хребтами и имѣющей въ ширину отъ 8 до 10 верстъ.

Черный Иркутъ своими темносиними, прозрачными водами, медленно течетъ по разнообразно извивающемуся руслу. По обѣимъ сторонамъ тянутся горы съ мрачною, однообразною растительностію, которая наводитъ тоску, особенно въ

дождливую погоду. Въ болотистой, покрытой лишаями почвѣ глубоко вязли лошади и едва-едва могли подвигаться впередъ. Болото смѣнялось каменною почвою, и бѣдныя животныя здѣсь также шли съ большимъ трудомъ, потому что неподкованныя ихъ копыта часто наступали на острые осколки камней. Такимъ-то путемъ достигли они *Ильчирскаго* озера, ограниченнаго горами только съ сѣвера и сѣверовостока, между тѣмъ какъ къ югу онѣ разступаются. Это маленькое горное озеро будетъ длиною въ четыре или пять верстъ и шириною въ одну версту. 27-го іюня оно еще было покрыто толстымъ льдомъ, во многихъ мѣстахъ доходившимъ до двухъ футовъ толщины. Въ этомъ озерѣ, какъ и въ большей части другихъ горныхъ озеръ Саяна, много рыбы, особенно форелей тѣхъ же самыхъ видовъ, какіе водятся въ Германіи salmo thymallus и fluviatilis). Съ наступленіемъ осени онѣ заплываютъ въ Иркутъ, чтобы перезимовать въ его болѣе глубокихъ водахъ.

Орудіе для лова форелей въ озерѣ Ильчирѣ.

Ильчиръ — центральный пунктъ соіотовъ; въ ихъ юртахъ Радде нашелъ жителей. Они ловятъ рыбу въ озерѣ помощію загнутой вилки съ двумя зубцами, прикрѣпленной къ деревянной рукояткѣ и называемой *татуръ*. Употребленіе этого простаго инструмента требуетъ нѣкоторой сноровки и проворства, и посредствомъ его въ короткое время можно натаскать изъ воды много рыбы. Ловлею ея особенно занимаются въ теплые лѣтніе дни, когда въ свободномъ ото льда Ильчирѣ крупная рыба поднимается на поверхность воды и медленно плаваетъ вдоль береговъ. Въ то время, какъ рыба проплываетъ мимо опущенной въ воду вилки, рыбакъ быстрымъ движеніемъ руки назадъ подцѣпляетъ на одинъ изъ ост-

рыхъ зубцевъ свою добычу. Послѣ короткой остановки у Ильчира, Радде отправился дальше, взявъ съ собою проводника, чтобъ добраться съ нимъ до обширной долины *Иркутариана*, рѣки, впадающей въ Иркутъ. Возвышенности ея береговъ поросли жиденькимъ лѣсомъ; растительность та же, что и прежде: лиственница, альпійская роза съ мелкими цвѣтами и приземистая береза. На болотистыхъ мѣстахъ одна порода бекасовъ, съ своимъ страннымъ шумомъ, занималась вечерними прогулками. Здѣсь наши путешественники переночевали и на другое утро (28-го іюня) отправились къ ущелью обнаженныхъ Ультуйскихъ горъ. Въ мѣстѣ прохода чрезъ эти горы странствующіе туземцы, съ теченіемъ времени, набросали большую кучу камней, потому что считаютъ дѣломъ, пріятнымъ для горнаго духа, за неимѣніемъ лучшей жертвы, положить, по крайней мѣрѣ, камень въ этомъ молитвенномъ мѣстѣ. Странно, что и русскіе простолюдины поддерживаютъ такой языческій обычай. Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь тотъ же самый обычай, какой Мичи наблюдалъ въ пустынѣ Гоби. По минованіи прохода, Радде вступилъ въ горную область, гдѣ нашелъ настоящій лабиринтъ источниковъ, имѣющихъ множество параллельныхъ стоковъ, которые чрезъ Ангару посылаютъ свои воды въ Енисей. Здѣсь, гдѣ падаетъ много снѣга и лѣтомъ почва очень влажна, повсюду на вершинахъ произрастаетъ сибирскій кедръ.

Радде достигъ нижнихъ отлогостей горъ; тутъ лишаи замѣнялись уже мхомъ, и дорога сдѣлалась сноснѣе, такъ что сѣверные олени, нагруженные поклажею, шли гораздо веселѣе; какъ вдругъ около полудня разразилась страшная буря. Къ счастію путешественниковъ, по близости оказалось нѣсколько покинутыхъ соіотскихъ юртъ, гдѣ они и нашли себѣ убѣжище. Между тѣмъ раздавались раскаты грома, и градъ падалъ въ юрту, въ которой странники помѣстились, чрезъ отверстіе для выхода дыма, и попадалъ въ огонь, который былъ разведенъ посреди юрты, и на которомъ ки-

пѣлъ котелокъ съ бараньимъ сухомъ. Переждавъ грозу путешественники опять отправились въ путь; по словамъ проводника, они уже были недалеко отъ извѣстныхъ Алиберовыхъ графитныхъ копей. Нѣсколько крестовъ, поставленныхъ для обозначенія дороги, указывали, что они приближаются къ болѣе обработанной мѣстности. Хижина, доставившая путешественникамъ мѣсто для отдыха, стояла какъ разъ у начала довольно хорошей дороги, шириною въ сажень и съ большимъ трудомъ проложенной по довольно плохой почвѣ. Сибирскіе кедры преобладаютъ здѣсь надъ остальными деревьями, и къ альпійской розѣ присоединяются душистыя растенія съ розовыми цвѣтками (osmantus fragrans). Чрезъ ручьи перекинуты тщательно построенные мосты. Дорога проложена между гранитными валунами. Когда Радде перешелъ чрезъ одну горную вершину, предъ его взорами открылся обширный ландшафтъ, на переднемъ планѣ котораго находилось заведеніе Алибера, куда дѣятельные рабочіе доставляли графитъ въ тачкахъ или въ переносныхъ корзинахъ. Здѣсь, на высотѣ 7,600 ф. надъ уровнемъ моря, странствующій естествоиспытатель былъ ласково принятъ въ уютномъ помѣщеніи владѣльца. Заведеніе это стоитъ совершенно уединенно, выше границъ произрастанія деревъ, посреди непроходимыхъ горъ; и, не смотря на это, оно во всѣхъ отношеніяхъ, до малѣйшихъ подробностей, устроено весьма дѣльно и основательно и потому вполнѣ справедливо возбуждаетъ уваженіе къ его владѣльцу. На постройки обращено большое вниманіе — отъ комнатъ самого владѣльца, которыя хотя малы, но очень уютно расположены и снабжены всѣми необходимыми предметами, до церкви, раскошно убранной, въ которой священникъ два раза въ году совершаетъ богослуженіе.

При высокомъ положеніи (7,353 ф.), совершенной уединенности мѣста и при настоятельной необходимости держать нѣсколько домашнихъ животныхъ, владѣлецъ долженъ былъ подумать о мѣрахъ къ ихъ прокормленію, вслѣдствіе чего

при заведеніи возникло довольно порядочное хозяйство. Съ огромными денежными пожертвованіями проложена дорога въ болѣе защищенное мѣсто. При ея устройствѣ надо было побѣдить многочисленныя препятствія, представляемыя почвою, но, благодаря терпѣнію и настойчивости, удалось таки окончить эту дорогу. По высокому положенію горы, въ этомъ хозяйствѣ о хлѣбопашествѣ не могло быть и рѣчи, но зато тамъ получаютъ сѣно въ количествѣ, достаточномъ для прокормленія 20 лошадей и быковъ.

Алиберова гора, гдѣ находятъ графитъ, состоитъ на южной сторонѣ изъ известняка и сланца, а на противоположной представляетъ гранитъ и сіенитъ съ постепенными переходами. Владѣлецъ пріобрѣлъ въ 1847 г. значительное состояніе, которое и употребилъ на отысканіе золота. При этомъ въ восточномъ Саянѣ въ ручьяхъ онъ напалъ на графитные осколки и голыши и съ тѣхъ поръ сосредоточилъ всю свою дѣятельность на отысканіи мѣстонахожденія графита. Ему посчастливилось въ этомъ отношеніи, — одинъ соіотъ указалъ ему главную жилу; и вотъ послѣ многолѣтнихъ трудовъ и безпрерывно одинокой жизни, Алиберъ можетъ, наконецъ, насладиться плодами своихъ стараній. Графитъ находится здѣсь въ жилѣ шириною въ сажень, спускающейся почти отвѣсно въ крупнокристаллическій сіенитъ и гранитъ и въ шахтѣ глубже 80 футовъ, съ каждымъ шагомъ дальше внизъ, становящейся шире и доброкачественнѣе. Даже въ кристаллическомъ известнякѣ графитъ встрѣчается, то какъ случайная примѣсь, то въ видѣ гнѣздъ; именно, въ немъ находятъ такіе куски графита, которые большею частію имѣютъ длинную и узкую форму и представляютъ слегка волнообразную, сильно напоминающую строеніе дерева, поверхность. Этого рода графитъ считается самымъ лучшимъ. Большія сплошныя массы бываютъ весьма различной доброты; онѣ имѣютъ особенно вблизи сопровождающей ихъ породы раковидный изломъ и сильный перламутровый блескъ, но зато въ такихъ мѣстахъ онѣ

недоброкачественны. Большія массы графита, лежащаго въ главной жилѣ, составляютъ много сотенъ тысячъ пудовъ. Отдѣленіе графита, производимое посредствомъ пороховыхъ взрывовъ, потребуетъ сотенъ лѣтъ для очищенія жилы. Важность этой находки для искусства и техническихъ цѣлей усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что англійскія графитныя копи въ Борроуделѣ совершенно истощены, а пассаускія въ Баваріи доставляютъ посредственный матеріялъ. Но сколько еще времени проходитъ, пока отторгнутая груда графита превращается посредствомъ торговли въ звонкую монету!

Изъ пустынныхъ сибирскихъ горъ сырой матеріялъ отправляется въ Баварію. Но прежде, нежели нюрнбергскія пилы завода Фабера раздѣлятъ глыбу восточно-сибирскаго графита на куски, она должна быть провезена по протяженію, по крайней мѣрѣ, 7,000 верстъ. Такимъ образомъ, какъ ни ничтоженъ карандашъ, которымъ опытная рука художника дѣлаетъ свои очерки, однако-жъ, сколько рукъ занято его приготовленіемъ! Сколько трудовъ нужно было потратить, чтобы получить отъ природы этотъ матеріялъ! Графитъ провозится только зимою, потому что лѣтніе пути, изъ которыхъ одинъ обозначенъ въ маршрутѣ Радде, еще хуже. Проходитъ полгода прежде, нежели графитъ изъ сибирскихъ горъ явится въ Нюрнбергѣ! Для этого провоза графитъ укладывается въ прочные деревянные ящики совершенно одинаковой величины. Ящики изготовляются изъ гибкаго дерева сибирскаго кедра, имѣющаго пріятный запахъ. Въ каждый изъ нихъ укладывается отъ 5 до $6^1/_2$ пудовъ графита.

Впрочемъ, не однѣ Саянскія горы богаты графитомъ. Сибирскій купецъ Сидоровъ, стремящійся основать университетъ на своей родинѣ, открылъ съ 1859 по 1862 годъ богатые пласты графита въ сѣверной Сибири, въ Туруханскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи, у рѣкъ Курики и нижней Тунгуски, впадающихъ въ Енисей съ правой стороны, подъ $66^0 4'$ и $65^0 7'$. Пласты эти находятся преимущественно въ известковой

породѣ, принадлежащей, вѣроятно, къ формаціи сѣрой вакки. По вычисленію, при нижней Тунгускѣ находится около 13 милл. пуд. графита, слѣдовательно, гораздо болѣе, чѣмъ въ горахъ Алибера. Образчики этого графита уже находились на 2-й англійской всемірной выставкѣ, и годность его была признана всѣми. Онъ нисколько не уступаетъ самому лучшему кумберландскому. Разработка этихъ графитныхъ копей вскорѣ оживитъ Туруханскій уѣздъ. Такъ какъ потребность въ графитѣ ежедневно увеличивается, то этому краю предстоитъ великая будущность. Такъ напримѣръ, особенно много графита нужно для совершенно новой, быстро усиливающейся отрасли промышлености, именно, для литья стали, для чего употребляются только графитные тигли.

Съ Алиберовскаго завода Радде отправился къ племени, живущему по близости и находящемуся на очень низкой ступени развитія. Это соіоты-охотники. Они обнаруживаютъ большія способности, какъ вообще народы, занимающіеся охотой, но сильно преданы грубому суевѣрію. Племя это, кажется, вымираетъ и, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени совершенно исчезнетъ. Что же касается религіозности соіотовъ, то объ этомъ можно сказать слѣдующее. Большею частью, соіоты крещены, но имѣютъ лишь очень поверхностное понятіе объ евангеліи. Христіанское ученіе составляетъ для нихъ мертвую вѣру, и большую часть ихъ привлекаетъ къ крещенію чистое бѣлье, которое даютъ священники по этому случаю.

Соіотъ не понимаетъ сущности христіанства и остается, наравнѣ съ большею частью тунгузскихъ племенъ, въ дѣйствительности идолопоклонникомъ, что́ всего яснѣе видно въ случаѣ болѣзни. При громкихъ звукахъ барабана и страшномъ звонѣ бубенчиковъ, судорожно вздрагивая, прыгаютъ шаманы вокругъ разкалившихся угольевъ; если больной умираетъ, то они заклинаютъ душу возвратиться, причемъ, по ихъ вѣрованію, она уплываетъ внизъ по ручью. Благоговѣйно присутствующіе при этомъ по временамъ неожиданно

издаютъ громкіе крики, пока шаманъ отъ изнеможенія не повалится на землю, причемъ въ искаженномъ лицѣ его страшно отражается свѣтъ потухающихъ угольевъ. Точно также ихъ языческое суевѣріе выказывается во время затмѣній луны. Въ страхѣ собираются они вмѣстѣ, уськаютъ своихъ собакъ противъ луны и стрѣляютъ въ нее изъ ружей въ полномъ убѣжденіи, что злой духъ старается закрыть ея серебристую поверхность своими черными волосами, и что

Начальникъ-соіотъ.

его можно испугать шумомъ. Вмѣсто того, чтобы соіоты перенимали отъ русскихъ обычаи христіанства, здѣсь часто замѣчается совершенно противоположное. Русскіе крестьяне очень легко поддаются вліянію язычества и также становятся суевѣрными, вѣрятъ въ заговоры, равно какъ и въ заколдованіе золотыхъ розсыпей и графитныхъ пластовъ.

Соіоты представляютъ совершенно особенное племя; о происхожденіи его Радде не могъ составить себѣ точнаго по-

нятія, но считаетъ его смѣшаннымъ народомъ, въ которомъ кровь сѣвернаго самоѣда соединена съ южною турецко-татарскою кровью. Въ настоящее время это племя говоритъ монгольскимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ и у бурятъ. Соіоты утверждаютъ, что они забыли родной языкъ, и полагаютъ, будто уріенхи на монгольско-сибирской границѣ ихъ братья. Тѣлосложеніемъ же въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они походятъ на самоѣдовъ; большею частью они очень малаго роста. У женщинъ преобладаетъ монгольскій типъ, но формы тѣла у мужчинъ напоминаютъ татарскую расу. Сами соіоты называютъ себя *хайдутами*, а племя свое называютъ *ирхитъ-отонъ*. Этихъ соіотовъ будетъ теперь всего около 200 человѣкъ, изъ которыхъ бо́льшая часть крещены. Близъ Аліберовскихъ коней находится ихъ центральное мѣстопребываніе, откуда они бродятъ къ югу по цѣпи Саяновъ; ихъ охотническія юрты стоятъ почти всегда на предѣлахъ произрастанія деревъ, въ сравненіи съ зимними и лѣтними юртами построены очень слабо и не представляютъ, подобно имъ, правильнаго шести или осьмиугольника или квадрата въ своемъ основаніи, а имѣютъ продолговато-округлую форму. Онѣ очень малы и плохо покрыты; уже изъ этого видно, что онѣ построены лишь для непродолжительнаго пребыванія. Лѣтнія и зимнія юрты совершенно походятъ на бурятскія, которыя будутъ описаны дальше. Соіоты большею частью бѣдны. Самые богатые между ними обладаютъ до 30 штукъ сѣверныхъ оленей, нѣсколькими лошадьми и коровами. Если охота неудачна, то имъ приходится терпѣть отъ голода. Радде встрѣтилъ однажды въ чащѣ сибирскаго кедра, куда всего охотнѣе заходятъ ночью соболи, жалкую фигуру человѣка, которая направлялась къ долинѣ, гдѣ огонекъ указывалъ на мѣстопребываніе его семейства. Уже въ теченіе пяти дней бѣднякъ этотъ ничего не убилъ: дичь ушла изъ этой области. Мука была вся съѣдена, а послѣдній олень былъ убитъ незадолго предъ тѣмъ. На изможденномъ тѣлѣ висѣли ослабшія мышцы; въ такомъ видѣ онъ возвратился къ своему семейству. Ни-

кто не сказалъ ни слова; грудной ребенокъ сосалъ лоскутокъ кожи, а мать молча повернулась спиною къ огню, чтобы уснуть вѣчнымъ сномъ.

Богатые соіоты, напротивъ, держатъ кобылъ, изъ молока которыхъ приготовляютъ кумысъ. Кобыламъ стригутъ гриву, а женщинамъ волосы и при этомъ наивно замѣчаютъ, что съ незапамятныхъ временъ съ гривой ходятъ только жеребцы, а потому одни лишь мужчины имѣютъ право не стричь головы. Свадьба и похороны совершаются точно такъ, какъ у бурятъ, то по ученію буддійскому, то по языческимъ обычаямъ шамановъ, — какъ вздумается. Мертваго покрываютъ кусками гнилаго дерева и иглами лиственницы. Соіоты считаютъ грѣхомъ употреблять для этого свѣжее дерево. Лѣтомъ, когда луга покрыты свѣжею зеленью, и сытыя стада даютъ молоко, ежедневно производится перегонка запасовъ кислаго молока, и начинается попойка, которая вскорѣ переходитъ въ отвратительный разгулъ. Пьяная толпа въ грязныхъ, ободранныхъ кожаныхъ одеждахъ вступаетъ въ рукопашный бой. Женщина схватываетъ своего сына или супруга за высоко почитаемую косу и съ пѣною во рту сыплетъ на нихъ цѣлый адъ самыхъ отвратительныхъ ругательствъ. Весьма обыкновеннымъ послѣдствіемъ подобныхъ дракъ бываютъ обѣщанія жаловаться начальству. Но соіотъ проспится, имъ снова овладѣваетъ лучшее настроеніе духа, прежнее согласіе возстановляется, съ дѣтскимъ добродушіемъ забываютъ о тяжкой обидѣ благородной косы, въ которой стало нѣсколькими волосами менѣе. Примиреніе дѣло обыкновенное. Радде разсказываетъ, что при подобной попойкѣ одинъ соіотскій старшина, по имени Самсонка, откусилъ одному слѣпцу палецъ на правой рукѣ, но этотъ случай не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Напротивъ того, снова всѣ сѣли къ перегоночному котлу, опьяняющее произведеніе котораго вскорѣ опять подняло на ноги все общество дракуновъ.

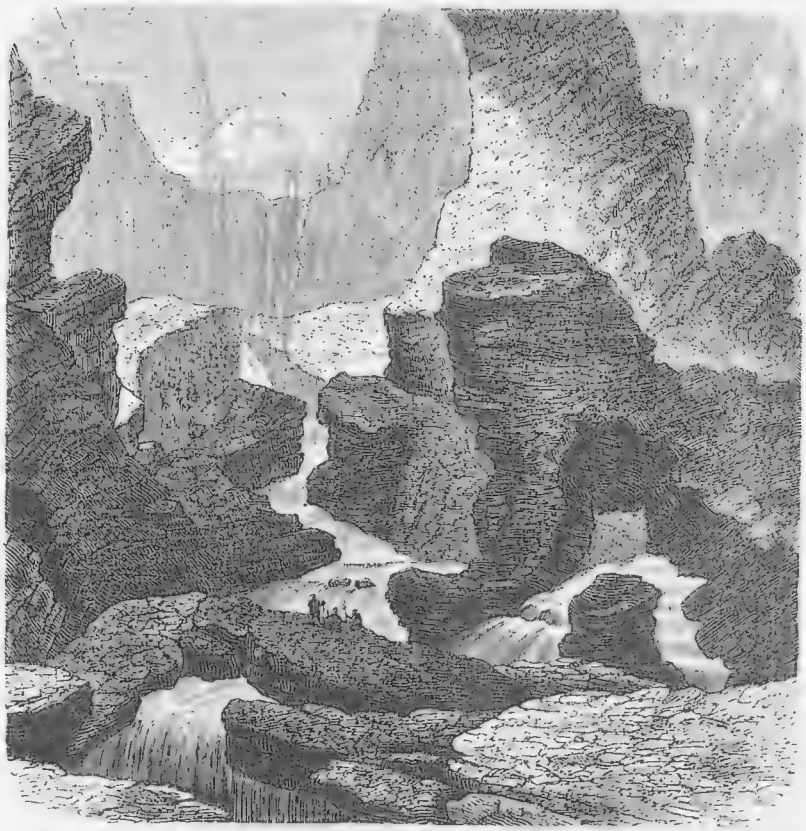
Соіоты одѣваются по-монгольски. Они доживаютъ до глубокой старости, если только ихъ не губитъ какая-нибудь

эпидемія; но, какъ и большая часть обитателей юртъ, подъ старость они обыкновенно страдаютъ глазами и теряютъ зрѣніе. Они полагаютъ, что самые престарѣлые люди не имѣютъ души. Однажды къ Радде подошла старушка и разсказала ему, какъ недавно проходившій лама формально взялъ у нея душу, и что она теперь должна жить безъ нея, причемъ, однако, кушанье кажется ей весьма вкуснымъ. Вотъ свѣдѣнія, какія Радде успѣлъ собрать объ этомъ незначительномъ племени, и мы должны быть весьма благодарны за это: ибо подобно тому, какъ на нашихъ глазахъ постепенно вымираютъ красные индіанцы Сѣверной Америки, такъ точно наступающій вѣкъ увидитъ, по всей вѣроятности, послѣдняго представителя умирающаго племени соіотовъ.

Посѣтивъ соіотовъ, Радде продолжалъ свое путешествіе по *верховью Оки*, чтобы по этому пути достигнуть главной массы Мунку-Сардика. Съ Алиберовскихъ копей онъ отправился къ югозападу, мимо значительнаго числа озеръ, богатыхъ рыбою и соединенныхъ между собою. Долина Качтака, впадающаго въ Оку, имѣетъ болотный характеръ; тутъ попадаются приземистыя березы, между которыми случалось вспугивать бѣлую куропатку съ ея птенцами. Затѣмъ Радде перебрался чрезъ Оку и дошелъ до лѣтнихъ юртъ *гарганскихъ бурятъ*. Они представляютъ собою смѣсь различныхъ бурятскихъ племенъ, ведущихъ со своими стадами покойный кочевой образъ жизни.

На правомъ берегу Оки, имѣющей тутъ ширину въ 40 или 50 саженъ и съ пѣной стремящейся въ своемъ теченіи, лежитъ на правильномъ возвышеніи казачій пограничный постъ, гдѣ нашъ путешественникъ и остановился отдохнуть. Строенія, лежащія на высотѣ 5,800 фут. надъ уровнемъ моря, находятся въ такомъ жалкомъ состояніи, что въ нихъ нельзя войти безъ страха и опасенія. Ихъ ветхость показываетъ, что они построены немногимъ позже начала восемнадцатаго столѣтія.

Съ 1856 года уставъ о пограничной службѣ казаковъ измѣнился. Въ прежнее время въ каждомъ постѣ на постоянной службѣ находилось около 20 человѣкъ, которые не знали что имъ въ такомъ числѣ дѣлать въ этомъ пустынномъ мѣстѣ. Теперь же на каждомъ постѣ находится 4 человѣка,



Вулканическія разсѣлины близъ Оки въ восточномъ Саянѣ.

которые въ теченіе всего года не имѣютъ никакого другаго дѣла, кромѣ обмѣна пограничныхъ дощечекъ.

При этомъ можно замѣтить, что сибиряки худо пользуются своимъ временемъ. Они добываются немногаго и ограничиваются самою малостью. Охотнѣе всего они убиваютъ

время во снѣ, ѣдѣ, куреніи и, если можно, въ пьянствѣ. Подобнымъ же образомъ живутъ и казаки, размѣщенные на границѣ Сибири.

Чрезъ много горныхъ потоковъ, впадающихъ въ Оку, Радде продолжалъ путешествіе въ началѣ іюля. Ландшафтъ становился все бѣднѣе и угрюмѣе. Сочная зелень горныхъ растеній на покатостяхъ холмовъ замѣнилась каменистою поверхностью, едва прикрытою мохомъ, лишаями и, много-много, нѣсколькими уродливыми лиственницами. На Окѣ еще были льдины фута въ два толщиною, а правый ея берегъ всегда заваленъ льдомъ. У самаго верховья рѣки находится небольшое озеро, изъ котораго вода стекаетъ въ глубокое русло Оки. Вокругъ этого озера идутъ болота, поросшія ситникомъ и придающія мѣстности очень мертвый видъ. По черной, болотной почвѣ Радде съ трудомъ пробрался до источниковъ и достигъ широкаго хребта, разъединяющаго воды, къ югу отъ котораго стекаетъ Иркутъ съ его притоками. Вершина этого хребта (въ 6,687 фут.) совершенно сухая. Оленьи лишаи покрываютъ узловатые корни уродливыхъ лиственницъ, между которыми выдаются альпійскія розы и низкорастущія березы. На югѣ этого хребта рисуется живописный профиль сѣверной стороны Мунку-Сардика, зубцы котораго, покрытые льдомъ, поднимаются надъ округленными предгорьями. Величественную картину часто покрываетъ туманъ; когда же продолжительный сѣверозападный вѣтеръ разгонитъ его, тогда ослѣпительная бѣлизна снѣжныхъ, ледяныхъ вершинъ блеститъ такъ сильно на голубомъ небѣ, что глаза невольно ищутъ карликовыхъ формъ тамошней флоры, чтобы отдохнуть на нихъ.

Предъ Мунку-Сардикомъ находится еще гора, вышиною въ 7,100 фут., Муку-Дабанъ. Она разъединяетъ источники Чернаго и Бѣлаго Иркута и состоитъ изъ пластовъ сѣраго известняка. На ея вершинѣ воздвигнута часовня, въ которой набожные проѣзжіе и прохожіе оставляютъ мелкія монеты, а по неимѣнію денегъ какой-нибудь старый лоскутокъ сукна

или пуговицу. Осенью же, по окончаніи охоты, тамошніе охотники жертвуютъ по парѣ бѣличьихъ шкурокъ, за что отъ священниковъ получаютъ по освященной свѣчѣ. При спускѣ съ горы Нуку-Дабана по южному склону, предъ вами открывается горная картина, которая своею прелестью и величавостью можетъ поспорить со всякимъ другимъ альпійскимъ видомъ. Изъ темной зелени сибирскихъ елей, густыми группами покрывающихъ долину Иркута, поднимаются горы, одѣтыя лѣсомъ лиственницы. Посреди этихъ лѣсовъ выдаются, наподобіе развалинъ, скалы краснаго известняка, а надъ всѣмъ этимъ возвышаются снѣжные зубцы Мунку-Сардика, питающіе своими водами катящіяся струи Иркута. По правому берегу Иркута путешественники продолжали идти до самыхъ сумерекъ. Безмолвіе и темнота распространились надъ горами и долиною, и тишина ночи прерывалась только шумомъ плещущихъ волнъ Иркута и ударами увлекаемыхъ имъ камней. Радде переправился въ довольно опасномъ мѣстѣ чрезъ рѣку и послѣ продолжительнаго переѣзда достигъ Хангинскаго пограничнаго поста. Здѣсь онъ отдохнулъ на раскинутой шкурѣ медвѣдя въ складѣ поста. Наискосокъ стояла луна, окруженная звѣздами. Серебристое отраженіе ледяныхъ горныхъ зубцевъ распространялось въ воздушной синевѣ, и полусвѣтъ таинственно скользилъ по краямъ отважнаго смѣльчака Мунку, этого героя очаровательной монгольской поэзіи. Подкрѣпившись здѣсь сномъ, Радде могъ продолжать на слѣдующій день, въ сопровожденіи казаковъ, трудное странствованіе посреди густаго тумана. На Мунку-Сардикъ можно взойти только съ южной стороны. Радде же находился на восточной покатости. Ему слѣдовало перебраться еще чрезъ два горные хребта. Со втораго изъ нихъ предъ нимъ открылась зеркальная поверхность озера Косогола. Благополучно совершивъ и эту часть странствованія по горамъ, онъ увидѣлъ южную сторону Мунку-Сардика съ его южнымъ ледникомъ. Здѣсь гора совершенно другаго свойства, нежели съ описанной уже нами сѣверной стороны. Безъ всякаго пред-

горья Мунку-Сардикъ спускается обнаженными хребтами къ сильно поросшей лѣсомъ сѣверной окраинѣ Косогола. Монголы утверждаютъ, что южная часть Мунку-Сардика принадлежитъ имъ; по крайней мѣрѣ, здѣсь нѣтъ пограничныхъ столбовъ, впрочемъ, потому только, что ихъ поставка сопряжена съ большими затрудненіями. Перейдя чрезъ Янгитъ, Радде нашелъ еще долину предъ Мунку-Сардикомъ. Тутъ онъ раскинулъ палатку и потомъ уже предпринялъ собственно восхожденіе на гору. Здѣсь преобладаютъ гнейсъ и гранитные валуны, нерѣдко встрѣчается чистый полевой шпатъ и сіенитъ, рѣже кварцъ и сланецъ. Явнобрачныя растенія исчезаютъ все болѣе и на высотѣ 10,514 ф. достигаютъ своего крайняго предѣла. 15 іюля путешественники нашли здѣсь еще снѣгъ. Набожный монголъ неохотно идетъ выше того мѣста, гдѣ начинаются ледники горы. Онъ смачиваетъ виски и лобъ священной влагой, вытекающей изъ ледника, преклоняется предъ духомъ, произноситъ молитву и проливаетъ нѣсколько капель водки на всѣ четыре страны свѣта. Съ этого мѣста, гдѣ начинаются ледники, взору представляется на югъ обширный, дикій и пустынный монгольскій ландшафтъ. На берегу Косогола едва замѣтно рисуются бѣлыя, войлочныя юрты буддійскихъ ламъ, которые торжественно играютъ тутъ на саженныхъ своихъ трубахъ и съ серьезными минами въ песпитыхъ листахъ своихъ книгъ вычитываютъ тибетскую мудрость. Предъ нами къ югу обнаженная покатость Мунку-Сардика, усыпанная камнями, между которыми по мѣстамъ замѣчаются полосы блѣдной земли, составляющія первый признакъ альпійскаго ландшафта. Высокая горная область исчезаетъ въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ на южномъ и восточномъ горизонтѣ. Точно также теряется изъ виду обширная поверхность прѣсноводнаго озера Косогола, посреди котораго между узкими полосами тумана выдается трепещущими бѣлыми линіями островъ Далай-Кун (морской пупокъ.)

Мимо вершины горы неслись рѣденкія облака. Такъ какъ суевѣрный монголъ не хотѣлъ идти выше этого, то Радде,

надѣвъ подкованные сапоги, пустился въ путь въ сопровожденіи одного только казака, съ цѣлью добраться до самой высшей снѣжной вершины на западѣ. У подошвы ледника просачивается много воды, которая и стекаетъ ручьями въ Косоголъ. На слояхъ льда, который здѣсь еще очень тонокъ, но быстро начинаетъ утолщаться, найдено было много мертвыхъ бабочекъ изъ породы пядениць. Вѣроятно, онѣ заносятся сюда весною изъ области деревъ воздушными теченіями. Къ этому нужно прибавить еще кожекрылыхъ, которыя судорожно корабкались по льду своими обмерзшими ногами. Только одно, кажется, нѣжное сѣтчато-крылое животное находится по окраинамъ ледника, какъ у себя дома, и совершаетъ, можетъ быть, въ холодной водѣ свои превращенія. Не смотря на нѣжное строеніе и тонкость крыльевъ, оно живо ползаетъ по льду.

Каждые 150 шаговъ, идя по слегка наклоняющемуся къ югу леднику, Радде долженъ былъ останавливаться для отдохновенія. Ледъ вскорѣ сталъ плотнѣе и имѣлъ различные цвѣта, то синій, то мясной, — явленіе, по всей вѣроятности, зависящее отъ микроскопическихъ организмовъ, въ существованіи которыхъ Радде, къ сожалѣнію, не могъ убѣдиться, по неимѣнію необходимыхъ для того средствъ. Точно также онъ не могъ опредѣлить толщины льда. Вдругъ казакъ провалился по поясъ и, къ счастью, отдѣлался отъ этого только испугомъ, хотя въ образовавшемся такимъ путемъ отверстіи не было видно дна, и глазу представлялась лишь глубокая трещина.

Наконецъ, достигли гребня Мунку-Сардика. Онъ идетъ прямо отъ запада къ востоку. На его хребтѣ поднимаются зубцами крутые обломки скалъ, на которыхъ снѣгъ не держится и спадаетъ къ югу. Если съ гребня, на которомъ едва можно повернуться, посмотрѣть внизъ къ сѣверу, то можетъ закружиться голова. Внизу надъ страшною крутизною лежитъ горный ледникъ въ 16 или 18 кв. верстъ, а за нимъ виднѣются группы озеръ. Оставалось теперь добраться до послѣдней вершины. Казакъ боялся идти дальше. Отъ

страха онъ сталъ складывать камни отчасти въ память о восходѣ на гору, отчасти въ жертву духу Мунку. Такимъ образомъ, Радде одинъ съ барометромъ въ рукахъ поползъ по крутой восточной покатости самаго высшаго зубца вершины. Сначала, пока онъ могъ ставить ногу на лежащіе другъ на другѣ гранитные обломки, дѣло шло хорошо, но потомъ нога стала уходить по колѣно въ рыхлый снѣгъ, и потому онъ долженъ былъ отказаться отъ попытки достигнуть высочайшей точки, находившейся выше него, можетъ быть, еще на 60 ф. Измѣреніе показало, что Мунку-Сардикъ поднимается на 10,452 ф. надъ уровнемъ моря.

У монголовъ существуетъ легенда объ этомъ ледникѣ, который видѣнъ очень далеко. Они говорятъ, что какой-то герой, по имени Мунку, отправился къ горѣ за царевною, сидѣвшей внутри ея, за золотымъ столомъ, съ золотымъ кубкомъ. Этотъ герой никогда не возвращался. Другіе говорятъ, что этотъ Мунку былъ просто отважный соіотъ-охотникъ, который дерзко рѣшился взойти на гору и погибъ тамъ. Многіе называютъ гору Мунку-Цассу, что, по мнѣнію однихъ, значитъ снѣжный Мунку, а по словамъ другихъ, вѣчный снѣгъ.

Радде сталъ спускаться; но каково было его удивленіе, когда подъ однимъ гранитнымъ валуномъ онъ замѣтилъ мертваго суслика (spermophilus Eversmanni). Вѣроятно, это животное при своемъ странствованіи осмѣлилось перейти чрезъ ледникъ и сдѣлалось жертвою своихъ усилій, голода и холода. Животное находилось въ спящемъ положеніи съ судорожно скорченною правою переднею лапкою, съ когтями — какъ будто бы кого царапаетъ, положивши голову на лѣвую переднюю ногу и протянувши хвостъ между задними.

Восхожденіе на Мунку-Сардикъ послѣдовало 11-го іюля, и ровно въ 12 часовъ нашъ путешественникъ достигъ его вершины. Свои замѣтки о распространеніи растеній по отвѣсному направленію онъ собралъ, большею частью, спускаясь съ горы.

Мунку-Сардикъ.

До начала ледниковъ не найдено было ни одного вида явнобрачныхъ растеній; лишь на высотѣ отъ 900 до 9,800 ф. встрѣчаются жалкая съ виду веснянка (draqua ochroleuca), каменоломка (saxifraga cernua), альпійскій макъ (papaver alpinum) и селезенникъ (chrysosplenium alternifolium). На высотѣ 7,700 ф. появляются альпійскія розы, приземистыя березки и кое-гдѣ альпійскія ивы, между тѣмъ какъ на высотѣ 7,244 ф. граница деревъ обозначается уродливыми лиственницами.

13-го іюля Радде воротился къ Хангинскому пограничному посту, гдѣ остался до 24-го іюля, занимаясь охотою за сибирскими каменными баранами. Иркутъ, протекающій мимо этого поста, все еще направляется къ востоку и стремится къ Туранской равнинѣ, на высотѣ около 2,760 фут. надъ уровнемъ моря. На этой высотѣ еще воздѣлываютъ рожь. Кочующіе тамъ буряты изъ номадовъ уже сдѣлались земледѣльцами и, хотя еще не совсѣмъ отказались отъ кочевой жизни, во всякомъ случаѣ производятъ столько хлѣба, сколько для нихъ нужно. Недалеко отъ впаденія Икъ-Ухуна въ Иркутъ архіепископомъ Ниломъ устроенъ въ чрезвычайно живописной мѣстности скитъ, который посѣщается жителями Иркутска весьма часто, особенно по причинѣ существующихъ тамъ теплыхъ сѣрныхъ источниковъ. Здѣсь находится восточный предѣлъ распространенія мохнатой caragana jubata. Въ деревнѣ Култукѣ Радде достигъ области Байкальскаго озера. Иркутъ вступаетъ здѣсь въ мѣстность, гдѣ преобладаетъ земледѣліе, и впадаетъ въ Ангару у города Иркутска, неподалеку отъ Байкальскаго озера. Но прежде, нежели мы послѣдуемъ за нѣмецкимъ путешественникомъ къ этому огромному горному озеру, ознакомимся съ изслѣдованіями Пермикина касательно озера Косогола, которое осталось недоступнымъ для Радде, потому что ему не удалось получить пограничной дощечки, а также и съ его изслѣдованіями касательно кочующихъ тамъ уріенховъ.

Въ 1851 году Пермикину поручено было министромъ Перовскимъ изслѣдовать область, лежащую на югъ отъ Саянскихъ горъ, съ цѣлью открыть мѣсторожденіе мѣди и лазуреваго камня. Поздней осенью пустился нашъ натуралистъ въ дорогу и достигъ Хангинскаго пограничнаго поста, о которомъ мы уже знаемъ изъ путешествія Радде. Проходы Саянскихъ горъ уже были занесены снѣгомъ и непроходимы для лошадей. Однако-жъ, не смотря на грозящую опасность, Пермикинъ пустился въ путь съ однимъ бурятомъ, говорившимъ по-монгольски, и четырьмя бурятами-проводниками. Пролагая себѣ путь сквозь непроницаемый хвойный лѣсъ занесенный снѣгомъ, онъ достигъ 18 октября сибирско-монгольской границы, которая означена двумя башневидными грудами камней — одна на китайской сторонѣ, другая на русской. Вокругъ такой груды находится заборъ, вышиною въ $1^1/_2$ фута, а между обѣими насыпями остается полоса земли шириною въ сажень и считающаяся нейтральною. Перейти изъ Россіи въ Монголію и наоборотъ можно чрезъ особенныя, для того назначенныя ворота. Русскія ворота состоятъ изъ двухъ столбовъ, вышиною въ 10 фут., врытыхъ въ землю, на сажень одинъ отъ другаго и соединенныхъ вершинами. На разстояніи $4^1/_2$ футовъ надъ землею, эти столбы связаны веревкою, скрученною изъ конскаго волоса, посрединѣ которой виситъ пограничная печать, заключенная между двумя выдолбленными кусками дерева.

По прекрасной долинѣ Шанкѣ Пермикинъ спустился къ озеру Косоголу. Однако, для безпрепятственности своихъ изслѣдованій, онъ хотѣлъ попросить предварительно разрѣшенія на то у главы или данаина племени *уріенховъ*. Этотъ глава, по имени Шултумъ-Комбо, кочуетъ лѣтомъ у самаго озера, но въ настоящее время уже находился на зимней стоянкѣ въ долинѣ Колъ у южной подошвы Саяна. Пермикинъ отправился туда. Предъ нимъ открылась необозримая равнина, когда онъ спустился въ долину; при этомъ видъ оживлялся безчисленными стадами различнаго скота. Осо-

бенно же привлекли вниманіе путешественника *яки* (bos grummiens), тѣмъ болѣе, что на сибирской сторонѣ Саяна вовсе не знали, что эти животныя водятся здѣсь. Хотя длинношерстый быкъ и прирученъ, но все-таки еще сохраняетъ дикій характеръ. Движенія его чрезвычайно живы, и онъ карабкается, какъ коза. Лѣтній зной въ долинахъ для него невыносимъ, и потому, какъ бы помня о своемъ происхожденіи съ тибетскихъ возвышенностей, въ это время года онъ забирается въ горы или же бо́льшую часть дня стоитъ въ водѣ и страшно реветъ. Это животное водворятъ, должно быть, и на русской сторонѣ Саяна. Ублюдковъ отъ этого быка съ обыкновеннымъ рогатымъ скотомъ, или такъ называемыхъ хайнуковъ, доставлютъ въ Иркутскъ на продажу. Стада, которыя встрѣчалъ Пермикинъ, состояли большею частью изъ бѣлыхъ яковъ съ длинною, достигающею до земли шерстью и съ хвостомъ, густо покрытымъ ею; однако же, у нихъ нѣтъ роговъ. Кромѣ яковъ, тутъ паслись также обыкновенный рогатый скотъ и овцы съ курдюками. Медленно прошелъ путешественникъ по этой прекрасной мѣстности и достигъ совершенно бѣлыхъ войлочныхъ юртъ. Три изъ нихъ были украшены красною китайскою вышивкою. Въ нихъ-то и жилъ данаинъ съ тремя женами; остальныя же юрты были заняты прислугой. Цѣлая стая яростныхъ монгольскихъ собакъ бросилась на пришельцевъ, которыхъ прислугѣ нужно было избавить отъ этихъ мучителей. Пермикинъ велѣлъ доложить о себѣ чрезъ переводчика, но лишь чрезъ четверть часа былъ допущенъ къ старшинѣ.

При вступленіи въ юрту, его всего болѣе поразила чрезвычайная опрятность и порядокъ. Противъ входа находился алтарь съ тремя ступенями, а на немъ бронзовые идолы съ различными аттрибутами буддійской вѣры. По лѣвой сторонѣ алтаря были размѣщены въ два ряда сундуки, выкрашенные въ китайскомъ вкусѣ, а на правой открытый шкафъ съ посудою, мѣдными кружками, деревянными чашками и

китайскимъ фарфоромъ. Между шкафомъ и алтаремъ стоялъ диванъ, а посреди шатра находился очагъ съ безпрерывно горящимъ огнемъ. Данаинъ помѣщался на коврѣ. Онъ былъ одѣтъ въ монгольскую овчинную шубу и имѣлъ на головѣ баранью шапку. По лѣвую сторону сидѣла старшая жена, сорокалѣтняя женщина весьма пріятной наружности.

При входѣ въ юрту, Пермикинъ поступилъ совершенно по обычаю урiенховъ. Онъ приложилъ свою правую руку къ лѣвому боку данаина, а лѣвою взялъ его за правую руку, наклонился и произнесъ привѣтственный: „мендумуръ“. Князь повторилъ то же самое и милостиво справился о семействѣ Пермикина и о состоянiи его стада. Пермикинъ отвѣчалъ чрезъ переводчика и наговорилъ главѣ кочующаго племени столько любезностей, что тотъ былъ восхищенъ до крайней степени. Когда присоединились еще подарки, состоящiе изъ зеркалъ, стекляныхъ бусъ, колецъ и краснаго сукна, то Шултумъ-Комбо совершенно растрогался и осыпалъ путешественника безконечными вопросами. Хозяйка, между тѣмъ, принялась разливать чай въ деревянныя чашки. Первую изъ нихъ слуга подалъ Пермикину съ чрезвычайно подобострастнымъ движенiемъ. Послѣ этого стали готовиться къ обѣду. Въ честь гостя данаинъ приказалъ заколоть барана, мясо котораго, изрубленное на мелкiе куски, было сварено въ котлѣ. Къ нему прибавили китайскаго вермишелю и получили довольно хорошiй супъ на крѣпкомъ бульонѣ. Во время обѣда данаинъ старался узнать цѣну поднесенныхъ ему подарковъ, чтобы съ своей стороны отдарить чѣмъ-нибудь соотвѣтственнымъ. Пермикинъ объяснилъ, что лучшимъ подаркомъ онъ счелъ бы дозволенiе посѣтить озеро Косоголъ, его окрестности и тамошнiй буддiйскiй храмъ. Отвѣтъ былъ благопрiятенъ, и данаинъ позволилъ Пермикину странствовать по его землямъ, но только не въ сосѣднюю страну дархатовъ, и это по весьма многимъ причинамъ. Послѣ переговоровъ данаинъ принялся показывать свои сокровища, заключающiяся въ ниткахъ бусъ изъ краснаго сердолика, агатахъ

и превосходныхъ образцахъ лазуревато камня. Всего интереснѣе была табатерка, точеная въ видѣ бутылки изъ оникса, вышлифованная такъ тонко, что она плыла на водѣ. Въ 9 часовъ вечера данаинъ всталъ и вышелъ изъ юрты.

Тогда Пермикину представилась сцена, напоминающая поговорку, по которой „мышамъ полная воля, когда кошки нѣтъ дома". Какъ скоро глава отвернулся, его жена, шестилѣтній сынъ и прислуга, державшіеся все время весьма почтительно и смирно, стали живѣе и свободнѣе. Когда Пермикинъ спросилъ, что значитъ эта перемѣна, ему отвѣчали, что хозяинъ отправился въ другую юрту къ молодой женѣ и сегодня болѣе не воротится. Застѣнчивая до тѣхъ поръ княгиня отважно подошла къ Пермикину, изслѣдовала его одежду, взяла часы и спросила скороговоркою, хороши ли русскія женщины, сколько женъ имѣютъ русскіе и любятъ ли ихъ. Около 9 часовъ вечера два служителя принесли большое одѣяло изъ овечьихъ шкуръ и стали грѣть его у огня, между тѣмъ какъ княгиня принялась снимать мѣховую одежду. Такъ какъ на ней не было рубашки, то она предстала предъ Пермикинымъ совершенно голою; затѣмъ снявъ съ себя обувь, она улеглась въ постель, завернулась въ нагрѣтое одѣяло и, сверхъ того, еще прикрылась шубой, такъ что открытой осталась только одна голова. Когда хозяйка распорядилась такимъ образомъ, слуги не раздѣваясь легли у ногъ своей госпожи. Они помѣщались безъ постели и подушки на голой землѣ; однако-жъ, не смотря на то, спали очень крѣпко.

На другое утро слуги въ 7 часовъ приготовили завтракъ. Они насыпали въ кипятокъ кирпичнаго чаю и прибавили туда нѣсколько порошка изъ коры лиственицы и цѣльнаго молока длинношерстой коровы; все это кипятили и время отъ времени помѣшивали деревянною ложкою. Княгиня оставалась въ постелѣ до тѣхъ поръ, пока не былъ готовъ чай. Тутъ она сбросила съ себя одѣяло и сѣла совершенно голая, не обнаруживая ни малѣйшаго признака стыда. Одинъ изъ слугъ подалъ ей шубу, между тѣмъ какъ другой одѣвалъ китай-

скіе сапожки; послѣ этого ей поднесли въ мѣдномъ сосудѣ воды. Умывшись она за недостаткомъ полотенца посушилась у огня. Такимъ образомъ Пермикину удалось присутствовать при вечернемъ и утреннемъ туалетѣ княгини. Вскорѣ послѣ этого явился данаинъ и привѣтствовалъ гостя словомъ: „мендумуръ“; затѣмъ онъ занялъ свое прежнее мѣсто, выкушалъ кружку упомянутаго чая, который, не смотря на прибавку коры лиственицы, имѣлъ довольно сносный вкусъ.

Съ рекомендаціями данаина къ его сыну, другому важному уріенху, отправился Пермикинъ въ дальнѣйшій путь. Сынъ данаина принялъ его очень ласково; онъ жилъ въ такихъ же красивыхъ юртахъ, какъ и Шултумъ-Комбо. Предложенные подарки были охотно приняты, и путешественнику дали проводника къ буддійскому монастырю или дицану, расположенному въ открытой равнинѣ по сѣверной сторонѣ Косогола и состоящему изъ трехъ великолѣпныхъ главныхъ храмовъ, окруженныхъ маленькими часовнями.

Въ архитектурѣ господствуетъ тибетскій стиль съ китайскими акцессуарами: яркость красокъ, позолота и искусная рѣзьба производятъ весьма поразительное впечатлѣніе. На стѣнахъ самаго главнаго храма находятся открытые шкафы съ позолоченными и бронзовыми идолами. Эти идолы изукрашены бирюзою, рубинами и лазуревымъ камнемъ. Нѣкоторые изъ нихъ одѣты въ китайскія ткани, а другіе помѣщаются за стекломъ, въ кіотахъ изъ розоваго дерева. Въ другомъ храмѣ Пермикинъ слышалъ монгольское многоголосное, стройное пѣніе, смѣнявшееся сильнымъ шумомъ барабановъ, трубъ, роговъ и колокольчиковъ. Пятьдесятъ ламъ совершали богослуженіе, и необыкновенно сильные и звучные голоса ихъ, такъ сказать, потрясали все зданіе. Такая чрезвычайная сила голоса становилась понятною, при видѣ исполинскаго роста этихъ жрецевъ.

По совершеніи предъ алтаремъ разныхъ поклоновъ и присѣданій со всею предписанною тщательностью, жрецы сѣли, а главный лама или ширету подошелъ къ алтарю, на кото-

ромъ стоялъ серебряный сосудъ, украшенный эмалью и представлявшій форму креста. Этотъ сосудъ имѣетъ крышку съ тремя воткнутыми павлиньими перьями и содержитъ священную воду, которую подали всѣмъ ламамъ и, наконецъ, Пермикину. Послѣ краткой молитвы каждый смачивалъ водою глаза и обтиралъ пальцы о свои волосы. По окончаніи церемоніи, ламы пили чай вкупѣ въ самомъ храмѣ. Пермикинъ при нихъ же осмотрѣлъ алтарь, на которомъ лежало множество отшлифованныхъ драгоцѣнныхъ камней и русскихъ монетъ. Въ благодарность за радушный пріемъ въ монастырѣ, онъ съ своей стороны прибавилъ къ этимъ сокровищамъ нѣсколько стекляныхъ бусъ.

Въ этомъ куренѣ или монастырѣ живетъ 130 жрецевъ, и такое же число ихъ находится въ сосѣднихъ войлочныхъ палаткахъ. Послѣдніе являются только въ большіе праздники.

Послѣ осмотра монастыря Пермикинъ опять отправился къ сыну данаина. По Иринзинъ, такъ звали молодаго человѣка, въ этотъ день не обратилъ на гостя никакого вниманія и даже не привѣтствовалъ его, такъ какъ весьма ревностно игралъ съ однимъ ламою въ шахматы. Эту игру называютъ у уріенховъ *шетеръ* и въ ней употребляютъ точно такія же фигуры, какъ въ Европѣ, представляющія человѣческія рожи и довольно хорошо выточенныя изъ кости. Иринзинъ былъ превосходный игрокъ и не сводилъ глазъ съ шахматной доски. Наконецъ, онъ остался побѣдителемъ, и послѣ этого къ нему возвратилась прежняя привѣтливость. Подобно его отцу, онъ принялся показывать свои драгоцѣнности и сокровища рѣдкихъ камней. Во время шахматной игры Пермикинъ бесѣдовалъ съ красивою молодою женою Иринзина, которая была весьма весела и отличалась отъ многихъ своихъ подругъ изящнымъ, утонченнымъ обхожденіемъ. Она пригласила нѣсколькихъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя обращались съ чужестранцемъ совершенно свободно и безъ застѣнчивости. Онѣ плясали, прыгали и громко смѣялись. Одежда ихъ была монгольскаго покроя и сдѣлана хорошо и

красиво. Какъ опрятны взрослые, такъ грязны ихъ дѣти: потому что по господствующему суевѣрію уріенхи ни разу не моются отъ рожденія до зрѣлаго возраста.

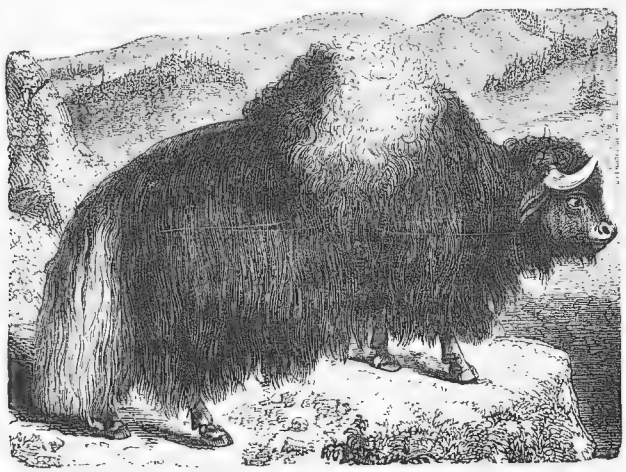
Судъ надъ преступниками у уріенховъ произноситъ данаинъ въ монастырѣ. Наказанія напоминаютъ собою употребительныя въ Китаѣ. Если кто-нибудь украдетъ быка, то въ теченіе сорока дней долженъ сидѣть въ колодкахъ, стѣсняющихъ его во всѣхъ движеніяхъ. За похищеніе пары быковъ наказаніе удвоивается. Укравшій трехъ быковъ наказывается смертью. Въ нравахъ уріенховъ сохранилось очень много первобытнаго, потому что ихъ страна со всѣхъ сторонъ окружена горами. Поэтому здѣсь господствуютъ еще весьма многіе грубые обычаи. Больные и хилые предоставляются самимъ себѣ и остаются безъ всякой помощи, пока не погибаютъ самымъ плачевнымъ образомъ. Тѣла умершаго не погребаютъ, а бросаютъ возлѣ жилища, гдѣ оно пожирается собаками, хищными животными и птицами.

Пермикинъ спалъ въ юртѣ Иринзина, пилъ тамъ чай съ корою лиственицы и молокомъ длиннношерстыхъ коровъ, ѣлъ жирную баранину и видѣлъ невѣстку въ точно такомъ же райскомъ костюмѣ, какъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ ея тещу. На другое утро къ нему явились проводники и предложили тотчасъ отправиться въ обратный путь, потому что снѣжныя облака собирались надъ Мунку-Сардикомъ и грозили занести переходы чрезъ горы. По необходимости нужно было пуститься въ дорогу. Простившись съ хозяевами, у которыхъ видѣлъ столь много интереснаго, Пермикинъ благополучно возвратился къ Хангинскому пограничному посту.

Объ озерѣ Косоголѣ, къ которому стекаетъ множество рѣчекъ, онъ узналъ отъ уріенховъ много подробностей. Озеро это имѣетъ длину въ 250 и ширину въ 50 вер., богато рыбою и называется у прибрежныхъ жителей Байкалъ-Далапъ. Единственный истокъ изъ него Эга впадаетъ въ Селенгу, которая въ свою очередь изливается въ Байкальское озеро.

Посреди Косогола находится островъ Далай-Ки (Морской пупокъ), поросшій сельникомъ. Такъ какъ уріенхи незнакомы съ употребленіемъ лодокъ, то они заходятъ на этотъ островъ лишь зимою, когда озеро покрыто льдомъ.

Противъ „Морскаго пупка“ на обѣихъ сторонахъ изъ береговъ выдвигаются далеко въ озеро два мыса, изъ которыхъ одинъ, у восточнаго берега, вдается въ озеро въ видѣ широкаго выступа Кирбига, съ крутизною, усѣянною на южной сторонѣ глыбами камней; тогда какъ другой у западнаго берега простирается въ озеро нѣсколькими узкими по-

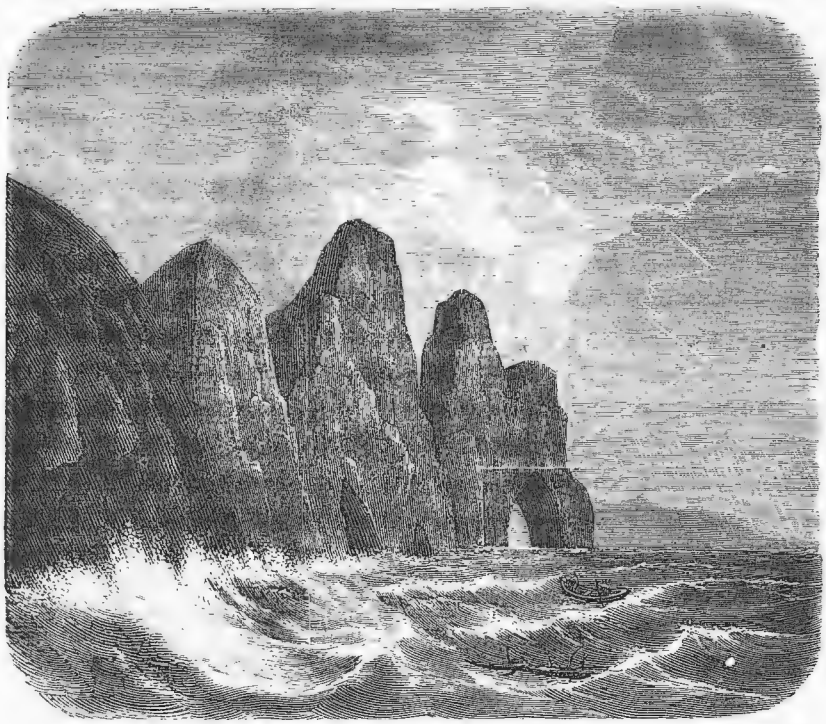


Якъ.

лосами. На южномъ концѣ это большое озеро замѣтно отклоняется къ западу и суживается каналомъ, который постепенно переходитъ въ рѣку Эгу.

Для такого кочующаго племени, какъ уріенхи, прибрежье, или область, прилегающая къ Косоголу, можетъ быть весьма удобна; но такъ какъ это мѣсто лежитъ слишкомъ высоко (уровень озера находится въ 5,400 фут. надъ моремъ), то можно утверждать, что здѣсь разведеніе многихъ хлѣбныхъ растеній невозможно, особенно если принять во вниманіе,

что при значительной высотѣ, воздухъ очень сухъ, и зимою иногда вовсе не бываетъ снѣгу, по крайней мѣрѣ, въ равнинахъ. Словомъ, здѣсь представляются всѣ неблагопріятныя условія суроваго континентальнаго климата. Затѣмъ должно еще замѣтить, что Саянскія горы, по крайней мѣрѣ, въ этомъ мѣстѣ представляютъ границу, съ одной стороны, между поверхностью земли, имѣющей болѣе или мѣнѣе характеръ монгольскихъ возвышенныхъ степей, на югѣ, — а съ другой, между очень болотистыми тундрами, которыя только въ широкой долинѣ Ангары пропадаютъ и становятся годными для земледѣлія, — на сѣверѣ.



Пещера у Байкала.

VII.

Байкальское озеро и его береговые виды.

Положеніе, величина и притоки Байкала. — Суда и туманъ. — Вода. — Буря. — Скала бакдановъ. — Судовщики. — Бурятскіе идолы. — Островъ Ольхонъ и Малое море. — Бурятскія юрты. — Растительность. — Тюлени. — Хвойные лѣса. — Горячіе источники. — Хищныя птицы. — Бурятъ. — Образъ правленія. — Буддизмъ и шаманство. — Бурятскій обѣдъ. — Одежда, нравы и обычаи. — Переходъ отъ кочеванія къ осѣдлости. — Шаманы. — Ламы. — Погребеніе. — Ловля омулей въ сѣверной Ангарѣ. — Озеро Фрелиха. — Гимнастическія игры тунгузовъ. — Выхухоль и кабарга. — Туркинскіе минеральные источники. — Байкалъ зимою. — Тунгузы на восточномъ берегу и ихъ образъ жизни. — Землятрясеніе.

Окруженное высокими горами, питаемое почти двумя стами рѣкъ и ручьевъ, недалеко отъ южной границы лежитъ одно

изъ величайшихъ прѣсноводныхъ озеръ свѣта — Байкалъ. Оно занимаетъ поверхность въ 6,023 квадр. миль, имѣетъ болѣе 2,000 верстъ въ окружности, простирается на четыре градуса широты (отъ 51° 43′ до 55° 50′ сѣверной широты) и находится 1,360 фут. надъ уровнемъ моря. Его окружаютъ горы, вышиною до 3 или 4 тыс. фут., между которыми возвышаются вершины въ 7,000 фут. Эти горы состоятъ изъ гранита, сіенита и рѣже изъ порфира. Повсюду съ вершины горъ идутъ углубленія, похожія на рвы, вслѣдствіе чего мѣстность получаетъ мрачный видъ. Тамъ, гдѣ горы отступаютъ отъ береговъ во внутрь страны, онѣ принимаютъ особенную форму усѣченныхъ конусовъ, отъ чего въ общемъ получается волнистая мѣстность съ выдающимися вершинами. Каменистые берега Байкала имѣютъ ширину, большею частью, лишь въ нѣсколько футовъ; зато во многихъ мѣстахъ, на высотѣ 20 фут. отъ воды, замѣчаются отложенія, подобныя тѣмъ, какія происходятъ еще и теперь, изъ чего слѣдуетъ заключить, что въ прежнія времена уровень озера стоялъ выше. Единственнымъ истокомъ изъ Байкала является нижняя Ангара, производящая пониженіе уровня. Но эта убыль тотчасъ же восполняется притокомъ воды изъ ручьевъ и рѣкъ: Селенги, Баргузина и верхней Ангары. Только весною, вслѣдствіе наплыва снѣжной воды происходятъ колебанія въ уровнѣ отъ 3 до 4 фут. Удовлетворительнаго измѣренія глубины до сихъ поръ еще не сдѣлано; впрочемъ, во многихъ мѣстахъ дно весьма близко отъ берега быстро опускается на 5 или 700 фут. Самая значительная глубина, какую нашли на пароходномъ пути между Посольскомъ и Лиственичной, составляетъ 803 сажени.

Съ того времени, какъ Георги въ прошломъ столѣтіи посѣтилъ берега этого озера, ихъ не изслѣдовали въ научномъ отношеніи. Радде предпринялъ рѣшеніе этой задачи. Съ такою цѣлію, подвергая себя величайшимъ трудамъ и многимъ опасностямъ, въ теченіе времени, съ 29-го іюня по 14-е сентября, онъ осмотрѣлъ почти всю окружность озера, причемъ

не могъ пользоваться быстро плавающею и хорошо снаряженною лодкою европейской конструкціи. Онъ располагалъ лишь рыбачьей лодкой безъ киля, длиною въ 25 фут. Дно этой лодки состояло изъ выдолбленнаго ствола сосны, къ которому были приколочены доски въ видѣ бортовъ. Для служенія было нанято 5 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ управлялъ лодкою, а четверо гребли. Обыкновенно подобныя лодки не имѣютъ мачтъ, потому что рѣдко попутный вѣтеръ дуетъ довольно продолжительное время; къ тому же рыбаки и не умѣютъ обходиться съ парусами. Они ѣздятъ только при полномъ вѣтрѣ, но не рѣшаются установить паруса такъ, чтобы пользоваться боковымъ вѣтромъ.

Въ маленькомъ суднѣ весьма было тѣсно, потому что, кромѣ Радде, въ немъ находился еще ученикъ сибирскаго отдѣленія географическаго общества, который долженъ былъ учиться, какъ собирать и приготовлять предметы для естественной исторіи, но, къ сожалѣнію, годился только для спанья и ѣды. Большой деревянный ящикъ и двѣ бочки со спиртомъ были назначены для принятія собираемыхъ предметовъ. Также не было недостатка въ нужныхъ приборахъ и охотничьихъ снарядахъ.

Плаваніе началось 29-го іюня отъ деревни Лиственичной, въ сѣверномъ направленіи. Одновременно съ пароходомъ, который поддерживаетъ сообщеніе въ теченіе лѣта съ Забайкальемъ, Радде отправился въ путь около 8 часовъ утра вдоль западной стороны Байкала, берега котораго еле-еле можно было различать, такъ какъ все было покрыто густымъ вуалемъ сильнаго тумана. За небольшими исключеніями эти туманныя массы носятся надъ озеромъ цѣлое лѣто, причемъ каждое спокойное утро онѣ бываютъ дотого густы, что на разстояніи 40 шаговъ совершенно не видно очертанія береговыхъ скалъ, между тѣмъ на небольшомъ разстояніи отъ берега страна обыкновенно совсѣмъ свободна отъ этихъ холодныхъ и вредныхъ для растительности паровъ. Едва разсѣявался туманъ, съ которымъ Радде часто приходилось бо-

роться, какъ обыкновенно начинался противный вѣтеръ, заставлявшій бросать якорь. Это часто повторялось по нѣскольку разъ въ день и чрезвычайно замедляло путешествіе. Но въ то же время это позволяло нашему естествоиспытателю выходить на берегъ для отысканія растеній, охоты за птицами и для собиранія насѣкомыхъ. На другой день подъ вечеръ Радде проѣхалъ мимо двухъ промышленыхъ заведеній, единственныхъ, какія онъ встрѣтилъ во все время своего путешествія, продолжавшагося три мѣсяца съ половиною. При впаденіи одного прозрачнаго ручья находится стекляный заводъ, на которомъ работаютъ только зимою, и который состоитъ изъ деревянныхъ построекъ. Кромѣ того, путешественнику удалось видѣть еще заводъ, гдѣ промываютъ золото, единственный у Байкальскаго озера. У этого мѣста лодка стала на якорь, и путешественникъ развелъ ночной костеръ на каменистой окраинѣ озера. Береговыя возвышенности были пустынны и изрыты, надъ ними въ дикой пляскѣ проносились облака, а волны, поднятыя западнымъ вѣтромъ, съ пѣною разбивались о берегъ. Пошелъ дождь и заставилъ Радде вытащить лодку на берегъ, чтобы подъ нею укрыться отъ непогоды.

На слѣдующій день путешественникъ доѣхалъ до мѣста у деревни *Голустной*. Вода въ озерѣ была повсюду чрезвычайно прозрачна, такъ что на глубинѣ шести саженъ можно было совершенно различать мельчайшіе камешки. Нитеобразныя водоросли наклонялись туда и сюда, и каждая иточка на означенной глубинѣ была видна въ отдѣльности. На болѣе значительной глубинѣ отчетливость предметовъ нѣсколько ослабляется; впрочемъ, болѣе, крупные камни и особенно кварцевые валуны можно было различить еще на глубинѣ 8 или 9 саженъ. Даже у устья ручьевъ въ водѣ озера находится такъ мало постороннихъ веществъ, что она не мутится ими замѣтно.

Голустная лежитъ въ широкой долинѣ и отъ озера защищена каменною плотиною вышиною отъ 3 до 5 фут. Де-

ревня дѣлится на двѣ части, одну занимаютъ буряты, а въ другой поселились зажиточные русскіе. Сильная буря помѣшала путешественнику пройти дальше. Дождь лилъ потоками на его палатку, и одинъ разъ вѣтеръ даже опрокинулъ ее. Во время бури Байкалъ чрезвычайно опасенъ для безпомощныхъ лодокъ, и волненіе его представляетъ много особеннаго. Съ ужасною силою ударяетъ вѣтеръ о поверхность, и движеніе распространяется весьма далеко. Въ рѣдкій лишь вечеръ озеро представляетъ спокойную поверхность, и почти не бываетъ минуты, когда бы лодки не качались на широкихъ длинныхъ волнахъ, которыя никогда не накидываются на берегъ сверху, а пѣнясь вскатываются по немъ. Это-то и есть то, что называютъ *зыбью*. Если же дуетъ *ледяностый* сѣверный или сѣверозападный вѣтеръ, то озеро клокочетъ подпрыгивающими волнами, вышиною въ 4 фут., которыя до того сильны, что передвигаютъ на протяженіи нѣсколькихъ футовъ береговые валуны, величиною съ голову. Такая буря называется *зармою* и опасна какъ для лодокъ, такъ и для людей.

Берегъ отъ этого мѣста становится совершенно обнаженнымъ, и каменныя породы сіенита, гнейса и кристаллическаго сланца отвѣсно спускаются къ самой водѣ. Одно мѣсто, отличающееся большою живописностію, извѣстно подъ именемъ скалы *бакановъ* (морскихъ воронъ, phalacrocorax acarbo) и постоянно оживлено этими водными птицами, которыя боязливо взлетаютъ при приближеніи лодки. Въ незначительномъ разстояніи отъ этой скалы, около полуторы версты отъ берега, изъ озера выдается острый конусъ, вышиною въ 360 фут. На немъ въ обществѣ сидятъ на яйцахъ тысячи бакановъ, этихъ извѣстныхъ рыболововъ. Уже издалека видно, какъ къ этой скалѣ тянутся цѣлые сплошные ряды птицъ, между тѣмъ какъ другія стаи оставляютъ ее. Каждый малѣйшій выступъ занятъ гнѣздами, изъ которыхъ высовываются длинныя шеи молодыхъ выводковъ, съ открытыми ртами и зажмуренными глазами наслаждающихся теплымъ полуден-

нымъ солнцемъ. Взрослыя птицы съ распущенными крыльями сидятъ близъ гнѣзда и рачительно сторожатъ своихъ любимцевъ. Если иному изъ дѣтенышей гнѣздо покажется тѣснымъ, то иногда за неумѣстную прыткость и смѣлый прыжекъ имъ приходится платить жизнью. Радде подплылъ къ главной скалѣ и однимъ выстрѣломъ убилъ нѣсколькихъ изъ этихъ птицъ. Въ одно мгновеніе взвились цѣлыя сотни ихъ и спустились потомъ на озеро вдали отъ мѣста своихъ гнѣздъ. Радде взобрался на скалу, и тогда ему представилось необыкновенное зрѣлище: въ изверженіяхъ птицъ, образующихъ слой въ футъ толщиною, валялись остатки мелкой рыбы. Тутъ незамѣтно ни травинки, не видать даже лишаевъ. Извѣстно, что большія, здоровыя деревья гибнутъ, какъ скоро бакланы избираютъ ихъ мѣстомъ для своихъ гнѣздъ. Отъ свѣжаго изверженія скалы повсюду были очень скользки, и только съ величайшею осмотрительностію и съ большимъ трудомъ можно было идти дальше. Яйца, только-что вылупившіеся птенцы и полуоперившіяся птицы находились тутъ другъ подлѣ друга и нерѣдко до десяти штукъ въ одномъ гнѣздѣ. Самка кладетъ яйца даже во время высиживанія, и потому семейство постоянно увеличивается. Разумѣется, что при скопленіи столь огромнаго количества нечистотъ, на скалѣ распространены вонючіе аммоніакальныя испаренія. Бакланы живутъ обществомъ и большими стаями посѣщаютъ берега озера, на которыхъ рыбаки выкидываютъ негодную для нихъ рыбу; такъ тысячами покрываютъ они осенью Баргузинскую и Селенгинскую бухту и чернымъ облакомъ подымаются съ воды.

Бурятское селеніе, *Бугулдейха*, куда Радде прибылъ 5 іюля, находится у большаго горнаго ручья того же имени. Этотъ ручей принесъ въ теченіе нѣкотораго времени столько голышей, что наполнилъ ими дно широкой бухты и, кромѣ того, образовалъ значительную косу, выдающуюся въ озеро. Буряты покинули деревню и отправились со своимъ скотомъ на лѣтнія пастбища. Зимой же здѣсь живетъ въ пло-

Видъ у береговъ Байкала.

хихъ хижинахъ около сорока семействъ. Радде остановился тутъ на ночлегъ и на другое утро отправился дальше. Береговыя скалы имѣли повсюду одинаковый характеръ. Онѣ отвѣсно спускались въ воду, были темнаго, буровато-сѣраго цвѣта и покрыты желтыми лишаями. Въ заливѣ *Амга* безпечно раскинуты были по берегу сѣти и разная простая домашняя утварь. Буряты между собою весьма честны, а такъ какъ здѣсь лишь въ исключительныхъ случаяхъ бываютъ чужестранцы, то эти вещи, не имѣющія почти никакой цѣнности, и не воруются. Впрочемъ, Радде сдѣлалъ небольшое похищеніе. Недалеко отъ одной бурятской хижины, онъ замѣтилъ три кола, вышиною въ 6 футовъ. На среднемъ изъ нихъ было прибито двѣ дощечки, въ родѣ вывѣски, а на другомъ висѣли два мѣшка изъ шерстянаго войлока, прикрѣпленные къ верхней части кола кожанымъ ремнемъ. Радде срѣзалъ эти мѣшки съ находившимися въ нихъ идолами и поспѣшно удалился.

8-го іюля путешественникъ увидѣлъ ближайшую цѣль своихъ странствованій, именно югозападный конецъ острова Ольхона съ его сѣровато-бурыми мысами. Чрезъ день послѣ этого лодка достигла Ольхонскихъ воротъ, или пролива, отдѣляющаго островъ отъ материка и далѣе расширяющагося въ такъ называемое *Малое море*. Отъ бухтъ во внутрь острова идутъ безлѣсные горные хребты, вышиною отъ 20 до 80 ф., на которыхъ множество баклановъ сидѣло на яйцахъ. По западной сторонѣ острова путешественникъ вышелъ въ Малое море. Слѣва отъ Радде берегъ опускался въ воду крутыми гранитными массами, за которыми поднимались террасами хребты горъ. Характеръ мѣстности все еще грустный и пустынный, и лишь незначительные слѣды растительности указывали, что дальше къ сѣверу видъ улучшится.

Вечеромъ разразилась страшная буря съ сѣвера, почему Радде былъ вынужденъ выйти на островъ и раскинуть палатку. Дождь шелъ ливнемъ и не останавливался въ теченіе 36 часовъ. Съ материка неслись на островъ все новыя и но-

выя массы облаковъ. Малое море пѣнилось, разбиваясь бѣлыми волнами о крутой берегъ. Казалось, ужасная зарма поднимала озеро съ его дна. Суевѣрные лодочники говорили: „это — море сердится“. Радде собралъ между тѣмъ свѣдѣнія о близлежащей бурятской деревнѣ *Голонургунъ*, въ которой считалось не болѣе 300 жителей, изъ коихъ лишь 100 находилось дома. Большею частью это бѣдные люди, незанимающіеся хлѣбопашествомъ, а прокармливающіеся рыбною ловлею и скотоводствомъ. Далѣе путешественникъ плавалъ по Малому морю все вдоль береговъ большаго острова, которые снова становились привѣтливѣе. Въ самомъ морѣ разсѣяны мелкіе, необитаемые и безлѣсные гранитные острова. По окраинѣ большаго острова находились старательно огороженные зеленые луга, а въ бурятской деревнѣ *Коранзикъ* домъ деревенскаго старосты отличается особою крышею и стекляными окнами. Радде ходилъ въ деревню купить рыбы и молока и по этому случаю въ первый разъ посѣтилъ бурятское семейство. Въ сопровожденіи казака, умѣвшаго говорить по-бурятски, онъ вошелъ около полудня въ одну изъ шестиугольныхъ юртъ. На лавкахъ по сторонамъ лежали хозяинъ и его братъ—голые, покрывшись только оборванными овчинами; они сильно храпѣли, хозяйка же занималась съ двумя нагими мальчиками.

Срисовавъ этихъ людей, Радде спросилъ себѣ проводниковъ на восточную сторону острова. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ проводники явились. На другое утро путешественникъ выѣхалъ верхомъ на возвышенность, по которой скоро достигъ сосноваго лѣса; тутъ онъ поѣхалъ вдоль черной борозды, шириною въ футъ, образовавшейся отъ тасканья срубленныхъ деревъ. Подлѣсокъ состоялъ изъ множества даурскихъ рододендровъ, которые вообще весьма распространены по всему Байкалу. Уже въ срединѣ мая на безлистыхъ вѣтвяхъ этого кустарника, вышиною отъ 4 до 5 фут., распускается такое множество темнорозовыхъ цвѣтовъ, что вся мѣстность получаетъ въ это время особенный краснова

тый оттѣнокъ. Дорога шла въ гору до куполообразныхъ отроговъ первой горной цѣпи, спускающихся въ глубокую котловину, густо поросшую лѣсомъ.

По весьма трудной дорогѣ добрался Радде до восточнаго берега Ольхона, гдѣ также находится крутая гора, поросшая лѣсомъ. Въ спокойныхъ водахъ плавали *тюлени*, потому что ихъ не тревожатъ здѣсь ни жители, ни суда. По временамъ они показывали свои головы и спины, а нѣкоторые изъ нихъ грѣлись на солнцѣ, размѣстившись по склонамъ берега. Водящіяся тутъ животныя не обыкновенные, а вонючіе тюлени (phoca annellata или fœtida). Они распространены по озеру не равномѣрно, именно въ сѣверной части ихъ встрѣчаютъ сравнительно рѣже. Лѣтомъ они большею частію, находятся въ упомянутомъ мѣстѣ, тогда какъ осенью чаще попадаются у восточнаго берега Байкала, между устьями Баргузина и Селенги. Радде выѣхалъ въ 4 часа утра и, перерѣзавъ островъ Ольхонъ поперекъ, возвратился въ 8 часовъ вечера къ своей лодка. При этомъ нужно замѣтить, что бурятскія лошади довольно быстры въ ѣздѣ.

17-го іюля Радде снова поплылъ по Малому морю къ западному берегу Байкала. Здѣсь ландшафтъ опять принимаетъ дикій характеръ. Плитообразно растрескавшіяся гранитныя скалы круто поднимаются футовъ на 20 вверхъ; по сторонамъ разбросано множество осколковъ кубической формы, погружающихся въ озеро, а по мѣстамъ въ камнѣ часто замѣтны пещеры.

Близъ большой деревни *Тонкаширъ* снова показался роскошный хвойный лѣсъ. Отъ вершины горъ до самаго озера расли лиственицы и сосны и рѣже сибирскіе кедры, которые любятъ преимущественно высокіе хребты, между тѣмъ какъ сибирская ель (abies sibirica) и сибирская пихта (picea obovata), большею частью, встрѣчаются въ закрытыхъ долинахъ, орошаемыхъ ручьями. Весьма рѣзкій контрастъ съ этими мрачными деревьями представляетъ собою свѣтлолиственная береза. Тѣнистой зелени бука, вяза и величественнаго

дуба, произрастающихъ въ западной Европѣ подъ тою же широтою, здѣсь не существуетъ. Это однообразіе прибайкальской растительности сначала поражаетъ зрителя, но затѣмъ весьма скоро утомляетъ.

Сѣверозападный берегъ Байкала отъ Тонкашира представляетъ величественные, дикіе и прекрасные виды для того, кто можетъ довольствоваться контрастами между скалистыми массами и зеленью сосенъ и лиственицъ. Здѣсь Радде удалось также насладиться нѣсколькими прекрасными вечерами, во время которыхъ озеро стояло, какъ зеркало, и среди безмолвія природы до слуха путешественника доходилъ шумъ свергающихся каскадами ручьевъ; онъ слышалъ плесканье красныхъ утокъ, которыя купались, хлопая крыльями и быстро описывая по водѣ малые круги. Звуки эти отражаются отъ скалъ и далеко раздаются посреди ночной тишины. Конечно, здѣсь не слышно пѣнія нашего соловья, потому что хотя Сибирь и обладаетъ весьма красивой породой этой пѣвчей птицы, въ видѣ славки (sylvia calliope), которая поетъ въ зелени березъ или ивъ какъ днемъ, такъ и ночью, во всякомъ случаѣ пѣніе этой птицы нельзя сравнить съ мелодическими трелями нашего соловья.

Берегъ Байкальскаго озера замѣчателенъ по присутствію тамъ горячихъ источниковъ. Радде посѣтилъ одинъ изъ нихъ у сѣверозападнаго берега. Отъ бухты, гдѣ онъ вышелъ на берегъ, во внутрь страны тянется глубокая долина, ограниченная горною цѣпью, надъ которою возвышаются горы, покрытыя снѣгомъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ причалило судно, въ озеро свергался прекрасный, дикій ручей, а недалеко отъ него бѣлые пары указывали на близость горячаго источника, который былъ огороженъ, какъ колодезь. Камни около этого источника были нагрѣты, потому что температура его простирается до $53^1/_2$ градусовъ по Реомюру, а распространяющійся, хотя и слабый запахъ ясно указываетъ на присутствіе сѣроводорода. На вкусъ вода отзывается нѣсколько этимъ газомъ, но, впрочемъ, она чиста,

лею. Немного найдется такихъ ламъ, которые бы или сами лично, или чрезъ коммиссіонеровъ не отправляли нѣсколько сотенъ головъ скота для мѣновой продажи въ Маймачинъ. Эта торговля, при ловкости ламъ и ихъ вліяніи на простыхъ бурятъ, доставляетъ имъ громадныя выгоды и сверхъ того, служитъ прикрытіемъ для ихъ сношеній съ заграничными ламами, что русскимъ правительствомъ строго воспрещено.

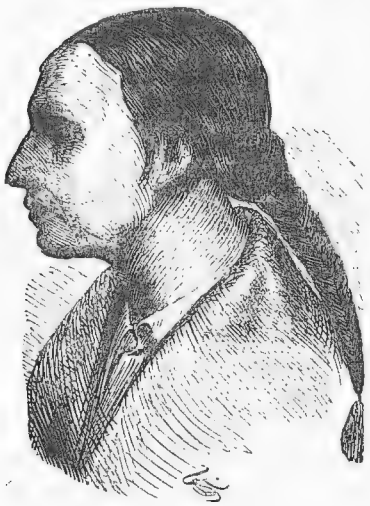
Мы возвращаемся къ Радде, котораго покинули въ *Сининдѣ*, деревнѣ на сѣверозападномъ берегу Байкала. Тутъ онъ впервые встрѣтился съ тунгузами, считающими своею собственностью область, лежащую на сѣверъ отъ Байкала и стоящими гораздо выше тупоумныхъ бурятъ. Въ самомъ дѣлѣ, это веселый, живой, безпечный, откровенный, скромный и отважный охотничій народъ, рожденный въ сумракѣ хвойныхъ лѣсовъ и уже отъ колыбели привыкшій къ опасностямъ, которыми грозятъ лютые звѣри.

Въ Сининдѣ Радде увидѣлъ уже сѣверныхъ оленей, совершенно ручныхъ и дававшихъ себя гладить. Тутъ нѣсколько тунгузовъ расположилось вокругъ дымящагося костра, разложеннаго чтобы отгонять невыносимыхъ комаровъ и слѣпней. Одинъ изъ этихъ тунгузовъ весьма хорошо говорилъ по-русски и разсказалъ, что онъ на своемъ вѣку убилъ уже 20 медвѣдей, но въ то лѣто не былъ такъ счастливъ, потому что ему удалось застрѣлить только двухъ медвѣдей и одного сѣвернаго оленя.

При дальнѣйшемъ странствованіи, нашему путешественнику неоднократно пришлось испытать бурю и промокнуть подъ проливнымъ дождемъ. Наконецъ, 10 августа, достигъ онъ устья сѣверной Ангары, т. е. сѣвернаго конца Байкала. Стало быть, онъ сдѣлалъ уже половину своего путешествія.

Эта сѣверная Ангара, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ южнымъ истокомъ озера того же имени, протекаетъ по глубокой низменности, между густою болотною растительностію, и у своего устья дѣлится на два рукава, соединенныхъ между собою озеромъ *Таларомъ*. Эта рѣка наноситъ,

особенно весною, много песку, лѣсу и голышей, образуя тѣмъ въ Байкалѣ мели и даже острова. Множество заливовъ и обширныхъ трясинъ, находящихся почти повсюду и покрытыхъ зеленью болотныхъ травъ, уничтожаетъ опредѣленную линію рѣчныхъ береговъ и смѣшиваетъ болота съ островами. Выше рукавовъ устья лежитъ естественная плотина изъ свѣтлаго, крупнаго песку, вышиною отъ 6 до 30 фут. Со стороны озера эти песчаные холмы поднимаются постепенно, между тѣмъ какъ по теченію рѣки они имѣютъ крутые скаты. Эти холмы сдѣлались неподвижны вслѣдствіе произрастанія тамъ нѣкоторыхъ растеній, особенно сибирскаго кедра, представляющаго здѣсь лишь кустарникъ, тогда какъ на близлежащихъ горахъ онъ стоитъ прекраснымъ деревомъ.



Тунгузъ.

Чистая, холодная вода Байкала, его каменистое дно и множество впадающихъ въ него ручьевъ весьма благопріятствуютъ нѣкоторымъ породамъ лосося; эта рыба обильнѣе всякой другой въ Байкальскомъ озерѣ. Главнѣйшіе виды ея, встрѣчающіеся здѣсь, суть salmo oxyrhynchus, salmo fluviatilis, s. thymallus, s. coregonus и s. omul. Ловлю этой рыбы нельзя назвать незначительной, такъ какъ ежегодно она дастъ дохода около 23,000 руб. При этомъ не берется въ разсчетъ ловля омуля, дающая прибыли въ 4 или 5 разъ больше означенной суммы, потому что его ежегодно поступаетъ въ продажу на 120,000 руб. Ловлею и соленіемъ омуля, составляющаго главную пищу населенія ближайшей мѣстности въ теченіе постовъ, занимается значительная масса народа.

Уже около середины іюня сходятся рыбаки изъ различныхъ мѣстъ къ устью Ангары для ловли омуля. Суда ихъ имѣютъ длину отъ 30 до 60 фут., и на нихъ бываетъ отъ пяти до десяти человѣкъ. Во время же ловли на многихъ судахъ находится до 15 человѣкъ, а на большихъ до тридцати. Рыбаки, большею частью, буряты съ острова Ольхона. Каждое судно находится подъ начальствомъ бошлыка, которому всѣ должны покориться безусловно. Неводы чрезвычайно длинны, они имѣютъ до 2 тысячъ ф. длины и стоятъ каждый среднимъ числомъ около 500 руб. Нижняя часть погружается въ воду камнями, обернутыми въ бересту, между тѣмъ какъ на противоположномъ краю привязаны поплавки изъ коры.

Имѣя все наготовѣ и ставъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, рыбаки ожидаютъ только, когда раздастся крикъ: омули показались!

Тогда берегъ оживляется, лодки съ сѣтями уходятъ въ озеро и направляются на приплывающую рыбу, которую не пускаютъ даже до устья рѣки. Такая ловля продолжается до середины августа и доставляетъ около трети всей рыбы, ловимой въ Байкалѣ. Всего обильнѣе ловля, когда омули уже вступятъ въ Ангару, такъ какъ здѣсь на маломъ пространствѣ рыбу гораздо легче захватить неводомъ.

Послѣ ловли немедленно приступаютъ къ соленію. Къ сожалѣнью, для этого употребляютъ до того горькую соль, что отъ нея портится вкусъ нѣжной рыбы. Рыбу складываютъ въ корзины и доставляютъ въ деревянные сараи, гдѣ и бросаютъ въ кадки. Тунгузки отдираютъ у рыбы грудные плавники и разрѣзываютъ ее весьма ловко, такъ что она остается связанною лишь на спинѣ. Очистивъ ее, онѣ приступаютъ затѣмъ къ соленію ея и укладкѣ въ боченки изъ лиственицы съ обручами изъ молодой черешни. У Ангары солятъ омулей длиною не менѣе какъ въ 10 или 14 дюймовъ, болѣе же мелкую рыбу варятъ въ большомъ котлѣ съ незначительнымъ количествомъ воды, вынимаютъ затѣмъ

Озеро Фрелиха или Давачанда

кости и выпариваютъ отваръ на солнцѣ. Полученная такимъ образомъ свѣтло-желтая масса называется порса и продается очень дешево. Изъ внутренностей же вываривается жиръ.

Ловля эта производится такъ неосторожно, что должно ожидать значительнаго уменьшенія рыбы. Дѣйствительно, ее ловятъ именно во время метанія икры и на весьма ограниченномъ пространствѣ. Радде разсчиталъ, что ежегодно уничтожается въ видѣ икры до 20,000 мил. омулей, — если предположить, что лишь десятая часть икры, поступающей въ торговлю, могла бы развиться въ рыбу. Радде предлагаетъ запретить ловлю омулей, какъ въ самомъ мѣстѣ, гдѣ эта рыба мечетъ икру, такъ и на пространствѣ 8 квадратныхъ верстъ отъ устья Ангары, — самое сподручное средство остановить уничтоженіе этой рыбы. Этимъ запрещеніемъ обезпечилась бы ловля омулей и на будущее время, и не уничтожалась бы такъ неосмотрительно.

17 августа Радде опять пустился въ дорогу и поплылъ по восточному берегу Байкальскаго озера. Священникъ маленькаго селенія *Верхнеангарска* благословилъ лодку и пожелалъ путешественнику благополучнаго странствованія. Радде предстояло теперь пройти пространство въ 400 верстъ, на которомъ у береговъ вовсе нѣтъ жителей. Путь его лежалъ сперва въ бухту Аяю, откуда тропинка вела къ озеру Фрелиха, ближайшей цѣли его странствованія. Сопутствуемый двумя тунгузскими проводниками, которые утверждали, что означенное озеро составляетъ ихъ собственность, Радде прошелъ 18 верстъ, отдѣляющихъ Фрелиху отъ Байкала. Въ долинѣ рѣчки Аяи дорога идетъ то въ гору, то подъ гору, то по болотамъ, то по лѣсамъ лиственицы и сибирскаго кедра. Вода Аяи очень холодна и немного горьковата. Тунгузы быстро приготовили себѣ сосудъ для питья, срѣзавши съ ближайшей березы кусокъ бересты, длиною и шириною въ 4 дюйма, и тотчасъ же устроили изъ нея плоскую чашку, изъ которой не вытекало ни капли воды. Дойдя до истоковъ Аяи, гдѣ путешественникъ остановился на короткое

время отдохнуть, тунгузы считали только половину дороги до Фрелиха. При дальнѣйшемъ странствованіи часто стали замѣчать слѣды медвѣдей, а тунгузы показали даже на одну лиственицу, которая на высотѣ 5 футовъ отъ земли была прогрызена медвѣдемъ: на стволѣ весьма ясно можно было видѣть поврежденіе коры и древесины.

Озеро Фрелиха, Давачанда или Форелей имѣетъ отъ одной до 4 верстъ въ ширину и простирается отъ 10 до 12 верстъ въ длину, по направленію отъ сѣверозапада къ юго-востоку. Восточный и юговосточный берегъ представляетъ дикіе и крутые обрывы, доходящіе до горнаго хребта вышиною въ 3,000 футовъ. Верхнія части этихъ горъ совершенно обнажены. На сѣверозападѣ, напротивъ, тянутся лишь низкія цѣпи холмовъ. Озеро образуетъ здѣсь три залива, по берегамъ которыхъ множество погасшихъ костровъ указываетъ на пребываніе тутъ тунгузовъ. Озеро Фрелиха находится около 400 футовъ выше уровня Байкальскаго озера, слѣдовательно, почти въ 1,800 футовъ надъ океаномъ. По словамъ тунгузовъ это озеро неимовѣрно глубоко. Для измѣренія глубины у крутаго юговосточнаго берега тунгузы однажды разрѣзали 3 старыя березовыя лодки на узкія полосы связали ихъ между собою, но и такимъ способомъ не достигли дна. Тунгузское названіе Фрелиха Давачанда-Амутъ значитъ озеро Форелей. Это названіе ему дано потому, что здѣсь водится весьма красивый видъ форели (salmo erythræus), котораго до сихъ поръ еще нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не находили. Воды озера Фрелиха стекаютъ въ Байкалъ.

Послѣ кратковременнаго пребыванія у береговъ озера, Радде отправился въ обратный путь лѣсомъ. Проводники показали ему одну лиственицу, толстая кора которой почти отъ самыхъ корней до 15 футовъ вверхъ испещрена была нарѣзками, сдѣланными одна надъ другой. Эти нарѣзки привлекли на себя особенное вниманіе обоихъ тунгузовъ. Они сосчитали ихъ и долго осматривали, а затѣмъ объяснили, что ихъ земляки занимались гимнастической игрою при помощи

жердей. Они прыгаютъ къ стволу такимъ образомъ, что ноги касаются коры. Мѣсто прикосновенія означается топоромъ, и тотъ выигрываетъ, кто коснулся ствола выше другихъ.

Въ пустошахъ по истокамъ Аяи водится много кабарги. Чтобы приманить это животное, тунгузы вырѣзали небольшіе мундштуки изъ коры, длиною въ дюймъ, а шириною въ полдюйма. Когда дуютъ въ этотъ инструментъ, то получаютъ звуки, весьма похожіе на рѣзкіе тоны дѣтскихъ дудокъ и совершенно сходные съ призывнымъ голосомъ кабарги. Хотя слѣды кабарги повсюду были весьма многочисленны на почвѣ, покрытой оленьими лишаями, тунгузы понапрасну трубили въ свои инструменты до самой ночи. Тѣмъ не менѣе означенная мѣстность весьма богата этими животными, между тѣмъ какъ въ югозападномъ углу Байкальскаго озера они совершенно уже исчезли. Въ дурномъ расположеніи духа Радде возвратился къ своей лодкѣ, чтобы на другой день пуститься дальше въ дорогу.

Восточные берега Байкальскаго озера столь же высоки, какъ и западные. Сибирскіе кедры, лѣса лиственицы, горячіе источники и покинутыя юрты тунгузовъ характеризуютъ эту часть берега. Многіе ручьи съ шумомъ свергаются съ горъ въ озеро, и люди встрѣчаются крайне рѣдко. Тутъ есть особенно богатый выборъ таволги. Новые виды, съ бѣлыми цвѣтами, украшаютъ здѣсь берега и представляютъ восхитительное зрѣлище, особенно ночью, при лунномъ свѣтѣ, скользящемъ по горнымъ склонамъ. Между поверхностью воды и темною чернотою лѣса то выше, то ниже тянется рѣзкое бѣлое окаймленіе, образуемое множествомъ кустовъ таволги.

Наблюденія Радде у восточныхъ береговъ Байкала были менѣе обильны, чѣмъ на западномъ, потому что съ 20 августа онъ жестоко страдалъ лихорадкою. Болѣзнь приняла опасный характеръ, отчего путешественникъ болѣе не могъ углубляться далеко отъ берега. Иногда ему удавалось застрѣ-

лить чайку (larus cachinnans) въ стаѣ, съ отвратительнымъ крикомъ вившейся около лодки. Чайки встрѣчаются у Байкала чаще другихъ птицъ и выютъ гнѣзда на неприступныхъ скалахъ. Въ зѣвѣ этихъ птицъ Радде нашелъ много желтоватыхъ тонкихъ червей, длиннѣе дюйма, встрѣчаемыхъ подъ береговыми голышами.

27 августа Радде доплылъ до Святаго носа, вдающагося въ Байкальское озеро и видимаго слабыми очерками на горизонтѣ съ острова Ольхона. Объѣхавъ носъ, путешественники вступили въ большой заливъ, въ который впадаетъ довольно значительная рѣка Баргузинъ, посреди роскошной растительности. Тутъ на берегу стоитъ лишь нѣсколько деревянныхъ хижинъ. По водѣ плавали водяныя птицы, которыхъ встрѣчаютъ здѣсь рѣдко, потому что, по недостатку болотистыхъ мѣстъ и плоскихъ береговъ, онѣ не находятъ удобства для высиживанія яицъ. Оттого тутъ вовсе не встрѣчаютъ красиваго крахаля (anas rutila), который предпочитаетъ островъ Ольхонъ и пещеры у западнаго берега. Эта прекрасная птица отличается особенною нѣжностью обращенія съ птенцами, а также хитростью и осторожностью, съ которою охотнику трудно бороться.

Въ Баргузинскомъ заливѣ много занимаются рыбною ловлею, преимущественно изгнанные евреи, которые, однако, сами не ходятъ въ воду, а нанимаютъ для этого работниковъ. Отъ устья Баргузина идетъ параллельно съ берегомъ почтовая дорога къ Туркинскимъ минеральнымъ водамъ. Превосходные лѣса покрываютъ береговыя горы, которыя весьма круто возвышаются. Радде въ первый разъ увидѣлъ тутъ лѣса бальзамнаго тополя (populus balsamifera). Хвойные лѣса уступаютъ здѣсь мѣсто преобладающей березѣ. Радде воспользовался дорогой, чтобы доѣхать до минеральныхъ водъ, находящихся на разстояніи 56 верстъ.

Посреди березоваго лѣса блещетъ церковный куполъ. Близъ этого зданія находится деревушка, больница и купальное заведеніе самыхъ знаменитыхъ сибирскихъ водъ Тур-

кинска. Эти воды выдѣляютъ довольно много сѣроводорода, сильный запахъ котораго распространяется по долинѣ. Главный источникъ рачительно окруженъ стѣной и храмообразною надстройкою. Горячая вода проводится прямо въ больницу, въ которой отдаются въ наемъ отдѣльныя комнаты, по 7 рублей въ мѣсяцъ. Больные, при этомъ, сами должны хлопотать о своемъ уходѣ и пропитаніи. За сотню ванъ берутъ очень мало, только 10 рублей. По этому видно, что Туркинскія воды еще не поднялись на такую степень, какъ Спа или Висбаденъ, хотя туда отправляется вся аристократія Сибири. Впрочемъ, вода довольно невинна и мало дѣйствительна. Составныя ея части глауберова соль и сѣроводородъ. Температура воды + 43° по Реомюру.

Уже обиліе горячихъ минеральныхъ ключей у береговъ Байкала указываетъ на существованіе вулканическихъ силъ въ этой мѣстности. Хотя здѣсь нѣтъ дѣятельныхъ волкановъ, тѣмъ не менѣе видны ихъ слѣды въ видѣ угасшихъ жерлъ. Чѣмъ болѣе удаляются отъ средоточія огненной дѣятельности, тѣмъ меньше горячихъ источниковъ. Воду этихъ источниковъ можно сравнить съ громаднымъ облакомъ пара, который въ теченіе дней и недѣль восходитъ изъ дальнихъ жерлъ. Горячіе источники, безъ сомнѣнія, лучшее средство для медленнаго охлажденія, потому что они отнимаютъ у расплавленныхъ подземныхъ массъ жаръ. Впрочемъ, настоящій процесъ химическихъ измѣненій, которыя происходятъ при содѣйствіи воды и жара внутри земли, долго еще останется неизвѣстнымъ.

У Байкальскаго озера связь горячихъ источниковъ съ вулканическою дѣятельностью подтвердилась многочисленными землетрясеніями. Одно изъ величественнѣйшихъ и продолжительнѣйшихъ, происходило съ декабря 1861 по февраль 1862 года. Средоточіе его находилось въ городкѣ Селенгинскѣ, у Селенги. Это землетрясеніе произвело въ Забайкальѣ страшныя опустошенія. Разрушилась половина деревни Степны, лежащей къ сѣверу отъ Посольска, у берега Бай-

кала. Отъ подземныхъ силъ, часть деревни провалилась и залилась водою, такъ что были видны надъ нею лишь крыши. Напротивъ того, другая часть, съ церковью, осталась на прежнемъ мѣстѣ, 60 футовъ надъ провалившеюся половиною.

Въ Туркинскѣ лихорадка заставила Радде отказаться отъ продолженія путешествія по Байкалу. Позднѣе онъ наблюдалъ озеро зимою, когда берега и горы были покрыты снѣгомъ. Уже въ августѣ и сентябрѣ у Байкала начинаются ночные морозы, иней покрываетъ растенія, бури усиливаются, и волны перекатываются; почему тогда лишь рѣдко кто рѣшается ѣздить на лодкѣ по взволнованной стихіи. Но наступленіи зимы представляются новыя величественныя явленія. Вѣтеръ шумно носится по вершинамъ старыхъ пихтъ и голыхъ лиственицъ, между тѣмъ, какъ въ долинѣ все спокойно. Издалека слышны удары дятла, который по временамъ издаетъ однообразный свистъ, по воздуху порхаетъ снигирь. Въ темномъ еловомъ лѣсу, который иногда до того частъ, что не пропускаетъ ни одного луча солнца, нитями тянутся съ одного сука на другой зеленоватобѣлые лишаи, покрывающіе исполиновъ растительности отъ вершины до корней. Въ чащѣ слышенъ стукъ клюва длиннохвостой синицы, а подъ деревьями шумно несутся къ Байкалу воды ручьевъ. Старые, повалившіеся стволы служатъ сибирской куницѣ (mustela sibirica) мостами черезъ ручьи, и по слѣду въ снѣгу можно узнать, гдѣ она странствовала, преслѣдуя бѣлку, поспѣшное бѣгство которой видно по отпечатку двухъ ея ногъ. Въ чащѣ березъ постъ чечетка, а на тонкомъ льду, совершенно у края воды, водяной дроздъ неподвижно подстерегаетъ мелкихъ водяныхъ животныхъ.

Мы покидаемъ тихую долину, гдѣ зимою находятъ себѣ убѣжище птицы, и возвращаемся вверхъ. Вершины стоятъ куполами, и мы не видимъ далеко съ достаточною ясностью. Тамъ все сливается въ общемъ сѣромъ оттѣнкѣ, на которомъ выдается лишь чернота еловаго лѣса. Лисица и дикія козы рыскаютъ, оставляя въ снѣгу слѣды, а въ сумерки бѣ-

лая сова неслышно вылетаетъ изъ лѣса, чтобы подстеречь рябчика.

Но зимняя природа Байкала не всегда представляется въ этомъ прелестномъ видѣ. Уже черезъ нѣсколько дней мы видимъ совсѣмъ другую картину. Обильный снѣгъ покрылъ деревья, буря носится по лѣсу, свѣвая снѣгъ, улегшійся на деревьяхъ, отчего весь лѣсъ окруженъ облаками. Къ этому присоединяется трескъ лопающихся стволовъ и сильные морозы. Груды снѣга взвѣваются вѣтромъ, и солнце является на сѣромъ небѣ среди свѣтлаго круга. Постепенно количество снѣга увеличивается, и, наконецъ, не знаешь, берется ли онъ съ неба или съ земли, когда поднимается сибирская буря, или пурга.

Узкую тропинку въ лѣсу, протоптанную животными, вскорѣ нельзя болѣе распознать, и странствующій охотникъ долженъ считать себя счастливымъ, если онъ во-время находитъ шалашъ изъ сваленныхъ стволовъ, покрытый сосновыми сучьями, гдѣ онъ можетъ обождать бурю и развести костеръ. Нерѣдко буря длится нѣсколько дней. Прорывающіеся лучи солнца освѣщаютъ горныя высоты, гдѣ пробираются олени, за которыми слѣдуетъ волкъ. Такъ какъ человѣкъ болѣе не можетъ взбираться по покатостямъ горъ съ разсѣлинами, занесенными снѣгомъ, то гребни становятся вѣрнымъ убѣжищемъ для кабарги, лося и оленя, но они не могутъ избавиться и тамъ отъ лютыхъ рысей, россомахи и волка.

Такъ какъ мы уже ознакомились съ бурятами, то намъ остается сказать нѣсколько словъ о другомъ племени, живущемъ у Байкала, именно о тунгузахъ. Буряты живутъ на восточномъ берегу и на большомъ островѣ Ольхонѣ, а тунгузы странствуютъ по сѣверной сторонѣ Байкала до впаденія Баргузина. Эти желтобурые, черноволосые люди считаютъ дремучіе лѣса настоящею своею родиною. Въ немъ они какъ дома. Каждая скала, каждое дерево имъ знакомы. Они обладаютъ изумительною способностью помнить мѣст-

Провалившаяся деревня у Байкальскаго озера.

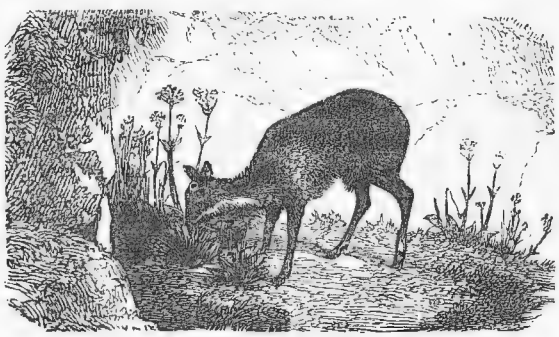
ность. Темпераментъ ихъ сангвинический, и даже при самой тяжелой работѣ они шутятъ. Тунгузы услужливы, откровенны и разговорчивы. Неутомимо лазятъ они въ гору и подъ гору, пробираются въ чащу и прыгаютъ съ кочки на кочку въ непроходимыхъ болотахъ. Это люди, довольные малымъ, добрые и получающіе все необходимое отъ одного животнаго и одного дерева, именно отъ сѣвернаго оленя и березы. Всего лучше тунгузы умѣютъ обрабатывать кожу сѣвернаго оленя, изъ которой женщины шьютъ одежду, причемъ ниткою имъ служитъ сухожиліе животнаго. Изъ березовой коры они изготовляютъ ящики, коробки, люльки и покрышку юртъ съ коническимъ остовомъ изъ жердей.

Странствующій тунгузъ всегда имѣетъ съ собою семь предметовъ, составляющихъ въ сущности все его достояніе: медвѣжье копье (гидда), сдѣланное изъ березовой жерди, съ желѣзнымъ наконечникомъ, въ 9 дюймовъ длины, ружье съ кремнемъ, рачительно завернутое въ оленью кожу, конскій хвостъ (арнукъ) для отмахиванія мухъ и комаровъ, китайскую трубку (улла) изъ латуни, острогу для ловли рыбы и, наконецъ, челнокъ изъ березовой коры, которымъ тунгузъ управляетъ искусно. Судно это имѣетъ длину лишь въ 6 фут., стоитъ два рубля и чрезвычайно полезно въ болотахъ и на мелкихъ озерахъ.

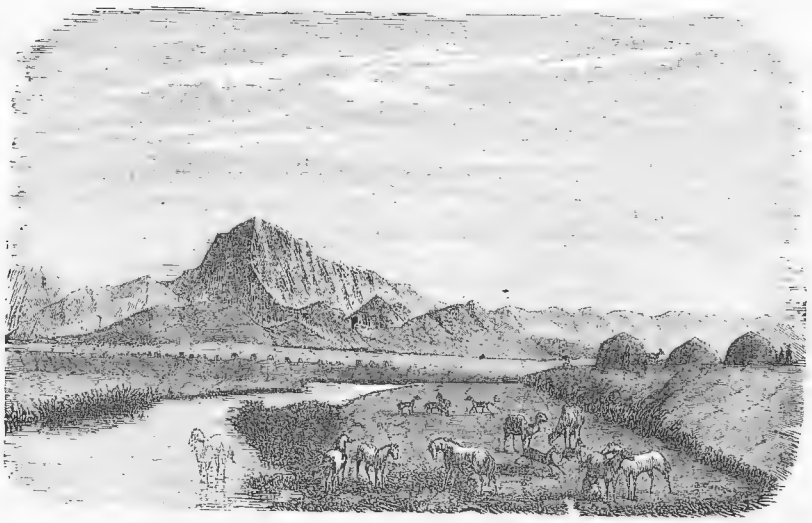
Холодъ и жажду тунгузы переносятъ терпѣливо и, не смотря на нужду, которую испытываютъ зимою, они не рѣшаются поступить на службу къ русскимъ. Радде предложилъ своему тунгузскому проводнику отправиться съ нимъ въ городъ заниматься тамъ работою, обѣщая ему даже теплую комнату и ежедневно хлѣба и чаю. Все это не соблазнило тунгуза, и онъ отказался, говоря: „Наша вѣра повелѣваетъ намъ жить и умереть въ лѣсу.“ Такой отвѣтъ далъ крещеный тунгузъ.

Одежда тунгузовъ въ своемъ родѣ щеголевата и легка, особенно въ сравненіи съ неуклюжею и грязною одеждою бурята. При полной свободѣ тунгузовъ, жены ихъ нахо-

дятся въ полномъ рабствѣ. Жена тунгуза строитъ хижину, дубитъ кожу, шьетъ одежду, печется о хозяйствѣ, пасетъ сѣверныхъ оленей или скотъ, словомъ, дѣлаетъ все, и иногда помогаетъ даже на охотѣ. Оттого женщины для странствующихъ тунгузовъ необходимы, и безъ нихъ мужчины пропали бы. Большая часть бѣдныхъ тунгузовъ, которыхъ видѣлъ Радде у Байкальскаго озера, были крещены. Впрочемъ, они имѣютъ слабое понятіе о христіанской вѣрѣ и исполняютъ ея обряды лишь въ присутствіи русскихъ, а на свободѣ, въ лѣсу, преданы шаманству. Оба тунгуза, съ которыми Радде странствовалъ по Форельному озеру, почтительно цѣловали руку русскому священнику и знали церковные обряды. Въ лѣсу Радде спросилъ ихъ, что означаютъ фигуры животныхъ на его поясѣ? Тунгузъ отвѣтилъ ему, что вѣра предписываетъ носить такіе поясы, если желаютъ сдѣлать богатую добычу или быть счастливымъ. Слѣдовательно, кромѣ христіанскаго Бога и вѣры, тунгузы имѣютъ еще особенную вѣру и боговъ, почитаемыхъ наравнѣ съ евангеліемъ. Поэтому видно, что религіозныя воззрѣнія у нихъ точно такія же, какъ у бурятъ, при всемъ различіи этихъ племенъ.



Кабарга.



Мѣсто стоянки монголовъ у Аргуни.

VIII.

Источники Амура.

Область Амура. — Гора Сохонда и восхожденіе на нее. — Сѣверные тунгузы. — Истоки Онона. — Ингода. — Нерчинскъ. — Торговыя сношенія. — Шилка. — Шилкинскій заводъ. — Ярмарки. — Рѣка Керлунь. — Далайское озеро. — Аргунь.

Амуръ — одна изъ величайшихъ рѣкъ Азіи и вмѣстѣ со своими притоками орошаетъ обширную котловинообразную область, ограниченную на югѣ Шань-Алинскими горами у предѣловъ Кореи и чертой, проведенной отсюда въ сѣверо-западномъ направленіи до Кентейскихъ горъ. На сѣверѣ притоки Амура отдѣляются Яблоновыми горами и Становымъ хребтомъ отъ рѣкъ, впадающихъ въ Сѣверное Полярное и Охотское моря. Наконецъ, береговыя горы у Татарскаго пролива отдѣляютъ рѣчную систему Амура отъ ручьевъ и рѣкъ, впадающихъ въ тотъ проливъ.

Китайцы главной рѣкой считаютъ самый большой притокъ Амура Сунгари, между тѣмъ какъ русскіе, а съ ними

и остальные народы полагаютъ, что источниковъ Амура нужно искать въ горахъ Сохонды и Кентейскихъ, откуда, въ сѣверовосточномъ направленіи, стекаетъ множество рѣкъ, которыя своимъ соединеніемъ при Усть-Стрѣлкѣ образуютъ Амуръ.

На сѣверъ отъ Сохонды беретъ начало *Ингода*, а на югъ отъ этой горы *Ононъ*. Обѣ эти рѣчки соединяются въ Шилку, одинъ изъ главныхъ притоковъ Амура. Второй главный притокъ Амура, Аргунь, называемая въ своемъ верховьѣ Кайларомъ, стекаетъ съ Хинганскихъ горъ, проходящихъ по Монголіи. Прежде Керлунь, вытекающую изъ Кентейскихъ горъ, принимали за верховье Аргуни, пока Радде не обнаружилъ ошибки и не указалъ, что между Керлунью и Аргунью существуетъ лишь временное соединеніе. Изъ этого видно, какъ различно опредѣляли истоки Амура. При всемъ томъ, гидрографія этой рѣки вовсе не запутанна, и сбивчивость зависѣла лишь отъ разныхъ названій, какія даются притокамъ.

Воды Онона и Ингоды раздѣлены горнымъ хребтомъ, высочайшую точку котораго составляетъ Сохонда. Эта горная цѣпь вовсе не составляетъ главной отрасли Яблоновыхъ горъ, идущихъ къ сѣверу отъ Кентейскаго узла; она образуетъ скорѣе побочную вѣтвь, отдѣляющуюся отъ южной части этихъ горъ. Какъ большая часть горъ Восточной Сибири, и эта цѣпь очень богата водой и представляетъ тупыя конусообразныя вершины, то отдѣльныя, то сгруппированныя вмѣстѣ. Главный хребетъ горъ образуетъ на своей вершинѣ громадную равнину, съ безпорядочно разбросанными обломками гранита.

Множество маленькихъ горныхъ потоковъ стекаетъ съ этихъ горъ и посылаетъ свои воды, черезъ Ингоду и Ононъ въ Амуръ. У подошвы горъ эти потоки питаютъ собою непроходимыя болота, такъ много затрудняющія прониканіе въ эту пустыню. Впрочемъ, по вершинамъ замѣчается нѣкото-

рая горная растительность, образующая оазисы въ разрозненныхъ скалистыхъ мѣстностяхъ.

Издали Сохондскія горы, которыя русскими ошибочно называются Чокондскими, представляютъ однообразный хребетъ, раздѣленный по самой срединѣ впадиной на двѣ приблизительно равныя части. Немногія пропасти, наполненныя снѣгомъ, блещутъ въ синѣющей дали. Впрочемъ, днемъ вершины Сохонды почти постоянно покрыты густымъ туманомъ и дождевыми облаками; лишь вечеромъ, когда солнце уже скрывается за горы, онѣ видны ясно и бываютъ залиты свѣтомъ. Для тунгузовъ эта гора, постоянно одѣтая въ туманъ и дождевыя облака, даетъ поводъ къ разнымъ религіознымъ вѣрованіямъ. Ихъ воображеніе создастъ разгнѣваннаго духа, обитающаго на вершинахъ Сохонды, враждебнаго человѣку и грозящаго опасностью всякому, кто вступаетъ въ его области. Такимъ образомъ, эти интересныя горы неизвѣстны даже мѣстнымъ жителямъ, и лишь съ трудомъ путешественнику можно достать проводника.

Когда Радде, въ 1856 году, всходилъ на Сохонду, то онъ съ трудомъ нашелъ какого-то стараго тунгуза, который рѣшился, съ нѣсколькими казаками, сопровождать его. Дорога вела по долинѣ рѣчки Агуцакана. Горы, подымающіяся по обѣимъ сторонамъ, весьма красиво поросли лѣсомъ. Береза образуетъ здѣсь рѣденькіе перелѣски, а луга покрыты густою травою. Такая роскошная растительность обусловливается двумя причинами: избыткомъ воды и черноземною почвою. Узкая тропинка, проложенная въ этой красивой мѣстности, скоро теряется, и Агуцаканъ, по мѣрѣ восхожденія, становится все уже и уже. Прозрачныя его воды часто пѣнятся вокругъ камней, преграждающихъ ему путь. Рои крупныхъ комаровъ, составляющихъ бичъ Восточной Сибири, преслѣдуютъ путешественника, безпокоя его самого и лошадей. При дальнѣйшемъ поднятіи исчезаютъ богатопоросшіе луга, и на высотѣ 4,000 фут. начинаютъ попадаться болотистыя мѣста, гдѣ растетъ ива и береза, вмѣстѣ

со мхомъ и брусникой. Здѣсь цѣлый лабиринтъ родниковъ, пробивающихся изъ мягкаго ковра мховъ. Они весьма затрудняютъ дальнѣйшее слѣдованіе въ гору. Мохъ скрываетъ опасныя мѣста, и лишь невѣрными, медленными шагами подвигается впередъ лошадь, привыкшая къ подобнаго рода путешествіямъ, причемъ она нерѣдко погружается по грудь въ болото. Лиственица здѣсь повсюду преобладаетъ. Часто прогалины расчищены огнемъ, а не рубкою лѣса, причемъ, однако, расчистка простирается нерѣдко далѣе желаемыхъ границъ.

Едва ли кому удастся взойти на Сохонду, не испытавъ грозы. Такъ было и съ Радде. Желтыя молніи сверкали въ черныхъ, медленно надвигающихся тучахъ, и громъ раскатывался съ такою силою, что бѣдный тунгузъ трепеталъ отъ страха и разсказывалъ разныя страсти о разгнѣванномъ духѣ Сохонды. Проливной дождь заставилъ раскинуть палатку, въ которой Радде и провелъ ночь со своими спутниками.

На другой день онъ пошелъ дальше по долинѣ Агуцакана. Эта рѣчка свергается многими водопадами съ одной ступени на другую; шумный ропотъ воды причудливо раздается здѣсь въ тишинѣ перелѣсковъ, въ которыхъ встрѣчаются только полосатыя бѣлки. Тамъ, гдѣ на высотѣ 5,200 ф. перестаетъ расти береза, и почва становится суше, начинаютъ преобладать древовидные сибирскіе кедры. Подошва настоящей вершины горы находится еще выше, въ области произрастанія кустарникообразнаго сибирскаго кедра, т. е. на высотѣ 6,700 фут. При частыхъ и сильныхъ сѣверныхъ и сѣверозападныхъ вѣтрахъ, даже это растеніе, нерѣдко въ слѣдствіе ихъ имѣющее вѣтви безъ иголъ, не можетъ прозябать надлежащимъ образомъ. Въ этой области Радде провелъ вторую ночь подъ громомъ и молніей. Злой духъ Сохонды, по мнѣнію проводника, былъ очень разгнѣванъ, и потому, на его взглядъ, всего благоразумнѣе было вернуться. Тунгусъ расположился подъ сибирскими кедрами, защищавшими его, и кожанымъ кафтаномъ закрылъ свою голову, украшенную

косою. Эта подверженная вѣтрамъ, обнаженная вершина, куда красная дичь заходитъ лишь въ жаркіе лѣтніе дни, спасаясь отъ комаровъ, служитъ любимымъ мѣстомъ для кабарги. Растительность имѣетъ тутъ вполнѣ альпійскій характеръ. Растенія малорослы, рѣдко бываютъ съ цвѣтами и большею частью образуютъ дернъ.

На третій день началось опасное восхожденіе на вторую горную террасу, покрытую обломками гранита. Бока камней, которые сверху гладко омыты, покрыты черноватыми или желтовато-красными лишаями. Между гранитными скалами журчатъ и шумятъ тысячи ручейковъ, то услаждая слухъ, то напоминая суевѣрнымъ тунгузамъ своимъ ревомъ о горномъ духѣ. Здѣсь постоянно водится одно четвероногое, сѣноставецъ (lagomys alpinus), который накопляетъ между скалами запасъ сѣна на зиму.

Гранитная вершина Сохонды имѣетъ крутой склонъ на южную сторону, и у подножія перпендикулярной стѣны находятся два маленькія озера, снабжаемыя водою изъ подземныхъ источниковъ. Въ этихъ озерахъ водится одинъ видъ форели (salmo coregonus), а по берегамъ летаютъ альпійскія вороны (fregilus graculus) и бѣлыя куропатки. Вершина Сохонды покрыта дико-нагроможденнымъ гранитомъ и лежитъ выше озеръ на 1,500 ф. Отсюда представляется величественный горный видъ, теряющійся въ равнинахъ Монголіи.

По измѣреніямъ Радде, вершина Сохонды поднимается на 8,259 фут. надъ уровнемъ моря; слѣдовательно, она еще не лежитъ въ предѣлахъ вѣчныхъ снѣговъ, и потому здѣсь видны слѣды довольно разнообразной животной и растительной жизни. Даже медвѣдь заходитъ на эту вершину въ жаркіе дни, чтобы прохладиться здѣсь, между тѣмъ какъ тутъ почти безпрерывно слышенъ писк суслико въ, каркань альпійскихъ воронъ и свистъ сѣноставца.

Сохонда, съ многочисленными своими притоками и ручьями, доставляетъ главную массу воды Амуру. Ононъ и Ин-

года, образующіе Шилку, и Керлунь, стоящая въ тѣсной связи съ Аргунью, суть три рѣки, которыя мы и разсмотримъ прежде всего. Мѣстность, находящаяся между ними, весьма разнообразна по внѣшнему виду. Сѣверная и сѣверовосточная часть гориста и образуетъ горную или заводскую область Нерчинскъ; между тѣмъ какъ на востокѣ и юговостокѣ въ эту рѣчную область вдается пустыня Гоби своею крайнею полосою, составляющею Даурскую степь.

По берегамъ Онона идутъ обширные высокоствольные лѣса, въ которыхъ преобладаетъ сосна. Эти, очень густые лѣса шириною нерѣдко въ 15 верстъ, весьма интересны въ ботанико-географическомъ отношеніи, потому что составляютъ рѣзкую границу между рѣкой и степью. Чѣмъ далѣе идешь по Онону къ востоку, тѣмъ рѣже становится лѣсъ и, наконецъ, совершенно исчезаетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ отроги Адончолонскихъ горъ заставляютъ ее уклониться къ сѣверу. Паденіе рѣки по этому направленію незначительно, но она нерѣдко бываетъ стѣснена между гранитными берегами и до соединенія съ Шилкой тянется по мѣстности лѣсистой или поросшей кустарникомъ.

Ингода возникаетъ на сѣверъ отъ Сохонды и течетъ въ сѣверовосточномъ направленіи до Читы, главнаго города Забайкальскаго края, съ 1,500 жителями, у подошвы Яблоновыхъ горъ. Ниже этого города Ингода имѣетъ ширину отъ 120 до 200 футовъ, течетъ очень стремительно и образуетъ весьма много острововъ. Скалистыя горы у ея береговъ сближаются иногда до того, что между ними остается лишь узкій промежутокъ. Берега эти покрыты густымъ лѣсомъ. Между подлѣскомъ здѣсь встрѣчаются прекрасные папоротники, а въ болѣе теплыхъ мѣстахъ прозябаетъ ревень. Лодки и плоты могутъ плавать до Читы; однако судоходство довольно опасно по множеству мелей и пороговъ. Немного повыше Кручины стоитъ посреди рѣки скала *Капитанъ*, которая при мелководьѣ преграждаетъ путь. Самый опасный

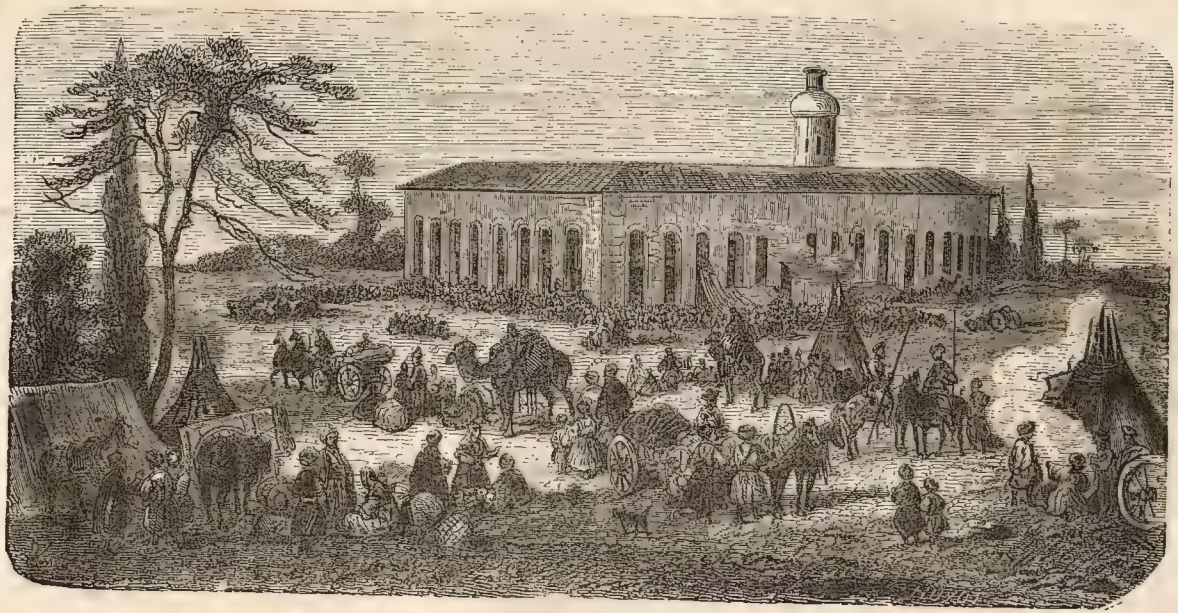
порогъ, называемый Бойцемъ, находится ниже Воровской впадины, гдѣ Ингода извивается по ущелью.

Шилка образуется соединеніемъ Онона съ Ингодой. Въ началѣ ея теченія она несудоходна для крупныхъ судовъ, потому что здѣсь много пороговъ и острововъ. По лѣвому берегу идутъ холмы, поросшіе ивами, между тѣмъ какъ правый низменъ и очень болотистъ. Съ сѣвера впадаетъ въ Шилку, по красивой лѣсистой долинѣ, рѣка Нерча, и въ этой мѣстности построенъ Нерчинскъ.

У европейскихъ путешественниковъ, которые, послѣ труднаго странствованія внизъ по рѣкѣ чрезъ Монголію, внезапно видятъ церкви, башни и европейскіе домы, конечно, пробуждается мысль о родинѣ. Но пріятность значительно уменьшается, когда вспомнишь, гдѣ находишься. Климатъ въ Нерчинскѣ вовсе не такъ дуренъ, какъ нерѣдко утверждаютъ; лѣто здѣсь, конечно, не такъ долго, какъ въ средней Европѣ, но оно очень жаркое и производитъ великолѣпную растительность. Земледѣліе и огородничество идутъ здѣсь очень успѣшно. Овощи прозябаютъ превосходно, равно какъ и табакъ, который продается бурятамъ и тунгузамъ.

Нерчинскъ лежитъ подъ 51° 58′ сѣверной широты и подъ 117° 40′ восточной долготы отъ Гринича, на лѣвомъ берегу Нерчи, на разстояніи почти трехъ верстъ отъ ея впаденія въ Шилку. Первоначально поселились у самаго берега Шилки, но частыя наводненія этой рѣки заставили перемѣститься въ занимаемую нынѣ мѣстность, впрочемъ, также не вполнѣ надежную. Самое большое наводненіе, погубившее половину города, было въ 1840 году, когда вода поднялась на три сажени выше нормальнаго уровня.

Торговля въ Нерчинскѣ весьма дѣятельная. Тутъ построенъ гостиный дворъ по образцу восточныхъ караванъ-сараевъ. Около него можно видѣть пеструю толпу русскихъ, туркменовъ, манджуровъ и другихъ монгольскихъ и тунгузскихъ народовъ. Казакъ покупаетъ узду или ножикъ, русскіе и буряты пришли на рынокъ со своими дѣтьми, тутъ стоятъ



Площадь въ Нерчинскѣ.

верблюды, нагруженные товаромъ, отправляемымъ до Байкальскаго озера, а вверхъ по Амуру—сюда пріѣзжаютъ нѣмецкіе и американскіе торговцы изъ Калифорніи. Тутъ можно встрѣтить бухарцевъ изъ западно-азіятскихъ ханствъ; ихъ блѣдныя, обыкновенно красивыя лица рѣзко отличаются отъ широкихъ, желтыхъ лицъ кочующихъ племенъ сѣверо-восточной Сибири. Главнѣйшіе предметы торговли составляютъ здѣсь чай, порохъ, свинецъ и мѣха.

Въ городѣ будетъ около 5,000 жителей. Въ немъ находятся двѣ православныя церкви, астрономическая обсерваторія и горное училище, построенныя изъ кирпича, между тѣмъ какъ всѣ остальныя зданія деревянныя. 30 лѣтъ послѣ основанія этого города (въ 1689 г.), Россія заключила первый договоръ о границахъ съ Китаемъ, причемъ, въ слѣдствіе посредничества французскаго миссіонера Гербильона, особенно было въ выгодѣ китайское правительство. Отважный предводитель казаковъ, Бекетовъ, отправился въ 1652 году изъ Енисейска, чтобы завладѣть для Россіи странами по ту сторону Яблоноваго хребта, о которыхъ тогда очень много говорили. Въ слѣдующемъ году онъ дошелъ до Ингоды, проплывъ внизъ по этой рѣкѣ, открылъ Шилку и заложилъ у устья Нерчи селеніе. Съ живущихъ тутъ тунгузовъ онъ собралъ дань и началъ обрабатывать землю. Нѣсколько времени все шло хорошо, но затѣмъ тунгузы возстали и прогнали казаковъ. Губернаторъ Енисейска не упалъ духомъ отъ такой неудачи и въ слѣдующемъ же году отправился къ Шилкѣ съ 566 человѣкъ. Конечно, пришлось много страдать отъ недостатка пищи, тѣмъ не менѣе ему удалось тамъ утвердиться и устроить Нерчинскъ, который въ 1781 году сдѣланъ городомъ.

Нерчинскъ составляетъ средоточіе очень обильныхъ свинцовыхъ и серебряныхъ рудниковъ, расположенныхъ на весьма обширномъ пространствѣ; въ нихъ занимается около 5,000 человѣкъ. Въ эти рудники отправляются на работу каторжники, совершившіе тяжкія преступленія, и за ними над-

зираютъ очень строго. Несовершившіе же такихъ преступленій пользуются лучшимъ обращеніемъ. Обыкновенно ссыльные получаютъ ежемѣсячно паекъ и два рубля, мастеровымъ же выплачиваютъ ежедневно по 15 коп. Работающіе въ рудникахъ ежемѣсячно освобождаются на цѣлую недѣлю отъ работы. Большею частію ссыльные, послѣ безпорочнаго поведенія въ теченіе 20 лѣтъ, получаютъ свободу и кусокъ земли, за который не платятъ никакихъ податей.

Рудники находятся подъ управленіемъ компетентнаго въ горномъ дѣлѣ человѣка, которому помогаетъ значительное число инженеровъ. Многіе русскіе минералоги начали свою карьеру въ Нерчинскѣ. Нерчинскій свинецъ отправляется не въ европейскую Россію, а въ Барнаулъ, гдѣ его употребляютъ для обработки алтайской руды. Провозъ свинца въ европейскую Россію былъ бы слишкомъ дорогъ, такъ что нѣмецкій и англійскій свинецъ оказался бы въ пять или шесть разъ дешевле сибирскаго. Въ Нерчинской области добываютъ олово, цинкъ и золото; послѣднее во многихъ долинахъ Яблоновыхъ и Чинганскихъ горъ.

Пониже Нерчинска въ Шилку впадаетъ множество маленькихъ, большею частью золотоносныхъ рѣчекъ, стекающихъ съ Яблоновыхъ горъ. Въ слѣдствіе этого рѣка значительно увеличивается. Въ Шилкѣ находится много острововъ, поросшихъ ивами; у ея берега расположены маленькія казацкія деревни съ деревянными избами. На южномъ краѣ находится казачье селеніе Срѣтенское, одно изъ первыхъ въ этой области. Около него видны цвѣтущія поля, и тутъ весьма успѣшно разводятся всякаго рода огородныя растенія. По мѣрѣ приближенія къ Шилкинскому, лѣвый берегъ становится все болѣе и болѣе населеннымъ. Почва здѣсь хороша и доставляетъ все потребное для поддержанія жизни. Рыбы и дичи вдоволь.

До окрестностей деревни Боти господствуютъ гранитныя скалы съ округленными вершинами, а затѣмъ появляется известнякъ, живописно измѣняющій видъ. Скалы становятся

выше, и ихъ вершины раздѣляются на множество живописныхъ башенокъ, между тѣмъ какъ у подошвы видны пещеры, весьма богатыя асфальтомъ. Слѣдовательно, и въ этомъ отдаленномъ амурскомъ краѣ можетъ развиваться добываніе горнаго масла (керосина).

При устьѣ рѣчки Чалбучи, текущей съ Яблоновыхъ горъ, находится довольно значительное населеніе, Шилкинскій заводъ, средоточіе Нерчинскаго горнаго округа. Тутъ развилась довольно значительная промышленость. По южному берегу Шилки находятся горные заводы, на которыхъ добываются свинецъ и серебро; а въ недавнее время устроили также желѣзные заводы, дающіе весьма хорошій доходъ. Извѣстны также кожевенные шилкинскіе заводы, на которыхъ кожу дубятъ березовой корой. Эту кожу отправляютъ далеко въ Монголію; даже сибиряки получаютъ отсюда свои запасы. Послѣ открытія Амурскаго края Шилкинское стало для русскихъ очень важнымъ мѣстомъ. Для маленькихъ судовъ Шилка судоходна до этого мѣста, а болѣе крупныя должны перегружаться.

Ниже Шилка принимаетъ въ себя Кару, у береговъ которой открыты золотые пріиски, обѣщающіе очень много въ будущемъ. Шилка течетъ здѣсь еще въ довольно узкомъ руслѣ, между известковыми горами, поросшими густымъ лѣсомъ, до впаденія въ нее Габрицы, у деревни того же имени. Эта рѣчка течетъ съ Яблоновыхъ горъ, и недалеко отъ ея впаденія у минеральныхъ ключей Богдоя, ежегодно бываетъ ярмарка. Русскіе купцы и казаки занимаются здѣсь мѣновою торговлею съ манджурами, которые пріѣзжаютъ сюда съ Айгуна и промѣниваютъ бумажныя ткани, шелкъ, табакъ и китайскую водку на стекло, мыло и оленій рогъ.

Эта мѣстность весьма богата минеральными ключами, которыми туземцы пользуются весьма часто. Вблизи упомянутаго ярмарочнаго мѣста Богдоя, известковые камни смѣняются сильно растрескавшимся гранитомъ. Безчисленное множество горныхъ ручьевъ свергается съ живописныхъ скалъ;

по берегамъ этихъ потоковъ преобладаетъ сосна, между тѣмъ какъ въ болѣе высокихъ областяхъ растутъ березы и лиственицы.

Послѣдній значительный притокъ, впадающій также съ сѣвера, называется Желтуха. Ея прозрачныя, обильныя воды смѣшиваются съ водами Шилки лишь послѣ того, какъ каждая изъ нихъ протекла нѣкоторое разстояніе одна подлѣ другой. Казаки утверждаютъ, что даже породы рыбъ въ той и другой половинѣ различныя. Рыболовствомъ тутъ занимаются очень сильно. У впаденія рѣчки Банковы, притекающей съ юга, также бываетъ ярмарка, причемъ должно удивляться точности, съ какой туземцы сходятся сюда къ извѣстному времени изъ различныхъ мѣстностей. Около нѣсколькихъ тѣнистыхъ деревъ, у береговъ рѣки, они собираются на три дня, въ теченіе которыхъ ведутъ переговоры такъ серьезно, какъ будто бы дѣло шло объ обширныхъ торговыхъ операціяхъ.

Ниже этого мѣста берега Шилки представляютъ мало измѣненій. У поста Усть-Стрѣлки рѣка соединяется съ Аргунью подъ 53° 19′ сѣверной широты и 121° 50′ восточной долготы отъ Гринича.

Если считать Керлунь верховьемъ Аргуни, хотя въ вѣрности этого предположенія, по изысканію Радде, можно очень сомнѣваться, то источники этого потока находятся на югѣ Кентейскихъ горъ, которыя идутъ къ сѣверо-востоку отъ монгольскаго города Урги и къ югу отъ Сохондскихъ горъ, столь богатыхъ водами. Описывая большую дугу преимущественно въ восточномъ направленіи, течетъ Керлунь по монгольской степи, и во многихъ мѣстахъ берега ея, говорятъ, нелишены романтической прелести. Точныя свѣдѣнія объ этой рѣкѣ еще не обнародованы. Оттого ея гидрографія остается неразъясненною. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что Керлунь протекаетъ по китайской территоріи и впадаетъ въ большое озеро Далай-Норъ, или Кулунь.

Связь между Керлунью, Далай-Номомъ и Аргунью разъяснилъ Радде. Далай-Норъ озеро прѣсноводное, а первыя свѣдѣнія о немъ мы получили отъ Гербильона (1698 г.) и Месершмида (1724 г.). По мнѣнію пограничныхъ казаковъ, оно имѣетъ въ длину, по направленію отъ юга къ сѣверу, 150 верстъ, и въ ширину отъ востока къ западу 50 верстъ. Кромѣ Керлуни, въ озеро впадаетъ еще Ургунь, дающая стокъ водамъ озера Буйра-Нора, лежащаго далѣе къ югу. До нашего времени предполагали, что Аргунь составляетъ стокъ Далай-Нора, но Радде приводитъ весьма многое противъ такого мнѣнія. Такъ, съ этимъ не согласуются свѣдѣнія, полученныя отъ прибрежныхъ жителей, далѣе переходъ рыбы изъ Далая въ Аргунь, происходящій не постоянно, а только по временамъ, и, наконецъ, увѣренія монголовъ, что лишь при высокомъ уровнѣ воды на нѣкоторое время образуется нѣчто въ родѣ соединительнаго канала между Далаемъ и Аргунью.

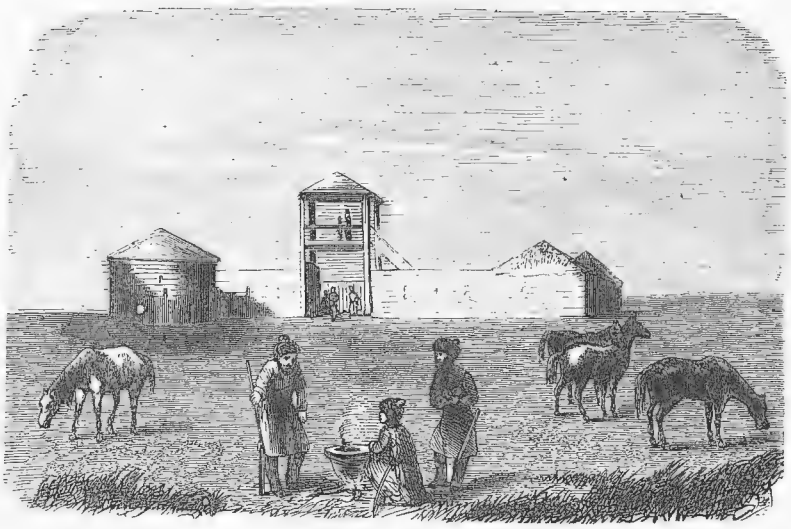
Рѣку-мать Аргуни составляетъ Кайларъ. Монголы говорятъ о Кайларѣ и Аргуни постоянно какъ объ одной и той же рѣкѣ, которая только различно называется ими и русскими, и вовсе не считаютъ Кайлара притокомъ Аргуни. Около трехъ верстъ на югъ отъ границы въ китайской территоріи, съ лѣвой стороны въ Кайларъ впадаетъ каналъ, сѣверный конецъ котораго касается Далая. Этотъ каналъ монголы называютъ Далайготъ, а русскіе, по свойству его воды, Мутнымъ. Именно этотъ каналъ, при высокомъ уровнѣ Кайлара, медленнымъ теченіемъ спускаетъ часть воды въ Далай-Норъ. Черезъ него-то и проплываетъ тогда множество рыбы изъ озера въ Аргунь. Кайларъ несетъ въ началѣ іюня громадное количество снѣжной воды и нерѣдко, подобно Аргуни на русской территоріи, до половины іюля, затопляетъ всѣ низменности. Къ сожалѣнію, при такихъ разливахъ вода наноситъ почти одинъ песокъ и весьма мало плодоноснаго ила.

Что касается самаго названія Далай-Норъ, то въ буквальномъ переводѣ это значитъ большое озеро. Но монголы

считаютъ его скорѣе моремъ въ томъ смыслѣ, что Далай не имѣетъ стока и, между тѣмъ, принимаетъ много притоковъ. Пока озеро останется на китайской территоріи, пограничные жители Россіи будутъ имѣть, по крайней мѣрѣ, временно, очень много рыбы, потому что монголы, густо заселяющіе берега Далая, не занимаются рыболовствомъ.

По верховьямъ Аргуни рыба находитъ глубокое русло, со многими заливами, гдѣ ей гораздо удобнѣе метать икру, чѣмъ въ Керлуни и Ургуни. Далѣе, особенно за казачьимъ постомъ Цурухайтуя, Аргунь принимаетъ совершенно другой характеръ. Ея русло становится каменистымъ, и у береговъ встрѣчается много краснаго и бѣлаго халцедона и агата. Гранитныя горы, поросшія лѣсомъ, смѣняются низменностями, представляющими богатые луга, благопріятные для скотоводства, особенно къ юговостоку, гдѣ проходятъ Чинганскія горы, и кочуетъ много монголовъ.

Отъ Далайскаго озера Аргунь составляетъ границу между Забайкальемъ и Монголіею. На лѣвомъ, русскомъ берегу разставлено много казачьихъ постовъ, изъ которыхъ самые значительные—Абагайтуй, Цурухайтуй, Нерчинскій заводъ и Аргуньскій острогъ. Изъ Нерчинскаго горнаго округа течетъ самый значительный притокъ Аргуни, Газимуръ, и, вскорѣ послѣ его впаденія, Аргунь соединяется при Усть-Стрѣлкѣ съ Шилкою, образуя при этомъ Амуръ. Но прежде, нежели перейти къ изслѣдованію этой рѣки, ознакомимся съ степной областью между Онономъ и Аргунью.



Казачья станица въ степи.

IX.

Даурскія степи.

Географическое положеніе даурскихъ нагорныхъ степей. — Искусственные холмы. — Зима на казацкой станицѣ. — Вьюга. — Степные волки. — Ловля карсаковъ. — Антилопы. — Перелетныя птицы весной. — Путешествіе ихъ, съ наполненными камнями желудками. — Соляныя испаренія почвы. — Весенніе цвѣты. — Образъ жизни и ловля степныхъ сурковъ. — Зайцы-свистуны. — Земляныя мыши. — Зайцы-скакуны и хомяки. — Растительность въ степяхъ. — Саджи и перелеты ихъ въ Германію. — Степной номадъ лѣтомъ. — Тинистые столбы. — Монголы не убираютъ водяныхъ животныхъ. — Китайско-русская граница. — Джигетаи и охота за ними — Дикая овца. — Солончаковыя травы. — Переселенія животныхъ.

На югъ отъ знаменитаго горнозаводскаго города Нерчинска, въ Забайкальской области между Шилкой и Аргунью, двумя притоками Амура, тянутся даурскій нагорныя степи Большая монгольская пустыня, Гоби, сѣверовосточнымъ краемъ своимъ вдается въ эту страну, изслѣдованную въ послѣдній разъ Палласомъ (1772). Она имѣетъ, въ зоологическомъ отношеніи, много общаго съ фауной средне-азіятскихъ

возвышенностей и замѣчательна множествомъ живущихъ на ней характеристичныхъ животныхъ. Обозначая точнѣе положеніе границъ даурскихъ степей, мы найдемъ, что онѣ занимаютъ лишь узкую полосу земли, между 130° 30′ и 137° на востокъ отъ Ферро; главное протяженіе ихъ идетъ отъ запада къ востоку и пересѣкается частію 50° сѣв. ш. Сѣверную границу этой нагорной степи образуетъ высокоствольный сосновый лѣсъ, идущій вдоль берега Онона, впадающаго въ Шилку; далѣе Ононборза, текущій къ западу притокъ Онона, южныя отрасли Адончолонскихъ горъ, съ которыхъ беретъ начало Газлемуръ; потомъ рѣчка Урулунгуй, несущая свои воды въ восточномъ направленіи къ Аргуни, и, наконецъ, юговосточную и южную границу самая Аргуна и опредѣленная въ 1727 г. китайская граница. Вся страна, занимающая пространство въ 830 кв. миль, имѣетъ въ самыхъ низменныхъ мѣстахъ своихъ 2,200 ф. высоты надъ моремъ, въ высочайшихъ же пунктахъ 3,000. Многочисленныя возвышенности, идущія въ различныхъ направленіяхъ, окружаютъ большія солончаковыя долины, въ которыхъ мало водоемовъ, а чаще всего встрѣчаются кристаллы соды и глауберовой соли, и случается, что въ теченіе нѣсколькихъ годовъ сряду озера лѣтомъ бываютъ сухи и иногда совершенно исчезаютъ; родниковыхъ же болотъ найдется чрезвычайно мало, за исключеніемъ развѣ встрѣчающихся изрѣдка ручейковъ, происшедшихъ отъ тающей снѣговой воды. Принимая въ разсчетъ такой страшный недостатокъ въ водѣ и высокое положеніе мѣстности, мы впередъ можемъ разсчитывать, что въ ней весьма сухъ воздухъ, особенно, если припомнимъ, что съ юга къ ней примыкаетъ большая пустыня, а съ сѣвера она защищена густыми лѣсами, привлекающими дождевыя тучи.

Радде 1 марта 1856 г. выѣхалъ изъ Иркутска, имѣя цѣлью изслѣдовать эти степи. Описаніе ихъ составляетъ самое блестящее мѣсто въ его путевыхъ замѣткахъ. Онъ перешелъ черезъ Яблоновый хребетъ, переплылъ Ингоду, главный

притокъ Шилки, и, проѣхавъ по нѣсколькимъ прилежащимъ къ ней долинамъ, достигъ до р. Онона. Отсюда, повернувъ на югъ, прибылъ, наконецъ 13 марта, къ цѣли своего путешествія, на казачій постъ Кулузутай, избранный имъ средоточіемъ своихъ экскурсій. Посреди даурскихъ степей, на югъ отъ того мѣста, гдѣ остановился Радде, находятся два тинистыя и соляныя озера, извѣстныя подъ именемъ Тарей-Нора и простирающіяся на 40 верстъ, вплоть до китайской границы. Большее изъ нихъ, Барюнъ Тарей, соединяется съ мéньшимъ, Дзюнъ-Тареемъ, посредствомъ естественнаго канала. Берега обоихъ озеръ вездѣ отлоги. Теперь, зная, гдѣ находится нашъ путешественникъ, мы немедленно послѣдуемъ за нимъ, чтобъ ознакомиться съ величіемъ степной природы.

Прежде всего намъ бросится въ глаза множество холмиковъ, разсыпанныхъ по степи и происшедшихъ, не въ слѣдствіе естественныхъ причинъ, но зависящихъ отъ присутствія сурковъ, ведущихъ въ этой мѣстности общественную жизнь, бóльшее или мéньшее число которыхъ обусловливаетъ степень рыхлости почвы. Къ сурковымъ постройкамъ присоединяются сюда еще лисьи норы и подземные ходы зайцевъ-свистуновъ. Жилища послѣднихъ, сравнительно съ незначительною величиною обитателей, бываютъ весьма обширны, слегка возвышенны и снабжены большимъ числомъ корридоровъ, пересѣкающихся во всѣхъ направленіяхъ. Зимніе выходы этихъ жилищъ тянутся различными изгибами саженъ на 15 или 20 и оканчиваются нѣсколькими отдушинами. Нѣкоторые виды земляныхъ мышей всего болѣе разрываютъ эту песчаную мѣстность, въ слѣдствіе чего она дѣлается опасной для быстрыхъ, горячихъ лошадей, часто проваливающихся и портящихъ себѣ ноги. Растительное царство также увеличиваетъ неровность этой однообразной степной почвы. Деревянистые, сплетшіеся корни колючаго сибирскаго гороховника удерживаютъ гонимый вѣтромъ сыпучій песокъ, который покрываетъ собою кусты и образуетъ пригорки отъ трехъ до пяти футовъ вышиною. Засыпанный такимъ об-

Видъ у берегомъ Шилки.

разомъ кустарникъ, собравшись къ веснѣ съ новыми силами, снова пускаетъ отростки и зеленѣетъ по-прежнему. Подобные же холмы происходятъ и отъ одного изъ видовъ шпажника.

Радде прибылъ на скромный казачій постъ зимой, когда природа еще спала глубокимъ сномъ, и только небольшое число воробьевъ, горныхъ жаворонковъ и подорожниковъ летало по безлюднымъ улицамъ селенія, въ жилищахъ котораго были заперты даже окна. Дворовыхъ собакъ не было и слѣда, а куры еще осенью переселились въ подпечники.

Все ищетъ защиты отъ стужи и вѣтра въ пустынѣ, надъ которой все болѣе и болѣе сгущаются снѣговыя тучи, но ихъ не боится только монголъ, уже въ колыбели ознакомившійся съ суровостью стихій. Закутанный въ длинную шубу съ широкими рукавами, садится онъ на своего лучшаго друга — лошадь, съ которой сроднился такъ, что едва ли въ состояніи представить себѣ безъ нея человѣка, — и несется стрѣлой въ оцѣпенѣлую пустыню. Ему не чужды степь и ея небо; онъ знаетъ здѣсь каждый камень, каждый пригорокъ, каждый источникъ и всѣмъ имъ далъ названія. Монголъ чрезвычайно вѣрно предугадываетъ перемѣну погоды и потому предъ появленіемъ ея принимаетъ надлежащія предосторожности. Нынѣшній день ему не по нутру, по его примѣтамъ, навѣрное будетъ дурная погода, поднимется вѣтеръ и начнетъ вздымать снѣгъ, а въ такое время степь ужасна и грозитъ гибелью людямъ и животнымъ.

Вьюга началась: тусклое солнце едва мерцаетъ сквозь кристаллическіе хлопья снѣга, наполняющіе атмосферу и буквально рѣжущіе кожу. Испуганный пастухъ поспѣшно гонитъ свое стадо, зная, что если буря настигнетъ его въ открытой степи, то неминуемо погибнетъ все его достояніе. Во время вьюги все стадо, овцы, лошади и рогатый скотъ, бѣжитъ, подгоняемое вѣтромъ, часто попадаетъ въ занесенныя снѣгомъ разсѣлины или въ тину соляныхъ озеръ и погибаетъ отъ бури, продолжающейся нерѣдко полторы сутки.

Нѣкоторыя изъ мѣстныхъ дикихъ животныхъ, кажется, бываютъ весьма довольны такими днями, тогда какъ прочія уходятъ въ землю и, зарываясь какъ можно глубже въ тщательно приготовленныя подстилки, проводятъ тамъ длинную зиму въ летаргическомъ оцѣпенѣніи.

Уже глубокая ночь легла на степь, а вьюга все еще продолжаетъ свирѣпствовать съ прежнею силою. Вѣтеръ врывается въ щели деревянныхъ строеній, срываетъ крыши и грозитъ опрокинуть войлочную юрту монгола, въ которой по-

Корсакъ.

гасла послѣдняя искра степнаго топлива. Монголъ хранитъ, закутанный въ шубы, а неистовыя мелодіи этихъ ужасныхъ ночей служатъ колыбельной пѣснью для младенца, въ душѣ котораго онѣ запечатлѣваютъ понятіе объ озлобленныхъ духахъ. Теперь же, въ темнотѣ ночи, когда на черномъ небѣ не мелькаетъ ни одной звѣздочки, степь не такъ мертва, какъ днемъ. Стаи волковъ съ воемъ отправляются за добычей на знакомыя мѣста, подходятъ къ деревнямъ и проламываютъ даже изгороди, для того чтобъ достать себѣ поживу. Посѣще-

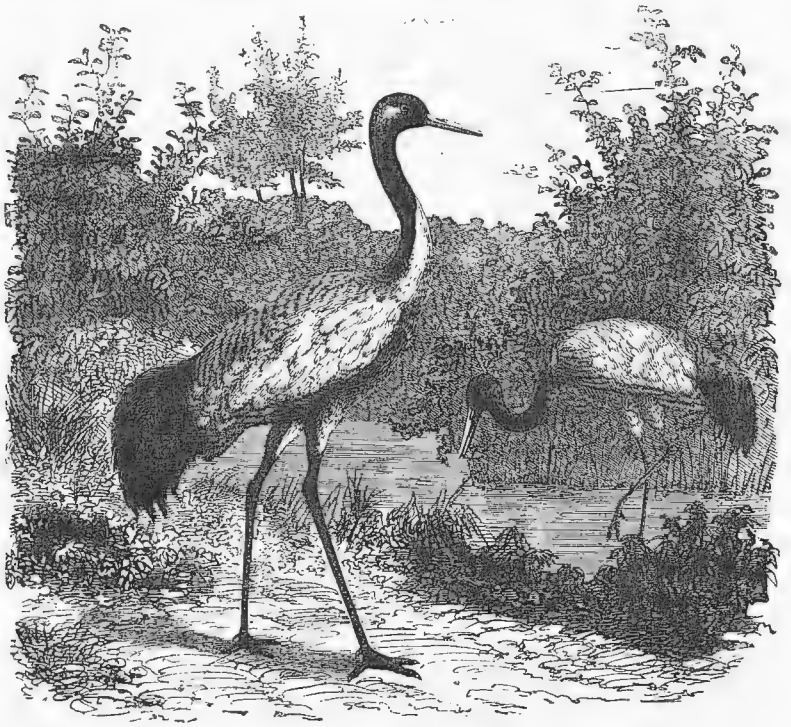
нія этихъ незваныхъ гостей предупреждаютъ бдительныя монгольскія собаки, которыя при ихъ появленіи тотчасъ же начинаютъ лаять, нападаютъ на своихъ враговъ и скоро обращаютъ ихъ въ бѣгство. Такими ночными экспедиціями, кромѣ волковъ занимаются еще лисицы и корсаки, которые ловятъ земляныхъ мышей и зайцевъ-свистуновъ, причемъ нерѣдко попадаютъ въ разставленные для нихъ капканы.

За непогодой слѣдуетъ тихій, освѣжающій зимній день, и тогда степь блеститъ, освѣщаемая лучами солнца. Тунгусъ оставляетъ свою юрту и отправляется на охоту. Онъ идетъ по свѣжему слѣду корсака, который ведетъ далеко по прямой линіи, полукругомъ или зигзаками, смотря по тому, куда его влекло чутье. Наконецъ, слѣдъ корсака исчезаетъ въ открытой степи, въ покинутомъ сурковомъ жильѣ; тутъ-то тунгусъ и ставитъ свою ловушку, заткнувъ сперва слишкомъ большое отверстіе выхода и оставивъ только пространство, необходимое для умѣщенія головы животнаго, которое въ убѣжищѣ своемъ слышитъ зловѣщій стукъ производимый охотникомъ. Если корсакъ молодъ, то онъ на слѣдующую ночь сдѣлается добычею тунгуса; старый же и опытный звѣрь, узнавшій разъ опасность подобной ловушки и счастливо отъ нея избавившійся, нерѣдко остается подъ землей отъ 9 до 12 дней и часто предпочитаетъ голодную смерть рискованной попыткѣ къ бѣгству.

Въ послѣднемъ случаѣ его оставляютъ въ землѣ до весны и выкапываютъ только съ наступленіемъ оттепели.

Осенью, по обширнымъ долинамъ и гористымъ степнымъ мѣстностямъ начинаютъ бродить антилопы (antilope crispa), перекочевывающія огромными стадами изъ Монголіи за русскую границу. Привычный глазъ тунгуса узнаетъ ихъ на разстояніи 6—7 верстъ, не смотря на то, что свѣтло-рыжій цвѣтъ шерсти животнаго весьма трудно отличить издали отъ пожелтѣвшей травы. Стоитъ только разъ испугать антилопъ, и ихъ уже невозможно будетъ подвести подъ выстрѣлъ, а потому охотятся обыкновенно такимъ образомъ, что стрѣлокъ

прячется, ложась на землю за сурковымъ пригоркомъ, а верховой загонщикъ старается приблизиться къ животнымъ, описывая большіе круги. Сначала антилопы, съ вожакомъ во главѣ ихъ, стоятъ неподвижно и съ изумленіемъ смотрятъ на всадника, потомъ вдругъ поворачиваются и бѣгутъ тихими скачками. Загонщикъ слѣдуетъ за ними шагомъ, до тѣхъ поръ



Манджурскій журавль.

пока они привыкнувъ мало-по-малу къ его присутствію, не подпустятъ его къ себѣ на разстояніе полуверсты; тогда онѣ снова обращаются въ бѣгство, а загонщикъ начинаетъ попрежнему дѣлать большіе круги. Стрѣлокъ между тѣмъ лежитъ въ своей засадѣ неподвижно, утвердивъ ружье на короткихъ вилахъ, и ожидаетъ, пока антилопы повернутся къ нему. Вдругъ за ними раздается вой, похожій на волчій, которому

тунгусы подражаютъ удивительно вѣрно; услышавъ его, животныя останавливаются, какъ вкопанныя, и, навостривъ уши, поворачиваютъ морды въ сторону стрѣлка. Охотникъ дорожитъ этой минутой: онъ пользуется ею для выбора дичи и тотчасъ стрѣляетъ въ нее.

Самую сѣверную границу распространенія антилопъ въ даурскихъ степяхъ составляетъ р. Ононборза, и въ октябрѣ мѣсяцѣ на Аргуни часто встрѣчаются стада ихъ, числомъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ головъ. Осенью, когда воды покрываются тонкимъ слоемъ льда, антилопы приходятъ въ полдень на водопой, пробивая копытами тонкую ледяную кору. Если въ это время напасть на нихъ въ расплохъ, то иногда удастся загнать все стадо на ледъ, на которомъ они не могутъ стоять, и ихъ закалываютъ тогда ножами. Дубленыя шкуры антилопъ продаются по полтиннику за каждую и изъ нихъ дѣлаютъ отличные мѣховые сапоги и дахи, т. е. дорожныя шубы, съ вывороченнымъ наружу мѣхомъ. Мясо ихъ очень вкусно и считается за отличнѣйшую дичь.

Весною, когда увеличивается животворная сила солнца, видъ степи измѣняется, и берега высохшихъ соляныхъ озеръ мало-по-малу населяются безчисленными обитателями болѣе южныхъ странъ. Сюда являются перелетныя птицы, и прежде всѣхъ, 18 марта, прилетаютъ даурскія галки, которыя, впрочемъ, иногда остаются въ степи на цѣлую зиму. Почти одновременно съ ними прибываютъ драхвы, за которыми слѣдуютъ попарно замѣчательныя саджи, нѣсколько соколовъ и монгольскій жаворонокъ; перелеты продолжаются въ теченіе всего апрѣля и часть мая; одни за другими прибываютъ утки и гуси, трясогузки, чайки, коршуны, косатки, голубятники, сарычи, орелъ крикунъ, бѣлые журавли, синешейки, дрозды, цапли, малиновки, кулики, пигалицы и маленькія голенастыя, оживляющія пустынную степь. Далѣе породы крайняго сѣвера, какъ напр. бархатистая утка и plecophanes lapponica поражаютъ насъ здѣсь своимъ при-

сутствіемъ. У бо́льшей части новоприбывшихъ, Радде замѣтилъ удивительную особенность, а именно: желудки всѣхъ болотныхъ и плавающихъ птицъ были наполнены маленькими кусочками кварца. Животныя эти только по прибытіи на мѣсто питаются своей настоящей пищей. Общая ли это черта всѣхъ перелетныхъ птицъ, не извѣстно. Вообще этотъ фактъ вѣренъ только относительно куриныхъ породъ, бо́льшинство же пѣвчихъ птицъ имѣло, напротивъ, совершенно пустые желудки. Количество находившихся въ желудкѣ камешковъ было довольно значительно; такъ, напр. желудокъ бѣлаго журавля, убитаго тотчасъ по прибытіи его на Терей, заключалъ въ себѣ 4 лота и 1 драхму кварца, въ смѣси съ нѣсколькими полусварившимися корневыми волокнами; у другихъ видовъ журавлей находилось его отъ 2 до 3 лотовъ, а у гусей отъ 1 до $2^1/_2$ лотовъ. Въ желудкахъ садокъ большинство вмѣстимости было наполнено пескомъ. Весьма можетъ быть, что, въ слѣдствіе наполненія желудка пескомъ и мелкими камешками, притупляется чувство голода; въ такомъ случаѣ понятно, почему они находятся именно у тѣхъ птицъ, которыя совершаютъ самые дальніе и безостановочные перелеты и вовсе не существуютъ у хищныхъ, летающихъ низко и съ частыми отдыхами.

Наступленіе весны, кромѣ птицъ, возвѣщаютъ еще и растенія. По мѣрѣ возвышенія солнца, слѣды зимы исчезаютъ все болѣе и болѣе; на мѣстѣ тонкихъ слоевъ снѣга, въ долинѣ Тарея является соль, выцвѣтающая изъ почвы, необыкновенно ослѣпительная при солнечномъ сіяніи. Соль эта остается безъ всякаго употребленія; туземцы не обращаютъ на нее ни малѣйшаго вниманія и только на зиму собираютъ ее въ большомъ количествѣ, для того, чтобъ придать кирпичному чаю посредствомъ соленія кровочистительное свойство. Одни верблюды бродятъ по пустыннымъ солончаковымъ мѣстностямъ и довольствуются ихъ однообразною, скудною растительностью Въ такихъ странахъ, съ почвою, пропитанною солью, дѣя-

тельная растительная жизнь проявляется только лѣтомъ, потому что весной зародыши еще не могутъ развиться.

Напротивъ, совершенно иная жизнь замѣтна на берегахъ теперь уже высохшаго озера. Отпрыски прекраснѣйшаго изъ видовъ шпажника (iris halophila) выходятъ изъ твердаго осеваго стебля и быстро вырастаютъ, не будучи трогаемы ни однимъ животнымъ. Признакомъ появленія весны въ открытой степи служатъ два ядовитыя растенія, двураздѣльный косатикъ (iris dichotoma) и великолѣпная разновидная бѣлена (hyoscyamus physaloides), изъ наркотическихъ сѣмянъ которой тунгусы приготовляли прежде напитокъ. Начиная съ этого времени, флора, сравнительно съ безплодною почвою и суровымъ климатомъ окружающихъ мѣстностей, развивается удивительно быстро, но все-таки и въ ней такъ же, какъ во всей степной природѣ, преобладаетъ явленіе, служащее закономъ для такого рода мѣстностей, а именно: бѣдность видовъ и богатство особей. Характеръ весны болѣе всего обусловливается различными видами косатиковъ, придающихъ во время ихъ цвѣтенія особую прелесть солончаковымъ долинамъ. Случается часто, что изъ одного косатиковаго куста, имѣющаго не болѣе $1^1/_2$ или 2 футовъ въ діаметрѣ, выходитъ до пятидесяти цвѣточныхъ стеблей, въ футъ вышиною, и на каждомъ изъ нихъ распускается по нѣскольку свѣтлоголубыхъ цвѣтовъ. Въ маѣ весь берегъ Тарея, на нѣсколько саженъ въ ширину, принимаетъ отъ нихъ прекрасный голубой цвѣтъ, совершенно стушевывающій собою зелень листьевъ. Прочія мѣстности покрыты различными другими породами шпажника, а характеристикою открытой степи служитъ поздно цвѣтущій двураздѣльный косатикъ (Iris dichotoma). Его широкіе, равномѣрно распредѣленные листья обхватываютъ, въ видѣ ноженъ, цвѣточный стебель, почему тунгусы сравниваютъ его съ ножницами и называютъ *шайчи*. Синеватозеленые, лилейные листья косатиковъ слабо развиты и подобно бо́льшей части другихъ степныхъ растеній, стремятся въ вышину, въ слѣдствіе чего повсюду проглядываетъ одна голая, одно-

образная почва. Куда ни повернись, вездѣ встрѣтишь больше кремня, чѣмъ растеній, и, говоря вообще, соль преобладаетъ надъ землей. Исключеніе изъ этого правила составляютъ только крапива и ревень, покрывающіе сурковые холмики темными, сочными листьями.

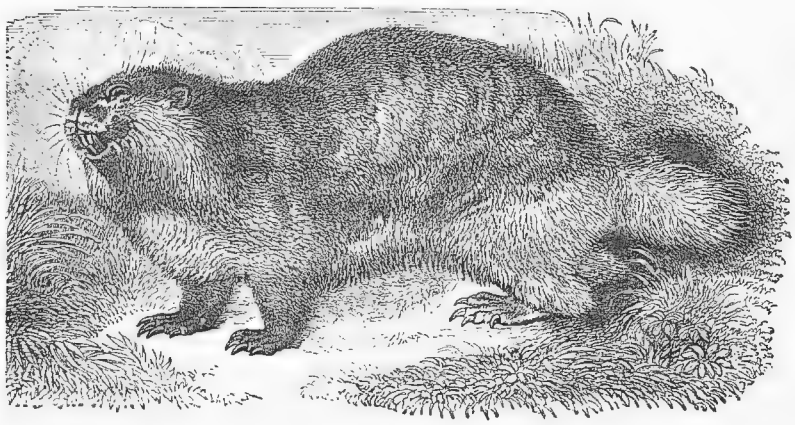
Міръ, покоившійся такъ долго въ зимней дремотѣ, начинаетъ пробуждаться только тогда, когда зацвѣтутъ первые весенніе цвѣты, и появятся перелетныя птицы. И вотъ всѣ подземные жители раскапываютъ тщательно заткнутые ими на зиму входы своихъ жилищъ и выходятъ на воздухъ. Первые встаютъ сурки (arctomys Bobac), и пробужденіе ихъ тянется отъ начала до половины марта. Тунгусы и буряты съ нетерпѣніемъ ожидаютъ наступленія этой радостной для охотника поры, сѣдлаютъ лошадь, заряжаютъ ружья и отправляются на охоту за сурками. Наконецъ-то послѣ долгой, бѣдственно проведенной зимы, лишь изрѣдка доставлявшей имъ кусочекъ мяса въ холодной юртѣ, имъ представляется теперь возможность получить свѣжаго жаркаго, и онъ не дремлетъ, потому что знаетъ, что съ каждымъ промедленнымъ днемъ, добыча его потеряетъ весьма много въ своей доброкачественности. Многолѣтній опытъ показалъ тунгусу, что сурки нимало не теряютъ своего жира во время спячки, и что они покидаютъ свои норы такіе же тучные, какіе легли въ нихъ; но онъ изучилъ и то, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ „тобарганами“ на воздухѣ, они быстро худѣютъ и въ половинѣ мая бываютъ часто такъ тощи, что ихъ тогда и убивать не стоитъ. Это происходитъ отъ того, что они мало находятъ пищи въ началѣ весны, и становятся жирнѣе только съ появленіемъ степной травы. Голодный номадъ ложится съ ружьемъ за сурковую постройку и терпѣливо, не пошевельнувъ ни однимъ членомъ, ждетъ выхода изъ нея животнаго. Недолго заставляетъ себя ждать этотъ, по большей части, короткохвостый, желто-коричневый обитатель земли. Онъ выползаетъ изъ норы, садится на заднія лапки, осматривается, то машетъ хвостомъ, то лаетъ; лишь только животное

отбѣжитъ на нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ раздается выстрѣлъ, и оно падаетъ мертвымъ. Изъ убитаго звѣрка, прежде всего, вынимаютъ внутренности, легко портящія вкусъ мяса, и если стрѣлокъ голоденъ, или зашелъ далеко отъ своей юрты, то онъ тутъ же, на мѣстѣ, собираетъ кучку сухаго навоза и зажигаетъ ее, раскаливаетъ на огнѣ нѣсколько камней, наполняетъ ими брюшко сурка и кладетъ его на вальтрапъ; послѣ чего, спустя два часа, жаркое уже готово и съѣдается безъ всякой дальнѣйшей приправы. Разумѣется, что къ подобной стряпнѣ прибѣгаютъ только въ крайнихъ случаяхъ, а потому мы лучше послѣдуемъ за охотникомъ, возвращающимся съ добычей въ юрту. Тамъ жена и дѣти давно уже ждутъ его прихода, потому что, со вчерашняго дня, питаются только слабымъ взваромъ альпійскаго горца (aplygonum alpinum) и рады поѣсть жесткаго мяса сурка. Ловкія руки голодной хозяйки безъ всякой помощи со стороны мужа, проворно сдираютъ шкурку и потрошатъ сурка. Мужъ же развѣ только прикажетъ ей отдѣлить, какъ можно тщательнѣе, человѣческое мясо отъ сурковаго, такъ чтобы, къ досадѣ бурхановъ (боговъ), первое не изжарилось и не съѣлось вмѣстѣ съ послѣднимъ; нелѣпое повѣрье это происходитъ изъ слѣдующаго источника.

Между мясомъ, находящимся подъ лопаткой сурка, есть тонкая бѣловатая масса, состоящая изъ жировой клѣтчатки, которую тунгусы не смѣютъ употреблять въ пищу, потому что она, по ихъ мнѣнію, есть остатокъ человѣка, превращеннаго, послѣ смерти, однимъ разсердившимся божествомъ въ сурка. Всѣ сурки, гласитъ преданіе, были когда-то отличными охотниками и стрѣлками, чрезвычайно гордившимися своимъ искусствомъ. Они хвастали тѣмъ, что могутъ застрѣлить на лету всякую птицу, и этимъ высокомѣріемъ разсердили боговъ. Злой духъ хотѣлъ испытать ихъ искусство и велѣлъ одному изъ нихъ застрѣлить ласточку. Однако пуля избраннаго охотника едва только задѣла за ласточку и вырвала середину ея хвоста. Съ тѣхъ поръ, какъ увѣряютъ степные тун-

гусы и монголы, всѣ ласточки имѣютъ вилообразные хвосты, а высокомѣрные охотники превращены въ сурковъ, которыхъ мясо, все, за исключеніемъ одного мѣстечка подъ лопаткой, животное и потому съѣдомое.

Сверхъ человѣка, сурокъ имѣетъ еще одного, не менѣе опаснаго врага въ волкѣ, который, съ пробужденіемъ грызуновъ, перестаетъ нападать на стада. Лишь только беззаботный сурокъ выползетъ изъ своего уголка и едва успѣетъ сдѣлать первый шагъ, какъ на него бросается волкъ, своими сильными зубами раздираетъ на части добычу и въ мигъ проглатываетъ ее. Молодые сурки служатъ легкою добычею орламъ и даже



Бобакъ.

сарычамъ, и такъ какъ первые питаются исключительно ими, то тунгусы и называютъ ихъ „барбаджи“, т. е. сурковый орелъ.

Сурки очень чувствительны къ холоду, и въ послѣдней половинѣ августа, особенно послѣ холодныхъ ночей, ужъ начинаютъ покачиваться какъ во снѣ, вяло сползаютъ съ своихъ пригорковъ и вообще становятся совершенно лишенными обычной своей живости. Они обыкновенно засыпаютъ въ первой половинѣ сентября и, по замѣчаніямъ степняковъ, 15 сентября

составляетъ послѣдній срокъ ихъ бодрствованія. Тунгусскіе охотники увѣряютъ, что сурокъ, собирая лѣтомъ траву, прежде всего разминаетъ ее между верхнею частію передней ноги и передомъ брюшка, а потомъ застилаетъ ею нору. Нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ, что настоящая спячка сурковъ начинается лишь въ декабрѣ, и что, выкапывая этихъ животныхъ даже поздней осенью, никогда нельзя поймать ихъ, безъ окуриванья, потому что, услыхавъ шумъ и стукъ, они роютъ себѣ новые ходы, въ которыхъ ихъ поймать невозможно. Поэтому тунгусы, дойдя до конца земляной пробки, затыкающей зимнее жилье сурковъ, и пробивъ ее, зажигаютъ при входѣ въ нору сырой навозъ, дымъ котораго проникаетъ въ нее и удушаетъ помѣщающихся въ ней животныхъ.

Сурки никогда не водятся въ пескѣ, и наоборотъ, чѣмъ плотнѣе почва, тѣмъ болѣе обширными становятся ихъ постройки. Въ ихъ спальню ведетъ шести или осьми-аршинный, а иногда и еще гораздо длиннѣйшій ходъ. Положительной величины построекъ и опредѣленной длины ходовъ не существуетъ; выходы затыкаются на зиму камнями и землей. Радде, раскапывавшій сурковыя постройки, какъ осенью, такъ и весною, предполагаетъ, что сурки проводятъ часть зимней спячки не въ совершенномъ оцѣпенѣніи, и способны въ это время принимать и переваривать пищу и даже работать. Свое предположеніе подкрѣпляетъ изслѣдователь тѣмъ, что въ жилищахъ ихъ найдены были свѣжія изверженія, а пробка постройки, разрытой осенью, была значительно короче вырытой весною; въ слѣдствіе этого вѣроятно, что животное, по мѣрѣ увеличенія зимнихъ морозовъ, удлиняло пробку для того, чтобы имѣть болѣе защиты отъ холода.

Пищухи (lagomys ogotona) круглый годъ бѣгаютъ по степи и строютъ для себя обширныя жилища, ходы которыхъ простираются на нѣсколько саженъ даже подъ снѣговымъ покровомъ. Они шумятъ не только цѣлый день, но даже и по ночамъ раздается ихъ чирликанье. Изъ неправильно извивающихся ходовъ подземныхъ своихъ жилищъ, въ 1 или 2

фута, они выбѣгаютъ на поверхность, садятся на заднія лапы, чирликаютъ, нагибаются, бѣгутъ дальше, а тамъ снова садятся и повторяютъ продолжительный свистъ, наконецъ, отгрызши парочку травинокъ, бѣгутъ съ ними къ норѣ. Рядомъ съ постройками нищухъ, натыкаешься на подкопы вышедшей изъ Монголіи песчаножелтой земляной мыши (hypudœus Brondtii), называемой монголами „ольби“, которая избираетъ мѣстомъ своего пребыванія мягкія, болѣе песчаныя равнины близъ пограничной рѣчки Ульдзы. Замѣчательны ихъ переправы черезъ этотъ степной ручеекъ. Монголы увѣряютъ, что будто бы партіи этихъ маленькихъ животныхъ, приблизясь къ водѣ, строятся въ линію такимъ образомъ, что послѣдующіе ряды кладутъ свои мордочки на спины предшествующихъ, и такъ переплываютъ потокъ. Когда предводитель чувствуетъ себя усталымъ, то онъ отправляется на задній конецъ цѣпи и передаетъ свое предводительство слѣдовавшей за нимъ мыши.

Въ сумерки, степь оживляется новыми подземными жителями, что бываетъ, впрочемъ, только съ наступленіемъ теплыхъ майскихъ ночей. Рано утромъ и послѣ захожденія солнца изъ норы выходитъ маленькій длиннохвостый тушканчикъ (Dipus jaculus) и прыгаетъ по степи большими скачками. Онъ большой охотникъ до луковицъ пыренки (orinthogalum), однако красную сарану, видъ лиліи, предпочитаетъ всякой другой пищѣ. Съ наступленіемъ ночи, онъ снова удаляется въ пещерку, въ которой проводитъ также нерѣдко и цѣлый день. Въ звѣздныя ночи выползаютъ изъ своихъ жилищъ на промыселъ хомяки-карлики, которые любятъ устроивать свои ложа возлѣ толстыхъ корней сибирскаго гороховника. Зонгорскій хомякъ (cricetus songarus), бѣгая между холмами, по волнистому сыпучему песку, вездѣ все разнюхиваетъ и охотно подбираетъ выпавшія изъ шелухи зерна, которыми набиваетъ свой защечный мѣшечекъ. Маленькій кусака не терпитъ соперниковъ во время своихъ ночныхъ путешествій

и, при встрѣчѣ съ противникомъ, тотчасъ вступаетъ въ самый ожесточенный кровавый, бой.

Здѣсь мы должны еще разъ вернуться къ растительному царству. На почвѣ, разрыхленной сурковыми пригорками, ежегодно увеличивающимися небольшою насыпью, разросся положительно цѣлый лѣсъ крапивы (urtica cannabina); различные виды ревеня, поднимающіеся отъ 2 до 3 футовъ въ вышину, бросаются также въ глаза своими широкими темнозелеными листьями и образуютъ, по выраженію монголовъ „сурковый садъ“. Когда отцвѣтутъ косатики, stelera chamæjasme пускаетъ

Животныя у степнаго озера.

изъ общаго корня многочисленные, цвѣтущіе стебли, пріятнаго запаха, которыхъ, по причинѣ ихъ ядовитости, не трогаетъ ни одно животное. Это красивое растеніе, свѣтлая зелень и размѣщеніе листьевъ котораго напоминаютъ нѣкоторые виды молочая, уже до времени распусканія почекъ придаетъ всей нагорной степи своеобразный видъ. Въ прежнее время корни этого растенія, подъ названіемъ „мужикъ-корень“ употреблялись, какъ слабительное домашнее средство, отъ чего въ настоящее время, къ счастію, отучились, такъ какъ неосторожное употребленіе его повлекло за собой гибельныя послѣдствія. Одновременно съ этимъ растеніемъ цвѣтетъ сибирскій гороховникъ, который, по множеству покрывающихъ его желтыхъ цвѣтовъ, названъ русскими золотарникомъ, а монголами „альтангана“, т. е. золотой кустарникъ. Въ іюнѣ же достигаетъ своего развитія и настоящая степная трава (elymus pseudo-garopyrum), которая, начиная съ этого времени и до будущей весны, сохраняетъ неизмѣнно незатѣйливую форму, и многочисленностью своею, равно какъ матовою синеватою зеленью листьевъ, кладетъ на пустыню странный отпечатокъ. Какъ кормъ, она имѣетъ важное значеніе для даурскихъ степей, но покрытыя ею пространства чрезвычайно часто подвергаются степнымъ пожарамъ. Между растущими, наподобіе тростника, футовыми ея стеблями бродятъ пищухи и заготовляютъ себѣ на зиму сѣно. Весьма поразительны дѣятельность и порядокъ, съ которыми это маленькое животное собираетъ почти полугодовой запасъ пищи. Оготона, такъ называютъ монголы пищухъ, перегрызаетъ растенія передними зубами и складываетъ ихъ въ кучки, которыя высушиваются солнцемъ. Они не разборчивы въ пищѣ и сѣно ихъ содержитъ въ себѣ растенія, неупотребляемыя ни однимъ другимъ животнымъ.

Огромное число птицъ, прилетѣвшихъ весной на Тарей, теперь отправилось уже въ дальнѣйшій путь. Шумъ журавлей умолкъ, не видно ни одного гуся, ни одной утки, и только изрѣдка мелькнетъ въ опустѣломъ воздухѣ чайка. Не омерт-

вѣли только одни степные солончаки. Пребываніемъ своимъ въ этихъ мѣстностяхъ часто поражаютъ насъ птицы, весьма замѣчательныя какъ по своему строенію, такъ и по образу жизни. Это саджи (syrrhaptes paradoxus), которыя прилетаютъ съ юга рано, въ то время, когда степныя возвышенности еще покрыты снѣгомъ. Живутъ онѣ маленькими обществами и высиживаютъ яйца ранѣе всѣхъ другихъ птицъ этой страны, такъ что въ концѣ мая успѣваютъ уже вывести вторыхъ птенцовъ. Вблизи соляной почвы устроиваютъ они простыя свои гнѣзда, которыя часто или вовсе не укрываютъ, или только по краямъ устилаютъ солончаковыми злаками. Яйца ихъ имѣютъ эллиптическую форму, по зеленовато-желтому фону которыхъ разсыпаны отчасти сплывшіяся, отчасти ясныя коричневыя крапинки. По утрамъ саджи, въ большомъ числѣ и съ крикомъ, направляются къ прѣснымъ источникамъ, а въ полуденный жаръ копошатся въ плоскихъ ямкахъ, вырытыхъ на болѣе мягкихъ мѣстахъ соляной почвы. Но вотъ на покоющихся саджъ, съ быстротою стрѣлы, спускается соколъ; завидя хищника, онѣ разомъ поднимаются, быстро исчезаютъ съ его кровожадныхъ глазъ и крикомъ своимъ будятъ ближайшихъ товарищей, которые, въ свою очередь, тоже удаляются отъ угрожающей опасности искуснымъ голубинымъ полетомъ, побуждая къ бѣгству цѣлыя стаи товарищей. Но вскорѣ, по минованіи испуга, спокойствіе возстановляется вновь и такъ же быстро, какъ оно было нарушено. Въ послѣднихъ числахъ мая Радде предпринялъ экскурсію на острова Тарея и встрѣтилъ тамъ двѣ большія стаи саджъ; въ каждой находилось птицъ около 1,000, но онѣ были такъ робки и осторожны, что не было возможности приблизиться къ нимъ ни верхомъ, ни ползкомъ. Когда ихъ спугнули уже нѣсколько разъ, то онѣ оставили берега Тарея и, раздѣлившись на двѣ стаи, опустились на степныхъ возвышенностяхъ. Мѣста, на которыхъ онѣ усѣлись, служили зимнимъ мѣстопребываніемъ для стадъ, и толстый слой чернаго, крѣпко утоптаннаго навоза не давалъ въ нихъ проникнуть ни одной былинкѣ.

Птицы провели здѣсь ночь, сидя тѣсно другъ возлѣ друга, а на другой день исчезли неизвѣстно куда, и Радде, послѣ того, въ теченіе цѣлаго лѣта еще только одинъ разъ встрѣтилъ ихъ на берегу Тарея. Эти кочующіе обитатели степи, высидѣвъ вторыя яйца, совершенно удаляются изъ окрестностей озера, и только въ октябрѣ, по совершенномъ прекращеніи осенняго перелета, саджи снова показываются по ту сторону Аргуни и длинною цѣпью несутся къ сѣверу, летя быстро и высоко, по направленію отъ Китая къ русскимъ владѣніямъ.

Когда Радде наблюдалъ это интересное животное на его родинѣ, въ Китаѣ, тогда онъ еще не зналъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ эта перелетная птица доберется до Германіи и расположится тамъ на квартирахъ. Направляя полетъ свой черезъ необозримыя средне-азіятскія степи и Каспійское море, пролетая мимо Кавказа, вдоль сѣвернаго берега Средиземнаго моря и по дунайскимъ низменностямъ, эти птицы распространились по Германіи, появились даже на островѣ Гельголандѣ, и еще въ гораздо большемъ числѣ перенеслись на Фрисландскій островъ Боркумъ. Мало по малу изъ газетъ обнаружилось, что въ теченіе лѣта 1863 года саджи были замѣчены почти во всей сѣверной и восточной Германіи, гдѣ онѣ, по предположенію Брема, высиживали яйца. Неопытныя дѣти пустыни часто налетали на телеграфныя проволоки, ломали себѣ крылья и погибали. Птица эта состоитъ вся изъ крыльевъ и крыльныхъ мышцъ, которыя доставляютъ ей необыкновенную выгоду, приноровленную для жизни въ ихъ родинѣ, скудной степи. Пространное жилье требуетъ подвижности его обитателей, безъ чего степныя животныя неминуемо погибли бы отъ голода. Кромѣ подвижности, достаточно доказанной уже дальними ихъ перелетами, замѣчательно еще и перо саджъ, которое совершенно походитъ на цвѣтъ песчаной почвы. Если разсмотрѣть перо саджи вблизи, то оно окажется богато разрисованнымъ; крапины, волнистыя линіи, черты, широкія ленты на шеѣ и груди, яркія мѣста перемѣшаны

собирающимися на немъ ежегодно во время линянія. Отъ преслѣдованій плохихъ впрочемъ монгольскихъ охотниковъ птица эта здѣсь въ совершенной безопасности, тѣмъ болѣе, что у этого народа существуетъ законъ, запрещающій убивать животныхъ на водѣ. Для монгола, вода имѣетъ особенную святость. „Если ты убьешь птицу на водѣ,—говорится въ законѣ, — то она смѣшается съ кровью убитаго животнаго, и стада, которыя потомъ будутъ пить ее, непремѣнно погибнутъ.“ Въ слѣдствіе этихъ причинъ, самыя дикія животныя бываютъ въ монгольскихъ странахъ часто совершенно ручными, и, не боясь людей, прогуливаются около юртъ, между тѣмъ какъ въ русскихъ владѣніяхъ они бѣгутъ отъ человѣка.

Какова же граница, проведенная по дикой мѣстности, и какимъ образомъ Китай и Россія охраняютъ свои владѣнія? Россія, не смотря на бѣдность края, поселила здѣсь казаковъ, которые, впрочемъ, большую половину жизни проводятъ на лошади, и, можно сказать приблизительно, что, среднимъ числомъ, они ежедневно проводятъ въ разъѣздахъ часовъ восемь, частію по служебнымъ занятіямъ, частію же по хозяйственнымъ дѣламъ. Что можетъ сдѣлать человѣка осѣдлымъ въ этой пустынѣ? Неблагодарная почва, которая, не смотря на все стараніе и усердное обрабатываніе, еще никогда не давала удовлетворительной жатвы, такъ что бѣдный казакъ уже заранѣе знаетъ, что и посѣвъ, и трудъ его пропадутъ даромъ. Сверхъ того тутъ каждое бревно для постройки нужно везти за 120 и каждый кустъ для топлива за 80 или 90 верстъ. Наконецъ, здѣсь, къ довершенію всего, снѣжныя зимы нерѣдко совершенно уничтожаютъ стада! Въ такомъ дикомъ краѣ кочевая жизнь становится закономъ, который, подобно всѣмъ законамъ природы, не допускаетъ исключеній.

Въ мѣстахъ, лежащихъ ближе къ китайской границѣ, кочующій монголъ, для избавленія своихъ стадъ отъ недостатка въ кормѣ и водѣ, долженъ также переходить съ мѣста на мѣсто. Когда въ Пекинѣ узнали, что монгольская пограничная стража, слѣдуя примѣру русскихъ, начала запасать на

зиму сѣно, чтобы предохранить скотъ отъ голода, и когда туда дошли слухи, что монголы обзавелись купленными у казаковъ косами, то, чтобы воспрепятствовать развитію осѣдлости, ихъ удалили дальше въ пустыню, а на ихъ мѣсто прислали дикое племя, которое не только осталось вѣрно своему прежнему образу жизни, но даже враждебно смотритъ на всякое сближеніе съ сосѣдями. Это-то самое племя и не допустило Радде къ посѣщенію и осмотру въ высшей степени интереснаго озера *Далай*, находящагося въ предѣлахъ Китая.

Теперь, съ наступленіемъ осени, мы посѣтимъ нагорную равнину въ сѣверо-восточной части даурскихъ степей, границы которой составляютъ страна, дающая начало Газимуру и рѣчка Ононборза.

Туда, изъ пустыни Гоби, приходятъ дикія лошади, *джигетаи*, которыя по своей быстротѣ и силѣ вошли у монголовъ въ пословицу. Блуждающая, бродячая жизнь этихъ животныхъ начинается только съ того времени, когда уже жеребята достаточно окрѣпли для продолжительныхъ переходовъ и въ состояніи слѣдовать за стадомъ, подъ предводительствомъ стараго жеребца. Въ концѣ сентября, молодые жеребцы отдѣляются отъ стада и разсыпаются въ гористой степи, съ цѣлью собраться, вмѣстѣ съ другими, въ новое стадо. Въ это время джигетаи совершенно неукротимы. Съ широко раздувающимися ноздрями и блуждающимъ по пустынѣ взоромъ, стоитъ молодой жеребецъ по цѣлымъ часамъ на вершинѣ скалистаго горнаго хребта. Съ нетерпѣніемъ высматриваетъ онъ противника, навстрѣчу которому несется во весь опоръ. Тутъ начинается кровавая битва за первенство. Нападающій мчится мимо вожака съ поднятымъ хвостомъ и на бѣгу ударяетъ его задними ногами. Старый, опытный жеребецъ внимательно наблюдаетъ за описывающимъ большіе круги дерзкимъ молодымъ противникомъ; когда этотъ послѣдній подходитъ къ нему на довольно близкое разстояніе, онъ быстро бросается на него, кусаетъ и бьетъ, гдѣ только можетъ, и часто одинъ изъ бойцовъ оставляетъ на мѣстѣ сраженія

Степной ураганъ съ песчаными смерчами.

или кусокъ шкуры, или половину гладкаго хвоста. Тунгузъ пользуется этими осенними войнами и считаетъ ихъ самымъ лучшимъ временемъ для охоты за джигетаемъ, мясо котораго служитъ для нихъ настоящимъ лакомствомъ. Шкуру его они выгодно сбываютъ монголамъ, а особенно дорого цѣнится хвостъ его, съ длинною кистью на концѣ, имѣющій, по мнѣнію монголовъ, необыкновенное цѣлебное свойство, а именно: они предполагаютъ, что если больная скотина будетъ дышать дымомъ, происходящимъ отъ сжиганія такого хвоста на угляхъ, то она непремѣнно выздоровѣетъ. На охоту за этимъ животнымъ охотникъ выѣзжаетъ на свѣтло-буланой желтой лошади и ѣдетъ постоянно противъ вѣтра до тѣхъ поръ, пока между нимъ и джигетаемъ остается въ промежуткѣ только одинъ хребетъ. Осторожно взбирается онъ на него на своей буланой лошадкѣ, подвязавъ напередъ ея хвостъ, наподобіе хвоста джигетая; потомъ, на разстояніи шаговъ ста отъ него, опускается и ложится на землю, положивъ ружье на общеупотребительныя у сибирскихъ охотниковъ короткія сошки. Джигетай замѣчаетъ лошадь и, считая ее кобылой своей породы, тотчасъ же мчится къ ней, но, приблизясь, вдругъ останавливается, пораженный удивленіемъ отъ своей ошибки. Въ это мгновеніе охотникъ долженъ стрѣлять, цѣлясь непремѣнно въ грудь животнаго, которое въ случаѣ удачи останется на мѣстѣ; но нерѣдко случается, что джигетай падаетъ только послѣ пятаго выстрѣла.

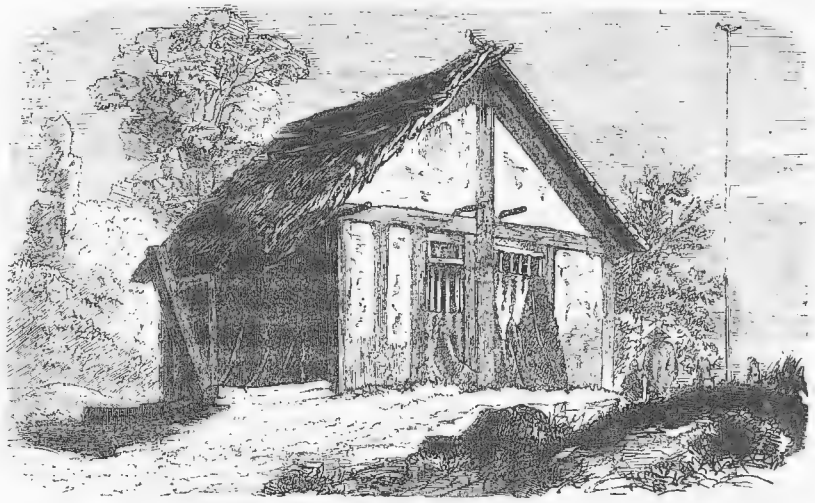
Лѣтъ за двадцать пять предъ симъ водились въ этихъ мѣстностяхъ дикія овцы (ægocreos argali), называемыя монголами *аргали;* въ настоящее же время онѣ должны считаться совершенно вымершими въ русской Дауріи. Въ большомъ количествѣ водились онѣ прежде на Алтаѣ, и еще въ 1772 году Палласъ видѣлъ ихъ цѣлыми стадами на Адончолонской цѣпи горъ. Даже еще Радде встрѣчалъ ихъ до 1831 года въ посѣщаемыхъ имъ мѣстностяхъ, но, должно быть, что незначительное приращеніе народонаселенія этихъ странъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, совершенно удалило

этихъ животныхъ въ предѣлы Китая. Весьма вѣроятно, что и климатическія условія весьма много способствовали уничтоженію этихъ сильныхъ дикихъ животныхъ, такъ какъ въ холодныя снѣжныя зимы они погибали цѣлыми стадами. Этотъ фактъ ясно показываетъ, что содержаніе большихъ стадъ въ этихъ краяхъ возможно лишь при величайшей заботливости и уходѣ за ними.

Съ іюля, когда на степныхъ возвышенностяхъ все чаще и чаще начинаютъ попадаться умершія растенія, въ долинахъ, по окраинамъ солончаковъ, проявляется самая дѣятельная растительная жизнь. Густо покрываются онѣ перекатиполемъ (salsola), солеросомъ (salicornia), кохіею, шобеpіею, клоповнымъ сѣменемъ (corispermum) и далѣе къ центру, гдѣ почва не такъ богата солью, воды окаймляются широкой полосой чернобыльника. Берега Тарея красуются въ то время синекраснымъ отливомъ, и замѣчается необыкновенная хлопотливость между болотными и водяными птицами, собравшимися на немъ со своими оперившимися птенцами. Боясь суровой степной зимы, большинство пернатыхъ посѣтителей собирается къ отлету въ южныя страны, гдѣ они могутъ провести зиму съ меньшими лишеніями. Грызуны ужъ скрылись подъ землею и спятъ, въ то время, когда самая маленькая изъ даурскихъ птичекъ, королекъ (regulus proregulus), еще противостоитъ ночнымъ морозамъ въ 4 и 5° Р. Еще только пищухи безстрашно бѣгаютъ по степи, такъ какъ злѣйшій врагъ ихъ, хищная снѣжная сова, прибываетъ только въ концѣ октября.

Вслѣдъ затѣмъ степью снова охладѣваетъ зима со своими вьюгами. Волки, не находя сурковъ, по-прежнему принимаются за похищеніе скота. Охотникъ, съ ружьемъ, идетъ опять на охоту за дичью, которая нисколько не убываетъ отъ зимнихъ невзгодъ. Отчего это происходитъ? Единственно отъ правильныхъ переселеній животныхъ съ юга на сѣверъ. Какъ поздней осенью на русской землѣ являются антилопы и джигетаи, такъ же точно на сѣверъ отправляются тигръ, ма-

нулъ, волкъ и корсакъ. Причину этихъ зимнихъ передвиженій, съ большою вѣроятностью, должно усматривать въ климатѣ пустыни Гоби. Быть можетъ, тамошніе большіе снѣга и сильные морозы вызываютъ выселенія животныхъ, а можетъ быть также и то, что хищныя животныя отправляются въ болѣе заселенныя русскія страны за продовольствіемъ, котораго не находятъ въ заснувшей природѣ пустыни.



Даурскій домъ у Средняго Амура.

IX.

Верховье Амура.

Имя „Амуръ“. — Названія этой рѣки. — Верхнее теченіе. — Орочоны и манегры. — Нравы, обычаи, жилища. — Музыкальные инструменты. — Охота и рыбная ловля. — Развалины Альбазина. — Первые русскіе поселенцы на Амурѣ. — Осада Альбазина. — Храбрый Бейтенъ. — Притоки. — Саянскій хребетъ. — Фантазіи Аткинсона. — Путешествіе Усольцева и борьба съ голодной смертью. — Новый городъ Благовѣщенскъ. — Цивилизованный китайскій берегъ Амура. — Айгунъ. — Даурцы и ихъ нравы. — Глубина Амура.

Относительно имени Амура ученые находятся въ разногласіи. Риттеръ, въ своей географіи Азіи, производитъ его отъ гилякскаго слова „ямуръ“, большая вода, тогда какъ другіе находятъ его корень въ словѣ Эмури, которымъ обозначается маленькая рѣчка Альбазинъ, изливающаяся при Альбазинѣ. Достовѣрно извѣстно только то, что всѣ живущіе по Амуру народы даютъ ему разныя названія. Китайцы и манджуры, считающіе главнымъ рукавомъ Зунгари, называютъ Амуръ Куэнъ-тонгомъ. Рѣка эта, до устья Зунгари,

является для обоихъ народовъ только притокомъ послѣдняго. Амуръ на китайскомъ языкѣ именуется *Хелонъ-кіангъ* — черный драконъ, по-манджурски *Сахалинъ-ула* — черная вода. Орочоны и манегры, живущіе по верхнему теченію Амура, называютъ его *Шилка;* гольды, занимающіе середину, зовутъ его *Манго*, а гиляки, поселившіеся при устьѣ Амура, именуютъ его *Маму*. Наконецъ, у монголовъ онъ извѣстенъ подъ именемъ *Кара-туранъ*—черная рѣка. Слѣдовательно, всѣ эти названія: Куэнъ-тонгъ, Хелонгъ-кіангъ, Сахалинъ-ула, Шилка, Манго, Маму и Кара-туранъ суть не что иное, какъ синонимы Амура, или различныхъ частей его.

По соединеніи Шилки и Аргуни при УстьСтрѣлкѣ, берега Амура, покрытые высокими скалами, значительно суживаются и образуютъ родъ ущелья. Съ лѣвой стороны впадаетъ въ него множество, вытекающихъ изъ Становаго хребта горныхъ потоковъ, которые иногда, въ теченіе немногихъ дней, поднимаются до 16 футовъ и значительно увеличиваютъ количество водъ Амура. Амазаръ и Ольдонъ суть главнѣйшіе его притоки.

Во время высокой воды съ Амуромъ соединяются, лежащія неподалеку отъ берега, прозрачныя соляныя озера. Отъ станціи Свербеевой Амуръ снова расширяется, горы тутъ не такъ высоки и въ рѣкѣ много мелей, къ которымъ примыкаютъ острова, поросшіе густою травою.

Лѣса, состоящіе преимущественно изъ лиственицы и сибирской пихты, рѣдки и совершенно лишены мелкихъ кустарниковъ. Въ долинахъ же, хотя и съ трудомъ, но растетъ лиственица, осина и рябинникъ; стволы этихъ деревъ рѣдко имѣютъ около фута въ діаметрѣ. Вообще весьма мало утѣшительнаго встрѣчается у верховья Амура подъ 53° с. ш. Кое-гдѣ только попадаются обширные луга, а между цвѣтущими растеніями занимаетъ первое мѣсто даурскій рододендронъ, который украшаетъ усть-стрѣльскія скалы, состоящія изъ сланцеватой слюды съ кварцевыми жилами, переходящія далѣе къ Альбазину въ плотную, черную, почти сплош-

ную массу глинистаго аспида. Верхнее теченіе большой рѣки, съ которымъ прежде всего знакомится пріѣзжающій изъ Сибири путешественникъ, рѣшительно неспособно пробудить въ немъ великихъ надеждъ относительно хорошей будущности прилегающихъ странъ. Край этотъ оставляетъ по себѣ самое грустное впечатлѣніе, еще болѣе усиливающееся отъ знакомства съ туземцами.

Амуръ, отъ самаго начала своего въ Усть-Стрѣлкѣ, по преимуществу тунгузская рѣка, т. е. течетъ по мѣстностямъ, населеннымъ тунгузскими племенами, и одно только устье его находится въ странѣ, обитаемой другимъ народомъ, гиляками, принадлежащими, кажется, къ курильскому племени. Источники Амура, Шилки и Аргуни хотя и принадлежатъ монголамъ, но, не смотря на то, мы встрѣчаемъ тунгузовъ не только по теченію ихъ, но даже и еще выше, по рѣкамъ Онону и Ингодѣ.

Отъ сліянія Шилки съ Аргунью до впаденія въ Амуръ Комара, мы видимъ, на протяженіи 600 или 650 верстъ, два тунгузскія племени, извѣстныя русскимъ подъ общимъ названіемъ орочоновъ и манегровъ. Орочоны, разсѣянные по нижнему теченію Шилки, занимаютъ, внизъ по Аргуни, пространство почти въ 200 верстъ (до бывшаго Альбазина) и отличаются отъ манегровъ, встрѣчающихся до устья Комара, на протяженіи болѣе 400 верстъ, тѣмъ именно, *что для верховой ѣзды употребляютъ сѣверныхъ оленей, тогда какъ послѣдніе ѣздятъ на лошадяхъ.* Названія: манегры, мингры, маніарги и мангиры совершенно равнозначащи и, можетъ быть, даже русскаго происхожденія.

По мѣрѣ того, какъ мы спускаемся внизъ по теченію рѣки, вліяніе Китая на одежды, нравы и обычаи этого народа становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ. Кажется, что существуетъ разница въ языкѣ или, по крайней мѣрѣ, въ выговорѣ орочоновъ и манегровъ, хотя нарѣчіе ихъ вообще согласуется съ нарѣчіемъ сѣверныхъ тунгусовъ, живущихъ при Байкальскомъ озерѣ и по берегамъ Лены;

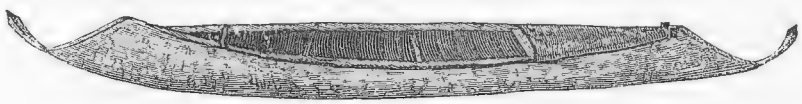
однако у первыхъ ударение лежитъ всегда на послѣднемъ слогѣ, тогда какъ у тунгузовъ оно находится на предпослѣднемъ.

Орочоны и манегры обыкновенно малорослы и рѣдко превышаютъ средній ростъ; они имѣютъ худощавое тѣлосложеніе, а руки и ноги тонкія. Это свойство необыкновенно обезображиваетъ дѣтей, которыя, сверхъ того, отличаются выдающимся животомъ. Плоское лице, украшенное нерѣдко большимъ, довольно острымъ носомъ, широкія щеки, большой ротъ съ тонкими губами, маленькіе, черные или каріе, немного сопливые глаза, черные, гладкіе волосы и жиденькая бородка составляютъ отличительные признаки орочоновъ. Главная одежда ихъ заключается въ мѣховой или кожаной куртки, подъ которой они носятъ длинное китайское платье изъ бумажной матеріи, а саноги и кожаные панталоны довершаютъ нарядъ; впрочемъ, саноги они замѣняютъ иногда обмотанными вокругъ ногъ шкурами сѣверныхъ оленей. Куртку они стягиваютъ кожанымъ, тканымъ или плетенымъ изъ конскихъ волосъ поясомъ съ пряжкой, за которымъ всегда заткнуты вещи, ежедневно и часто употребляемыя: трубка съ иглой для прочищенія ея, огниво, уховертка, щипчики для выдергиванія изъ бороды волосъ и красивый кошелекъ китайской работы. Всѣ эти предметы снабжены шнурочками, украшенными стеклярусомъ, китайскими монетами и т. п., и имѣющимъ на одномъ концѣ странный снарядъ, называемый *ильтзикомъ* и служащій для поддерживанія подтяжекъ. Ильтзики—маленькія, круглыя пластинки, шары и кольца изъ кости или дерева, камешки, кипарисовая кора, маленькіе мѣдные полуцилиндры, просверленныя надколѣнныя чашки и кости убитыхъ животныхъ, прицѣпленныя только ради украшенія. На большомъ пальцѣ правой руки мужчины носятъ кольцо, служащее оружіемъ въ кулачномъ бою. Бороду и усы отпускаютъ одни старики; надъ лбомъ и на вискахъ волосы выстрижены, а на затылкѣ заплетены въ длинную косу.

Женская одежда похожа на мужскую, но только съ тою разницею, что женщины никогда не носятъ за поясомъ ножа, зато держатъ при себѣ все необходимое для куренья, такъ какъ онѣ, и даже дѣти, здѣсь курятъ не менѣе мужчинъ. Зимой всѣ одѣты въ короткія или длинныя шубы.

Не смотря на то, что орочоны и манегры кочевые народы, они имѣютъ однако постоянныя жилища, въ которыя всегда и возвращаются съ кочевья; во время переселеній, одни навьючиваютъ скудными пожитками сѣвернаго оленя, а другіе лошадь. Лошади, сѣверные олени и большее или меньшее число собакъ суть единственныя домашнія животныя орочоновъ и манегровъ.

Живутъ они въ копусообразныхъ, легкой постройки юртахъ, деревянные шесты которыхъ покрываются сперва бе-



Омороча манегровъ.

рестой, а потомъ сверхъ ея устилаются еще шкурами сѣверныхъ оленей. При входѣ въ подобную юрту, хозяинъ сначала ведетъ гостя въ заднюю часть ея, называемую *маллу*, въ которую женщины не имѣютъ доступа, и послѣ того ужъ подаетъ ему закуренную трубку, переходящую изъ рукъ въ руки, такъ же, какъ и у краснокожихъ обитателей Сѣверной Америки. Внутреннее устройство ихъ юртъ совершенно сходно съ жилищами тунгузовъ, живущихъ при Байкальскомъ озерѣ; какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, салфетка замѣняется березовою корою, изъ которой приготовляются корзины и разныя другія вещи.

У манегровъ существуютъ также и музыкальные инструменты; такъ, напримѣръ, они очень любятъ родъ варгана, сдѣланнаго изъ желтой мѣди (камути), а также деревянный рожокъ, обтянутый липовымъ лубкомъ.

Манегры занимаются охотою и рыболовствомъ. Ладьи ихъ, съ легкимъ остовомъ, которыми они управляютъ весьма искусно посредствомъ 5 — 8-футовыхъ, лопатообразныхъ веселъ, дѣлаются различной величины, смотря по числу сѣдоковъ, и покрываются березовой корой, а оба конца загибаются кверху, въ видѣ крючковъ. У всякаго жилища манегровъ есть жерди, на которыхъ развѣшиваются для провяливанія куски мяса и рыба. Поодаль отъ юртъ стоятъ запасные магазины, въ которыхъ сохраняется все ненужное имъ во время перекочевокъ. Запасныхъ предметовъ этихъ никто посторонній не трогаетъ, а потому возвратившійся хозяинъ находитъ ихъ всегда въ цѣлости.

Зимой орочоны и манегры отправляются на охоту въ лѣса, гдѣ они разсыпаются большими или малыми группами. Взамѣнъ лука и стрѣлы манегръ употребляетъ огнестрѣльное оружіе, которымъ владѣетъ съ удивительнымъ искусствомъ, такъ что даже ласточкѣ попадаетъ прямо въ голову. Онъ охотится также, ради мѣха, за сѣвернымъ оленемъ, лосемъ, соболемъ, куницей, лисой и россомахой. Мясо этихъ животныхъ высушивается и употребляется въ пищу, которая едвали пришлась бы по вкусу европейцу. Лилійныя луковицы (lilium spectabile), нанизанныя на длинныя нити и развѣшанныя на юртахъ для просушиванія, равно какъ и высушенные листья конгулы, составляютъ для нихъ лакомое блюдо.

Манегры и орочоны до сихъ поръ еще закоренѣлые шаманы, и большинство ихъ религіозныхъ обрядовъ сходно съ бурятскими. Они считаютъ талисманами зубы и когти различныхъ животныхъ и носятъ ихъ на поясѣ или на шеѣ. Больное мѣсто лечатъ вырѣзаннымъ изображеніемъ его: хромые привязываютъ къ больной ногѣ маленькое изображеніе ноги или бедра, у слабогрудыхъ виситъ на шеѣ сердце, а больные глаза защищаются тонкими повязками изъ конскаго волоса.

Орочонъ и манегръ имѣютъ только одну жену, которую

берутъ къ себѣ нерѣдко до возмужалости и держатъ въ качествѣ служанки. Умершихъ хоронятъ обыкновенно вблизи юртъ и ставятъ надъ могилой четыреугольный домикъ, или только простой навѣсъ, для защиты отъ дождя и солнца. Надгробные домики, какъ и у тунгузовъ на нижнемъ Амурѣ, часто бываютъ украшены различною рѣзьбою.

Особенно большую выгоду приноситъ манеграмъ рыбная ловля весной и лѣтомъ. Помимо множества мелкой рыбы, главную добычу ихъ составляютъ осетры, имѣющіе иногда

Манегры.

въ себѣ по пуду икры. Пойманную рыбу они, или съѣдаютъ сами, или продаютъ казакамъ, отъ которыхъ, среднимъ числомъ, получаютъ за 1 фунтъ рыбы $1^1/_2$ фунта ржаной муки, а за одинъ фунтъ икры 3 пуда муки. Ловля производится, большею частію, посредствомъ искусно устроенныхъ гарпуновъ. Въ тихую погоду одинъ изъ ловцовъ взбирается на скалу, нависшую надъ рѣкою, съ которой можетъ видѣть проходящихъ осетровъ; товарищъ же его, вооруженный гар-

нуномъ, помѣщается, въ берестяной ладьѣ, подъ нимъ, на рѣкѣ. По знаку, поданному сверху, онъ слѣдуетъ за рыбой, мечетъ гарпунъ, съ прикрѣпленнымъ къ нему длиннымъ ремнемъ и осторожно притягиваетъ рыбу къ берегу.

Манегры отличные охотники и рыболовы, а въ свою очередь, и орочоны также нисколько не уступаютъ имъ въ этомъ искусствѣ. Орловъ, проживавшій съ послѣдними долгое время, между цѣлыми тысячами убитыхъ бѣлокъ не видалъ ни одной, у которой выстрѣлъ попалъ бы не въ голову. Кромѣ того, они употребляютъ для ловли животныхъ разнородные снаряды, такъ, напр., одинъ изъ нихъ состоитъ изъ лука, устроеннаго самострѣломъ. Чтобы ускорить смерть животнаго, отравляютъ стрѣлу; ядъ быстро распространяется по всему тѣлу, которое вскорѣ начинаетъ гнить; не смотря на это, манегры ѣдятъ это испорченное мясо, не замѣчая надъ собой никакихъ дурныхъ послѣдствій. Подобные же самострѣлы употребляются и у гольдовъ, на среднемъ Амурѣ. Вообще, между всѣми тунгузскими народами, живущими по Амуру, существуетъ много сходныхъ нравовъ и обычаевъ, почему и трудно провести точныя границы между отдѣльными ихъ племенами.

Въ области манегровъ же, по лѣвому берегу Амура, противъ устья рѣчки Альбазина, находятся развалины первой русской колоніи и крѣпости Альбазина, или, какъ называютъ ее китайцы, Якса. Она расположена на старомъ тунгузскомъ поселеніи, получившемъ свое названіе отъ жившаго здѣсь когда-то тунгузскаго князя Альбазы. Въ началѣ 17-го столѣтія отважные русскіе мѣхопромышленики и казаки пытались перейти Яблоновый хребетъ, и нѣкоторымъ, дѣйствительно, удалось проникнуть до Амура и верховья Сеи. Возвратившись на родину, они разсказали объ изобиліи пушнаго звѣря въ видѣнной ими странѣ. Въ 1643 году отрядъ казаковъ прошелъ по всему теченію Амура до моря. Послѣ этой счастливой экспедиціи рѣшили основать на Амурѣ колонію и, въ 1650 году, командировали туда казачьяго атамана Ха-

барова, для приведенія въ исполненіе этого плана и пріисканія удобнаго мѣста. Послѣ труднаго перехода отъ Якутска, Хабаровъ достигъ до верховья Амура и выбралъ Альбазинъ мѣстомъ для новой колоніи, на томъ основаніи, что здѣсь находилось достаточное количество воды, дровъ и хорошія пастбища.

Юрта орочановъ.

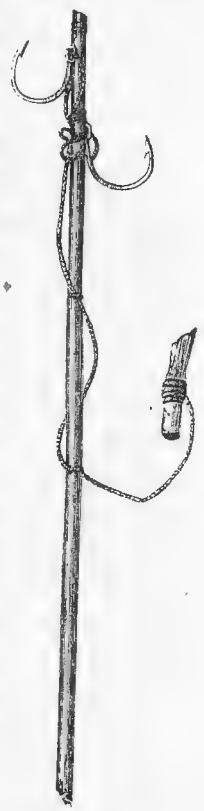
Въ 1651 году была окончена постройка этой крѣпостцы, господствовавшей, по своему выгодному положенію, надъ всею мѣстностью. По слѣдамъ казаковъ, пришли сюда и охотники, настроили себѣ здѣсь хижинъ и отправились за соболями. Тунгузскіе охотничьи народы,

жившіе по верхнему теченію Амура, нехотя уступали свое мѣсто русскимъ. Мало по малу, когда соболи въ окрестностяхъ Альбазина стали рѣдки, охотники стали проникать и глубже внутрь страны. Наконецъ, въ 1657 году, китайцы разсердились на русскихъ пришельцевъ и послали къ Альбазину армію, требовавшую сдачи крѣпости. Русскіе предпочли осаду, не смотря на то, что имъ предлагали свободное отступленіе съ оружіемъ въ рукахъ. Китайцы построили на островѣ, находящемся передъ Альбазиномъ, батареи и начали обстрѣливать крѣпость, которую русскіе защищали съ величайшей храбростью, и, не смотря на невѣроятныя трудности, удерживали ее за собой почти два года. По истеченіи этого времени, голодъ принудилъ ихъ къ сдачѣ. Не смотря на то, гарнизонъ отступилъ со всѣми воинскими почестями и эскорта китайцевъ провожала его до самой границы.

Превосходная добыча мѣха, которую получали у Амура, осталась незабвенною, и воспоминаніе о ней было слишкомъ соблазнительно, чтобы не заставить сдѣлать новыя попытки. Въ 1665 году мѣхопромышленики опять отправились внизъ по Амуру и остановились въ развалинахъ Альбазина, но были довольно осторожны и оставляли въ покоѣ туземцевъ. Черезъ пять лѣтъ за ними послѣдовалъ Черниговскій съ нѣкоторымъ числомъ казаковъ и возстановилъ прежнія крѣпостныя постройки. Когда это стало извѣстно въ Сибири, вскорѣ нашлись поселенцы и въ короткое время Альбазинъ сталъ гораздо значительнѣе прежняго. Черниговскій строго заботился о порядкѣ и старался избѣгать непріятныхъ столкновеній съ манджурами. Но безпрерывное возрастаніе населенія возбудило въ китайскомъ правительствѣ опасенія, и чтобы предотвратить увеличеніе силы Альбазина, оно построило городъ Айгунъ у средней части Амура.

4-го іюля 1685 года опять появилось китайское войско передъ Альбазиномъ и по-прежнему размѣстилось на островѣ. По своему числу оно въ 10 разъ превосходило русское, находившееся подъ начальствомъ отважнаго и опытнаго Тол-

бузина. 22-го іюля китайцы штурмовали крѣпость, но черезъ нѣсколько дней ихъ отбили. Предполагая, что крѣпость нельзя будетъ долго удержать въ своей власти, русскіе ночью отступили. Но едва китайцы ушли, разрушивъ всѣ крѣпостныя постройки, какъ Толбузинъ снова вступилъ въ Альбазинъ и 7-го августа опять началъ строить крѣпость. Китайскіе же воины были вынуждены поскорѣе уйти, такъ какъ уже приближалась зима.



Манегрскій гарпунъ.

Весною 1686 года передъ Альбазиномъ явилась несравненно сильнѣйшая армія, которая осадила крѣпость. Китайцы устремились къ крѣпости со всѣхъ сторонъ, и цѣлый флотъ поплылъ внизъ по Сунгари, чтобы начать военныя дѣйствія съ русскими. Послѣдніе получили подкрѣпленіе изъ Нерчинска и начался ожесточенный бой. Храбрый Толбузинъ былъ убитъ и его мѣсто занялъ нѣмецкій дворянинъ *Бейтенъ*, который былъ взятъ въ плѣнъ во время его служенія въ Польшѣ и отправленъ въ Сибирь. Съ такимъ же искусствомъ, какъ и Толбузинъ, онъ защищался, пока, при наступленіи холодовъ, китайцы не отступили на зимнія квартиры. Весною русскіе получили подкрѣпленіе и свѣжіе запасы изъ Нерчинска Хотя осада продолжалась весь годъ, но китайцы не могли овладѣть ни малѣйшимъ кусочкомъ земли. Зимою 1688 года, Бейтенъ отступилъ. Въ слѣдующій годъ, 27-го августа, установился миръ между русскими и китайцами, заключенный въ Нерчинскѣ. На основаніи мирнаго договора, русскіе отказались отъ Альбазина и всѣхъ своихъ селеній въ Манджуріи. До восемнадцатаго вѣка китайцы предписывали условія мира, и ихъ императоръ представлялъ себѣ русскаго царя чѣмъ-то въ родѣ своего васала. Но какъ

измѣнились всѣ отношенія съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ Амурскую область Хабаровъ со своими казаками!

Развалины старинной крѣпости существуютъ еще донынѣ, но это мѣсто совершенно утратило стратегическое свое значеніе. Совсѣмъ другія причины побуждаютъ теперь населить Альбазинъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь въ окрестностяхъ есть превосходныя пастбища, которыя удобны для скотоводства. Въ боковыхъ долинахъ есть отличная почва для земледѣлія, а въ лѣсахъ много соболей и бѣлокъ, привлекающихъ мѣхопромышленниковъ. Лѣса утрачиваютъ здѣсь сибирскій характеръ. Хвойные лѣса встрѣчаются рѣже и замѣняются чащами дубовъ, вязовъ и ясеней, а подъ ними растутъ розовые и лищинные кусты. У Альбазина Амуръ имѣетъ уже 120 футовъ ширины, а дальше онъ расширяется. Множество острововъ, разсѣянныхъ въ рѣкѣ, оригинальнымъ своимъ видомъ, содѣйствуютъ увеличенію прелести этой мѣстности, хотя они весьма непріятны для судопромышленниковъ. На правомъ берегу, немного пониже Альбазина, горы опять приближаются къ Амуру въ видѣ крутыхъ скалъ песчаника, а на лѣвомъ русскомъ берегу, 40 или 50 футовъ надъ уровнемъ воды, находится равнина, состоящая изъ наноса, до самаго мыса Малой Надежды. На этой равнинѣ поднимаются отдѣльныя сіенитовыя скалы, вышиною въ 100 — 150 футовъ. Песчаникъ встрѣчается гораздо рѣже, а лиственныя деревья становятся все многочисленнѣе.

Въ долинѣ рѣчки Бурунды, которая впадаетъ съ лѣвой стороны въ Амуръ, почва состоитъ изъ жирнаго чернозема, который покрытъ густою травою и представляетъ весьма благопріятное мѣсто для поселенія. Горы, поросшія елями и лиственицами, состоятъ изъ углистаго песчаника и конгломерата съ глинистымъ сланцемъ. Затѣмъ слѣдуетъ опять гранитъ и немного пониже рѣчки Онона выступаетъ въ Амуръ громадная скала песчаника, заставляя его сдѣлать значительное искривленіе. Эта скала, вышиною въ 250 футовъ, извѣстна подъ именемъ Цагаянскихъ горъ и отли-

чается нѣсколькими полосами угля или лигнита, который лежитъ въ нихъ наподобіе лентъ. Обитающіе тутъ манегры очень боятся этихъ горъ, и говорятъ, что въ нихъ живутъ злые духи. Кромѣ того, они, совершенно согласно съ манджурами, утверждаютъ, что изъ этихъ горъ очень часто выступаетъ дымъ. Эти показанія не подтверждены наблюденіями европейцевъ, хотя и возможно, что горящіе пласты угля распространяютъ тутъ дымъ.

Далѣе берегъ Амура попеременно представляетъ горы и равнины. Лиственный лѣсъ преобладаетъ и лишь на вершинахъ горъ видны хвойные лѣса. По правую сторону Амура, Комаръ самый значительный притокъ, и противъ него поднимается круто громадная масса вулканическихъ скалъ, названныхъ въ новѣйшее время мысомъ *Бибиковымъ*. Здѣшніе туземцы манегры называютъ этотъ мысъ Лонгторомъ. По случаю этого наименованія, чрезвычайно разыгралась фантазія англичанина Аткинсона. Извѣстно, что Аткинсонъ самъ не былъ на Амурѣ, а заимствовалъ описаніе его преимущественно изъ сочиненія Мака. Тамъ, гдѣ онъ былъ самъ, описаніе его чрезвычайно удачно, но какъ скоро ему приходилось пользоваться чужими источниками, оно становится запутаннымъ и неяснымъ, не обнаруживая ни малѣйшей критики и выказывая нерѣдко полную свободу воображенія. Бейтенъ, или какъ его называли русскіе, Бейтонъ, по *„бульдогообразной смѣлости“*, съ которою онъ защищалъ Альбазинъ, считается имъ за англичанина. По его мнѣнію, онъ назывался Битономъ, а еще вѣроятнѣе Битсономъ, и родился можетъ быть, въ Дербиширѣ, гдѣ нѣкоторыя живописныя скалы называются Торъ. Такъ какъ упомянутая скала именуется Лонгторъ, то нельзя, по мнѣнію Аткинсона, сомнѣваться, что это наименованіе дано англичаниномъ Битсономъ.

Мы покидаемъ область манегровъ. На правомъ берегу, гдѣ лѣса становятся все чаще и появляются многія южныя растенія, находится первая манджурская деревня. Здѣсь появляются также отдѣльныя даурскія хижины. Огородъ,

существующій при каждомъ домикѣ, свидѣтельствуетъ о вліяніи китайцевъ на здѣшнее населеніе. На лѣвомъ русскомъ берегу мы встрѣтили до сихъ поръ лишь одинокіе казачьи посты. Первый городъ мы видимъ у истока Сеи, перваго большаго притока Амура, берущаго свое начало съ Становаго хребта и текущаго къ Амуру преимущественно въ южномъ направленіи. Сѣверная часть этой рѣки называется у тунгузовъ Джіоникань, а у якутовъ Джєюраэхъ. Вдоль всей Сеи въ первый разъ плавалъ Усольцевъ, который совершилъ одно изъ труднѣйшихъ путешествій, выполненныхъ въ Амурской области.

Исходною точкою путешествія Усольцева былъ казачій постъ Усть-Стрѣлка, при соединеніи Шилки съ Аргунью. Въ Нерчинскѣ онъ получилъ конвой и проводника, который зналъ дорогу, по крайней мѣрѣ, въ началѣ пути до Атиганскихъ горъ. 25-го іюня 1856 г. общество выступило въ дорогу. Кромѣ проводника, при Усольцевѣ находились солдатъ, сопутствовавшій ему уже въ первыхъ путешествіяхъ, двое казаковъ, унтеръ-офицеръ и конюхъ, бывшій въ то же время и переводчикомъ при разговорахъ съ тунгузами. Слѣдовательно, всего было семь человѣкъ, съ такимъ же числомъ верховыхъ лошадей и 12-ю вьючными.

Сперва пошли къ рѣкѣ Ольдою, впадающей въ Амуръ съ сѣвера. По охотничьимъ тропинкамъ надѣялись добраться до нея въ девять дней, но сильные дожди обратили почву въ трудно-проходимое болото, такъ что этотъ небольшой переходъ сдѣлали лишь въ теченіе цѣлаго мѣсяца. 22-го іюля переправились чрезъ Ольдой на плоту и затѣмъ пошли къ сѣверовостоку, къ источникамъ рѣки. Обильная луговая растительность Амура, поднимающаяся изъ болотистой, покрытой мхомъ почвы, совершенно исчезла и замѣнилась чащею низкихъ, кустарникообразныхъ лиственицъ, березы и сосны, расположенныхъ или отдѣльными группами или перемѣшанныхъ между собою. Множество бѣлокъ заселяетъ лѣсъ и привлекаетъ сюда орочоновъ; но эти послѣдніе весьма не-

охотно остаются въ этой области и, по окончаніи охоты, тотчасъ же покидаютъ ее.

Близъ истоковъ Ольдоя замѣчается постепенное возвышеніе горъ. Высокія, скалистыя вершины стоятъ по обѣимъ сторонамъ дороги, и лишь въ немногихъ мѣстностяхъ можно найти довольно корма для лошадей. Именно это обстоятельство и обусловило выборъ пути Усольцева. 2-го августа достигли истоковъ Ольдоя. Послѣ перехода чрезъ низкій горный хребетъ, показалась долина Танды, небольшой рѣчки, принадлежащей къ водной системѣ Сеи, потому что впадаетъ въ Оллонгру, рукавъ Гилуя, главнаго притока Сеи.

Долина Танды болотиста, и въ ней вовсе нѣтъ луговой растительности. Глазамъ представляется здѣсь непрерывная горная цѣпь съ глубокими ущеліями и лѣсами, густо поросшими подлѣскомъ. Мѣстами чаща была до того непроницаема, что приходилось пролагать себѣ дорогу топоромъ. Лѣсъ здѣсь совершенно непроходимъ и становится нѣсколько рѣже только тамъ, гдѣ его коснулся пожаръ.

Лишь съ большимъ трудомъ и побѣждая опасности, Усольцевъ прошелъ вверхъ по Оллонгру. При переходѣ чрезъ множество текущихъ здѣсь ручьевъ, лошади нерѣдко погружались по грудь въ болото и сваливались въ воду, такъ что вещи совершенно промокли. Сухари, взятые съ собою, стали портиться и гнить. Лишь изрѣдка проглядывало солнце сквозь тучи, и потому промокшихъ вещей нельзя было просушить. Семь лошадей издохло отъ непомѣрныхъ усилій, между тѣмъ какъ остальныя совсѣмъ ослабѣли. Когда путешественники достигли, наконецъ, Атичанска, они имѣли съ собою лишь шесть пудовъ сухарей и нѣсколько кирпичнаго чаю. Даже этотъ незначительный запасъ былъ на половину испорченъ. При томъ же экспедиція состояла изъ семи человѣкъ, прошедшихъ лишь четвертую часть пути, обѣщавшаго въ будущемъ еще много опасностей и лишеній.

Пришлось отказаться отъ восхожденія на Атичанъ и барометрическаго опредѣленія его высоты, потому что до склона

нельзя было добраться ни пѣшкомъ, ни на лошади, такъ какъ ручьи выступили изъ береговъ. Горы эти выдаются двумя вершинами, а своимъ склономъ соединяются съ низкими отрогами Яблоновыхъ. Сколько можно судить по виду, хребетъ идетъ къ сѣверо-западу. Вершины имѣютъ большею частью пирамидальную форму, и крутизна склона становится все больше и больше по мѣрѣ приближенія къ гребню, состоящему изъ обнаженныхъ скалъ. Тамъ видны гранитныя массы, нагроможденныя стѣнами одна на другую и мѣстами прорѣзанныя трещинами и ущеліями.

30-го августа Усольцевъ покинулъ Атичанъ и отправился къ восточному рукаву Гилуя котораго и достигъ 1-го сентября. Тутъ, въ путаницѣ потоковъ и ручьевъ, которые, наконецъ, всѣ соединяются съ Сеею, проходя по мшистому болоту, легко можно заблудиться. Надобно было достигнуть Иликана, впадающаго въ Гряпду, которая, въ свою очередь, составляетъ притокъ Сеи. При переходѣ чрезъ болотный ручеекъ, проводникъ открылъ слѣды сѣверныхъ оленей и, при внимательномъ осмотрѣ окрестности, убѣдился, что по близости стояли орочоны, которые за три дня до того убили животное и взяли съ собою его мясо. Это открытіе весьма обрадовало заблудившихся путешественниковъ, которые терпѣли большую нужду. Они надѣялись найти проводника и уже рѣшились зарѣзать лошадь. Въ запасѣ у нихъ было лишь нѣсколько фунтовъ муки и масла. По оставшимся слѣдамъ, путешественники въ тотъ же вечеръ дошли до юртъ орочонъ.

Прибытіе русскихъ очень изумило орочонъ; къ сожалѣнію, однако-жъ, они не принадлежали къ племени проводника. Ихъ кочевья находились въ Иркутской области, и они возвращались туда. Они продали двухъ небольшихъ оленей, но никакія обѣщанія, ни предложенія не могли побудить ихъ проводить путешественниковъ до Сеи, хотя они весьма охотно описали дорогу туда.

Пробывъ нѣсколько дней у орочоновъ, Усольцевъ пус-

тился въ путь, 8-го сентября, къ истоку Иликана. 14-го сентября путешественники съѣли послѣднюю оленину, и теперь имъ предстояло прокармливаться кониной. Слѣдовательно, они имѣли предъ собою въ виду страшный голодъ. Усольцевъ заботливо посмотрѣлъ на бѣдныхъ лошадей, которыя совершенно ослабли и исхудали, почему онѣ, казалось, едва ли дотащатся до Сеи. Спутники его были также озабочены, и онъ долженъ былъ ободрять ихъ, тѣмъ болѣе, что эти люди считали большимъ грѣхомъ ѣсть конину. При такихъ-то обстоятельствахъ двинулись они къ Иликану, причемъ мысль о голодной смерти не покидала путешественниковъ ни днемъ, ни ночью.

Послѣ жесточайшихъ испытаній, достигли Иликана. Въ восточномъ направленіи пошли путники по его долинѣ, ограниченной холмами и покрытой болотистою почвою, поросшею краснымъ мхомъ. Чтобы не зайти далеко къ востоку, Усольцевъ отошелъ вправо отъ Бріанды къ желанной Сеѣ, на близость которой указывали болѣе плоскіе горные хребты. Наконецъ-то, послѣ продолжительнаго странствованія, опять достигли луговъ съ высокой травой, большими озерами и чащей кустарникообразныхъ ивъ и березъ. Совершенно неожиданно, 24-го сентября, Усольцевъ увидѣлъ, послѣ трехмѣсячнаго странствованія, Сею, которая блистала вдали, какъ озеро. Не теряя времени, приступили къ постройкѣ плота, ибо счастливый случай привелъ путешественниковъ къ единственному неширокому мѣсту рѣки, гдѣ можно найти ловаго лѣса, годнаго для приготовленія плота. Осталось еще 12 лошадей, которыя могли поправиться во время постройки плота, такъ что Усольцевъ еще не отказался отъ надежды достигнуть Селинджи, притока Сеи съ восточной стороны. Къ сожалѣнію, эта надежда не осуществилась, потому что лошади худѣли все болѣе и болѣе, а постоянный дождь, къ которому иногда присоединялся снѣгъ, сдѣлалъ ихъ совершенно негодными для дальнѣйшаго путешествія; притомъ же по дорогѣ не было корма. Чтобы сдѣлать плаваніе по рѣкѣ менѣе

опаснымъ, Усольцевъ устроилъ два плота и соединилъ ихъ между собою. На первомъ изъ нихъ помѣстили лошадей, а другой нагрузили поклажей. До отплытія, 3-го октября послѣ полудня, издохли двѣ лошади. Сея тутъ имѣетъ въ ширину 2,000 футовъ.

Послѣ непродолжительнаго плаванія Усольцевъ увидѣлъ луга, но затѣмъ горы съ обѣихъ сторонъ до того сблизились, что сузили рѣку. Теченіе становится тутъ быстрѣе, и Сея, наконецъ, ударяется объ огромные камни, образуя пѣнящійся порогъ, по которому плотъ поплылъ съ страшною быстротою. Лишь съ трудомъ удалось охранить импровизированныя суда отъ ударовъ о скалы. Далѣе горы опять расходятся, рѣка становится шире и чуть-чуть катитъ свои струи по долинѣ, роскошно поросшей травою. Наконецъ, 6-го октября, опять встрѣтили людей. Уже издали путешественники замѣтили юрты манегрскихъ тунгузовъ, покрытыя бѣлой березовой корой. При видѣ чужеземцевъ, эти люди разбѣжались и рѣшились воротиться, лишь когда Усольцевъ успокоилъ ихъ ласковымъ призывомъ. Ни на какихъ условіяхъ люди эти не соглашались проводить его до Селинджи. Впрочемъ, они не отказались провести путешественника до ближайшихъ своихъ соплеменниковъ. Проводникъ, присоединившійся къ Усольцеву, возвѣстилъ о ихъ приближеніи уже издалека звукомъ деревяннаго рога. Но и эти манегры не соглашались дать проводника. Уже 7-го октября на Сеѣ показались льдины, и лишь въ то время, когда переставалъ дуть вѣтеръ, на рѣкѣ не было льда. Такъ какъ это случалось по большей части ночью, то приходилось плыть дальше при лунномъ свѣтѣ. 15-го октября достигли до устья Селинджи, которая соединяется съ Сеею нѣсколькими рукавами, обнимающими дельту, образующуюся изъ множества острововъ, поросшихъ лѣсомъ. Устье Селинджи совершенно скрыто этими островами, такъ что Усольцевъ замѣтилъ его лишь тогда, когда оно было указано манегромъ.

Ниже Селинджи горы опять отступаютъ отъ рѣки. На

ихъ вершинахъ растетъ рѣдкій лѣсъ сосны или лиственицы и березы. Далѣе по обѣимъ сторонамъ рѣки идутъ обширныя безлѣсныя равнины. Густая, высокая трава, смѣшанная съ шиповникомъ, покрываетъ это необозримое пространство, а въ низкихъ лѣсахъ видны озера, окруженныя болотами и смѣняющіяся скалистыми горами. Выйдя отсюда, рѣка снова течетъ по травянистымъ равнинамъ, покрытымъ слоемъ чернозема, толщиною въ футъ. Эта мѣстность весьма удобна для земледѣлія и скотоводства.

18-го октября Усольцевъ достигъ Тома, впадающаго въ Сею съ лѣвой стороны. Поверхность воды здѣсь почти шире, чѣмъ при устьѣ Селинджи. Многіе острова преграждаютъ путь медленно текущей рѣкѣ, такъ что Усольцеву довольно долго пришлось искать настоящаго водянаго пути. Тутъ онъ лишился послѣдней своей лошади и плылъ внизъ по рѣкѣ на одномъ плоту, который нерѣдко былъ затираемъ большими льдинами, грозившими раздавить утлое судно. Такимъ образомъ Усольцевъ плылъ еще два дня, но, наконецъ нужно было отказаться отъ подобнаго странствованія, когда сильный вѣтеръ, поднявшійся, еще утромъ, обратился въ страшную бурю, которая бушевала всю ночь и увеличила число льдинъ. Едва успѣлъ Усольцевъ со своими спутниками выйти на берегъ, какъ ихъ плотъ разбился. Рѣка совершенно замерзла. Въ такомъ грустномъ положеніи, семь человѣкъ имѣли только по лошади. Больше у нихъ не было никакой пищи. Усольцевъ оставилъ этотъ запасъ тремъ своимъ спутникамъ, которые должны были оберегать поклажу, а съ остальными тремя отправился отыскивать манджурскую деревню. Оставшимся было приказано ждать 10 дней, по истеченіи которыхъ имъ слѣдовало отправиться внизъ по рѣкѣ, уничтоживъ у мѣста стоянки свои слѣды.

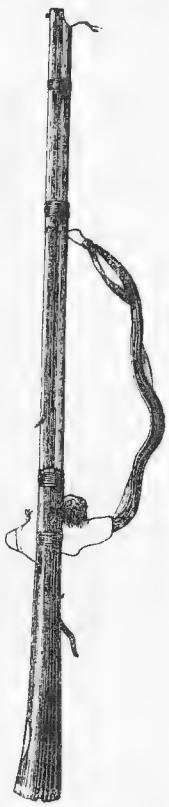
На третій день Усольцевъ достигъ первой манджурской деревни, гдѣ его отправили въ общественный домъ, куда собрались всѣ жители. Первымъ его дѣломъ было позаботиться объ оставшихся; онъ просилъ манджуръ доставить

имъ съѣстныхъ припасовъ и лошадей. Цѣлую ночь совѣщались манджуры о томъ, что слѣдуетъ дѣлать съ чужеземцами. На другой день, однако, три человѣка отправились съ казакомъ Усольцева на мѣсто стоянки у Сеи, и взяли съ собою 30 фунтовъ проса. Самого Усольцева и двухъ его спутниковъ отправили въ городъ Сахальянъ-ула-Хотонъ (селеніе Айгунь), на правомъ берегу Амура. 27-го октября они прибыли въ деревню, лежащую противъ города, и переправились на другой день чрезъ Амуръ. По прибытіи въ Айгунь, Усольцева отправили въ общественный домъ и чрезъ полчаса повели къ допросу. Въ комнатѣ, назначенной для этого, находились три чиновника и нѣсколько писцовъ. Одинъ изъ нихъ, Гузайда, помощникъ амбана, спросилъ, кто они такіе и почему вступили въ страну, находящуюся подъ ихъ властію? На это Усольцевъ отвѣчалъ коротко, описалъ свои несчастія и просилъ ласковаго пріема. Послѣ того онъ былъ представленъ амбану, который принялъ его учтиво и безъ околичностей приказалъ отправить къ русскому казачьему посту Усть-Сейску, при устьѣ Сеи. Туда же прибыли и остальные спутники Усольцева съ вещами. Радуясь своему спасенію, они отправились обратно къ Амуру. 24-го января 1857 года Усольцевъ прибылъ въ Иркутскъ. Все это было еще до заключенія айгуньскаго договора. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ казачій постъ Усть-Сейскъ, теперь находится городъ Амурской области — Благовѣщенскъ.

Для того, чтобы изобразить физіономію этого новаго приамурскаго города, не нужно ни искусной кисти, ни блестящихъ красокъ. Вдоль низменнаго берега тянется рядъ деревянныхъ домиковъ по прямой линіи. Всѣ эти домики имѣютъ красную крышу и походятъ одинъ на другой. На всемъ колоритъ пустыни и въ окрестныхъ непривѣтливыхъ степяхъ не видно ни одного деревца. Впослѣдствіи, можетъ быть, городъ будетъ процвѣтать, но въ настоящее время онъ имѣетъ грустный видъ. Казармы, сколоченныя кое какъ линейными солдатами, недалекими въ плотничномъ искусствѣ,

даже не могутъ имѣть и притязанія и прочность. Снѣгъ пробивается сквозь щели, и вѣтеръ дуетъ чрезъ оконныя рамы, за которыми приходится сидѣть въ шубахъ. Селеніе украшено небольшою церковью, а амурская компанія возвела довольно прочное зданіе для кладовой и конторы. По близости, вдоль Сеи, находятся домы купечества. Бо́льшая часть народонаселенія живетъ въ мазанкахъ и состоитъ или изъ свободныхъ переселенцевъ, или ссыльныхъ, отбывшихъ свой срокъ. Внутренность города не представляетъ важныхъ особенностей. Здѣсь преобладаетъ военный элементъ, и крестьянина можно встрѣтить очень рѣдко, еще рѣже встрѣтишь гражданскаго чиновника. Повсюду работаютъ солдаты, напѣвая тѣ заунывныя пѣсни, которыхъ такъ много у русскаго народа. Ниже Благовѣщенска берегъ Амура становится разнообразнѣе и оживленнѣе. Впрочемъ, лѣвый, русскій берегъ все еще сохраняетъ степной характеръ, особенно тамъ, гдѣ къ Амуру присоединяется Сея, рѣка вдвое шире его. Растительность тутъ все еще бѣдна и состоитъ лишь изъ низкорослыхъ кустарниковъ.

Соболій самострѣлъ.



Тунгузская пищаль.

Совершенно другую картину представляетъ правый, китайскій берегъ. По мѣрѣ приближенія къ китайскому городу Айгуни, лежащему въ 33 верстахъ отъ Благовѣщенска, берегъ становится все привѣтливѣе и оживленнѣе. Селеніе слѣдуетъ за селеніемъ, и деревня смѣняется деревней. Все это, конечно, не представляетъ ничего особеннаго, но, послѣ плаванія между безлюдными берегами верховья, эта мѣстность производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Сверхъ того, манджурскія де-

ревни бываютъ окружены деревьями, одѣтыми свѣжею зеленью. Какъ непривѣтливъ и обнаженъ новый русскій городъ, такъ уютны и залиты зеленью манджурскія деревушки. Религія манджура заставляетъ его сажать деревья на гробницу отца, и потому ихъ считаютъ неприкосновеннѣйшей святыней. За порубку такихъ деревъ строго наказываютъ. Русскіе, напротивъ, стараются догола расчищать заселяемыя мѣстности.

Эти хорошо застроенныя и сильно заселенныя мѣста, составляющія средоточіе цивилизаціи на Амурѣ, лежатъ на протяженіи лишь 60 и 70 верстъ. Въ срединѣ этого пространства находится, на правомъ берегу Амура, городъ Сахальянъ ула-Хотонъ, городъ Черной Рѣки, какъ называютъ его манджуры, или, Хелунгъ-кіангъ-чингъ (городъ Черной Драконовой Рѣки) китайцевъ. Обыкновенно и болѣе употребительно названіе Айгунь, знаменитое заключеніемъ извѣстнаго договора Россіи съ Китаемъ; здѣсь находится мѣстопребываніе амбана, или губернатора. Повыше города есть нѣчто въ родѣ гавани для мелкихъ военныхъ судовъ. Самый же городъ тянется на протяженіи трехъ верстъ у берега, отъ двухъ до трехъ верстъ въ ширину. Надъ однообразными крышами домовъ выдается нѣсколько рядовъ палокъ съ флагами; домъ губернатора окруженъ деревяннымъ палисадомъ. Въ Айгуни довольно много храмовъ; одинъ изъ нихъ расположенъ у самаго берега, и его красный, пестрый куполъ рѣзко отличается отъ сѣровато-желтаго цвѣта остальныхъ домовъ. Внутри города много жизни. Двуколесныя повозки, запряженныя быками, медленно двигаются по дурнымъ дорогамъ; на огородахъ и поляхъ множество работниковъ, а на лугахъ пасутся многочисленныя стада. По рѣкѣ плаваютъ рыбачьи лодки, между тѣмъ какъ большія суда съ вымпелами и флагами медленно идутъ по бичевѣ, которую тянутъ люди.

Тунгузы, обитающіе въ этой средней части Амура, во многомъ отличаются отъ прочихъ родственныхъ племенъ,

какъ-то отъ орочоновъ и манегровъ, равно какъ и отъ другихъ народовъ, которые живутъ ниже и будутъ описаны послѣ. Они находятся на болѣе высокой степени развитія, имѣютъ болѣе благородный, овальный окладъ лица и большею частью не кочуютъ. Вліяніе китайцевъ у нихъ замѣтнѣе, чѣмъ у какого-либо другаго племени по Амуру, и выражается не только въ одеждѣ, образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ, но также въ религіозныхъ представленіяхъ. Во время похода русскихъ къ Амуру, въ 17 вѣкѣ, тунгузы обитали только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь кочуютъ орочоны и манегры, а также ниже по рѣкѣ до устья Сеи.

Часть этого народа, обозначаемая общимъ именемъ дауровъ, смѣшалась съ манджурами, которые, въ теченіе почти 300 лѣтъ, образовали со многими тунгузскими племенами какъ бы одинъ народъ. Другая часть населенія сохранила свою національность. По близости постоянныхъ жилищъ ихъ пасутся рогатый скотъ и табуны лошадей. Они употребляютъ двуколесныя повозки, колеса которыхъ вращаются вмѣстѣ съ осью. Домы окружены фруктовыми садами и огородами; а тамъ и сямъ виднѣются обширныя поля

съ пшеницей, изъ которой жители приготовляютъ хлѣбъ, еще неизвѣстный орочонамъ и манеграмъ.

Жители этой части Амура одѣваются почти такъ, какъ китайцы. Мужчины носятъ длинную одежду, а сверхъ нея нѣчто въ родѣ жилета съ рукавами. Кромѣ того, они надѣваютъ панталоны, употребляемые китайцами, и сапоги съ толстыми подошвами изъ папки. Голова спереди и съ боковъ острижена, и лишь сзади виситъ длинная коса. Покрываютъ они голову китайской шляпой или шапкой. Трубку курятъ и мужчины, и женщины. Мужчины носятъ поясъ, на которомъ вѣшаютъ футляръ съ ножемъ, китайскими палочками, замѣняющими наши вилки, огниво и т. д.

Жилища здѣсь самаго разнороднаго характера. Тутъ мы видимъ то коническія юрты, то домы, въ которыхъ явно обнаруживается вліяніе китайцевъ. Юрты покрыты березовой корой, камышемъ или прутьями, а иногда плетенками въ родѣ корзинъ. Совершенно другой видъ имѣютъ глиняные домы. Между огородами съ бобами, табакомъ и другими растеніями скрывается домикъ, построенный изъ дерева и глины въ серединѣ двора. Домъ этотъ имѣетъ нѣсколько саженъ длины, и его крыша покрыта гладко остриженнымъ камышемъ. Свѣтъ проникаетъ въ домъ чрезъ два рѣшетчатыя окна, въ которыхъ прозрачная бумага замѣняетъ стекло. Печка растянулась на всю комнату и согрѣваетъ большой желѣзный котелъ.

Хотя дауры занимаются земледѣліемъ, огородничествомъ и скотоводствомъ, все-таки главное ихъ занятіе состоитъ въ рыболовствѣ. При этомъ они пользуются довольно неуклюжими, плоскодонными лодками. Рыбу ловятъ сѣтями, крючками и гарпунами. Вообще, хотя дауры буддисты, но они не вполнѣ отказались отъ шаманства. На наружной сторонѣ многихъ домовъ видны маленькіе шкапы или рамы съ китайскими идолами, и передъ ними помѣщены небольшія курильницы. Кромѣ того, на домахъ можно видѣть шесты, которые ставятся во время богослуженія. На верхнемъ концѣ

этихъ шестовъ насажены черепы хищныхъ животныхъ, или они украшены флагами, конскими волосами и т. д., а передъ ними стоятъ столики съ жертвенными приборами и курильницами. Присутствующіе молятся, растянувшись ницъ на землѣ.

При среднемъ уровнѣ, вода Амура въ этой мѣстности имѣетъ глубину отъ 18 до 25 футовъ, слѣдовательно, здѣсь могутъ плавать самыя большія суда. Но во многихъ мѣстностяхъ есть подводные камни, которыхъ нельзя видѣть даже при наиболѣе низкомъ уровнѣ воды. Оттого судоходство по рѣкѣ довольно опасно; впрочемъ, существованіе подводныхъ камней обнаруживается водоворотами.

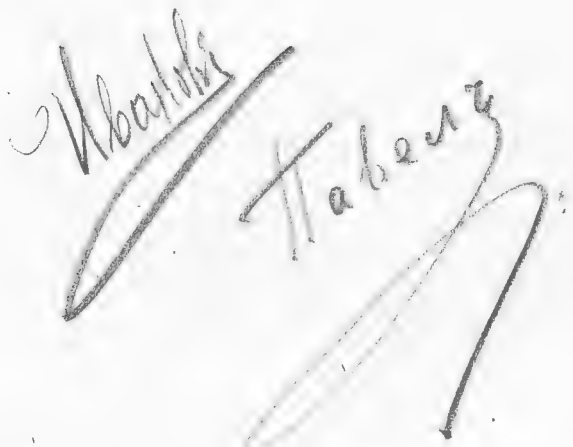
Непостоянство уровня воды составляетъ самое вѣрное доказательство того, что въ области источниковъ Амура нѣтъ неистощимаго резервуара, то есть вѣчнаго снѣга. Вѣроятно, источники Онона и Аргуни въ Монголіи находятся не выше 9,000 футовъ (высота Сохонды). Воды Аргуни, повидимому, стекаютъ иногда съ высочайшихъ вершинъ, когда Кайларъ вступаетъ въ Аргунь въ концѣ іюня. Сея и Бурея, въ теченіе лѣта, несутъ въ Амуръ большое количество дождевой воды, но въ слѣдствіе этого уровень Амура повышается лишь на короткое время.

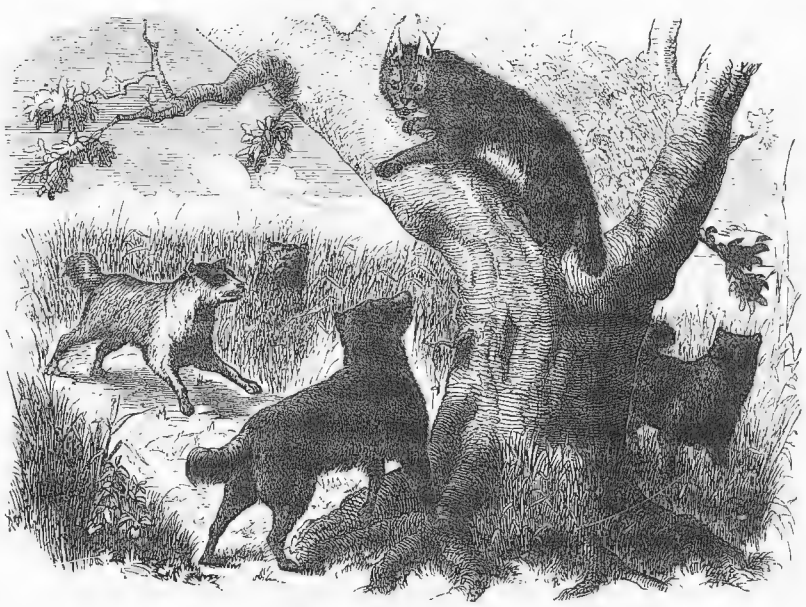
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Амуръ, принявъ Сею, значительно расширяется и становится богаче водой, является довольно много крачекъ. Онѣ здѣсь многочисленнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ материка, гдѣ, не смотря на огромные басейны прѣсноводныхъ и соленыхъ озеръ, весьма замѣтенъ недостатокъ чаекъ и крачекъ.

Въ то время, какъ на правомъ берегу находятся дѣятельные манджуры и дауры, на лѣвомъ кочуютъ бирары-тунгузы. Большія лугообразныя равнины, или степи средняго Амура характеризуютъ эту мѣстность. Лѣсистые острова, между многочисленными рукавами рѣки, встрѣчаются чаще, а съ сѣвера свѣтлая Бурея вливаетъ свои прозрачныя воды въ потокъ „Черной рѣки“. Бурея еще не извѣстна на

всемъ своемъ протяженіи, и Миддендорфъ посѣтилъ только область ея истоковъ. Параллельно съ этою рѣкою идутъ отъ сѣверо-востока къ юго западу Бурейскія горы, продолжающіяся и на китайскомъ берегу рѣки. Здѣсь природа совершенно утрачиваетъ сибирскій характеръ, потому что отличается большимъ разнообразіемъ и богатствомъ. Подробнаго описанія верхняго Амура, мы еще не имѣемъ, по недостатку наблюденій. За то намъ хорошо извѣстна средняя область по изысканіямъ Радде.

Сунгарскій дауръ.





Рысь.

XI.

Бурейскія горы.

Плаваніе по Амуру. — Розведеніе зимняго дома. — Бурейскія горы. — Климатъ. — Тунгузы. — Бирары. — Сказаніе о медвѣдяхъ. — Зима въ горахъ. — Степные пожары. — Животныя. — Странствованія бѣлокъ и медвѣдей. — Растительность сѣверной Манджуріи. — Луга. — Подлѣсокъ. — Хвойныя деревья. — Казачья станица.

Хотя Густавъ Радде плылъ по Амуру отъ Усть-Стрѣлки до впаденія Усури, все-таки онъ обратилъ полное вниманіе лишь на среднюю область громадной рѣки, на великолѣпные бурейскіе луга и горы и описалъ ихъ подробно. Тамъ, гдѣ сходятся животныя сѣверной и южной фауны, растенія полярнаго и тропическаго поясовъ, естествоиспытатель нашелъ богатое поле для своей дѣятельности, и пребываніе въ теченіе полутора года въ этой безлюдной пустынѣ доста-

вило ему возможность описать довольно точно природу средней области Амура.

Чита, главный городъ Забайкалья, была исходной точкой, откуда нашъ путешественникъ предпринялъ свою экспедицію съ тремя казаками и отличнымъ неиспорченнымъ мальчикомъ-тунгузомъ, Иваномъ. Сорока сосновыхъ бревенъ было довольно, чтобы построить на Шилкѣ плотъ. Спереди и сзади къ плоту придѣлали два длинныя весла, которыми правили. Въ серединѣ мая 1857 г. отплылъ плотъ съ весьма пестрымъ грузомъ. Между бочками съ мукой, мѣшками съ лукомъ, боченками съ порохомъ, рыболовными снарядами, полосами свинца и инструментами, сидѣло нѣсколько охотничьихъ собакъ. Кромѣ того, на плоту находились топоры для туземцевъ, ружья, кожа и солонина. Всѣ вещи были рачительно прикрыты берестой, чтобы предохранить ихъ отъ дождя. Пѣтухъ съ курицей дополняли экипажъ. Въ такомъ видѣ плотъ плылъ по рѣкѣ мимо рѣдкихъ казачьихъ пикетовъ по Амуру. Близъ истока Буреи поймали одичавшую лошадь, которая сдѣлалась полезнымъ членомъ экспедиціи. Приключеній было на дорогѣ не мало. Между прочимъ, страшная буря, отъ которой волны въ рѣкѣ вздымались, какъ на морѣ, выбросила плотъ на берегъ и занесла его горой песку, который пришлось отрывать.

Проплывъ 44 дня по Амуру и его притокамъ, Радде вышелъ 21 іюня 1867 г. на берегъ, въ началѣ одной изъ немногихъ низменностей у Бурейскихъ горъ, гдѣ съ правой стороны впадаетъ рѣка У, а съ лѣвой рѣка Лагаръ. Съ сѣвера спускаются до самаго берега горы Хотчіо. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ прилежный естествоиспытатель, въ теченіе двухъ лѣтъ, съ желѣзнымъ терпѣніемъ и любовью къ наукѣ, изслѣдовалъ прилегающія горы, находится теперь колонія Радде, которая служитъ воспоминаніемъ о его дѣятельности. Но каковъ былъ видъ мѣстности въ то время, когда отважный изслѣдователь впервые выступилъ на берегъ!

Первый трудъ, которымъ занялся Радде со своими то-

варищами, состоялъ въ возведеніи большой юрты, въ родѣ тунгузскихъ. Высокую береговую траву скосили и поставили амбаръ изъ осиновыхъ бревенъ, крытый берестой. Въ этотъ амбаръ съ отдушинами Радде сложилъ все свое имущество. Послѣ этого вытащили на берегъ бревна плота, чтобы потомъ употребить ихъ на постройку зимняго домика. Весьма скоро сдѣлали огородъ, въ которомъ посадили картофель, рѣдьку, капусту и другія растенія. Въ теченіе лѣта прилежно занимались выдѣлкою кирпича и въ августѣ принялись строить зимній домъ. Такъ какъ бревенъ плота было слишкомъ мало для возведенія достаточно просторнаго дома, вырыли землю до глубины фута, чтобы такимъ образомъ сберечь время и трудъ. Раздавался шумъ пилы и удары топора, вставляли окна и двери, и въ короткое время на берегу Амура, посреди дикихъ Бурейскихъ горъ, поднялся домъ естествоиспытателя. Чтобы имѣть благотворную теплую температуру въ теченіе холодныхъ зимнихъ мѣсяцевъ, построили пекарскую и кухонную печь изъ глины, а комната Радде украсилась китайскою кирпичною печью, служившею въ одно время столомъ, диваномъ и постелью. Устроившись такимъ образомъ и надѣясь на достаточно обильную охоту, можно было спокойно поджидать зиму. 1 сентября перемѣстились въ новый домъ и испекли первый свѣжій хлѣбъ. Экскурсіи вдоль Амура до истоковъ Усури и устройство дома — заняли все лѣто, такъ что настала уже осень, и тогда только Радде могъ нѣсколько ближе ознакомиться съ Бурейскими горами.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Амуръ, при послѣднемъ своемъ искривленіи, протекаетъ съ сѣверозапада, подъ 148° долг. отъ Ферро, и загибается къ югу, потокъ проходитъ между 48° и 49° шир. значительную горную цѣпь, которую русскіе называютъ Хинганскою, а китайцы Гомъ-Ме-Джанъ, т. е. трехвѣтвистою горою. По предложенію Миддендорфа, которое принято всѣми въ наукѣ, горы эти называютъ Бурейскими, потому что Бурея самая значительная рѣка, возникающая

тутъ въ русской области. Вопросъ о томъ, какъ высоко стоятъ Бурейскія горы надъ уровнемъ моря, къ сожалѣнію, еще не рѣшенъ, потому что барометрическія трубки Радде при вываривании ихъ всѣ лопнули, отчего онъ не могъ произвести измѣренія высоты. Горы, находящіяся на сѣверной сторонѣ Амура, не поднимаются выше 35 фут. Главная цѣпь горъ состоитъ изъ гранита, на которомъ лежитъ слюдистый и глинистый сланцы и другія метаморфозныя каменныя породы; порфиръ встрѣчается только у истоковъ рѣкиУ.

Теплое, весьма влажное лѣто, необыкновенно обильная снѣгомъ, холодная зима, короткая весна и продолжительная осень характеризуютъ климатъ Бурейскихъ горъ. Правильную перемѣну погоды Радде замѣчалъ въ послѣднюю четверть луны каждаго мѣсяца. Вѣтеръ дуетъ всего чаще съ двухъ странъ свѣта: съ юго-востока, при горизонтѣ, покрытомъ облаками, и при повышеніи температуры, и съ юго-запада. Міръ растительный и животный въ этихъ областяхъ, повидимому, вовсе не согласуется съ такими климатическими условіями. Какъ, напримѣръ, объяснить существованіе винограда, который, по общепринятому предположенію, не можетъ произрастать тамъ, гдѣ въ январѣ господствуетъ полярная стужа, доходящая до 35° холода по Реомюру? Виноградъ не единственное чудо въ этомъ родѣ. Весьма многіе виды деревъ, а также примѣры изъ міра насѣкомыхъ выказываютъ здѣсь неслыханную живучесть. Даже въ самые жаркіе лѣтніе дни земля таетъ тутъ сравнительно лишь до довольно незначительной глубины.

Какъ въ 1857, такъ и въ 1858 годахъ, Радде убѣдился, что слой растаявшей почвы бываетъ не толще, какъ, напр., въ возвышенныхъ степяхъ Дауріи, суровый климатъ которой достаточно извѣстенъ. У Усури работники, 18 іюля, на глубинѣ шести футовъ, встрѣтили замерзшую глину.

Географическое положеніе и странныя климатическія отношенія Бурейскихъ горъ указываютъ, что онѣ составляютъ переходную область между южными и сѣверными формами

Характеръ хвойнаго лѣса у средняго Амура.

растеній и животныхъ. Тутъ въ первый разъ появляется форма южнаго типа, неизвѣстная остальной Сибири, вмѣстѣ съ животными и растеніями полярнаго пояса. Всѣ характеристичныя растенія и животныя монгольскихъ возвышенныхъ степей и пустыни Гоби находятся также въ Бурейскихъ горахъ.

Укрывшись въ деревянной своей хижинѣ, Радде поджидалъ приближенія зимы. Въ концѣ октября былъ первый морозъ. Иловучіе льды на рѣкѣ остановились, и продолжительная мятель покрыла лѣса и луга бѣлой пеленой. Охота сдѣлалась затруднительною, и полярный холодъ заставилъ нашихъ путешественниковъ укрыться въ домѣ. Въ это время путешественнику было очень пріятно, когда какой-нибудь тунгузъ-бираръ посѣщалъ его, и онъ всѣми мѣрами старался подружиться съ этими добрыми, простыми людьми, живущими въ Бурейскихъ горахъ, и собиралъ отъ нихъ различныя свѣдѣнія. Эти простодушные люди хорошіе охотники. Они солятъ землю, чтобы пріучить оленей къ посѣщенію опредѣленныхъ мѣстъ. По свѣжимъ слѣдамъ бирары узнаютъ, что есть дичь, но оттиски большихъ тигровыхъ лапъ пугаютъ ихъ и заставляютъ удаляться отъ зловѣщихъ мѣстностей и взбираться на деревья. Расположившись на суку, бираръ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивается, пока не раздадутся осторожные шаги оленя. Съ удивительной ловкостью зажигаетъ онъ тогда фитиль своей пищали, чтобы во-время быть готовымъ къ выстрѣлу. Не всегда, однако, ему улыбается счастіе. При лунномъ свѣтѣ онъ видитъ, что за кустами крадется тигръ, властитель обитателей лѣса, и нерѣдко это свирѣпое животное избираетъ себѣ здѣсь засаду и поджидаетъ добычу съ такимъ же терпѣніемъ, какъ и человѣкъ.

При уединенномъ образѣ жизни, Радде иногда развлекался также сказаніями бираровъ. Много лѣтъ тому назадъ, говорили они, сюда прибыли, къ горѣ Мохады, люди изъ Айгуни, чтобы поохотиться, и получили хорошую добычу. На-

Лиственный лѣсъ у средняго Амура.

конецъ, они замѣтили, что пропалъ одинъ изъ ихъ товарищей. Нѣсколько времени они тщетно искали его и, наконецъ, воротились глубоко опечаленные отсутствіемъ пріятеля. Послѣдняго встрѣтила медвѣдица, которая взяла его въ плѣнъ и поселила въ пещерѣ, куда проходило лишь мало свѣта чрезъ отверстіе. Здѣсь этотъ человѣкъ пробылъ нѣсколько времени подъ строгимъ надзоромъ, причемъ у него выросли очень длинные волосы и ногти. Медвѣдица давала ему сыраго мяса и, наконецъ, плѣнникъ ей понравился, она стала къ нему менѣе строга и предложила ему жениться на ней. Человѣкъ согласился, и супруги были надѣлены двумя мальчиками. Тогда прежній плѣнникъ сдѣлался совершенно свободнымъ и ходилъ на охоту, а медвѣдица собирала ему сладкія ягоды. Однажды вечеромъ, на третій годъ пребыванія человѣка въ горахъ, онъ при своемъ возвращеніи съ охоты увидѣлъ, что къ Моходѣ пристали люди въ лодкѣ, и обрадовался встрѣчѣ съ другими людьми. Чужеземцы, однако, боялись его, потому что супругъ медвѣдицы обросъ волосами. Лишь когда онъ разсказалъ имъ свою судьбу, они подпустили его къ себѣ. Бесѣда продолжалась до глубокой ночи, и путешественники, прибывшіе также изъ Айгуни, обѣщали бѣдному плѣннику взять его съ собою на родину. На утро всѣ они отплыли, но медвѣдица замѣтила ночью вѣроломство своего мужа и побѣжала къ рѣкѣ. Она пришла, когда лодка отчалила, поспѣшно воротилась къ своему жилищу, взяла обоихъ дѣтей и воротилась къ Амуру, гдѣ отъ ярости растерзала мальчиковъ, въ виду отплывающихъ, и бросила ихъ въ Амуръ. Послѣ такого трагическаго происшествія гору и назвали злою (Мохада). Еще понынѣ тунгузы показываютъ пещеру, гдѣ нѣкогда находился въ плѣну одинъ изъ ихъ земляковъ и гдѣ чрезъ трещину въ скалѣ проходитъ сверху свѣтъ.

Такія посѣщенія бираровъ пріятно разнообразили пустынную жизнь Радде. Но случались также и весьма грустныя событія. Казакъ Николай, отличный работникъ, стра-

далъ застарѣлою болѣзнью и просилъ позволенія отправиться къ ближайшей казачьей станицѣ, чтобы дать себя лечить тамошнимъ знахаркамъ, такъ какъ онъ ни за что не хотѣлъ принимать лекарствъ, предлагаемыхъ Радде. Вскорѣ послѣ того, какъ его отпустили, онъ умеръ. Небольшое общество лишилось еще втораго члена. Славный тунгузъ Иванъ также попросилъ отпуска, и въ январѣ отправился пѣшкомъ, по снѣгу и лѣсамъ, на степную родину, находящуюся на разстояніи 1,500 верстъ. Должно замѣтить, что въ это время года холодъ нерѣдко доходитъ до — 30° и даже до — 35° по Реомюру. Такимъ образомъ Радде остался съ двумя казаками, мало къ чему годными.

Въ концѣ января Радде внезапно увидѣлся съ образованнымъ человѣкомъ, съ которымъ могъ поговорить. Однажды къ дому подъѣхали сани, запряженныя гилякскими собаками. Сѣдокъ былъ флотскій капитанъ Разградскій, который ѣхалъ курьеромъ изъ Николаевска въ Иркутскъ и весьма обрадовался удобствамъ, которыя нашелъ въ хижинѣ посреди пустыни.

Тунгузъ бираръ.

Внѣ дома трещали сучья старыхъ вязовъ, сгибаемые вѣтромъ, и летѣли хлопья снѣга. Когда буря прекратилась, естествоиспытатель, не смотря на глубокій снѣгъ, пошелъ въ лѣсъ, гдѣ посреди исполинскихъ сибирскихъ кедровъ блестѣли желтые глаза снѣжной совы, а на бѣломъ покровѣ были видны іероглифы слѣдовъ животныхъ, указывая, гдѣ голодъ заставлялъ звѣрей предпринимать ночныя странствованія.

Но зима прошла, ледъ, висѣвшій на крышѣ сосульками, растаялъ, и уже въ серединѣ марта стали цвѣсти нѣкоторые виды ивъ и осины. Солнце постепенно стало одерживать верхъ. Уже въ апрѣлѣ термометръ поднялся до 22° по

Реомюру въ тѣни, и настала пора жатвы послѣ долгихъ лишеній.

Когда снѣгъ стаялъ, и береговыя равнины отчасти высохли, вершины Бурейскихъ горъ ежедневно покрывались легкимъ дымомъ. Въ это время бирары нарочно зажигаютъ во многихъ мѣстностяхъ высокую, сухую траву, отчасти для того, чтобы безпрепятственно заняться охотой, а отчасти для того, чтобы привлечь дичь въ надлежащее мѣсто, гдѣ роскошно начинаетъ расти трава, послѣ выжиганія старой. Скрываясь въ засадѣ, они стрѣляютъ по насущимся животнымъ. Эти весенніе пожары береговыхъ равнинъ сѣвернаго Амура имѣютъ болѣе величественный характеръ, нежели въ возвышенныхъ степяхъ Дауріи.

Тамъ, гдѣ слабое пламя обхватываетъ рѣдкую, засохшую траву, огонь распространяется медленно, и шипѣніе и трескъ слышны лишь на близкомъ разстояніи. Если же дуетъ вѣтеръ, и воспламеняются породы полыни и зонтичныхъ растеній, вышиною въ нѣсколько футовъ, ихъ окружаетъ красно-бурый дымъ колеблющимся столбомъ, изъ котораго во многихъ мѣстахъ пламя выдается зубьями. Посреди черныхъ, обгорѣлыхъ стволовъ болѣе сильныхъ растеній, на черноземъ ложится слой бѣлой золы толщиною въ палецъ.

Мѣхъ рыжей землеройки, которую дымъ и жаръ выгнали изъ ея убѣжища, опаленъ, и она должна считать себя счастливою, если успѣла спасти свою жизнь. Волкъ и лисица, перепуганные приближающимся шумомъ и глухими взрывами, выскакиваютъ и бѣгутъ по направленію вѣтра къ долинамъ, богатымъ источниками, гдѣ вода, отчасти еще не замерзшая, полагаетъ надежныя границы пламени. Послѣ этого начинается время обильной ихъ охоты. На равнинѣ еще видны столбы огня, которые въ нѣсколько часовъ распространились на протяженіе многихъ верстъ. Представляется картина, страшная для глазъ и уха, какъ скоро мѣстность погружена въ ночную темноту и безмолвіе. Тогда слышны въ неравные промежутки времени страшный трескъ пламени

и завываніе и лай хищныхъ животныхъ, которыя стадами сбѣжались на теплую еще и совершенно выгорѣвшую почву. Тутъ они ловятъ голодныхъ землероскъ, и даже тигръ покидаетъ свою засаду въ горахъ, гдѣ онъ терпѣливо долженъ поджидать оленя или козулю, и отправляется на равнину ловить мелкихъ обитателей земли.

Когда плодотворный дождь орошилъ почву, очищенную пожаромъ и удобренную золою растеній, со всѣхъ сторонъ поднимается великолѣпная зелень. Настаетъ май, и подъ березами, покрытыми весеннею зеленью, бѣгаютъ тетерева, въ травѣ, вышиною въ футъ, въ которой хитрые тунгузы разставили свои силки. Съ близлежащихъ горъ сбѣгаетъ стройная козуля къ берегу Амура и идетъ къ насущейся поблизости своей подругѣ. У расположеннаго въ недальнемъ раз-

Самецъ.

Самка.

стояніи озерка, образовавшагося посреди болота, забавляется многочисленное общество болтливыхъ утокъ. Кукушка привѣтствуетъ весеннюю природу, а съ высокаго вяза ей вторитъ удодъ, или же отвѣчаетъ свистомъ китайская иволга, скрывающаяся въ тѣни рябины. Лишь позднѣе появляются насѣкомыя, и пестрая бабочка постоянно летаетъ вокругъ цвѣтовъ весенняго гіацинта.

Настало лѣто. Сборъ естествоиспытателя становится все богаче и богаче. Енотообразныя собаки попарно отправляются ловить мышей, причемъ самка и самецъ, каждый отдѣльно, отыскиваютъ себѣ добычу, бѣгая зигзаками и отъ времени до времени встрѣчаясь другъ съ другомъ. Въ слѣдствіе этого въ травянистыхъ равнинахъ видны дорожки слѣдовъ, свойственныхъ только этому животному.

Самыми видными представителями кошачьей породы явля-

ются тутъ постоянно живущіе здѣсь тигры и барсы. Лиса встрѣчается въ Бурейскихъ горахъ по самому берегу чрезвычайно рѣдко и, по словамъ туземцевъ, вовсе не водится на правомъ берегу. Впрочемъ, это животное обитаетъ на островахъ и равнинахъ выше и ниже этихъ горъ. Въ Бурейскихъ горахъ есть также сѣверные олени. Многіе рѣдкіе виды млекопитающихъ составляютъ промежуточныя формы, образующія переходъ къ южно-азіятской или японской фаунѣ. Къ такого рода животнымъ относится крупный видъ куницъ (mustela flavigula), малорослый медвѣдь (ursus tibetanus) и иматская антилопа (antilope crispa). Рѣдкіе слѣды россомахи напоминаютъ здѣсь зимою о полярныхъ животныхъ, что же касается до кабарги, то она тутъ малочисленна, вѣроятно по недостатку разныхъ видовъ лишаевъ. Изъ мелкихъ грызуновъ можно упомянуть особенно о пасюкѣ (musecumanus), который здѣсь слѣдуетъ за человѣкомъ. Изъ птицъ довольно рѣдкаго гостя составляетъ японскій ибисъ, который вмѣстѣ съ другими голенастыми встрѣчается около небольшихъ озеръ. Между насѣкомыми и особенно между бабочками встрѣчаются противоположности сѣвера и юга, а среди ночи открывается міръ тропическихъ бабочекъ. Когда предъ грозою идутъ густыя тучи, и воздухъ удушливо жарокъ, то къ огненному костру, разложенному ночью противъ тигровъ, налетаютъ со всѣхъ сторонъ различныя ночныя бабочки. При этомъ многія изъ нихъ обжигаются, и въ коробку естествоиспытателя попадаетъ мало хорошихъ экземпляровъ. Зато вдругъ вниманіе его возбуждается жужжаніемъ огромной бабочки. Она точно такъ же, какъ и многія родственницы ея, падаетъ обожженная у костра. Это tropæa artemis, родственный видъ которой встрѣчается также въ Восточной Индіи, и здѣсь, не смотря на морозъ въ 35°, она подвергается всѣмъ своимъ превращеніямъ.

Въ теченіе лѣта, животныя Бурейскихъ горъ живутъ приблизительно въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но осенью начинаются величественныя переселенія. Бурейскія горы не представляютъ того, что происходитъ въ Яблоновыхъ, гдѣ

холодныя горныя вершины снѣжными водами привлекаютъ къ себѣ оленей и медвѣдей и заставляютъ ихъ подниматься до высоты въ 6,000 или 7,000 фут., чтобы избавиться отъ преслѣдованія тягостныхъ насѣкомыхъ. Въ Буреѣ же эти животныя остаются на мѣстѣ и сильно страдаютъ; только кажется, нѣкоторыя особи бѣлокъ странствуютъ цѣлый годъ и, такъ сказать, уже лѣтомъ собираютъ свѣдѣнія о состояніи жатвы съ сибирскихъ кедровъ, а затѣмъ осенью становятся путеводителями многочисленныхъ стадъ своихъ сродственниковъ. Осматривая мѣстности, эти странники имѣютъ въ виду все свое племя, и Радде нашелъ, что подошвы такихъ вожатыхъ сильно потерты. Убѣдившись въ доброкачественности и обиліи пищи въ изслѣдуемой мѣстности, они впослѣдствіи уводятъ за собою все свое поколѣніе. Въ этомъ случаѣ не одинъ инстинктъ, которому охотно приписываютъ все, что угодно, заставляетъ тысячи животныхъ отправляться въ извѣстную мѣстность. Кто безъ предубѣжденій слѣдитъ за жизнью животныхъ, на свободѣ, тотъ вскорѣ отучится обозначать однимъ и тѣмъ же словомъ многочисленныя необъяснимыя явленія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ нерѣдко замѣтитъ у животныхъ значительную степень наблюдательности и сознанія связи между наблюдаемыми фактами.

Лишь позднѣе начинаются величественныя переселенія животныхъ въ Бурейскихъ горахъ, обусловливаемыя распредѣленіемъ по поверхности почвы различныхъ питательныхъ породъ растеній, какъ-то: сибирскаго кедра, дуба, орѣшника и пр. Въ это время лиственныя деревья долинъ принимаютъ желтокрасный и бурый оттѣнки, образуя живописную смѣсь цвѣтовъ съ темною зеленью хвойныхъ лѣсовъ. Тогда во всемъ органическомъ мірѣ круговращеніе пріостанавливается. Въ эту пору вся жизнь сосредоточена въ маломъ пространствѣ яйца и сѣмени. Умирающее поколѣніе исполнило свое назначеніе. Теперь медвѣдь, хорошо знакомый съ мѣстностью, переходитъ отъ лозы къ лозѣ и часто, не довольствуясь малымъ, переплываетъ рѣку, чтобъ на другомъ берегу жить сибаритомъ.

Странствованія медвѣдя за виноградомъ отличаются тѣмъ, что они совершаются неправильно, въ различныхъ направленіяхъ, — совсѣмъ иначе нежели тогда, когда дѣло идетъ объ отысканіи зимняго логовища. Въ эту пору крупные пушные звѣри большею частію переправляются съ лѣваго берега Амура на правый, такъ какъ тамъ сибирскіе кедры обильнѣе, и предаются спячкѣ.

Есть особый видъ сладкихъ яблоковъ (Pyrus ussuriensis), который въ сентябрѣ мѣсяцѣ возбуждаетъ особенно сильное движеніе между болѣе крупными животными Бурейскихъ горъ. Лисица, барсукъ, волкъ, медвѣдь, амурская лисица и кабанъ наперерывъ отыскиваютъ себѣ сладкіе плоды, и уже до наступленія поры, когда яблоки сваливаются съ дерева, высокая трава подъ ними бываетъ сильно истоптана. Соболь также предпринимаетъ путешествія, и бирарскіе тунгузы утверждаютъ, что со времени появленія русскихъ на Амурѣ, это животное стало являться въ большемъ изобиліи. Соболь точно такъ же, какъ и бѣлка, странствуетъ съ одного берега рѣки на другой, даже и въ то время, когда рѣка покрыта иловучимъ льдомъ.

Ознакомившись такимъ образомъ съ перемѣною временъ года и жизнью животныхъ въ Бурейскихъ горахъ, намъ остается посмотрѣть, подъ руководствомъ нашего путеводителя, на растительный міръ этого края. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ міромъ, который гораздо интереснѣе тамошняго животнаго царства, потому что растительность средняго Амура совершенно особенная, отличающаяся отъ всей сибирской и названная сѣверо-манджурскою. Тутъ въ смѣшанныхъ лѣсахъ по горамъ преобладаютъ лиственныя деревья, а въ равнинахъ почти вовсе нѣтъ хвойныхъ. Тутъ же являются густыя, низкорослыя растенія, между которыми есть много вьющихся. Далѣе, на черноземѣ горъ очень много папоротниковъ, много также высокорослыхъ породъ полыни растущихъ на степныхъ равнинахъ. Все это обрисовываетъ намъ растительную физіономію средняго Амура. Повсюду господствуетъ южная роскошная

растительность, которая отличается непомѣрнымъ обиліемъ, какъ въ долинахъ и горахъ, такъ и въ степной равнинѣ, и составляетъ рѣзкую противоположность полярному климату. Существованіе почти тропическихъ формъ растеній и животныхъ одновременно съ сѣверными и появленіе заокеанскихъ видовъ производятъ въ органическомъ мірѣ средняго Амура странную смѣсь, придающую его природѣ совершенно особенный характеръ.

Прежде всего остановимъ наше вниманіе на безлѣсныхъ равнинахъ по среднему Амуру. У самаго берега рѣки, по временамъ заливаемаго водою, преобладаютъ высокія травы, тростники, зонтичныя и полынныя растенія, придавая мѣстности луговой характеръ, который гораздо болѣе опредѣленъ къ востоку отъ Буреи, нежели къ западу отъ этихъ горъ. Тутъ господствуетъ степная растительность, занимающая всѣ сухія, возвышенныя равнины. Эта мѣстность представляетъ однообразныя формы растеній, расположенныхъ группами, и животныхъ, живущихъ обществами. Покинемъ лодки и плоты, на которыхъ доплыли до этого мѣста, и выйдемъ на берегъ. Прежде всего намъ преграждаетъ путь чаща узколистныхъ кустовъ ивы. Тамъ, гдѣ находится значительный слой наносной почвы, ивы растутъ невѣроятно густо и сильно, такъ что во многихъ мѣстахъ приходится отыскивать тропинку, давно уже проложенную оленями, медвѣдями и кабанами и ведущую къ водопою. Впрочемъ, здѣсь очень мало жизни. Наши шаги, однако-жъ, испугали семейство рябчиковъ, скрывшихся здѣсь отъ зоркаго глаза хищнаго сокола. Вотъ мы слышимъ протяжный свистъ самца, созывающаго разсѣянное семейство. Лишь весною или осенью въ ивахъ находятся многія пѣвчія птицы. Мы добрались до болѣе возвышенной части берега и находимся на равнинѣ, которая отличается высокою травою въ перемежку съ вьющимися растеніями. Тутъ надобно быть очень осторожнымъ, потому что подъ травою скрываются старые древесные стволы, нанесенные разливомъ, такъ какъ, споткнувшись на нихъ, легко можно сломить себѣ

ногу. Кромѣ того, при нашей прогулкѣ мы весьма легко можемъ встрѣтиться съ тигромъ или медвѣдемъ, и тогда мы должны считать себя счастливыми, если сытый звѣрь милостиво оставитъ насъ въ покоѣ. Оттого-то мы и взяли съ собою вѣрную, умную восточно-сибирскую охотничью собаку. Она дресирована только голодомъ, и служитъ намъ здѣсь лучше ученыхъ своихъ европейскихъ товарищей. Мы стоимъ предъ группою высокихъ зонтичныхъ растеній, называемыхъ тунгузами конулою. Они нерѣдко имѣютъ въ вышину 8 или 9 футовъ, въ толщину 2 или 4 дюйма. Ихъ пустые стебли покрыты различными вьющимися растеніями. Виды чернобыля вышиною въ 7 или 8 футовъ и чаще болѣе высокій тростникъ лишаютъ насъ возможности видѣть далеко. Великолѣпныя породы колокольчиковъ обращаютъ чернобыль съ его цвѣточными колосьями въ настоящіе букеты, а на зонтикахъ конулы, величиною съ тарелку, качаются особаго вида клопы съ металлическимъ блескомъ. Медленно и съ трудомъ пробираешься сквозь эту непомѣрно густую растительность, которая носитъ на себѣ отпечатокъ однообразія степи. Тамъ, гдѣ береговая равнина поднимается и не имѣетъ лѣса, въ большомъ изобиліи появляются различныя травы (elimus, calamagroitis); ихъ охотнѣе всего ѣдятъ лошади, приведенныя сюда изъ Забайкалья.

Мы покидаемъ равнину и отправляемся далѣе, въ прохладную и тѣнистую долину. Тутъ намъ представляется второй типъ растительности средняго Амура. Сперва мы видимъ низкорастущую чащу, въ которой всего болѣе бросаются въ глаза пирамидальные кусты гиналы. Это видъ клена съ прямыми побѣгами, покрытыми негустою, красивою зеленью.

Прежде, нежели доберемся до настоящей долины, откуда слышно журчанье ручья, для испытанія нашего терпѣнія представится одно препятствіе. Вдругъ мы слышимъ шипѣніе саженной пестрой змѣи, которая, ища солнца, покинула свое логовище и теперь встревожена нами. Если даже намъ удастся избѣжать укушенія этой змѣи, то все-таки дѣло не обойдется безъ потери крови. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимся

Луговая растительность у средняго Амура.

въ чащѣ одного вида лещинника (corylys heterophylla). Чтобы пробраться сквозь нее, надо снять нашу европейскую одежду, а иначе она будетъ разодрана вѣтвями этого кустарника. Только кожаный кафтанъ тунгуза можетъ остаться безъ поврежденій; но при всемъ томъ нельзя избавиться отъ царапинъ на рукахъ и лицѣ если случится проходить по этому кустарнику на значительномъ протяженіи. Затѣмъ открывается новый растительный міръ, темная зелень и сочные листья котораго указываютъ на избытокъ въ данномъ мѣстѣ воды — этого необходимаго элемента всякой органической жизни. Большимъ шатромъ раскинулась великолѣпная зелень, разнообразящаяся по густотѣ своей, смотря по тому, состоитъ ли она изъ широкихъ листьевъ манджурской липы, или образуется перистыми листьями ясени ипробковаго дерева (phellodendron). Эта дивная кровля рѣдко оставляетъ промежутокъ, сквозь который проглядываетъ синева неба. Но вотъ насъ привѣтствуютъ папоротники, вышиною отъ 2 до 4 фут., составляющіе типическую форму этихъ долинъ. Возлѣ нихъ находится лишь нѣсколько цвѣтовъ съ бѣлыми вѣнчиками, но уже не видно великолѣпныхъ цвѣтовъ равнины. Конечно, здѣсь въ лѣсу, нога можетъ ступать нѣсколько свободнѣе, но глазу все-таки представляется только самый ограниченный кругозоръ, такъ какъ подлѣсокъ мѣшаетъ видѣть далеко. На берегу ручья мы видимъ рядомъ съ сѣверною ольхою манджурскую орѣшину. Джонъ-джинъ встрѣчается рѣже и замѣняется другимъ видомъ араліи (eleutherococcus senticoss), вооруженной тысячами колючихъ шиповъ, которые наказываютъ за каждое неосторожное прикосновеніе. Чѣмъ далѣе мы идемъ по долинѣ, тѣмъ осторожнѣе намъ слѣдуетъ быть. Поваленные вѣтромъ и покрытые мхомъ гнилые стволы, а также высокіе многолѣтніе пни папоротниковъ на каждомъ шагу представляютъ преграды. Вотъ насъ манитъ къ себѣ среди тонкоствола лещинника одинъ видъ лиліи (lilium callosum), единственный видъ, растущій въ тиши и тѣни этой области. Мы уже съ жадностью протягиваемъ за нею руку, чтобы сорвать ее; но

тутъ вдругъ ужасъ выражается въ чертахъ присутствующихъ. Боязливо визжа, возвращается собака къ своему господину и жмется къ нему. Мы побезпокоили тигрицу съ ея дѣтенышами. Мы ясно слышимъ тихій ревъ и ворчанье звѣря, который мечетъ на человѣка страшный, невыносимо продолжительной взглядъ, пока напослѣдокъ, покручиваніехвоста не положитъ конецъ нерѣшительности животнаго, медленно уходящаго на другой берегъ ручья, чтобы найти себѣ новое логовище.

На всѣхъ возвышенностяхъ большихъ долинъ и въ самыхъ горахъ мы находимъ третій типъ растительности, который характеризуется преобладаніемъ хвойныхъ деревъ. Между этимъ типомъ и чистымъ лиственымъ лѣсомъ существуетъ промежуточная форма, которая только тамъ становится характеристичною, гдѣ на легкихъ покатостяхъ преобладаетъ дубъ. Особенно на сѣверномъ склонѣ горъ является мрачная зелень умѣренно-высокихъ сибирскихъ кедровъ. Сначала они являются по-одиночкѣ или небольшими группами. Хотя они всегда здоровы, но растутъ здѣсь лишь тонкими стволами и развиваются вполнѣ въ настоящей ихъ области. Тамъ все болѣе и болѣе исчезаютъ лиственые кусты, которые встрѣчаются лишь у подошвы долинъ. Кабаны очень часто разрываютъ здѣсь землю, покрытую гладкими иглами, и вообщѣ лѣсъ лиственицъ самое любимое ихъ мѣстопребываніе. Чѣмъ далѣе мы проникаемъ въ лѣсъ, тѣмъ онъ становится чаще, тѣмъ громаднѣе деревья, и тѣмъ болѣе господствуетъ безмолвіе и мракъ. Въ стволахъ толщиною въ 3 фута, расщепленныхъ молніей, изъ трещинъ вытекаетъ смола, которая распространяетъ пріятный запахъ, и въ ней точно такъ же, какъ въ янтарѣ, заключены насѣкомыя. Нерѣдко путь преграждается лѣсомъ, который повалился отъ вѣтра и заставляетъ даже идти назадъ.

Далеко ползущіе корни этого хвойнаго дерева не были въ состояніи удержать исполина, величиною въ 10 или 12 саженъ. Свалившееся дерево увлекло собою и приставшую къ его корню землю. Нерѣдко 6 или 8 деревъ лежатъ одинъ на другомъ, и нижнее, болѣе старое составляетъ лишь слабую

подпору для верхнихъ. Неудачный шагъ впередъ, и попадаешься въ хаосъ вырванныхъ деревъ, между которыми остаются промежутки глубиною въ 8 или 10 фут., откуда во всѣ стороны вырастаетъ каломикта (actinidia kalomicta) съ его упругими тонкими вѣтвями. Этотъ кустъ, котрый любитъ тѣнисто-влажныя мѣста и встрѣчается даже въ хвойныхъ лѣсахъ составляетъ самое тягостное препятствіе для путешествія, потому что его вѣтви очень гибки и плотно обхватываютъ вѣтви смежныхъ кустовъ. Хотя сначала и стараются разорвать эти тонкія вѣтви, но вскорѣ отказываются отъ такой попытки, потому что гораздо выгоднѣе разрѣзать ихъ ножемъ.

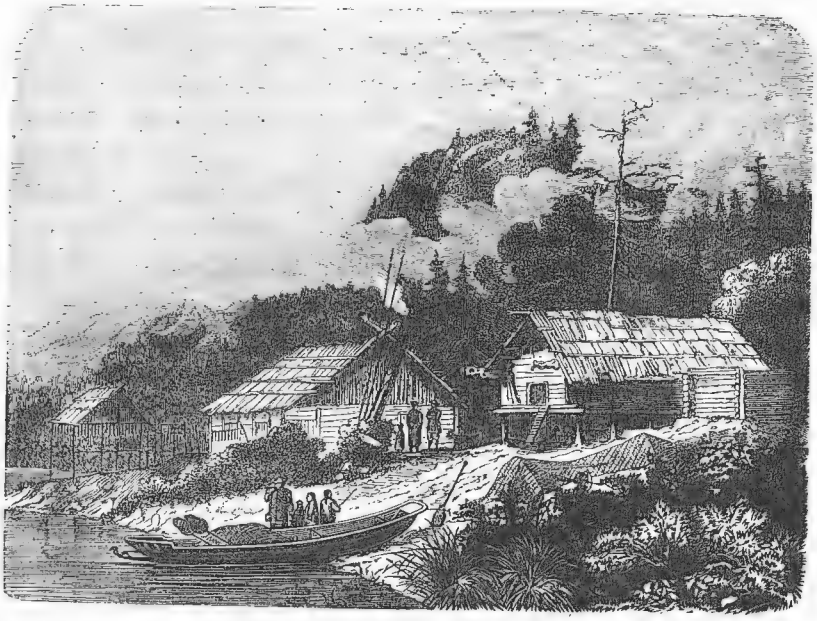
Далѣе, къ сибирскому кедру присоединяется ель (abias obovata), которая, наконецъ, начинаетъ преобладать. Въ горахъ растетъ только ель, образуя здѣсь все болѣе и болѣе густой лѣсъ. Нерѣдко молодыя деревья составляютъ стѣну, сквозь которую приходится прорубаться топоромъ. Пожирающій огонь никогда еще не предпринималъ труда очищенія лѣса слишкомъ большаго для человѣческихъ рукъ.

Здѣсь водятся стада рыжихъ горныхъ волковъ (canis alpinus). Руководимое сильнымъ самцомъ, все стадо окружаетъ подстрѣленнаго оленя. Приближаясь къ добычѣ со всѣхъ сторонъ, волки издаютъ особенное шипѣніе прежде, нежели бросаются на жертву. На толстомъ суку рысь, подстерегая добычу, или же, перебираясь съ вѣтви на вѣтвь, харза (mustela flavigula) отыскиваетъ гнѣздо бѣлки и умерщвляетъ его обитателей. Въ неприступной чащѣ или на разсѣлистыхъ склонахъ этой области встрѣчается драгоцѣнный соболь когда же глубокій слой снѣгу покрываетъ землю и отчасти деревья, сюда приходитъ тунгузъ, чтобы терпѣливо заняться утомительной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно прибыльной охотой.

На второмъ году своего пребыванія въ этой интересной Бурейской области, Радде получилъ порученіе учредить близъ своего жилища казачью колонію. Здѣсь поселились 24 семейства и размѣстились вокругъ деревянной юрты нѣмецкаго

естествоиспытателя. Селеніе это названо Радде, и если, при благопріятномъ его положеніи, оно когда нибудь станетъ процвѣтать, то при его наименованіи съ удовольствіемъ вспомнятъ о неутомимомъ дѣятелѣ науки, который первый открылъ эту пустыню просвѣщеннымъ народамъ. Вдоль всей русскокитайской границы, особенно на берегахъ Амура и Усури, существуютъ такія казачьи селенія, жители которыхъ, однако, мало содѣйствуютъ распространенію культуры. Въ доказательство этихъ словъ достаточно сказать, напр., что эти поселенцы размалываютъ хлѣбъ ручными мельницами. Простое устройство этихъ мельницъ, требующее, однако, очень мѣшкотной работы, состоитъ изъ двухъ камней: нижняго, неподвижнаго, и верхняго, который приводится въ движеніе палкой, вставленной въ серединѣ. Такой приборъ, по своей простотѣ, слишкомъ напоминаетъ самыя первобытныя времена. Множество времени, которое требуется на приготовленіе плохой муки, можно было бы употребить съ гораздо большею пользою на другое занятіе, позаботившись, конечно, о томъ, чтобы заставить силы природы исполнять такую грубую работу. Ежедневно, въ большей части хозяйствъ, утро и вечеръ употребляются на размалываніе муки. Лишь поздней ночью, когда всѣ уже спятъ, можно видѣть, какъ открывается люкъ погреба и оттуда выходитъ хозяйка съ ситомъ муки, вся покрытая бѣлой пылью. На другое утро, какъ бы рано вы ни проснулись, повсюду услышите шумъ тренія мельничныхъ камней.

Приближалась осень, и деревья Бурейскихъ горъ стали желтѣть. Тогда Радде сталъ думать объ обратномъ путешествіи. Подъ конецъ сентября въ третій разъ прибылъ пароходъ „Амуръ“, при своемъ плаваніи отъ Николаевска въ Благовѣщенскъ. Тогда естествоиспытатель нагрузилъ на него свои собранія и 10 ноября навсегда покинулъ свою юрту. То на волахъ, то на лошадяхъ, которыя онъ получалъ отъ пограничныхъ казаковъ, Радде воротился въ Читу, откуда выѣхалъ первоначально. Онъ прибылъ сюда 8 января 1859 г. Слѣдовательно, онъ оставался въ Бурейскихъ горахъ одинъ годъ и восемь мѣсяцевъ.



Мангунская деревня.

XII.

Низовье Амура.

Путешествіе Маака. — Устье Зунгари. — Берегъ низовья Амура. — Развалины Ачинска. — Уссури и Хабаровка. — Охота за лосями. — Ловля лисицъ. — Серебряныя горы и ихъ духи. — Растительность. — Лѣса. — Воровство собакъ. — Мангуны. — Ихъ поясъ и одежда. — Жилище и занятія. — Рыболовство. — Самострѣлы. — Религія. — Гробницы. — Число жителей у Амура. — Маріинскъ. — Кизи. — Острова у Амура. — Памятники у Тира. — Николаевскъ. — Истокъ Амура. — Дикіе гиляки и ловъ дельфиновъ. — Изобиліе рыбы въ Амурѣ. — Охота за тюленями. — Какъ гиляки пожираютъ своихъ медвѣжьихъ боговъ. — Зимнее путешествіе Маака вверхъ по рѣкѣ. — Переговоры и плѣнъ въ Айгунѣ. — Борьба съ льдинами. — Пребываніе у манегровъ.

Давно уже сибирское отдѣленіе русскаго географическаго общества рѣшилось предпринять изслѣдованіе Амура, и богатый сибирякъ Соловьевъ пожертвовалъ для этой цѣли пол-

пуда золота и, вмѣстѣ съ тѣмъ, взялся на собственный счетъ издать описаніе предпринимаемаго путешествія. Въ 1855 г. могли приступить къ исполненію этого предпріятія, управленіе которымъ поручили Ричарду Мааку, уже извѣстному по своему путешествію по Вилюю. Въ качествѣ естествоиспытателей, въ этой экспедиціи принимали участіе Герстефельдъ и кандидатъ Кочетовъ, а топографическими работами долженъ былъ заняться поручикъ Зондгагенъ. 18 апрѣля 1855 г. экспедиція выступила изъ Иркутска и 16 мая дошла до Читы, гдѣ соединилась съ военной экспедиціей, которая отправлялась къ Амуру, именно въ это время. Въ слѣдствіе такого присоединенія, путешественники должны были странствовать довольно скоро, въ ущербъ научнымъ изысканіямъ, и лишь по достиженіи Бурейскихъ горъ, гдѣ Маакъ разстался съ солдатами, возможно было собирать большее число замѣтокъ о сдѣланныхъ наблюденіяхъ, почему отсюда описаніе Маака довольно подробно.

По другую сторону Бурейскихъ горъ береговыя мѣстности имѣютъ характеръ степи, повсюду видны равнины, надъ которыми выдаются лишь мѣстами одинокіе холмы. Кое-гдѣ берега болотисты. Рѣка безпрерывно расширяется и ея развѣтвленія охватываютъ многіе острова, которые, хотя и покрыты деревьями и ивами, но нисколько не затрудняютъ судоходства, потому что расположены близъ самаго берега и оставляютъ свободнымъ главный каналъ. Эта мѣстность, отъ Бурейскихъ горъ до устья Зунгари, самая пустынная область всего Амура. Сюда заходятъ лишь одинокіе кочующіе тунгузы-биреры, или подъѣзжаютъ съ Зунгари въ рыбачьихъ своихъ лодкахъ гольды.

Теперь мы находимся въ области этого тунгузскаго народа, съ которымъ мы ближе познакомимся при описаніи Зунгари и Усури, двухъ самыхъ большихъ рѣкъ, которыя впадаютъ въ среднюю часть Амура съ юга. Устье Зунгари находится на 47°42′ с. ш., и весьма долго послѣ впаденія въ Амуръ можно отличить теченіе обѣихъ рѣкъ. Вода

Зунгари зеленовата и мутна, а Амура темна и прозрачна. Свѣтлая амурская вода занимаетъ сначала лишь четвертую часть ширины и лишь мало-по-малу смѣшивается съ водою Зунгари. Лѣвый берегъ Амура, и послѣ соединенія съ Зунгари, сохраняетъ характеръ равнины, правый же, напротивъ того, становится холмистѣе, и на немъ являются живописныя скалы глинистаго сланца, гранита и слюдистаго сланца въ Дирки, Эту и Кинели.

Направо поднимается горная цѣпь Хороко, которая состоитъ изъ слюдистой каменной породы съ кварцевыми жилами. Скалы горъ совершенно голы, и одни только склоны съ ручьями густо поросли лѣсомъ. Маакъ удивился богатству растительности въ этихъ влажныхъ ущельяхъ, гдѣ въ первый разъ встрѣчаются амурскія максимовичіи. Это растеніе, названное въ честь ботаника Максимовича, представляетъ видъ семейства глизандра (schizandraceæ). Виды этого семейства встрѣчаются только въ Японіи, Китаѣ и на Гималайскихъ горахъ. Плоды максимовичіи, которая, подобно винограду, вьется на деревьяхъ, гроздовидны, красны и кисловаты, корень ароматенъ, и розовые цвѣтки имѣютъ пріятный запахъ.

Послѣ этого путешественники достигли до мыса Кирма, состоящаго изъ сѣраго глинистаго сланца. На вершинѣ этого холма нѣкогда стояла крѣпость, возведенная чужестранцами, которые недолго были въ этой мѣстности Это замѣчаніе проводника возбудило любопытство, почему Маакъ вышелъ на берегъ и взобрался на горку, гдѣ, дѣйствительно, нашелъ развалины четыреугольной крѣпости, съ двухъ сторонъ окруженной валами и рвами. Эта крѣпость господствовала надъ рѣкой. Ея развалины во многихъ отношеніяхъ напоминали Албазинъ. Столѣтніе дубы, корни которыхъ глубоко вросли въ крѣпостные рвы, указывали, какъ стары эти развалины, составляющія, вѣроятно, остатки Ачинска, возведеннаго въ 1651 г. смѣлымъ Хабаровымъ,

перенесшимъ здѣсь кровавую, но успѣшную борьбу съ осаждавшими его китайцами.

Подъ 48°16′ сѣв. ш. и 152°37′ в. д. отъ Ферро достигли устья Усури, которое будетъ описано позднѣе. На правомъ берегу Усури, въ 40 верстахъ отъ его истока, поднимаются высокія горы, составляющія отроги цѣпи, называемой здѣсь Хохцирою. Эти отроги постепенно понижаются, по мѣрѣ приближенія рѣки къ истоку, и послѣдніе ихъ выступы, на мѣстѣ схожденія Усури и Амура, представляются въ видѣ крутыхъ скалъ, стоящихъ совершенно одиноко и покрытыхъ богатою растительностью. Тутъ Амуръ уступаетъ стремительнымъ горнымъ водамъ Усури, внезапно направляется къ сѣверу и идетъ почти по тому же направленію, по которому до того течетъ Усури. Долго еще послѣ соединенія обѣихъ рѣкъ, темныя воды Усури не смѣшиваются съ желтыми Амура, и также долго послѣдній течетъ по направленію, которое придалъ ему притокъ. На мѣстѣ стеченія обѣихъ рѣкъ, которыя тутъ очень широки и обильны водою, находится громадная мель. На самой скалѣ, которая поднимается у истока Усури, и на его береговыхъ склонахъ, заложено новое русское селеніе, которое названо Хабаровкою, по имени перваго отважнаго завоевателя Амурской области.

Это поселеніе состоитъ почти исключительно изъ большихъ казармъ и маленькихъ домовъ женатыхъ солдатъ. Хабаровка представляетъ весьма оригинальный видъ по своимъ постройкамъ и положенію. Отчасти въ слѣдствіе формы горы, состоящей изъ нѣсколькихъ террасъ, а отчасти въ слѣдствіе самаго плана заложенія, съ рѣки можно видѣть каждый отдѣльный домъ селенія, почему, при сравнительно маломъ числѣ зданій, Хабаровка имѣетъ видъ большаго многолюднаго селенія. Дома амурской компаніи, которые стоятъ по другой сторонѣ ущелья у Усури, самые лучшіе во всемъ селеніи. Впрочемъ, видны только деревянныя казармы и мазанки, какъ въ Благовѣщенскѣ. Между домами кое-гдѣ устроены огороды, и чрезъ все селеніе, до самаго берега Амура,

есть даже шоссе. Все это окружено дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ просѣчено лишь немного дорогъ. Тамъ же находится и паркъ хабаровцевъ, откуда они наслаждаются прекраснымъ видомъ. Тутъ представляется соединеніе стремительныхъ водъ Усури съ спокойно-величественными Амура. На противоположномъ, лѣвомъ берегу этой исполинской рѣки, разстилается зеленый коверъ степи; направо выдаются изъ воды амурскіе острова, а еще дальше, на правомъ берегу Амура, видѣнъ густой тысячелѣтній лѣсъ дубовъ, лиственницъ, буковъ, орѣшинъ и т. д. Отсюда и правый берегъ Амура составляетъ собственность Россіи, и вмѣстѣ съ лѣвымъ образуетъ береговую область Восточной Сибири.

Во всякомъ случаѣ, Хабаровка относится къ красивѣйшимъ мѣстамъ, имѣющимъ самое благопріятное положеніе на Амурѣ, потому что здѣсь соединены различныя условія, благопріятныя для населенія и развитія современемъ порядочнаго города.

За Хабаровкою Амуръ течетъ къ сѣверовостоку, и изъ его водъ выдаются безчисленные острова, по которымъ прохаживаются долгоногія цапли, подстерегая змѣй, встрѣчающихся тутъ часто. Маакъ посѣтилъ одинъ изъ острововъ и нашелъ на немъ слѣды лося, барсука и енотовой собаки (canis procyonoides). Охотою за лосемъ занимаются тунгузы и обитающіе здѣсь русскіе, различными способами. Русскіе, лѣтомъ подходятъ къ этому животному подъ вѣтеръ, когда оно собирается на горахъ стадами, и стрѣляютъ по нему изъ ружей. Тунгузы охотятся на лося зимой, когда земля покрыта толстымъ слоемъ снѣга, по которому они преслѣдуютъ животное на лыжахъ, пока оно не упадетъ отъ утомительнаго бѣга въ глубокомъ снѣгу. Тогда его убиваютъ копьями. На островахъ Амура встрѣчаются также косули, особенно лѣтомъ, когда этихъ животныхъ мучатъ безчисленные комары, составляющіе страшный бичъ при-амурскихъ острововъ. Тогда косули плывутъ по широкому рукаву рѣки

Видъ на Амурѣ къ западу отъ Канганскихъ горъ.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
Р. СМИЛЯРЫ

на мели и низменные острова, и за ними легко угнаться въ водѣ. Особенно ихъ приманиваетъ дудка изъ березовой коры. Такая дудка состоитъ изъ гладкаго куска березовой коры, согнутой наружной бѣлой стороной внутрь и обрѣзанной на одномъ концѣ яйцеобразно. У Амура нѣтъ также недостатка въ различныхъ разновидностяхъ лисицъ, мѣхъ которыхъ составляетъ важный предметъ торговли, почему за ними охотятся весьма ревностно. Хотя бьютъ немало лисицъ, но ихъ уменьшеніе какъ будто незамѣтно. Всего болѣе убиваютъ лисицъ самострѣлами, которые становятъ на край рѣки, въ ивовыхъ чащахъ, именно тамъ, гдѣ пробѣгаютъ эти животныя. Отъ прикосновенія лисицъ къ протянутой веревкѣ, спускается стрѣла прямо въ животное. Совсѣмъ особаго рода приборъ имѣетъ слѣдующее устройство. Становятъ толстое бревно, столь высокое, что лисица не можетъ доскочить до его вершины, даже при самыхъ отчаянныхъ прыжкахъ. На вершину этого бревна кладутъ приманку, а въ самомъ бревнѣ находятся клинообразныя врѣзки, которыя суживаются книзу. Когда лисица прыгаетъ къ приманкѣ, лапы ея попадаютъ въ такія щели и ущемляются, такъ что животное повисаетъ на бревнѣ. Этотъ простой способъ лова весьма употребителенъ у гиляковъ. Изъ разновидностей лисицъ, всего чаще встрѣчаются черносеребристыя, которыя, однако, весьма хитры, такъ что попадаются охотнику довольно рѣдко, почему мѣхъ ихъ чрезвычайно цѣненъ. Весьма рѣдко здѣсь появляются песцы.

Продолжая свои странствованія между островами Амура, Маакъ, къ величайшему удовольствію, увидѣлъ 22 іюля два парохода, на которыхъ находились естествоиспытатели Шренкъ и Максимовичъ, ѣхавшіе изъ Маріинска къ Усури. Какъ ни была кратковременна эта встрѣча, она все-таки доставила величайшее наслажденіе этимъ ученымъ, которые преслѣдовали одну цѣль: ознакомить міръ съ неизвѣстными странами.

Одинъ изъ величайшихъ острововъ Амура лежитъ подъ 49° с. ш. и называется Кириловъ. Амуръ протекаетъ мимо

него двумя широкими рукавами. На обоихъ берегахъ здѣсь подымаются горы, которыя туземцы называютъ Мунку-Хонко, или Серебряныя горы. Онѣ извѣстны также подъ именемъ Ноціала и Оджала. Вообще, относительно названій рѣкъ и горъ, въ этой области представляется большая путаница, потому что китайцы, русскіе, манджуры и тунгузы придаютъ имъ особенныя имена.

Маакъ хотѣлъ изслѣдовать горы, но лишь съ большимъ трудомъ могъ достать проводника, потому что прибрежные сѣверные жители утверждаютъ, будто въ этихъ горахъ живутъ злые духи, стерегущіе громадныя сокровища и поражающія всякими несчастіями того, кто пытается добыть ихъ.

Густой туманъ разстилался надъ рѣкой и горой, когда Маакъ, въ небольшой лодкѣ съ двумя туземцами, подошелъ по различнымъ рукавамъ рѣки къ подошвѣ Серебряной горы. Наконецъ, туманъ нѣсколько разсѣялся, и форма горы представилась совершенно ясно. Хвойный и лиственный лѣсъ смѣняются на ихъ склонахъ. Со стороны рѣки, горы стояли стѣною, передъ которою тянулась широкая долина съ разсѣянными на ней растрескавшимися обломками скалъ. Горныя породы состоятъ изъ желтаго, песчанаго кварца, въ которомъ находятся мелкія пластинки слюды серебристаго цвѣта и кусочки сѣрнаго колчедана. У подошвы крутыхъ склоновъ, въ кварцѣ проходитъ жила мышьяковаго колчедана, толщиною отъ 3 — 7 дюймовъ. Эта жила охватывается кварцемъ и роговою обманкою, между которыми она выдается серебристой бѣлизною. Химическое разложеніе показало, что этотъ минералъ состоитъ изъ 68 частей мышьяку, 31 части желѣза и одной части сѣры. По всей вѣроятности, серебристый блескъ этой жилы подалъ поводъ къ сказанію о сокровищахъ, заключающихся въ горѣ.

Въ окрестностяхъ Серебряныхъ горъ находится нѣсколько деревень, которыя были пусты во время ихъ посѣ-

щенія Маакомъ, потому что гольды, въ пору рыбной ловли, отправляются на лѣтнія квартиры.

Отсюда Амуръ направляется къ сѣверу. На правомъ берегу, на нѣкоторомъ протяженіи, проходитъ горная цѣпь Боки и затѣмъ удаляется отъ него. Эта цѣпь такъ же высока, какъ Серебряныя горы, на лѣвомъ берегу. По выступленіи изъ этихъ обѣихъ горныхъ цѣпей, рѣка расширяется до 10 верстъ, и такая чрезвычайная ширина, изумляющая путешественника, независимо отъ другихъ ея особенностей, дѣлаетъ ее одною изъ величайшихъ рѣкъ. Воды Амура побѣждаютъ всѣ встрѣчающіяся препятствія съ неотразимой силой, и стремятся къ океану. Особенно съ острововъ можно видѣть могучую дѣятельность этого потока. Острова выдаются на 10 или 20 футовъ надъ водою. Теченіе воды большею частію подмываетъ ихъ, такъ что, наконецъ, остается лишь конусъ земли, готовый обрушиться каждое мгновеніе. Отмытыя, такимъ образомъ, вещества уносятся рѣкою и образуютъ новые острова, вскорѣ покрывающіеся травою и деревьями.

Ниже, въ Амуръ впадаетъ рѣка Куръ-Бира, у которой живетъ племя самаговъ. Съ правой стороны есть еще притокъ Яза-Бира, проникающій тутъ сквозь зеленоватосѣрый кремнистый сланецъ, въ которомъ Маакъ нашелъ каменное ядро одной раковины (modiola), впрочемъ, столь не ясное, что онъ не могъ опредѣлить ея вида и геологической формаціи, къ которой относятся эти амурскія горы. Хвойныя деревья между которыми преобладаетъ особенно манджурская сосна (pinus mandschurica), являются чаще. Пробковое дерево, сѣверный предѣлъ котораго находится подъ 50°, здѣсь уже исчезаетъ; но тутъ является тисъ (taxus baccata), не встрѣчающійся въ другихъ мѣстностяхъ Сибири, и у одного острова Маакъ открылъ новый видъ кувшинчика (nymphæa Wenzelii), растущій вмѣстѣ съ обыкновеннымъ чилимомъ. Это единственное мѣсто на Амурѣ, гдѣ найденъ представитель кувшинчика.

4 августа Маакъ миновалъ устье Горина, впадающаго

въ Амуръ подъ 50°43′ сѣверной широты и 37°43′ восточной долготы отъ Гринича. Маакъ полагалъ, что здѣсь находится граница между среднею и нижнею областью Амура, потому, что тутъ исчезаютъ растенія и животныя, свойственныя средней области, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, является новый народъ — мангуны. Тигръ и барсъ также не переходятъ за предѣлы Горина, въ долинѣ котораго рѣчныя выдры, куницы лисицы, кабарги и лоси доставляютъ охотникамъ обильную добычу.

Лось называется у гольдовъ *may*, а у гиляковъ *тохъ*. Это животное встрѣчается въ большемъ или меньшемъ числѣ во всей пріамурской области и особенно въ нѣкоторыхъ гористыхъ мѣстностяхъ у Горина и Амгуня. Зимою лоси собираются въ узкихъ боковыхъ долинахъ, гдѣ питаются молодыми вѣтками березъ и ольхъ, и рѣдко мѣняютъ въ теченіе зимы свое мѣстопребываніе на сѣверномъ Амурѣ, гдѣ снѣгъ выпадаетъ слоями, часто глубиною въ сажень. Жители Амура вооружаются острогами и отправляются на лыжахъ въ горныя долины, гдѣ находятся лоси. Въ лѣсу животныя не могутъ бѣгать. Съ грустнымъ взоромъ, какъ бы прося пощады, животное глядитъ на охотника, который безжалостно закалываетъ его. По словамъ Нордмана, въ мартѣ и апрѣлѣ 1860 года, по необыкновенно высокому снѣгу у устья Амгуни, жители перебили болѣе сотни лосей, изъ которыхъ многіе, по трудности переноски черезъ лѣсъ, должны были остаться на мѣстѣ и пропали.

Въ теченіе лѣта лось доставляетъ рѣдко поживу береговымъ жителямъ, потому что животное это боязливо и осторожно. Когда лось раненъ, онъ яростно бросается на охотника и старается убить его передними ногами. Такъ какъ гиляки, у нижняго Амура, не имѣютъ огнестрѣльнаго оружія и вооружены только копьями, то они рѣдко идутъ лѣтомъ на лосей.

Осенью лоси иногда отправляются на низменные острова рѣки, и достаютъ здѣсь толстые корни водяныхъ растеній

мелкихъ озеръ. Когда ночь бываетъ темная, животныя входятъ въ воду, и мордою отыскиваютъ корни въ илистомъ днѣ. Тогда охотникъ осторожно подплываетъ къ лосю въ маленькомъ березовомъ челнокѣ. Конечно, въ темнотѣ животнаго не видно, но присутствіе его можно распознать по сильному плеску и фырканію. Обыкновенно тогда стрѣляютъ изъ ружья. Но осторожные и ловкіе охотники подходятъ къ животному столь близко, что умерщвляютъ его копьями.

Позднею осенью изъ березовой коры приготовляютъ длинный инструментъ, на подобіе пастушьяго рога, и, втягиваніемъ воздуха въ этотъ приборъ, подражаютъ мычанію самки лося столь удачно, что самецъ поспѣшно подбѣгаетъ. Тогда его умертвить легко.

Въ этихъ областяхъ Амура нерѣдко встрѣчается настоящій олень, и его подстерегаютъ въ горахъ. Весною, когда роги самца только начинаютъ вырастать и еще мягки и хрящеваты, туземцы особенно ревностно преслѣдуютъ его. Неразвившіеся отростки рогъ манджуры и китайцы считаютъ возбудительнымъ средствомъ и покупаютъ за дорогую цѣну.

6 августа Маакъ дошелъ до мангунской деревни Эри (подъ 51°22′ с. ш.). Скалистыя горы состоятъ тутъ изъ аѳанита и покрыты лѣсами, въ которыхъ преобладаютъ осина и береза, но встрѣчаются также дубы, липы, кедры и даже нѣсколько дикаго винограду, который, однако, никогда не созрѣваетъ. Тѣмъ не менѣе, Эри можно считать сѣвернымъ предѣломъ произрастанія винограда въ Амурской области. У этой деревни Маакъ остался ночевать. Въ то время, какъ путешественникъ спалъ, у него украли котлы. Разумѣется, подозрѣніе пало на туземцевъ, но истина вскорѣ обнаружилась. Собаки мангуновъ безпрерывно бѣгали вокругъ палатки Маака, почему онъ подумалъ: — не онѣ ли сдѣлали покражу? Но какимъ образомъ можно было объяснить исчезновеніе котловъ? Тѣмъ не менѣе, онъ приказалъ искать ихъ, и, дѣйствительно, они нашлись въ лѣсу, съ расположившимися вокругъ нихъ собаками, которыя отлично попировали. Животныя,

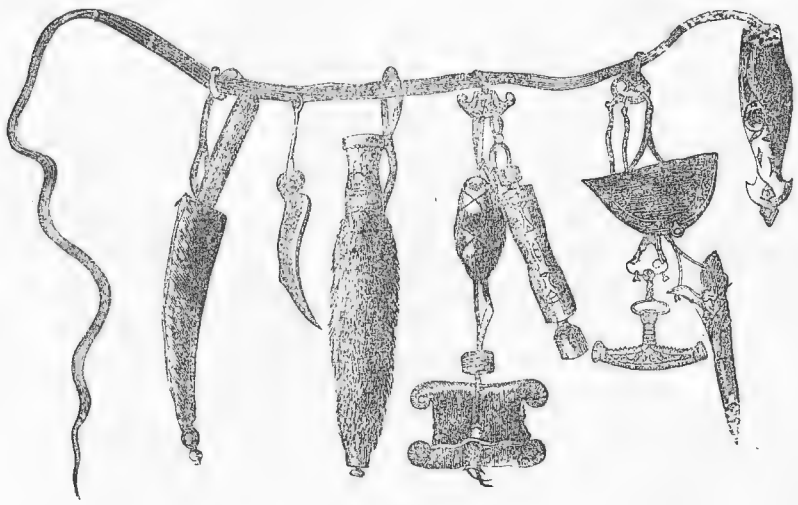
предоставленныя самимъ себѣ, послѣ ухода хозяевъ въ лѣтнее мѣстопребываніе, утащили котлы въ то время, когда сторожа спали. Собаки покатили котлы въ лѣсъ, чтобы спокойно съѣсть добычу. Навѣрное, это не первое, совершенное ими, подобнаго рода похищеніе.

Мангуны и ольчи просвѣщеннѣе всѣхъ тунгузскихъ народовъ, обитающихъ у Амура. У нихъ мы видимъ учрежденія, какихъ нѣтъ у другихъ тунгузовъ. По своей наружности они походятъ болѣе всего на гольдовъ, потому что имѣютъ также выдавшіяся скулы, черные глаза и черные волосы. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ они ихъ стригутъ, какъ манджуры, а то, обыкновенно, они висятъ у нихъ или свернуты пучкомъ на маковкѣ. Усы и борода большею частію жидки, и нерѣдко ихъ обрываютъ щипцами. Женщины дѣлаютъ по серединѣ головы проборъ и сплетаютъ волосы въ косу, спуская ее на спину. Мужчины и женщины татуируются. Этотъ обычай не свойственъ даурамъ. Впрочемъ, татуированіе обыкновенно ограничивается нѣсколькими крестообразными знаками на лбу. Одежду они носятъ манджурскаго покроя. Такъ какъ лишь немногіе могутъ покупать бумажныя ткани, то, большею частію, платье дѣлается изъ кожи рыбъ и звѣрей. Одежда изъ рыбьей кожи встрѣчается всего рѣже, и ее носятъ лишь лѣтомъ. Матеріялъ для этой одежды доставляютъ два вида лосося. Мангуны весьма ловко снимаютъ съ рыбъ кожу и колотятъ по ней до тѣхъ поръ, пока не отвалится чешуя, причемъ самая кожа становится мягкою. Одежда, приготовленная изъ этой матеріи, непромокаема.

Важную часть одежды настоящаго мангуна составляетъ кожаный поясъ, на которомъ навѣшены различныя вещи. На прилагаемомъ изображеніи представленъ подобный поясъ, по рисунку Маака; по направленію отъ лѣвой руки къ правой мы видимъ, прежде всего, кривой ножъ для разрѣзыванія рыбы; желѣзный гвоздь—для очищенія трубки, составляющей неразлучную спутницу лицъ обоего пола; большой ножъ въ

мѣховой ножикъ; небольшой мѣшекъ для кремня, и къ нему прикрѣплены еще мѣшечекъ изъ рыбьей кожи для трута и круглый игольникъ; сверхъ того, есть еще мѣшечекъ, изукрашенный арабесками; къ нему привѣшены огниво и разукрашенная кость; послѣдняя служитъ для сглаживанія рыбьей кожи и развязыванія узловъ.

Обувь мангуновъ приготовляется изъ оленьей кожи или тюленьяго мѣха, лѣтомъ же они ходятъ босикомъ. Икры защищаются берестой или питиблетами изъ ситца. Форма шляпъ весьма различная, и онѣ приготовляются изъ разнаго

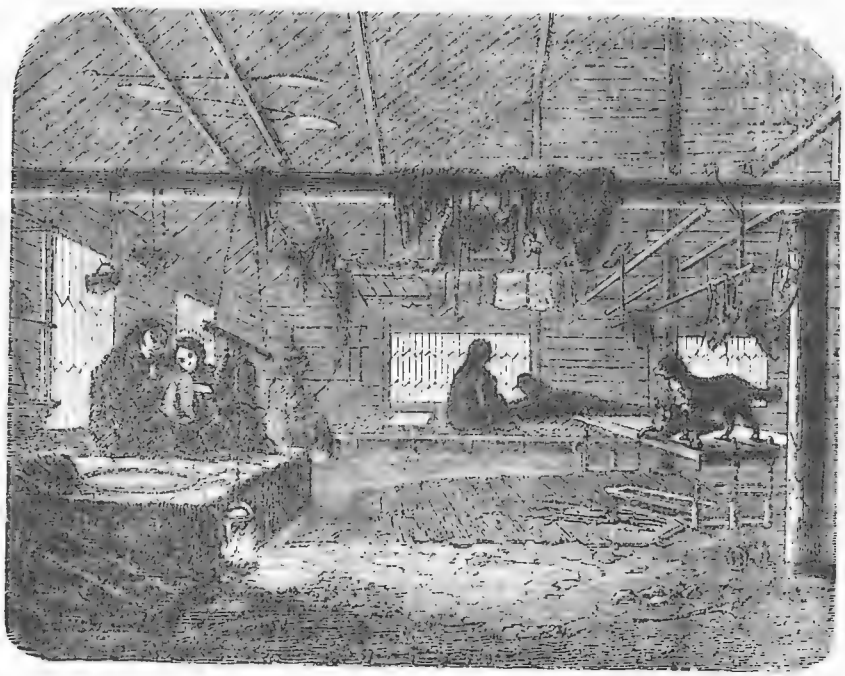


Поясъ мангуна.

матеріяла, какъ-то: войлока, бересты, соломы, а зимою изъ мѣха. На зимнее время легкую одежду замѣняютъ мѣховою изъ собачьихъ или оленьихъ шкуръ. Красивый франтъ мангунъ, съ бородкой à la Henri quatre, представленный на одномъ изъ нашихъ рисунковъ, даетъ довольно ясное понятіе о характерѣ одежды подобнаго рода. Женщины одѣваются такъ же, какъ и мужчины, но употребляютъ болѣе яркихъ цвѣтовъ и украшеній. Края одежды обшиваются цвѣтными суконными или шелковыми лентами, къ которымъ

привѣшиваютъ маленькія раковины или китайскія деньги. Передники вышиты краснымъ, синимъ, желтымъ и чернымъ, къ нимъ привѣшиваютъ различные брелоки. Серьги изъ мѣдной, серебряной или латунной проволоки съ стекляннымъ бисеромъ составляютъ весьма любимое украшеніе.

Жилища измѣняются, смотря по времени года и занятіямъ. Рыболовство составляетъ главный способъ добыванія жиз-



Внутренность жилища мангуна.

ненныхъ средствъ для мангуна. Рѣка даетъ ему не только пищу для него самого и его собаки, но также одежду и освѣтительный матеріялъ на зимніе мѣсяцы. Лѣтомъ мангуны охотятся только для полученія мяса. Чтобы добыть мѣхъ животныхъ, ихъ стрѣляютъ только зимою.

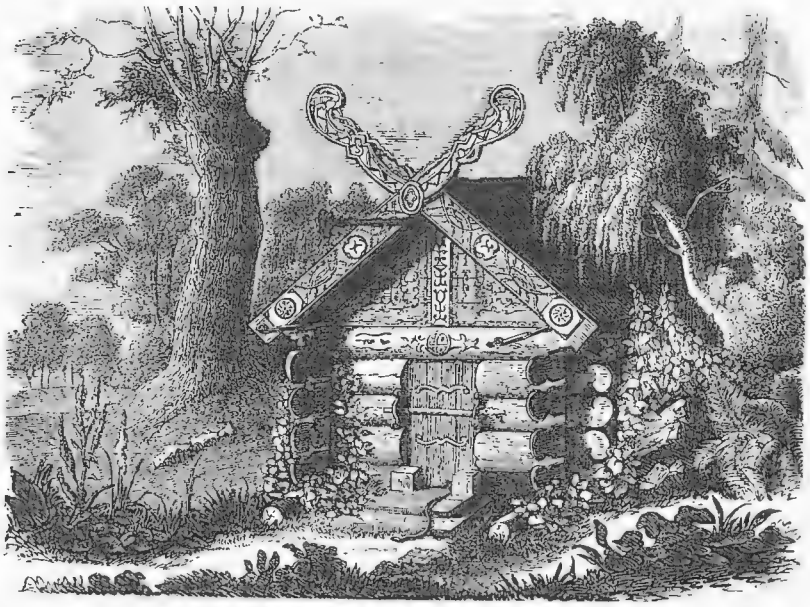
Мангуны ничуть не настоящіе номады, хотя они и не живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ. Иногда они не быва-

ютъ дома по цѣлымъ мѣсяцамъ и устроиваютъ лѣтнія хижины у тѣхъ мѣстъ рѣки, гдѣ ожидаютъ самаго обильнаго лова. На постройку этихъ лѣтнихъ хижинъ идутъ береста, ивовые прутья и ситникъ. У мангуновъ точно такъ же, какъ и у манегровъ, мы видимъ маленькіе березовые челноки съ двулопастными веслами. Эти челноки называются оморочами и похожи на манегрскіе. Большія суда съ парусами встрѣчаются рѣдко. Мангуны превосходно плаваютъ по рѣкѣ; они знаютъ каждую мель и отлично умѣютъ обходить ее. Когда мангунъ беретъ въ руки красиво вырѣзанное весло, расписанное чернымъ и краснымъ, то затягиваетъ свою однообразную пѣсню. Если онъ плыветъ противъ теченія, то припрягаетъ къ лодкѣ собакъ и заставляетъ ихъ тащить ее.

Рыбу ловятъ большею частію сѣтями или гарпунами. Послѣдніе состоятъ изъ палки, длиною въ 5 футовъ, къ которой прикрѣпленъ желѣзный трезубецъ. Къ одному изъ зубцовъ привязана веревка въ 30 или 40 футовъ длины. Къ веревкѣ прикрѣпленъ надутый рыбій пузырь. Такимъ образомъ, мангунъ можетъ всегда найдти пойманную рыбу, если даже послѣ гарпунированія она пойдетъ ко дну. Гарпуны, трезубцы, крючки для лова рыбы и тому подобные предметы туземные кузнецы приготовляютъ весьма искусно. Они имѣютъ наковальни съ кругловатыми выступами, и накаливаютъ желѣзо въ углѣхъ, раздуваемыхъ мѣхами.

Зимнія жилища мангуновъ во многихъ отношеніяхъ походятъ на даурскія. Прилагаемый рисунокъ даетъ намъ о нихъ понятіе. Жилища эти просторны и представляютъ квадратъ въ 30 или 40 футовъ. Тутъ живетъ все семейство отъ дѣда до внука, и всѣмъ имъ просторно. Стѣны состоятъ изъ двухъ рядовъ бревенъ, между которыми набиты солома и глина. Крышу дѣлаютъ изъ березовой коры, которую прикрѣпляютъ камнями и тяжелыми бревнами, въ предупрежденіе сноса вѣтромъ. Два или три окошка изъ дранокъ на зиму затягиваютъ бумагой, которую лѣтомъ снимаютъ, причемъ окна завѣшиваютъ навертывающимися цыновками. Въ одной

сторонѣ избы находится большая печь или очагъ, съ глубокимъ, вмазаннымъ котломъ. Надъ огнемъ же виситъ другой, меньшій желѣзный сосудъ, на цѣпи, которая идетъ отъ самой крыши. Дымъ отводится деревянными трубами подъ полати, и затѣмъ выступаетъ на воздухъ. Полъ въ избѣ изъ плотно убитой глины, и въ немъ всегда есть углубленіе, гдѣ лѣтомъ постоянно поддерживаются раскаленные угли для



Гробница шамана у мангуновъ.

зажиганія трубки и нагрѣванія водки. Во всякомъ мангунскомъ зимнемъ домѣ посреди избы помѣщается столъ для кормленія собакъ.

Непосредственно возлѣ жилаго дома стоятъ изгороди изъ жердей, для сушенія рыбы. Нерѣдко при такихъ изгородяхъ привязанъ ручной, бѣлоголовый орелъ. Этихъ орловъ по большей части еще птенцами вынимаютъ изъ гнѣзда и воспитываютъ, кормя рыбой. Они сторожатъ развѣшанную рыбу

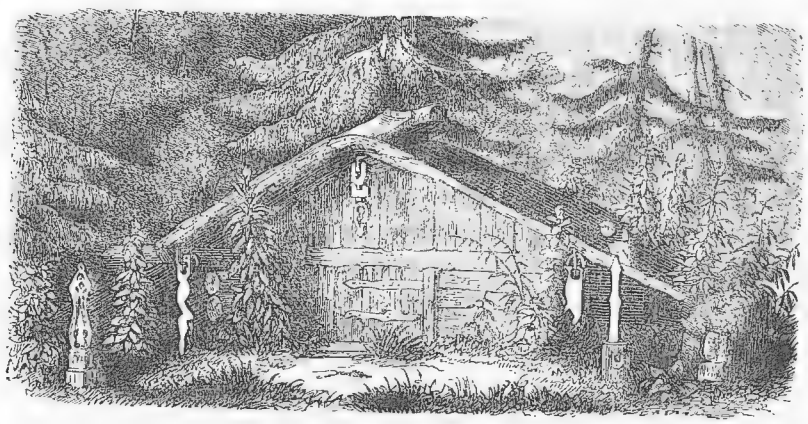
отъ нападенія другихъ птицъ. Хвостовыми ихъ перьями пользуются для оперенія стрѣлъ, или вывозятъ ихъ на островъ Сахалинъ, гдѣ японцы платятъ за нихъ большія деньги, и употребляютъ для своихъ украшеній.

Амбары возводятся на сваяхъ и такъ же, какъ и жилые дома, рѣдко бываютъ заперты. Честность составляетъ прекраснѣйшую черту мангуновъ, между которыми кража — неслыханное преступленіе. Медвѣжьи празднества совершаются у нихъ подобнымъ же образомъ, какъ и у гиляковъ. О такихъ празднествахъ скажемъ ниже. Кромѣ ручныхъ медвѣдей и орловъ, мангуны держатъ еще филиновъ, для истребленія безчисленныхъ крысъ. Дубовая сивоворонка, голубятникъ и черный коршунъ также содержатся въ клѣткахъ ради перьевъ, употребляемыхъ для стрѣлъ. Прекрасный обычай, удѣлять подъ крышею мѣсто для ласточекъ, существуетъ также у мангуновъ, которые даже открываютъ для нихъ окна и двери, и прибиваютъ подъ крышею въ самомъ домѣ маленькія досечки, чтобы доставить птичкамъ большее удобство къ устройству гнѣзда.

При ловлѣ соболей мангуны употребляютъ особаго рода самострѣлъ, похожій на манегрскій. Онъ прикрѣпляется къ вбитому колу, а къ тетивѣ привязанъ конскій волосъ, лежащій у самаго спуска стрѣлы и снабженный на другомъ концѣ приманкой. Когда соболь схватитъ приманку, стрѣла спускается и пронзаетъ его. Наконечникъ стрѣлы прикрѣпленъ къ черенку только ниткой, а потому, если подстрѣленное животное захочетъ убѣжать, то увлекаетъ съ собою наконечникъ, а черенокъ задѣвается за кустарники, запутываетъ нитку и препятствуетъ соболю бѣжать дальше.

Въ религіозномъ отношеніи мангуны совершенно походятъ на манегровъ, гольдовъ и гиляковъ. Они вѣруютъ въ высшее существо, которое обладаетъ одними хорошими качествами; но это ничуть не составляетъ побужденія обращать на него много вниманія. Оттого богопочитаніе сосредоточивается преимущественно на низшихъ добрыхъ и злыхъ

духахъ, къ которымъ взываютъ шаманы. Въ домахъ, на столбахъ, деревьяхъ и т. д., встрѣчаются вырѣзанныя изображенія, представляющія весьма грубыя фигуры людей, украшенныхъ лоскутками мѣха, а также фигуры тигровъ, медвѣдей или змѣй. Третьяго рода идолы, приготовляемые также изъ дерева весьма простымъ способомъ, служатъ мангуну путеводителями подъ именемъ боговъ „Таніа и Паніа“. Когда мангунъ хочетъ имъ молиться, онъ кладетъ ихъ на подушку, которую всегда имѣетъ при себѣ, чтобы спать на ней ночью. На вершинахъ горъ находятся идолы или памятники, напо-



Гробница у мангуновъ.

минающіе монгольскіе обоны. Предъ ними стоятъ небольшіе сосуды съ просомъ и пескомъ, или же чугуны, издающіе, если по нимъ ударяютъ палкой, звукъ, пріятный для идоловъ. Внутрь же сосудовъ бросаютъ, въ видѣ жертвы, кусочекъ дерева или немного соломы.

У мангуновъ шаманы пользуются большою властью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на нихъ лежитъ и большая отвѣтственность. Тогда какъ обыкновенные люди послѣ смерти всѣ безъ различія попадаютъ прямо въ рай, шаманъ идетъ въ адъ, если онъ пользовался своею властію надъ злыми духами ко вреду ближняго. На небѣ мангуны также занимаются охотой и

рыболовствомъ, а злые духи даже и тамъ не лишаются своего могущества.

Гиляки оказываютъ чрезвычайное уваженіе умершимъ. Тѣло усопшаго кладутъ въ гробъ, изъ выдолбленнаго древеснаго ствола; надъ нимъ устраивается красивый домикъ, свидѣтельствующій о хорошемъ вкусѣ мангуновъ и гольдовъ. Но особенно изящно украшаются рѣзьбой гробничныя хижины шамановъ. Близъ гробницы вѣшаютъ сѣть, лукъ и стрѣлы, чтобы умершій и на томъ свѣтѣ могъ заниматься охотой и рыболовствомъ. Кромѣ того, покойнику приносятъ и пищу.

Нравъ мангуновъ добродушный и смѣлый. Они уважаютъ стариковъ и любятъ дѣтей, которыхъ кладутъ спать въ висячія колыбели. Жены помогаютъ мужьямъ, исполняющимъ самыя трудныя работы. Мангуны обыкновенно хорошо обходятся съ своими женами.

Особенной формы управленія у мангуновъ нѣтъ, и въ прежнее время они, подъ властью манджуровъ, были сильно притѣсняемы. Впрочемъ, у нихъ высоко уважается авторитетъ отца. До извѣстнаго возраста дѣти находятся въ полной власти отца, который выбираетъ невѣсту для своего сына въ то время, когда тотъ еще мальчикъ. Женихъ и невѣста вырастаютъ въ одной и той же хижинѣ, какъ братъ и сестра. Свадьба справляется какъ только мальчику минуетъ 18 лѣтъ, а дѣвушкѣ 14. Обычаи мангуновъ нисколько не препятствуютъ имѣть по нѣсколько женъ, на самомъ же дѣлѣ многоженство между мангунами рѣдко, потому что мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ. Братъ беретъ къ себѣ жену умершаго брата и наслѣдуетъ его имущество.

Упомянутыя нами тунгузскія племена у Амура немногочисленны и вымираютъ. Когда по берегамъ рѣки размножатся европейскіе переселенцы, тогда, безъ сомнѣнія, исчезнутъ туземцы, одѣтые въ мѣха и рыбью кожу. Оттого нужно быть признательными къ путешественникамъ, даю-

щимъ о нихъ, по возможности, обстоятельныя свѣдѣнія. На обширномъ пространствѣ верхняго Амура и его притоковъ, въ 1856 г., орочанъ кочевало лишь 260 человѣкъ обоего пола. Ближайшихъ ихъ сосѣдей, манегровъ, вмѣстѣ съ бирарами на лѣвомъ берегу Амура и солонами на правомъ, будетъ до 20,000 человѣкъ. О даурахъ, смѣшанныхъ съ манджурами, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Впрочемъ, полагаютъ, что около Аргуни земледѣльческое населеніе простирается до 40 или 50,000 человѣкъ. Число гольдовъ по Амуру составляетъ 2,500 человѣкъ, и живутъ они въ 320 домахъ. Въ это число не включены гольды, живущіе по Усури (около 800 человѣкъ) и по Зунгари. Только-что описанные нами мангуны населяютъ лишь 40 деревень, въ которыхъ считается до 1,100 жителей. Съ ними родственны самаги, живущіе далѣе, въ глубинѣ страны, по лѣвымъ притокамъ Нижняго Амура.

Такъ какъ точнаго народосчисленія еще нѣтъ, то мы можемъ представить лишь слѣдующія приблизительныя цифры касательно численности туземцевъ, обитающихъ въ предѣлахъ русскаго владычества въ приамурскихъ странахъ:

Орочонъ по верхнему Амуру	260
Манегровъ и бираровъ	3,000
Дауровъ по лѣвому берегу Амура	2,000
Гольдовъ по Амуру и Усури.	3,500
Мангуновъ	1,100
Самаговъ.	1,000
Орочонъ по морскому берегу.	1,000
Гиляковъ по Нижнему Амуру	1,700
Всего . . .	13,560

Къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще 1,000 китайцевъ у верховья Усури и по берегамъ Кореи. Слѣдовательно, на всемъ громадномъ пространствѣ находится только 15,000 туземцевъ.

8 августа Маакъ достигъ предѣла своего путешествія, поста Маріинска. Послѣ долгаго плаванія между островами, покры-

ными густой ивой, присталъ онъ къ береговой батареѣ, стоящей на холму, у входа въ озеро Кизи, откуда открывается превосходный видъ на рѣку съ разбросанными на ней островами, а также на отдаленныя противоположныя горы. Въ самомъ посту кипитъ жизнь. У гавани взадъ и впередъ разъѣзжалъ пароходъ, окруженный множествомъ судовъ. На самомъ берегу работали солдаты, раздавались удары топоровъ, звуки пилы и все это покрывалось командою офицеровъ. Маріинскъ господствуетъ надъ озеромъ Кизи, а въ слѣдствіе того и надъ сообщеніемъ съ заливомъ Кастри, у Татарскаго пролива. Его основали лишь въ 1855 году. Такъ какъ эта мѣстность имѣетъ болотистыя окрестности, то для земледѣлія не представляется тутъ блистательной будущности: потому Маріинскъ, вѣроятно, останется лишь военнымъ постомъ и никогда не сдѣлается настоящимъ городомъ. Гораздо больше шансовъ на процвѣтаніе въ будущемъ имѣетъ близлежащій постъ Софіевскъ. Маріинскъ былъ предѣломъ путешествія Маака. Что касается обратнаго путешествія, то мы ознакомимся съ нимъ, описавъ предварительно остальную часть теченія Амура.

У Маріинска Амуръ приблизился къ Восточному океану до такой степени, что между озеромъ Кизи, находящимся въ связи съ рѣкою и заливомъ Кастри, остается промежутокъ лишь въ 20 верстъ, покрытый низкими горными хребтами, составляющими продолженіе береговыхъ горъ Сихота-Алинъ. Такая близость рѣки къ морю, въ которое она впадаетъ, только протекши еще 300 верстъ, составляетъ замѣчательную и единственную въ своемъ родѣ особенность Амура. Отдаленное сходство съ этимъ явленіемъ представляетъ теченіе Дуная, который у Расова приближается къ Черному морю и затѣмъ впадаетъ въ него лишь цѣлымъ градусомъ сѣвернѣе.

Довольно вѣроятно, что вся остальная часть Амура, отъ Маріинска до того мѣста, гдѣ рѣка, послѣ впаденія въ нее Амгуни, проникаетъ сквозь Сихота-Алинскія горы, составляла нѣкогда огромное озеро, воды котораго, пробивая себѣ

путь къ морю сквозь упомянутыя горы, отчасти испарились. Подобныя промоины и превращенія можно прослѣдить и въ рѣкѣ св. Лаврентія въ Америкѣ и на Рейнѣ. Мнѣніе это подтверждается также существованіемъ озеръ Кизи, Кады и Емы — на правомъ берегу и Уденля — на лѣвомъ.

Ширина низменности, которая у Мариинска покрыта сѣтью рукавовъ, каналовъ и бухтъ Амура, простирается отъ 20 до 25 верстъ. Если присоединить къ этому озеро Кизи, то ширина амурскаго бассейна въ этомъ мѣстѣ составитъ болѣе 50 верстъ.

Мангунъ въ зимней одеждѣ.

Озеро Кизи занимаетъ поверхность въ 210 квадратныхъ верстъ. Самая большая его длина, по прямому направленію, составляетъ 37 верстъ, а наибольшая ширина — $18^1/_2$. Къ востоку оно суживается въ видѣ рѣки, почему можно полагать, что оно состоитъ изъ двухъ озеръ, соединенныхъ каналомъ. Верхнее, меньшее озеро, занимаетъ 20 квадратныхъ верстъ, а нижнее, большее,—185 кв. в. Озеро Кизи было въ прежнее время гораздо глубже и сдѣлалось постепенно мелче, преимущественно отъ отложенія ила, приносимаго его притоками. Высохшее дно верхняго озера и часть нижняго состоятъ изъ толстаго слоя чрезвычайно мелкаго ила; а ниже лежитъ песокъ, сбитый волнами въ плотную массу. Плаваніе по озеру при низкомъ уровнѣ воды очень затруднительно. Лодки по цѣлымъ станціямъ приходится та-

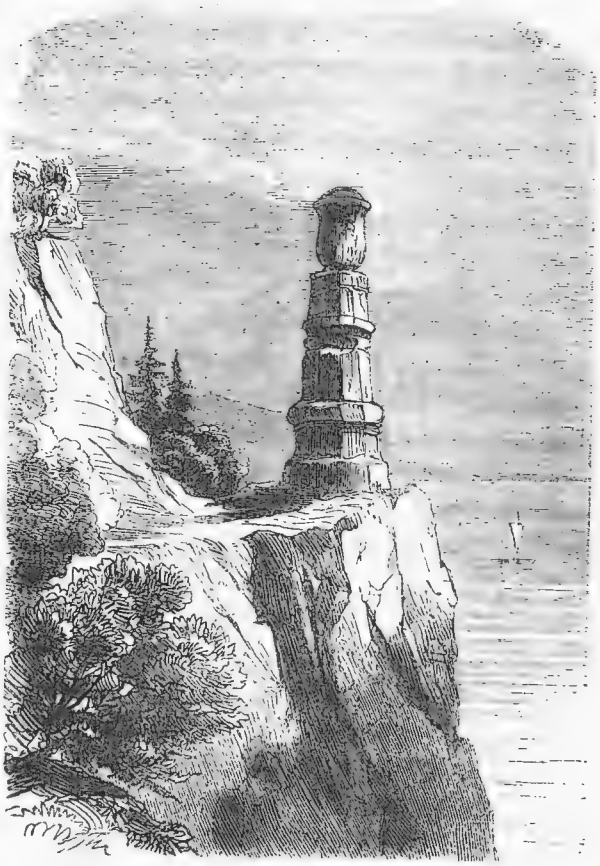
щить на себѣ, при чемъ обыкновенно нужно идти по колѣно въ вязкомъ илѣ, пропитанномъ холодной осенней водой. По весною и лѣтомъ, когда потоки Амура изливаются въ озеро, его уровень поднимается иногда на 25 футовъ, и тогда по немъ можно плавать даже на пароходахъ. Тѣмъ не менѣе, озеро очень неудобно для судоходства, потому что уже во вторую половину лѣта мели иногда преграждаютъ путь, а въ остальное время оно очень бурно.

На островахъ и низкихъ берегахъ Амура въ этомъ мѣстѣ вырастаетъ превосходная мелкая трава, доставляющая лѣтомъ сѣно. Луга въ этой области Амура дотого обширны, что здѣсь весьма удобно поселенцамъ заниматься скотоводствомъ въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Пространства, покрытыя травою, простираются по островамъ и берегамъ огромной котловины Амура на сотни и тысячи квадратныхъ верстъ. Сверхъ того, очень большія пространства покрыты чащей кустарниковъ, которые мѣшаютъ произрастанію и кошенію травы. Жатвы хлѣба на островахъ Амура и по лѣснымъ полянамъ близъ русскихъ деревень, а также разведенные мѣстами огороды доказываютъ, что земля здѣсь очень плодородна. Капусту, картофель, рѣпу и рѣдьку получаютъ въ такомъ количествѣ, что ее отправляютъ въ Николаевскъ. Огородническая выставка, сдѣланная въ Николаевскѣ осенью 1859 года, показала, что эта мѣстность по своимъ произведеніямъ можетъ соперничать со многими мѣстами Европейской Россіи.

Низовье Амура между Маріинскомъ и Николаевскомъ, повидимому, теряетъ рѣчной характеръ. Хотя здѣсь Амуръ и сохраняетъ свѣжій вкусъ воды, но въ немъ поднимаются такія же большія волны, какъ и въ морѣ во время бури. Значительную часть года здѣсь носятся туманы, и рѣка постоянно находится подъ вліяніемъ погоды, господствующей на морѣ у ея устья. Это вліяніе дотого сильно, что у Тира и даже у Маріинска появляются огромныя стада кашалотовъ.

Подъ 53° сѣверной широты, противъ Тира, въ Амуръ

впадаетъ съ лѣвой стороны послѣдній его притокъ, Амгунь, стекающій съ Бурейскихъ горъ, и, сдѣлавъ еще одинъ изгибъ, течетъ на востокъ къ морю. У Тира, на берегу Амура, поднимается скала, вышиною въ 100 футовъ, на вершинѣ которой сохранилось еще нѣсколько памятниковъ и остатковъ храма. Первый памятникъ состоитъ изъ гранитнаго цоколя, на которомъ возвышается продолговатый кусокъ мрамора съ надписями на разныхъ языкахъ. Китайская надпись: Ци-юнъ-нинъ-цы означаетъ: монастырь вѣчнаго покоя; между тѣмъ какъ санскритскія слова: омъ-мани-бадме-хумъ, по Клапроту, значатъ: „О! драгоцѣнный лотусъ, аминь.“ Послѣднія слова, какъ говорятъ ламы, заключаютъ въ себѣ великое ученіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самую дѣйствительную и сильную молитву.



Памятникъ у Тира.

Неподалеку отъ этого мистическаго камня находятся

остатки столба, разрушеннаго, по словамъ туземцевъ, русскими, при одномъ ихъ нападеніи на эту страну. Нѣсколько сотъ шаговъ дальше, на выдающейся скалѣ, стоитъ довольно хорошо сохранившійся столбъ. Гиляки считаютъ это мѣсто святымъ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, приносятъ на камешкахъ жертвы, обыкновенно изъ стружекъ и т. п. Шаманы также посѣщаютъ это мѣсто; во всякомъ случаѣ, эти памятники, о которыхъ нѣтъ никакихъ полныхъ свѣдѣній, существовали уже въ 17 вѣкѣ. Слѣдовательно, и Амурская область не безъ древностей. Видъ съ этой скалы или памятниковъ великолѣпенъ. Внизу шумитъ рѣка, какъ море; на сѣверѣ видно устье Амгуни съ его островами, поросшими еловымъ лѣсомъ, а къ югу, за необозримыми сосновыми лѣсами, выглядываютъ вершины нѣсколькихъ горныхъ цѣпей.

Отъ Тира Амуръ течетъ съ удвоенною скоростью къ востоку. Полгода тутъ дуютъ суровые вѣтры, и густыя тучи затемняютъ воздухъ. Вода пѣнится отъ бурныхъ морскихъ вѣтровъ, и густые туманы, разсѣевающіеся лишь около полудня, носятся у береговъ. Грустно смотрятъ сѣверныя горы на печальныя зеленыя сосны и ивы, покрывающія берега рѣки. Посреди рѣки выдается чрезвычайно длинный островъ, называемый Константиновскимъ; по ту сторону рѣки видна того же имени батарея и, наконецъ, Николаевскъ.

Въ густомъ первобытномъ лѣсу вырубили мѣсто, на которомъ основали новый городъ. Въ полумракѣ выглядываютъ тамъ и сямъ изъ зелени привѣтливые домики. На рейдѣ находится нѣсколько судовъ; въ гавани замѣтна жизнь и дѣятельность; изъ трубъ взвивается дымъ. Городъ раскинулся на значительное пространство, и заложенъ величественно. Видъ его съ рѣки чрезвычайно живописенъ и оригиналенъ. Совершенно новые дома съ различными фасадами, церковь съ выкрашенными башнями, дома Амурской компаніи, заводъ съ паровыми молотами и домъ губернатора украшаютъ Николаевскъ.

На разстояніи нѣсколькихъ миль отъ города, между

мысомъ Тебахомъ на сѣверѣ и мысомъ Пронгомъ на югѣ, Амуръ, противъ острова Сахалина, вступаетъ въ Татарскій проливъ. Лѣсистые берега его остаются повсюду высоки; въ устьѣ много песчаныхъ мелей, весьма опасныхъ для судовъ. Если бы устье Амура находилось южнѣе, то на немъ развилась бы совершенно другая жизнь. Какъ бы еще болѣе важенъ былъ тогда этотъ водяной путь для сбыта обильныхъ произведеній почвы! Николаевскъ же не относится къ лучшимъ гаванямъ и много потерялъ съ того времени, какъ устроены пристани въ заливахъ Кастри, Ольги и Викторіи по манджурскому берегу.

По окончаніи своего путешествія, ботаникъ Максимовичъ, хотѣлъ отправиться, до наступленія зимы, къ югу отъ Амура, къ заливу Ольги и въ Японію. Но, когда 19 октября 1860 года, шкуна „Востокъ“ отправлялась, Максимовичу забыли сообщить о томъ. Самъ же онъ не имѣлъ средствъ, чтобы нанять лодочниковъ перевезти его на пароходъ, стоявшій на рейдѣ, а матросовъ ему не давали, такъ какъ переѣздъ былъ слишкомъ опасенъ. Наконецъ, 23 октября, онъ сѣлъ на пароходъ „Святой Ѳеодосій“. Но такъ какъ фарватеръ не былъ обозначенъ довольно точно, то на разстояніи 15 верстъ, въ виду Николаевска, пароходъ сѣлъ на мель и пробылъ на ней цѣлую недѣлю безъ всякой помощи; а потомъ вернулся въ Николаевскъ, чтобы взять угля и затѣмъ снова отправиться. Но тутъ получили извѣстіе, что вся гавань покрылась льдомъ, и потому суда въ этомъ году болѣе не могли идти по ней. Вскорѣ послѣ того, однако же, Максимовичъ узналъ, что въ разныхъ мѣстахъ устья, на меляхъ стоятъ еще четыре корабля, которые намѣрены отплыть къ югу, какъ скоро имъ удастся сойдти съ мелей. Но по причинѣ тонкаго льда, Максимовичъ не могъ добраться до нихъ ни на собакахъ, ни на лодкѣ. Поэтому онъ рѣшился ѣхать къ югу, вдоль Усури, на лошадяхъ, и, такимъ образомъ, достигнуть гавани Ольги. Если принять въ соображеніе, что зима продол-

жается здѣсь полгода, то, конечно, Николаевской гавани не предстоитъ блестящей будущности.

Намъ остается ознакомиться еще съ однимъ племенемъ, обитающимъ при устьѣ Амура и совершенно отличающимся отъ тунгузскаго племени по Верхнему и Среднему Амуру. *Гиляки*, по многимъ нравамъ и обычаямъ походящіе на тунгузовъ, существенно отличаются отъ нихъ по языку. Достаточно для этого сравнить числительныя названія въ тунгузскомъ (Нерчинскаго округа) и гилякскомъ языкахъ.

	По-тунгузски:	По-гилякски:
Одинъ	omon	niun.
Два	jur	morsch.
Три	ilan	tschiortsch.
Четыре	diggin	murtesh.
Пять	tongna	tortsch.
Шесть	niungun	ngak.

Особенно отличаются гиляки отъ мангуновъ болѣе густою бородою. Кромѣ того, они имѣютъ грубыя, рѣзкія черты лица, а въ глазахъ у нихъ выражаются суровость и отвага. Гиляки любятъ непривѣтливыя мѣстности и живутъ по близости моря тамъ, гдѣ непривлекательный климатъ и безплодная почва всего менѣе, кажется, располагаютъ селиться. О дикомъ ихъ характерѣ, кровожадности и негостепріимствѣ разсказываютъ очень много. По домашнему быту и по одеждѣ они походятъ на гольдовъ и мангуновъ; они носятъ такія же косы и всѣ, безъ различія пола и возраста, также неутомимо курятъ табакъ (гинзи).

Такъ какъ Амуръ у своего устья очень богатъ рыбой, то весьма естественно, что гиляки занимаются рыболовствомъ. Всего интереснѣе способъ ловли дельфиновъ. Когда ледъ прошелъ, появляется бѣлуга, которую гиляки называютъ пумми. Она приплываетъ къ устью Амура большими стадами и идетъ вверхъ по рѣкѣ около 400 верстъ. Такъ какъ это животное очень богато жиромъ, то и считается туземными жителями дорогимъ предметомъ охоты. Но гиляки имѣютъ лишь очень

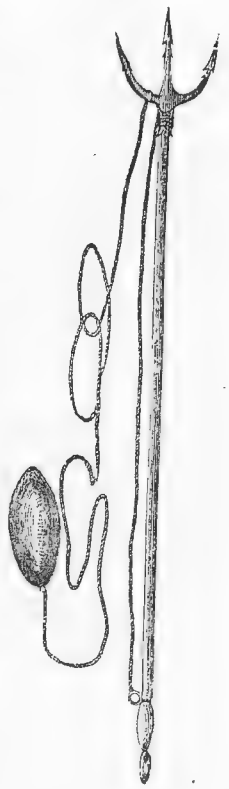
плохія орудія для ловли этого, весьма боязливаго животнаго, потому имъ рѣдко удается поймать его. Слѣдовательно, очень естественно, что поимка бѣлуги составляетъ для нихъ большое торжество.

Когда, при свѣжемъ вѣтрѣ, шумныя волны въ Амурѣ перекатываются, такъ что дельфину, поднявшемуся на поверхность воды, не легко замѣтить приближеніе парусной лодки, гиляки отправляются на рѣку, и ѣздятъ подъ парусами взадъ и впередъ по глубокимъ мѣстамъ. Какъ только бѣлуга покажется близъ лодки, въ нее бросаютъ гарпунъ съ крючкомъ, послѣ чего животное немедленно уплываетъ внизъ по рѣкѣ. Къ гарпунамъ, на длинномъ кожаномъ ремнѣ, привязаны большіе, надутые воздухомъ, пузыри, не дающіе животному погрузиться глубоко въ воду и указывающіе мѣсто, гдѣ оно находится. Обезсиленное потерею крови, животное чаще и чаще показывается на поверхности воды, чтобы перевести дыханіе, между тѣмъ, въ это-то время, сопровождающіе животное гиляки колятъ ее острогами. Какъ скоро оно убито, его подхватываютъ ремнемъ подъ плавники и тащатъ къ жилищу, гдѣ его принимаютъ съ громкой радостью. Всѣ бросаются съ крикомъ и гамомъ къ пойманному дельфину, отъ котораго, по древнему обычаю, каждый получаетъ долю. Но еще никто не смѣетъ коснуться животнаго, потому что шаманы должны предварительно выполнить надъ нимъ свои чародѣйскіе пріемы. Они торжественно подходятъ къ нему и втыкаютъ ему въ брызгательныя отверзтія большой пучекъ крапивы. Въ это время всѣ гиляки уходятъ къ себѣ въ хижины. Шаманы начинаютъ торжественно воспѣвать успѣхъ ловли, при чемъ немилосердо колотятъ въ свои бубны. По окончаніи этой церемоніи, всѣ подходятъ къ бѣлугѣ, которую шаманы и старѣйшины въ нѣсколько минутъ распластываютъ и раздѣляютъ между всѣми. Гиляки съ восторгомъ пьютъ еще теплый жиръ, часть котораго сохраняютъ въ большомъ пузырѣ этого же животнаго, и берегутъ, какъ лакомство. Черепъ, очищенный отъ мяса и жира, шаманы

вѣшаютъ на дерево, потому что онъ считается талисманомъ противъ злыхъ духовъ. Иногда встрѣчаются деревья, совершенно увѣшанныя черепами, что, конечно, составляетъ весьма странное зрѣлище.

Гиляки искусны и въ ловлѣ разныхъ другихъ водяныхъ животныхъ, а обиліе ихъ въ Амурѣ доставляетъ имъ случай пользоваться своимъ искусствомъ. Когда приближается пора наплыва рыбы въ рѣку, гиляки собираются, съ различныхъ пунктовъ, въ удобныя мѣста по берегу Амура, и строятъ себѣ юрты изъ березовой коры, а возлѣ нихъ, изъ ивовыхъ прутьевъ, подставки, служащія для сушенія рыбы. Этимъ занимаются женщины и дѣти. Посоленная и высушенная рыба складывается въ особыхъ амбарахъ, построенныхъ на сваяхъ, для предохраненія отъ собакъ, лисицъ и крысъ. Существуетъ нѣсколько способовъ ловли, помощью которыхъ получается большое количество рыбы, сохраняемой на зиму. Подъ конецъ іюня является одинъ видъ лососи, именно горбушка (salmo gibbosus), называемая гиляками тенгичо. Эта рыба кишитъ въ Амурѣ и его небольшихъ притокахъ, и плаваетъ такими густыми стадами, что совершенно покрываетъ дно маленькихъ рѣчекъ. Она плыветъ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, въ небольшіе лѣсные ручьи, гдѣ и становится пищей медвѣдя и другихъ хищныхъ животныхъ. Медвѣдь ловитъ рыбу чрезвычайно просто. Онъ садится посреди ручья и выбрасываетъ на берегъ плывущую мимо его рыбу переднею лапой, а затѣмъ очень спокойно отправляется ѣсть ее. Горбушка бываетъ длиною около $1^1/_2$ футовъ и плаваетъ по рѣкамъ и ручьямъ до конца августа. Чѣмъ далѣе она плыветъ по рѣкѣ, тѣмъ больше у ней вырастаетъ на спинѣ шишка, такъ что рыба, которая уже выметала свою икру, получаетъ весьма странный видъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у этой рыбы вырастаютъ очень длинные зубы и челюсти; отъ тренія же о камни она теряетъ чешую. Если, поэтому, сравнить горбушку, приплывшую въ Амуръ въ іюнѣ, съ пойманною въ той же рѣкѣ въ

августѣ, то ту и другую можно отнести къ различнымъ видамъ. Рыба, выметавшая икру, дѣлается ни къ чему негодной, и во многихъ мѣстахъ тысячами выбрасывается рѣкой на берегъ, гдѣ гніетъ и заражаетъ воздухъ. Горбушка дотого нѣжна, что не годится для соленія. Большею частію, ее сушатъ и употребляютъ для кормленія собакъ. Гораздо крупнѣе другая порода лососи, именно кита (salmo proteus), называемая гиляками лухичо. Она начинаетъ идти въ августѣ, и поэтому составляетъ осеннюю рыбу, годную для соленія.



Гарпунъ.

Въ жаркіе, ясные дни, лѣтомъ, гиляки, не имѣющіе особыхъ занятій, вооружаются гарпунами о трехъ зубцахъ и отправляются, въ такъ называемыхъ оморочахъ изъ березовой коры, по медленно текущимъ рукавамъ Амура, гдѣ много водяныхъ растеній и бездна рыбы. Гиляки дотого обладаютъ удивительнымъ искусствомъ опредѣлять, по движенію воды, мѣсто нахожденіе рыбы, что не видѣвъ ее, бросаютъ свои гарпуны и рѣдко промахиваются.

Раньше горбушки и киты, тотчасъ послѣ льда, у устья Амура появляется много осетровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько другихъ видовъ этого рода, именно: калуга (accipenser amurensis), достигающая до 30 и болѣе пудовъ вѣса, Шренковъ осетръ и стерлядь. Для ловли этой рыбы, гиляки употребляютъ большія сѣти, приготовленныя изъ волоконъ обыкновенной крапивы. Гораздо затруднительнѣе рыболовство зимою, когда рѣка покрыта льдомъ. Въ это время дѣлаются проруби и сѣти спускаютъ подъ ледъ. Едва начнутъ тянуть такой неводъ, какъ уже можно чувствовать, есть

ли въ немъ добыча или нѣтъ. Такъ какъ подобная ловля довольно трудна, то и отсюда, во все вмѣшивающіеся, шаманы умѣли извлечь для себя пользу. Во время самой ловли, гиляки ни подъ какимъ предлогомъ не имѣютъ права выносить изъ своихъ хижинъ огонь и не смѣютъ переступать чрезъ порогъ дома съ зажженной трубкой.

Для гиляковъ весьма важны также различные виды тюленеобразныхъ животныхъ, обитающихъ въ устьѣ Амура и по близлежащимъ морскимъ берегамъ. Шкура этихъ животныхъ употребляется различнымъ образомъ, напр.: ею обшиваютъ лыжи, изъ нея приготовляютъ одежду и ремни. Буроваторыжій сивучъ, или морской левъ, бываетъ длиною до 10 футовъ, и на груди у него проходятъ крестообразныя бѣлыя полосы. Ловить это животное не трудно. Оно весьма глупо и любопытно, и потому, когда грѣется на берегу на солнцѣ, то подпускаетъ къ себѣ очень близко. Его убиваютъ острогами и дубинами.

Гораздо хитрѣе многіе мелкіе виды тюленей. Лѣтомъ, въ ясные, теплые дни, животныя эти заходятъ далеко вверхъ по рѣкѣ. Тогда гилякъ, на мелкомъ мѣстѣ, около 200 шаговъ отъ берега, кладетъ большое бревно и удерживаетъ его тяжелымъ камнемъ, замѣняющимъ ему якорь. Жердь, состоящая изъ нѣсколькихъ кусковъ дерева и снабженная остріями, лежитъ между берегомъ и бревномъ, къ которому она привязана ремнями. Тюлень охотно остается въ полдень въ этихъ водахъ и взбирается на бревно, погрѣться. Этого-то только мгновенія и поджидаетъ гилякъ, скрывающійся въ кустахъ: онъ мечетъ въ животное клинкомъ съ зазубринами, или же стрѣляетъ въ него изъ лука.

Гиляки не только хорошіе рыбаки, но и отличные охотники. Особенно умѣютъ они ловить медвѣдей, называемыхъ у нихъ коте. Это животное считается у нихъ божествомъ и играетъ важную роль во время праздниковъ въ честь медвѣдей. Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ, въ заключеніе празднества, съѣсть медвѣдя. Для этого гиляки ловятъ моло-

даго медвѣдя, котораго, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, откармливаютъ въ особенной засѣкѣ, рыбою. За неимѣніемъ молодаго медвѣдя, они довольствуются и взрослымъ, причемъ дѣло не обходится безъ кровопролитія и опасухъ со стороны разъяреннаго животнаго. На такой ловъ, 10 или 12 гиляковъ всѣ вооруженные палками, веревками и копьями, отправляются въ саняхъ на собакахъ. Охота производится въ январѣ; вывѣдавъ зимнюю берлогу, возлѣ нея наготовѣ складываютъ палки и копья, а нѣсколько шамановъ напѣваютъ спящему медвѣдю пѣсни. Если же это не въ состояніи вызвать медвѣдя изъ берлоги, то нѣсколько толчковъ въ бокъ даютъ животному знать, что его почитатели желаютъ повидаться съ нимъ. Такъ какъ медвѣдь, обыкновенно, обращаетъ вниманіе на такое приглашеніе, то все общество бросается на своего бога и связываетъ полусоннаго медвѣдя по ногамъ и всему тѣлу прежде, нежели онъ успѣваетъ разсмотрѣть своихъ поклонниковъ. Звѣря привязываютъ къ толстой жерди и кладутъ въ порожнія сани. Впрочемъ, медвѣдь, обыкновенно, успѣваетъ у кого-либо изъ своихъ поклонниковъ содрать съ головы кусокъ кожи. Потерпѣвшій отъ этого, однако же, нисколько не огорчается, но даже радуется такому случаю, потому что раненые медвѣдемъ высоко почитаются, и на нихъ смотрятъ какъ на храбрецовъ.

Всего охотнѣе захватываютъ гиляки старую самку, которая спитъ съ однолѣтними или двухлѣтними медвѣжатами. Самку умерщвляютъ, а молодыхъ животныхъ выкармливаютъ къ праздникамъ. Когда медвѣдь удачно взваленъ на сани, его торжественно везутъ домой и сажаютъ въ готовую бревенчатую избу. Медвѣжій праздникъ совершается въ январѣ, февралѣ и мартѣ. Такъ какъ почти во всякой деревнѣ есть медвѣди, то зимою справляютъ много праздниковъ; на нихъ издалека собираются друзья и сосѣди, которые привозятъ съ собою рыбу и другіе съѣстные припасы.

Когда все общество собралось, и на небѣ свѣтитъ полная луна, шаманы начинаютъ свои торжественныя, но очень

грустныя пѣсни. Послѣ того старшій шаманъ выводитъ медвѣдя изъ заточенія, и, при пѣсняхъ и звукахъ бубна, идетъ съ нимъ во всѣ юрты, украшенныя для этого дня стружками. Въ одной изъ самыхъ большихъ юртъ, медвѣдя оставляютъ на всю ночь въ деревянной клѣткѣ, поставленной надъ очагомъ. Сами гиляки проводятъ ночь въ ѣдѣ и питьѣ, причемъ употребляютъ самыя лакомыя блюда, какъ напр., рыбу, ворвань и ягоды, а также теплую рисовую водку. При этихъ попойкахъ, гости сидятъ, съ поджатыми ногами, вокругъ сосуда съ аракомъ, поставленнаго на ящикъ, и ведутъ чрезвычайно глубокомысленную бесѣду. Круговою чашею служитъ китайская чашка, не больше наперстка, которая постоянно переходитъ изъ рукъ въ руки. Не смотря на малое количество водки, выпиваемой въ одинъ разъ, подъ конецъ она оказываетъ свое дѣйствіе. При этомъ не забываютъ также дѣтей и женщинъ.

На слѣдующій день отправляются на бѣгъ по льду въ санкахъ, запряженныхъ собаками. Медвѣдя также усаживаютъ на сани, и онъ имѣетъ честь принимать участіе въ этомъ удовольствіи. Но скоро сцена измѣняется. Мохнатаго царя лѣсовъ, къ которому были до сихъ поръ столь почтительны, привязываютъ къ колу, всаженному въ ледъ. Гилякская молодежь, вооруженная луками и стрѣлами, проѣзжаетъ мимо своего божества на саняхъ и стрѣляетъ въ него такимъ огромнымъ количествомъ стрѣлъ, что медвѣдь напослѣдокъ становится похожимъ на дикобраза. Наконецъ, нѣсколько старыхъ шамановъ окончательно убиваютъ животное, послѣ чего его разрѣзаютъ, и мясо раздается присутствующимъ. Праздникъ заканчивается пьянствомъ и неумѣренною ѣдою, а послѣ того всѣ, вполнѣ насладившись, отправляются домой.

Гиляки, обитающіе на островѣ Сахалинѣ, во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ амурскихъ и имѣютъ даже нѣсколько другой языкъ. Одинъ японскій путешественникъ, Маміа Ріезо, собравшій о нихъ свѣдѣнія, сообщаемыя Зибольд-

домъ, разсказываетъ, что у нихъ господствуетъ поліандрія. Они гораздо сѣвернѣе всѣхъ тунгузскихъ племенъ по Амуру. Такимъ образомъ, появленіе тигра, который рѣдко заходитъ въ ихъ область, считается предвѣстникомъ несчастія. Остатки человѣка, растерзаннаго тигромъ, зарываются гдѣ ни попало, безъ всякаго торжества, между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ трупъ сожигаютъ и надъ прахомъ возводятъ

Медвѣди.

домикъ. Любимую собаку умершаго, предварительно откормленную, убиваютъ на гробницѣ усопшаго, чтобы, такимъ образомъ, освободить душу умершаго, которая до того находилась въ собакѣ, и дать ей возможность перейти на небо. Небольшія жертвы изъ рыбы, табаку и тому подобныхъ предметовъ кладутся, время отъ времени, на гробничный домикъ, который, однако, снимаютъ по истеченіи двухъ лѣтъ.

До сихъ поръ мы описывали Амуръ въ его, такъ ска-

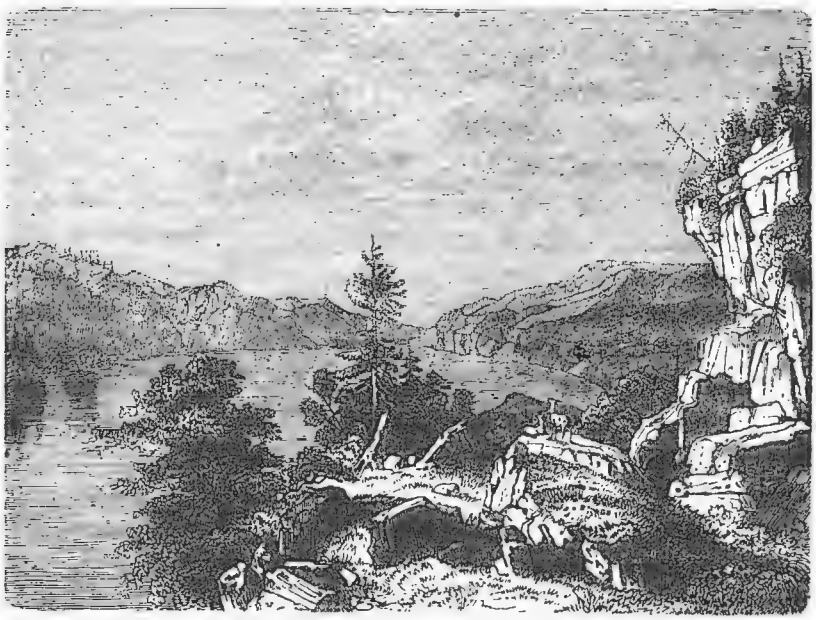
зать, лѣтней одеждѣ. Но если уже въ теплые мѣсяцы путешествіе внизъ по рѣкѣ довольно неудобно, то оно гораздо затруднительнѣе и, даже, дѣйствительно опасно зимою, когда рѣка покрыта льдомъ. Подобное путешествіе предпринялъ Маакъ вверхъ по рѣкѣ, и мы прослѣдимъ его странствованіе изъ Маріинска, гдѣ разстались съ нимъ.

14 августа, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Маріинскѣ, Маакъ пустился въ обратное путешествіе. Не смотря на позднее время года, онъ все еще думалъ добраться, къ концу осени, по Амуру, до Иркутска, такъ какъ путь чрезъ Аянъ и Охотскъ не былъ безопасенъ по причинѣ крейсировавшаго тамъ, въ слѣдствіе восточной войны, англо-французскаго флота. Точно также Маакъ не могъ пройти на фортъ Удскъ (у рѣки Уды, впадающей въ Охотское море) и Якутскъ, потому что ему пришлось бы взять слишкомъ много сѣверныхъ оленей для своихъ людей и поклажи.

Оттого онъ рѣшился возвратиться въ мангунскихъ лодкахъ, съ казаками, тѣмъ же путемъ, по которому прибылъ. Плыли вверхъ по рѣкѣ и подвигались впередъ довольно медленно. Сталъ идти сильный дождь, по утрамъ было холодно и туманно, и солнечные лучи болѣе не грѣли. Листья на деревьяхъ пожелтѣли, и огромныя стаи птицъ летѣли къ югу, въ болѣе теплый поясъ. Стояла осень, и зима приближалась быстро. Путешественники плыли цѣлый мѣсяцъ и достигли Бурейскихъ горъ. Когда они вступили въ область, извѣстную намъ по описанію Радде, наступили морозы. Теперь нечего было и думать добраться до Иркутска до наступленія зимы. 29 октября Маакъ дошелъ до манджурскаго города Айгуня, откуда ему оставалось проѣхать еще 800 верстъ до Усть-Стрѣлки. Такъ какъ Маакъ былъ убѣжденъ, что весьма скоро рѣка совершенно замерзнетъ, то и рѣшился испросить у китайскаго губернатора дозволеніе проѣхать по Манджуріи до русскаго пограничнаго поста — Цурухайтуя, на Аргуни.

Амбанъ принялъ Маака очень милостиво; далъ ему нѣсколько мѣшковъ проса, два мѣшка муки, свинью и сорокъ

кружекъ водки; наговорилъ ему много о дружественныхъ отношеніяхъ Россіи къ Китаю, но, въ заключеніе, отказалъ въ проѣздѣ по Манджуріи, замѣтивъ съ насмѣшкою, что Маакъ можетъ уѣхать изъ Айгуни точно такъ же, какъ и пріѣхалъ. Такимъ образомъ, путешественникъ былъ вынужденъ отправиться дальше, съ полнымъ сознаніемъ, что ему предстоятъ большія опасности. Уже 3 октября на Амурѣ показались льдины, а 4-го рѣка покрылась движущимися мас-



Мѣстность у Дере на Амурѣ.

сами льда дотого, что о дальнѣйшемъ странствованіи нечего было и толковать. До Усть-Стрѣлки оставалось еще 700 верстъ. Не говоря уже о другихъ опасностяхъ пути чрезъ пустынныя мѣстности, нигдѣ нельзя было достать съѣстныхъ припасовъ. Что же было дѣлать? Въ этомъ критическомъ положеніи, Маакъ послалъ, по льдинамъ, офицера и казака обратно въ Айгунь, чтобы еще разъ убѣдительно попросить дозволенія проѣхать въ Цурухайтуй.

Маакъ и оставшіеся съ нимъ спутники рѣшились устроить себѣ маленькіе сани, чтобы проѣхать на нихъ по забереґамъ. Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ въ Сибири слои льда, образующіеся у береговъ рѣкъ прежде, нежели онѣ совершенно замерзнутъ. Такъ какъ эта работа требовала нѣсколькихъ дней труда, то у берега устроили хижину, куда сложили съѣстные припасы и дорожныя вещи. Часть казаковъ отправилась за лѣсомъ, а другіе пошли на охоту и рыбный ловъ. Послѣднимъ занимаются особеннымъ образомъ. Въ этомъ мѣстѣ Амуръ представлялъ небольшой заливъ, покрывшійся тогда тонкимъ прозрачнымъ льдомъ, сквозь который ясно можно было видѣть рыбу. Казаки ударяли деревяннымъ молотомъ по льду, отчего рыбы оглушались, и ихъ легко можно было брать черезъ отверзтіе, пробитое во льду. Такого рода ловля называется чекученіемъ, и имъ занимаются на большей части сибирскихъ рѣкъ. Онъ, однако, довольно опасенъ, потому что производится на слишкомъ тонкомъ льду, на которомъ ловецъ можетъ весьма легко проломиться.

Мѣсто, гдѣ путешественники устроили себѣ хижину, называется Керлангомъ. Тутъ въ Амуръ впадаетъ небольшой ручей, по долинѣ, состоящей изъ глинистаго сланца, котораго слой ясно приподнялся. На берегу, въ этой мѣстности, еще видны различные, обнаженные плутоническіе камни. У Міаты (подъ 50° 26′ с. ш. и 127° 10′ в. д. отъ Гринича) Маакъ открылъ большіе куски каменнаго угля. Слѣдя за ними дальше, онъ дошелъ до обнаженнаго каменноугольнаго слоя, толщиною въ одинъ футъ. Тутъ же расло много амурской максимовичіи, красноватыя ягоды которой похожи на виноградъ. Онѣ были зрѣлы и поморщились отъ мороза. Маакъ взялъ ихъ довольно значительное количество съ собою, въ Петербургъ, гдѣ сѣмена взошли, и молодыя растенія выросли очень хорошо. Въ то время, когда онъ описывалъ свое путешествіе, одинъ изъ кустовъ имѣлъ вышину уже около аршина.

Равнина, которая разстилалась неподалеку отъ хижины,

представляла свѣжій слѣдъ пожара и была покрыта кустарниками лещины (corylus heterophylla), почернѣвшихъ отъ дыма. На землѣ, въ обгорѣлой травѣ, лежали орѣхи, которыми весьма охотно лакомились казаки.

8 октября сани были готовы, и всѣ стали уже готовиться къ отъѣзду, какъ къ путешественникамъ подплыла лодка съ унтеръ-офицеромъ и шестью казаками. Они хотѣли ѣхать изъ Горбицы въ Маріинскъ, но, по невозможности проникнуть сквозь ледъ, присоединились къ нашимъ путешественникамъ. Почти въ то же время двое китайскихъ чиновниковъ прибыли изъ Айгуни, чтобы извиниться относительно образа дѣйствія амбана съ Маакомъ. Они просили его воротиться въ Айгунь, гдѣ обѣщали доставить ему средства для дальнѣйшаго путешествія. Это предложеніе было принято тѣмъ охотнѣе, что Маакъ серьезно заболѣлъ. Но какимъ способомъ можно было добраться до Айгуни?—не оставалось никакого другаго средства, какъ сѣсть въ лодки, которыя сперва слѣдовало починить и нагрузить, на что потребовался цѣлый день.

Амуръ шумно перекатывался со своими льдинами, которыя съ грохотомъ ударялись о слабыя лодки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ показалась течь, почему путешествіе стало опаснымъ. Такимъ образомъ, прошло девятое октября. Вечеромъ остановились у Міаты, и на другой день продолжали плаваніе. Такъ какъ до вечера не было возможности достигнуть Айгуни, то, по предложенію манджурскаго проводника, остановились ночевать въ деревнѣ, на правомъ берегу Амура. При проѣздѣ мимо истока Сеи, опасность увеличилась, потому что обширный слой льда, набравшись на мели, закрывалъ проѣздъ. Между льдинами оставалась открытою лишь узкая полоса, въ которой вода съ маленькими льдинами протекала со страшною быстротою. Въ лодкахъ показалась течь, но морозъ былъ до того силенъ, что вода, проникнувшая въ лодку, тотчасъ же замерзала, и, такимъ образомъ, отверзтія закрылись сами собою. Во многихъ мѣстахъ приходилось разрубать ледъ топорами, даже въ виду

Айгуни, гдѣ на берегу собралось множество любопытныхъ, поджидавшихъ чужестранцевъ. Такимъ образомъ, лишь 11 сентября они могли выйти на берегъ. Маакъ былъ очень боленъ, такъ что не могъ лично явиться къ амабану, и потому послалъ къ нему Сондгагена. Путешественникамъ отвели только одинъ домъ, причемъ сообщили имъ, что въ Цицикаръ (внутри Манджуріи, у Нони, притока Сунгари) послали къ губернатору за дозволеніемъ на путешествіе сухимъ путемъ въ Цурухайтуй.

Фуза или фанза, манджурскій домъ, который заняли путешественники, находился въ южной части укрѣпленія и состоялъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ проходомъ. Очень большое окно было закрыто въ ней бумагою. Комнату окружала большая печь, служащая въ одно время диваномъ и постелью. На стѣнахъ была развѣшана разноцвѣтная бумага, съ китайскими и манджурскими письменами и изображеніемъ побѣды манджуровъ. Воздухъ проходилъ въ комнату безпрепятственно, потому что бумага не представляла ему никакого сопротивленія. Хотя печку сильно топили, но путешественники, особенно тяжко больной Маакъ, очень мерзли. Такимъ образомъ, домъ оказался весьма неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ путешественники безпрерывно подвергались маленькимъ мученіямъ отъ манджуровъ, которымъ хотѣлось все видѣть и изслѣдовать. Передъ жилищемъ стояли часовые, которые были, однако, столь же любопытны, какъ и ихъ земляки. Когда, поздно вечеромъ, они замѣчали въ комнатѣ свѣтъ, то, нисколько не стѣсняясь, прорывали пальцемъ дырку въ оконной бумагѣ и глядѣли на путешественниковъ. Пребываніе Маака въ Айгуни продолжалось съ 11 октября до 12 ноября. Черезъ нѣсколько дней по прибытіи путешественниковъ, къ нимъ пришелъ амабанъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ чиновниковъ, которые почтительно стали у дверей. Губернаторъ сѣлъ на подушки, положенныя двумя мальчиками на печь. Амабанъ, худощавый и уже въ лѣтахъ мужчина, былъ одѣтъ въ черномъ. Черты его лица внушали

почтеніе, были выразительны и довольно тонки. Послѣ нѣсколькихъ учтивостей, при чемъ онъ справился о здоровьѣ Маака, амабанъ приказалъ принести подарки, назначенные для послѣдняго и состоявшіе изъ свиньи и бутылки хорошаго вина, которое пришлось больному Мааку весьма по вкусу. Затѣмъ амабанъ извинился, что у дверей поставлена стража, и замѣтилъ, что этимъ исполняется лишь законное предписаніе. Если путешественники нуждаются въ съѣстныхъ припасахъ, то имъ слѣдуетъ обратиться къ манджурскимъ чиновникамъ, которымъ поручено снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ. Что касается болѣзни Маака, то для излеченія ея онъ ему пришлетъ ламу, весьма искуснаго въ медицинѣ.

Два чиновника, прикомандированные къ Мааку, назывались Илтонгомъ и Огджингбо, которыхъ короче звали Илоэ и Олоэ. Дѣло въ томъ, что, по манджурскимъ обычаямъ, имена сокращаются особеннымъ образомъ, именно—помѣщеніемъ начальной буквы къ слову *лоэ*, которое значитъ господинъ. Непомѣрная бдительность этихъ сановниковъ помѣшала собрать точныя свѣдѣнія объ Айгуни; тѣмъ не менѣе, топографу Сондгагену удалось составить планъ города. Устройство крѣпости совершенно ясно доказываетъ, что крѣпостное искусство находится у китайцевъ еще въ дѣтствѣ. Каждая сторона четырехугольнаго укрѣпленія состоитъ изъ двухъ рядовъ палисадъ, промежутки между которыми наполнены землею. За ними находятся судебныя палаты, домъ амабана и нѣсколько храмовъ.

19 октября выпалъ первый снѣгъ, который вскорѣ растаялъ, но 26 числа того же мѣсяца земля покрылась толстымъ слоемъ снѣга. На другой день изъ Цицикара прибылъ весьма неблагопріятный отвѣтъ. Губернаторъ этого города сообщилъ, что не имѣетъ права дозволить Мааку путешествовать и долженъ объ этомъ случаѣ снестись съ Пекиномъ. Хотя, въ слѣдствіе этого, путешественники должны были еще потерпѣть недѣлю, но въ это время ихъ обрадовало весьма пріятное посѣщеніе земляка. Казачій офицеръ Сухотинъ ѣхалъ курье-

ромъ изъ Маріинска въ Иркутскъ, и уже за нѣсколько дней прибылъ въ Айгунь. Манджуры съ намѣреніемъ скрывали его прибытіе, и Маакъ узналъ о немъ совершенно случайно. При посѣщеніи этого офицера, онъ имѣлъ случай познакомиться съ частью города, хотя чиновники старались помѣшать ему въ этомъ, водя, разными окольными путями, по самымъ пустымъ улицамъ. Вдоль рѣки проходитъ широкая, длинная улица, въ которую открываются многія малыя. Дома не представляютъ ничего примѣчательнаго, потому что, какъ и въ другихъ китайскихъ городахъ, вымазаны глиной. Въ нихъ находятся лавки. Надъ лавками помѣщены вывѣски съ манджурскими и китайскими надписями, или висятъ цыновки, оклеенныя бумажными драконами и странными фигурами, которыя придаютъ улицѣ весьма оригинальный видъ. Поперекъ улицы, на веревкахъ висятъ фонари. Противъ всякаго ожиданія, городъ былъ довольно безжизненъ. Торговцы, въ широкой одеждѣ, серьезно стояли передъ своими лавками и курили трубки, въ ожиданіи покупателей. Въ нѣкоторыхъ лавкахъ находились покупательницы, которыя, однако, прятались при приближеніи европейцевъ. Сколько Маакъ успѣлъ замѣтить, онѣ имѣли правильныя черты лица и были довольно красивы. Особенно хороши были у нихъ прически, украшенныя искусственными цвѣтами. Онѣ носили туфли, вышитыя по-китайски. Чѣмъ дальше путешественники проникали въ городъ, тѣмъ больше увеличивалась вокругъ нихъ толпа любопытныхъ. Наконецъ, они достигли дома Сухотина, у котораго стояло много повозокъ, нагруженныхъ бочками съ масломъ. Это масло получается изъ растенія, называемаго по-китайски су-цо, по-манджурски маліанго, а въ ботаникѣ perilla ocymoides.

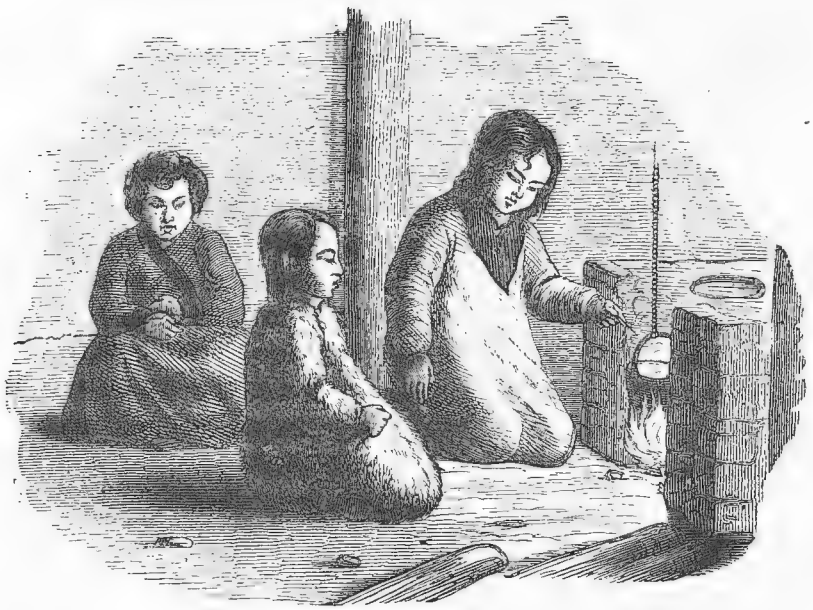
12 ноября прибыло, наконецъ, изъ Пекина приказаніе, чтобы путешественники перезимовали въ Айгуни и поплыли вверхъ по рѣкѣ, когда сойдетъ съ нея ледъ. Но такъ какъ амбанъ убѣдился, что Маакъ рѣшился ѣхать во что бы то ни стало, то онъ взялъ на себя отвѣтственность за поступокъ

противъ императорскаго приказанія, и доставилъ путешественникамъ все, что было нужно для странствованія. При наступленіи дня отъѣзда, дворъ Маака былъ переполненъ всевозможными вещами. Путешествіе до Усть-Стрѣлки должно было продолжаться, по крайней мѣрѣ, шесть недѣль, а въ экспедиціи принимали участіе 21 человѣкъ; поэтому надобно было взять съ собою достаточное количество припасовъ. Во время пребыванія въ Айгуни, Маакъ и его спутники получали съѣстные припасы безплатно. Кромѣ того, амабанъ прислалъ на прощаніе мяса, водки и пирамидальное пирожное. Къ санямъ припрягли 17 лошадей, и 12 ноября отправились въ путь.

Такъ какъ странствованіе по Манджуріи положительно запрещено, то должно было ѣхать вверхъ по Амуру. Довольно скоро и безъ всякихъ приключеній достигли до станицы Улусу-Модонъ, гдѣ Амуръ изгибается змѣею. Оттого здѣсь можно достигнуть сухимъ путемъ въ два часа точки, до которой вдоль рѣки приходится путешествовать цѣлый день. 23 октября добрались до устья Комара, впадающаго въ Амуръ съ правой стороны. Мѣстность здѣсь пустынная. Морозъ, между тѣмъ, увеличивался и достигъ до — 25°. При сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ такой морозъ весьма затруднялъ путешествіе. Всѣ шли пѣшкомъ и нѣсколько разъ въ день останавливались. 24 ноября перешли черезъ Цагаянскія горы при чемъ трудности еще увеличились. Повсюду лежалъ глубокій снѣгъ, въ который лошади погружались по грудь. Несчастныя животныя перенесли страшныя страданія и очень медленно тащили весьма тяжело нагруженныя сани. Онѣ переносили все терпѣливо, сколько могли, а затѣмъ падали мертвыя. Между тѣмъ, съѣстные припасы истощались и, наконецъ, у путешественниковъ оставалось лишь немного проса и конины. Маакъ, замѣтивъ, что его казаки день-ото-дня становятся слабѣе, рѣшился измѣнить свой маршрутъ. 8 декабря достигли манегрской деревни Койкукана, расположенной въ 185 верстахъ отъ Цагаянскихъ горъ, на берегу рѣки того

же имени. Тутъ онъ остался съ поклажею и двумя казаками, въ ожиданіи помощи изъ Усть-Стрѣлки. Всѣ же остальные участники экспедиціи отправились, подъ предводительствомъ Сондгагена, съ легко нагруженными лошадьми, прямо къ означенному мѣсту. Имъ осталось ѣхать до Усть-Стрѣлки еще 225 верстъ, и они благополучно прибыли туда въ 10 дней.

Маакъ двѣ недѣли пробылъ одинъ въ деревнѣ Койкуканѣ, состоящей лишь изъ девяти юртъ, и имѣлъ тутъ случай озна-



Дѣти мангуновъ.

комиться съ зимнею жизнью манегровъ. Наконецъ, 22 декабря, прибыли три казака съ съѣстными припасами и одиннадцатью лошадьми, а 30 декабря Маакъ благополучно добрался до Усть-Стрѣлки.

Послѣ большаго научнаго путешествія Маака и Радде, русскіе не прекращали изслѣдованія Амурской области и прилегающихъ къ ней странъ. Въ этомъ отношеніи мы осо-

бенно много обязаны иркутскому отдѣленію географическаго общества. Китайское правительство, сознающее перевѣсъ Россіи, теперь гораздо сговорчивѣе, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ, Маакъ не могъ проѣхать изъ Айгуни въ Цурухайтуй по Манджуріи, а въ 1865 году князь Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ проѣхалъ это пространство отъ Цурухайтуя до китайскаго города Мергена, а оттуда отправился въ Благовѣщенскъ. Тотъ же отважный путешественникъ, который удостоился за свои изысканія золотой медали русскаго географическаго общества, проплылъ Сунгари, вверхъ по теченію, до Гирина, между тѣмъ какъ Максимовичу удалось проплыть лишь до окрестности Санъ-Сина, а французскому миссіонеру Франкле — внизъ по этой рѣкѣ.

Лодка гольдовъ на Зунгари.

XIII.

Зунгари.

Зунгари. — Важное значеніе ея для Китая. — Пограничная стража. — Путешествіе Максимовича до Санъ-Сина. — Миссіонеръ Франкле (Franclet). — Обходъ Большой Стѣны. — Гиринъ. — Плаваніе по Зунгари. — Пребываніе въ Санъ-Синѣ.—Ужасное наводненіе. — Гольды.—Плаваніе по Амуру. — Деревни гольдовъ. — Столбы-идолы. — Разсказы о тиграхъ.

Главная рѣка Манджуріи, Зунгари, образуется сліяніемъ шести маленькихъ потоковъ, текущихъ по сѣверо-западной покатости Шан-Алинскаго хребта. Горы эти, подымающіяся на 12,000 футовъ, составляютъ границу Кореи и Манджуріи и богаты лѣсами и озерами. Названіе ихъ, означающее „Бѣлыя Горы“, указываетъ на большое количество находящагося на нихъ снѣга, чѣмъ, въ свою очередь, объясняется обиліе водъ Зунгари. Протекая 65 миль въ сѣверо-западномъ направленіи, Зунгари принимаетъ въ себя текущую къ сѣвера Нонни, послѣ чего внезапно измѣняетъ теченіе и катитъ мутныя волны свои къ Амуру, ужъ въ сѣверо-вос-

точномъ направленіи. Она получила свое названіе отъ мутной, молочнаго цвѣта воды, потому что по-манджурски Зунгари — значитъ Молочная рѣка.

Для китайцевъ Зунгари имѣетъ большую важность, такъ какъ они развозятъ по ней свои произведенія и различные товары амурскимъ народамъ. Ежегодно по ней спускается большое число тяжело нагруженныхъ барокъ, снабжающихъ береговыхъ жителей бумажными товарами, табакомъ, водкой, просомъ, браслетами, серьгами и т. д., и берущихъ, въ замѣнъ того, мѣха и сушеную рыбу. Манджурскіе сборщики податей отправляются за податью къ гольдамъ также по Зунгари, и когда китайскій императоръ Ханъ-зи вытѣснилъ русскихъ съ Амура, то гордый флотъ его тоже тянулся по Зунгари, устье котораго имѣетъ для китайцевъ большое стратегическое значеніе.

Послѣ этого неудивительно, что манджуры считаютъ главною рѣкою Зунгари, а Амуръ только его притокомъ. Мнѣніе это, однако, ошибочно, такъ какъ отъ начала Аргуни, до соединенія своего съ Зунгари, Амуръ протекаетъ 410 миль, тогда какъ вся длина Зунгари равняется 165 милямъ.

Возлѣ самаго устья ея стоитъ манджурская деревня Джан-гджунъ, деревянные домики которой обмазаны снаружи глиною. Устройство этихъ жилищъ слѣдующее. Для входа сдѣлана большая дверь, заклеенныя же бумагой окна пропускаютъ сквозь себя слабый свѣтъ; лѣтомъ окна завѣшиваются однѣми цыновками. Вокругъ всей комнаты идетъ глиняная печь, служащая скамьей и кроватью; въ стѣнахъ сдѣланы углубленія для чашекъ, сундуковъ и разной другой мелочи. Въ подобномъ же домикѣ живетъ и комендантъ, на котораго возложена обязанность наблюденія за устьемъ. Маакъ засталъ его, во время своего посѣщенія, занимающимся *календаремъ*, состоявшимъ изъ деревяннаго лука, концы котораго соединялись шнуркомъ. На шнуркѣ было тридцать деревянныхъ бусинъ, нанизанныхъ на него для того, чтобы каждый день одна изъ нихъ могла быть передвинута на противуполож-

ный конецъ лука. По стѣнамъ висѣло платье и оружіе. Посреди комнаты, въ полу, находилась, въ толстомъ слоѣ глины, яма, съ горячими угольями, на которыхъ кипятятъ воду и зажигаютъ трубки. На дворѣ, предъ домомъ, бѣгали свиньи, собаки, кошки и куры.

Таково жилище манджурскаго цербера, охраняющаго входъ рѣки, образующей естественный путь къ сердцу Небесной Имперіи. Хотя, по второму пункту айгунскаго договора, обѣимъ сторонамъ дозволяется международная торговля по Зунгари, но китайцы, подъ разными предлогами, стараются удалять отсюда русскихъ. На ботаника Максимовича даже явно напали, когда онъ хотѣлъ ѣхать далѣе по рѣкѣ. Французскій миссіонеръ Франкле былъ первый европеецъ, проѣхавшій по всему теченію рѣки; успѣхомъ этимъ онъ обязанъ мужественному сопротивленію своему всѣмъ притѣсненіямъ и возраженіямъ китайцевъ. Мы передаемъ здѣсь, оба, чрезвычайно интересные, разсказа.

Съ открытымъ листомъ, выданнымъ мѣстными властями города Благовѣщенска, Максимовичъ хотѣлъ побывать у источника Зунгари. 25 іюля 1859 года достигъ онъ до мѣста впаденія Зунгари въ Амуръ и, сопровождаемый казаками, отправился въ лодкѣ вверхъ по рѣкѣ. Еще при устьѣ ея манджурскій чиновникъ, которому онъ показалъ открытый листъ, безъ всякой причины запретилъ ему продолжать путь, и когда Максимовичъ, ссылаясь на айгунскій договоръ, отчалилъ отъ берега, то хотѣлъ стрѣлять въ него. Хотя все-таки, Максимовичу удалось увернуться отъ такого негостепріимнаго господина, но по дорогѣ онъ узналъ отъ живущихъ по берегамъ гольдовъ, что по всѣмъ селеніямъ разосланъ указъ, повелѣвавшій схватить его, вмѣстѣ съ казаками, и препроводить въ Санъ-Синъ; однако, встрѣтивъ дружелюбный пріемъ со стороны расположенныхъ къ русскимъ гольдовъ, онъ безъ дальнѣйшихъ препятствій проѣхалъ слишкомъ 250 верстъ. Такимъ образомъ достигъ онъ Санъ-Сина, гдѣ начинается уже необыкновенно густое манджурско-китайское населеніе, такъ

что, съ лѣваго, почти безлоднаго, берега, глазъ разомъ окидываетъ селеній восемь, помѣщающихся на правомъ; здѣсь-то именно китайскіе мужики въ первый разъ пытались-было схватить Максимовича; но, увидѣвъ въ его лодкѣ оружіе, убѣжали. На другой день Максимовичъ подплылъ къ большому селенію Чадо. Казаки тянули лодку бичевою вдоль берега, какъ вдругъ на нихъ напала толпа мужиковъ, вооруженныхъ цѣпами, и заставила ихъ возвратиться назадъ. Раздосадованный неудачною попыткою, Максимовичъ 12-го августа опять долженъ былъ возвратиться къ устью Зунгари.

При подобныхъ обстоятельствахъ, онъ, разумѣется, узналъ весьма немного о состояніи страны. Берега представляютъ обширную, чрезвычайно однообразную равнину, на которой, лишь въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи, виднѣются невысокія цѣпи горъ; одна изъ нихъ доходитъ до рѣки. Здѣсь Максимовичъ встрѣтилъ, малоизвѣстный, китайскій огурецъ и лѣсной абрикосъ превосходнаго вкуса, стволъ котораго имѣлъ футъ въ объемѣ. За исключеніемъ этого гористаго мѣста, все пространство состоитъ изъ лугообразныхъ низменностей, поросшихъ ивнякомъ, или изъ степей, съ такою же растительностью, какую мы видѣли на амурскихъ степяхъ.

Какъ мы замѣтили уже выше, Франкле, французскій мисіонеръ, поселившійся въ Китаѣ, былъ счастливѣе Максимовича, и если его разсказъ приноситъ не много пользы естествовѣдѣнію, то онъ все-таки богатъ свѣдѣніями о народахъ, живущихъ по берегамъ Зунгари. Франкле выѣхалъ изъ залива Ліао-тонгъ, составляющаго сѣверную часть залива Печили. Отправился онъ въ дорогу около Пасхи, въ 1861 году, и, во время всего переѣзда до Николаевска, придерживался сѣверо-восточнаго направленія. Прежде всего посѣтилъ онъ большой городъ Мукденъ, куда прибылъ въ одно время съ корейскимъ посольствомъ, состоявшимъ изъ трехъ высшихъ сановниковъ и множества тѣлохранителей и купцовъ, числомъ около 200 человѣкъ. Отъ высшихъ членовъ посольства, одѣтыхъ въ бѣлое, съ перваго взгляда можно было отли-

чить писшихъ, по платью тѣльнаго цвѣта. Послѣдніе были обуты въ сандаліи и шли пѣшкомъ, тогда какъ на первыхъ были одѣты красивые, остроконечные башмачки, и они являлись то на лошади, то въ экипажѣ, то въ носилкахъ. Ихъ маленькихъ, дворянскихъ лошадокъ вели подъ уздцы конюхи; въ носилкахъ сидѣли одни мандарины, передъ которыми шли герольды. Корейцы принимали мисіонера за *оросса* (русскаго), однако онъ скоро вывелъ ихъ изъ заблужденія и много толковалъ имъ о томъ, что скоро они будутъ принуждены предоставить католикамъ свободу вѣроисповѣданія.

По императорской дорогѣ мисіонеръ дошелъ до города Кай-Уйенъ, т. е. отверзтіе начала, оставилъ за собою Манджурію и направилъ путь въ Монголію. Онъ ночевалъ близъ Большой Стѣны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она сходится съ другою стѣною, отдѣляющей провинцію Ліао-тонгъ отъ Кореи и Манджуріи. На слѣдующій день онъ подошелъ къ воротамъ Матціэн-тай, т. е. башня большой лошади; ворота эти составляли главный входъ стѣны и, вслѣдствіе господствовавшихъ въ то время смутъ, охранялись строже обыкновеннаго. Франкле выдавалъ себя здѣсь за мандарина и думалъ пробраться незамѣченнымъ мимо сторожевыхъ постовъ, но, не смотря на то, спутниковъ его и катихизатора солдаты тотчасъ же окружили и преградили имъ дорогу; но когда онъ сослался на новѣйшіе договоры, дозволявшіе европейцамъ путешествовать по Китайской имперіи, то ихъ пропустили, не потребовавъ даже паспортовъ.

Такъ ѣхалъ Франкле нѣсколько дней, вдоль Большой Стѣны, мимо селъ, мѣстечекъ и колоній китайскихъ поселенцевъ, разбросанныхъ въ большомъ числѣ по монгольской равнинѣ. Остановился онъ въ Пакіадзе, т. е. восемь семействъ, служившемъ средоточіемъ нѣсколькимъ христіанскимъ общинамъ китайцевъ; здѣсь жили также два французскихъ мисіонера. Изъ Пакіадзе Франкле отправился въ Куан-чинг-дзе, т. е. городъ долгой весны, стоящій на лѣвомъ берегу Итона, въ трехъ четвертяхъ часа ходьбы отъ манджурской стѣны. Го-

родъ этотъ, не смотря на недавнее свое происхожденіе, наслаждается цвѣтущею торговлею и служитъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, привозимыхъ какъ съ сѣвера, такъ и съ юга. По длиннымъ, всегда грязнымъ или пыльнымъ, хотя и широкимъ улицамъ тянется множество лавокъ, набитыхъ всевозможными товарами. Мисіонеръ остановился на постояломъ дворѣ, содержимомъ христіаниномъ, куда къ нему приходило много единовѣрцевъ.

Отсюда онъ отправился далѣе; тутъ ему опять пришлось проходить мимо Большой Стѣны для того, чтобы посѣтить маленькую христіанскую общину, при рѣкѣ Ильменѣ или Иммѣ. 29-го апрѣля прибылъ онъ въ *Гиринъ*, покитайски Чуанг-чангъ, городъ борокъ, настоящую столицу Манджуріи, окруженную горами и расположенную полукругомъ на лѣвомъ берегу Зунгари. Гиринъ, какъ и всѣ татарскіе города, построенъ безъ укрѣпленій. На главныхъ улицахъ и выгрузочныхъ мѣстахъ его сдѣланы деревянныя мостовыя, вокругъ домовъ, садовъ и возвышенностей таковыя же загороди; возлѣ рѣчки сложено множество лѣса, какъ строеваго, такъ и для топлива. Лѣсъ этотъ привозится изъ Шанъ-Алинскихъ горъ, находящихся на границѣ Кореи, у мѣста источника Зунгари, и употребляется въ продолженіе зимы въ Монголіи и провинціи Ліао-тонгѣ.

Между многочисленными лавками, особенно выдаются гробовые магазины. Окрашенные превосходнымъ краснымъ цвѣтомъ и покрытые блестящимъ лакомъ, гробы кокетливо выставляются на показъ, для приманки покупателей. На нѣкоторыхъ изъ нихъ красуются золотыя надписи, сулящія счастіе и благополучіе. Дѣло въ томъ, что съ словами гробъ здѣсь не соединяютъ такихъ грустныхъ мыслей, какъ въ Европѣ, и всякій, еще при жизни, запасается этимъ жилищемъ вѣчнаго покоя, украшаетъ его какъ можно лучше и ставитъ у себя въ домѣ, въ саду или близъ пагоды. Покойника наряжаютъ въ драгоцѣннѣйшее его платье. Франкле видѣлъ

тамъ сотни нагроможденныхъ другъ на друга гробовъ, узкіе концы которыхъ обращены были къ югу.

Когда прибывшій съ запада чужестранецъ проѣзжалъ по мостовой, стонущей подъ ногами всадниковъ и пѣшеходовъ, то его окружила толпа любопытныхъ и послѣдовала за нимъ на постоялый дворъ. Когда, по заведенному тамъ порядку, путешественники записали свои имена, то шумность толпы достигла крайнихъ предѣловъ, такъ какъ въ Гиринѣ не видали христіанскаго священнослужителя со временъ іезуита, прибывшаго туда съ императоромъ Кіэнъ-лонгомъ. Народъ прорвалъ бумажныя окна и хотѣлъ вломиться въ дверь, чтобы посмотрѣть вблизи на пришельцевъ. Для обеспеченія своего спокойствія, Франкле отнесся съ просьбою къ полиціймейстеру, приславшему отрядъ солдатъ, вооруженныхъ бичами, который долженъ былъ охранять входъ къ мисіонеру. Солдаты впустили, однако, своихъ родственниковъ, которые держали себя, впрочемъ, весьма вѣжливо. Соблюдая всѣ общественныя формальности, къ путешественнику являлись посѣтители изъ всѣхъ классовъ. Франкле расхваливалъ имъ свою религію, а ученымъ давалъ даже духовныя книги; хотя его они и слушали, но ни въ чемъ съ нимъ не соглашались.

Мисіонеръ поручилъ своему катихизатору купить баржу, за которую заплатилъ 50,000 сапековъ, т. е. около 230 рублей. Судно это имѣло 38 футовъ въ длину, 8 въ ширину и 4 фута глубины, и требовало починки. Этимъ временемъ онъ воспользовался для поѣздки въ вышеупомянутую христіанскую общину въ Накіадзе, находившуюся миляхъ въ пятнадцати отъ настоящаго его мѣстопребыванія. По возвращеніи его въ Гиринъ, никто не хотѣлъ впустить его въ свой домъ, что нисколько неудивительно, при дерзкомъ и грубомъ его обращеніи съ вѣжливыми китайцами. Наконецъ, онъ пріютился въ кабакѣ, въ которомъ курили опіумъ; но отвратительная грязь и вонь скоро выгнали его и отсюда, такъ что онъ принужденъ былъ ночевать въ своей палаткѣ, на берегу рѣки, гдѣ провелъ нѣсколько дней, окруженный тол-

нами любопытныхъ; ученыхъ и ламъ онъ приглашалъ къ себѣ и старался обращать ихъ въ христіанство. Желая, чтобы барка его принесла плоды блаженства народамъ, живущимъ при Зунгари, онъ назвалъ ее „Радостная Вѣсть“, по-манджурски Саинъ-Гизунъ, по-китайски Фу-инъ, и прикрѣпилъ на мачтѣ ея большой флагъ, съ этими надписями.

Каждое утро и вечеръ экипажъ пѣлъ гимны, а по воскресеньямъ мисіонеры служили въ ней обѣдню. Съ появленіемъ попутнаго вѣтра, Франкле снялся съ якоря и поплылъ внизъ по Зунгари, которая у Гирина уже шире, нежели Сена въ Парижѣ.

Такъ прибылъ онъ въ *Зин-чингъ*, — Новогородъ, — вновь построенное мѣсто управленія и названное такъ, въ противоположность къ старому городу, *Петуне*, лежащему на полмили разстоянія вверхъ по рѣкѣ. Вездѣ толпился народъ, чтобы позѣвать на чужестранцевъ, проповѣдовавшихъ съ своей барки и по улицамъ. Въ Зан-ча-хо, при устьѣ Нонни, Франкле снова раскинулъ свою палатку. Здѣсь рѣка сдѣлалась глубже, вѣтеръ былъ благопріятнѣе, а потому и путешествіе на востокъ совершилось теперь быстрѣе прежняго.

По берегамъ верхняго теченія Зунгари находится небольшое число, далеко отстоящихъ другъ отъ друга, селеній и необработанныя равнины. На правомъ берегу ея все чаще и чаще встрѣчаются китайскіе поселенцы, обдѣлывающіе земли манджурскихъ солдатъ; по лѣвому, напротивъ, кочуютъ номады, съ своими многочисленными стадами. Здѣсь чрезвычайно много зайцевъ и фазановъ, ловить которыхъ весьма легко; во всѣхъ бухтахъ кишатъ необыкновенно пугливые гуси и утки; въ тростникѣ и на прудахъ водится безчисленное множество цапель, лебедей и разныхъ другихъ водяныхъ птицъ, а по крутымъ берегамъ гнѣздятся миріады ласточекъ, и такъ какъ въ этой странѣ не существуетъ домовъ, къ которымъ онѣ могли бы прикрѣплять свои гнѣзда, то онѣ выдалбливаютъ въ глинистыхъ берегахъ безчисленное множество отверстій одно возлѣ другаго, въ слѣдствіе чего берега при-

нимаютъ видъ громаднаго улья. Вблизи такихъ жилищъ, которыя ласточки устраиваютъ всегда въ красивѣйшихъ береговыхъ мѣстностяхъ, мисіонеръ всего охотнѣе ставилъ свою палатку. Спалъ онъ на оленьихъ или овечьихъ шкурахъ, и непріятны были для него только рои москитосовъ и вой волковъ, нарушавшихъ ночной покой. На его баркѣ произошелъ разъ пожаръ, а 19-го іюля она едва не разбилась о подводную скалу близъ Санъ-Сина.

Санъ-Синъ послѣдній китайскій городъ въ этомъ сѣверовосточномъ краю. Онъ стоитъ на правомъ берегу Зунгари, между устьями Фокена и Хурки. Манджурцы называютъ его Исланъ-хала, и неподалеку отъ новаго Санъ-Сина видны еще развалины стараго города. Названія Санъ-Синъ и Исланъ-хала буквально означаютъ „три фамиліи“, и должны, вѣроятно, напоминать о трехъ, происходящихъ изъ него, знаменитыхъ манджурскихъ семействахъ. Манджурская политика всегда стремилась къ тому, чтобы склонить на свою сторону независимыя племена, занимающія полосу земли до морскаго берега. Императорская династія заключила съ ними договоры, которые дѣйствительны еще и въ настоящее время. Санъ-синскій губернаторъ обязанъ задавать пиръ каждый годъ, отъ имени императора, предводителямъ и подносить имъ шелковыя платья, въ замѣнъ чего получаетъ отъ нихъ, въ видѣ дани, соболью мѣха и разнаго рода рыбу. Китайцы не смѣютъ переступать границы Санъ-Сина, но деньги и просьбы заставляютъ мандарина смотрѣть на это сквозь пальцы.

Въ Санъ-Синъ ежегодно, среди лѣта, прибываютъ амурскіе народы тунгузскаго и манджурскаго племени, для промѣна охотничьей и рыболовной добычи на различную, необходимую для нихъ утварь. Китайцы даютъ этимъ народамъ свои собственныя названія, смотря по ихъ образу ношенія волосъ. Тутъ найдутся: твоп-моа-тце (гольды), стригущіе волосы, юпи-та-тце, носящіе платья изъ рыбьей кожи, и шанмоа-тце (тунгузы), съ нижняго Амура, отращивающіе длинные волосы. Всѣ они пріѣхали на быстрыхъ, легкихъ, не-

имѣвшихъ ни одного гвоздя лодкахъ, въ то самое время, когда мисіонеръ готовился къ отъѣзду.

Вслѣдъ за тѣмъ, къ Франкле пришелъ мандаринъ, чтобы освѣдомиться о цѣли его путешествія, и далъ ему 15 человѣкъ солдатъ въ видѣ охранителей, собственно же для наблюденія за нимъ; солдаты эти слѣдовали положительно по пятамъ европейцевъ, принося, впрочемъ, хоть ту пользу, что охраняли путешественниковъ отъ обкрадыванія. Мандаринъ отправилъ въ Гиринъ гонца, чтобъ узнать, какъ поступить съ безпаспортными путешественниками, и просилъ Франкле дождаться въ Санъ-Синѣ возвращенія посланнаго. Онъ отвелъ мисіонеру обширную пагоду, на берегу рѣки, неподалеку отъ барки, превосходно защищенной отъ бури. Китайскій бонза былъ настолько предупредителенъ, что снабдилъ западныхъ жителей перцемъ, горчицей, капустой и разными подобными припасами, такъ какъ у него былъ свой огородъ, въ которомъ онъ сѣялъ, сверхъ всѣхъ овощей, большое количество маку, потребнаго, вѣроятно, для приготовленія опіума. Весьма недостойнымъ образомъ воздалъ Франкле за это радушіе. Правое крыло пагоды, въ которомъ находилось училище и жилище бонзы, особенно кололо глаза мисіонеру. „Правое крыло“, говоритъ онъ, и было бы для насъ чрезвычайно удобно, еслибъ можно было выпроводить бонзу за дверь, школьному учителю дать отпускъ, а ученикамъ каникулы. Вокругъ него царствовало благодѣтельное уединеніе; во дворѣ стоялъ великолѣпный, тѣнистый вязъ. Мы приняли это жилище, что, однако, не внушало въ насъ безпокойства, такъ какъ я еще не зналъ тогда, что пагода эта была Ніанг-ніанг-міао, т. е. храмомъ богинь, и узналъ объ этомъ лишь на другое утро, когда пытался внушить школьному учителю познаніе объ истинномъ Богѣ. Когда я съ бонзой посѣтилъ этихъ „чертовокъ“, то онъ непремѣнно хотѣлъ познакомить меня со всѣми. Прежде всего указалъ онъ на главный алтарь. „Вотъ видишь, говорилъ онъ, ту старую, позолоченную женщину, сидящую на камнѣ; у ногъ ея лежитъ собака, на колѣняхъ кукла, а

съ каждой стороны статсъ-дама, — это Куан-инъ-пусса, мать доброты и милосердія". Такъ продолжалъ онъ сообщать мнѣ имена и качества своихъ богинь; у него были божества зрѣнія, осны, вывиховъ, барсуковъ и лисицъ. Какъ жалко было это отвратительное зрѣлище! Когда мы все осмотрѣли и выбрали удобное мѣсто для своего жилища и для церкви, мы уничтожили суевѣрную надпись изъ Конфуція, а вмѣсто доски, на которой она красовалась, поставили свой алтарь и каждый день служили обѣдню."

Франкле и въ тѣлесномъ и въ духовномъ отношеніяхъ отлично было уже устроился въ пагодѣ, какъ вдругъ, въ слѣдствіе проливнаго дождя, произошло страшное наводненіе: ручьи и рѣки вышли изъ береговъ и произвели ужасныя опустошенія. „И наше „сатанинское" жилище не избѣгло общей участи; когда начала подниматься вода, — почетная стража наша дала тягу и отправилась помогать городскимъ жителямъ, спасавшимся на возвышенныя мѣста. Мы, во всякомъ случаѣ, имѣли надежное убѣжище въ баркѣ, и потому все еще оставались подъ гостепріимнымъ кровомъ китайскаго лицея, защищавшаго насъ противъ дождя и бури. Наконецъ, и сюда не замедлили налетѣть яростныя волны. Онѣ хлынули въ двери и окна, и мы принуждены были перебраться въ верхнюю часть пагоды, къ богинямъ, гдѣ, для спасенія отъ комаровъ, зажгли огонь и просидѣли цѣлую ночь. Я не нашелъ тамъ ни одного камня, на который можно было бы положить голову, и потому взобрался на алтарь, разостлалъ на немъ оленью шкуру и преспокойно уснулъ, подъ надзоромъ этихъ „грязныхъ божествъ". Я просыпался нѣсколько разъ и именно въ то время, когда обрушилась стѣна и башня. Мало-по-малу вода покрывала уже подножія глиняныхъ идоловъ, которые, наконецъ, и сами исчезли въ волнахъ. Теперь настало время перейти на барку и взобраться на ближайшій пригорокъ, на которомъ собралось ужъ довольно много народу."

Франкле воспользовался общимъ замѣшательствомъ для продолженія своего пути и нимало не заботился о ман-

даринѣ, у котораго теперь были полныя руки дѣла. Барка его, Санъ-Гизунъ, быстро неслась по широко разлившейся Зунгари. Окрестности этого мѣста были заселены гуще, нежели въ верхней части рѣки. Мисіонеръ прибылъ и въ тѣ мѣстности, которыя два года тому назадъ посѣтилъ Максимовичъ. Тамъ и сямъ виднѣлись села и деревни, образующія родъ этаповъ, по большой дорогѣ, и сторожевые посты, обязанные препятствовать сношеніямъ китайцевъ съ дикими племенами. Обѣ стороны не смѣютъ переступить проведенной черезъ рѣку границы, которую, не смотря на это запрещеніе, Франкле переплылъ безпрепятственно миль на 12 ниже Санъ-Сина.

Здѣсь онъ вступилъ въ область гольдовъ, которыхъ называютъ юписами, или рыбьими кожами, и которые принимали путешественника чрезвычайно дружелюбно. Добродушные люди эти обращались съ нимъ очень ласково. Увидѣвъ еще издали барку европейцевъ, они съ берестяной лодьи своей кричали имъ „Айа айа!“ добрый день! становились на колѣни, и когда странники выходили на берегъ, имъ приносили рыбу, вяленую дичину, дикихъ гусей, превосходные шампиньоны и грибы, вообще все, что добывалось на охотѣ, не требуя даже платы за принесенныя вещи и надѣясь получить въ вознагражденіе развѣ только небольшое количество табаку, къ которому они пристрастны еще болѣе китайцевъ. Одинъ за маленькій кусокъ какой-то матеріи отдалъ платье, сдѣланное изъ кожи карповъ. Путешественники были бы совершенно довольны, еслибъ ихъ не мучили слѣпни, мухи, жигалки и тля. Чтобы хоть сколько-нибудь защититься отъ нихъ, путешественники надѣвали на голову капюшоны, съ отверзтіями для глазъ, носа и рта, а по ночамъ спали подъ окуренной сѣткой. Однако, не смотря на всѣ предосторожности, они порядкомъ страдали отъ неумолимыхъ кровопійцъ.

Наконецъ, Франкле достигъ мѣста впаденія Зунгари въ Амуръ; здѣсь онъ встрѣтилъ русскихъ и, находясь въ средѣ европейской цивилизаціи, былъ чрезвычайно радъ, что опять могъ поѣсть хлѣба. Отсюда отправился онъ, по рѣкѣ внизъ,

въ Хабаровку, гдѣ ему отвели прекрасное помѣщеніе, близъ устья Усури. Однажды, когда возлѣ самаго его дома остановился пароходъ „Амуръ“, имъ овладѣла жажда ѣхать далѣе, почему онъ охотно принялъ предложеніе нѣсколькихъ русскихъ офицеровъ доѣхать съ ними до Николаевска. Онъ получилъ безплатный проѣздъ, и къ ночи перебрался на пароходъ, первое произведеніе николаевской верфи. Машины „Амура“ сдѣланы были въ сѣверной Америкѣ, самъ же онъ былъ собственностью правительства и перевозилъ почту. Во время этого переѣзда, пароходъ былъ такъ переполненъ пасажирами, что нѣкоторымъ пришлось спать на палубѣ. Мисіонеръ занялъ койку, уступленную ему кронштадтскимъ матросомъ, тогда какъ русскій священникъ проводилъ день и ночь на палубѣ и спалъ рядомъ съ лакеемъ католическаго посла.

Переѣздъ отъ устья Усури до Николаевска совершенъ былъ въ 4 дня. 30-го августа, по захожденіи солнца, лодка находилась подъ маякомъ, поставленнымъ на выдающемся надъ рѣкой островѣ. Въ гавани стояло десять или двѣнадцать военныхъ судовъ, между которыми былъ и японскій корабль европейской постройки. Умные, дѣятельные японцы стараются перенять у другихъ народовъ все хорошее и полезное, чѣмъ и отличаются отъ высокомѣрныхъ и апатичныхъ китайцевъ, которые никакъ не измѣнятъ разъ заведенныхъ обычаевъ. Вышеупомянутое японское судно пріѣхало по порученію своего правительства и было нагружено великолѣпнѣйшими промышленными произведеніями, продаваемыми, разумѣется, по весьма высокой цѣнѣ. Англичанъ и французовъ не было еще и слѣда въ Николаевскѣ, тогда какъ нѣмцы начали ужъ и тутъ появляться. Франкле столкнулся тутъ съ двумя саксонцами, Моллеромъ и Гететомъ. Лѣтомъ 1861 года, городъ имѣлъ, вмѣстѣ съ гарнизономъ, 3,000 жителей.

Франкле былъ первый европеецъ, совершившій большое путешествіе поперегъ сѣверо-восточной Азіи, отъ залива Ліаотонгъ до устья Амура. Никто не оспариваетъ, что онъ вы-

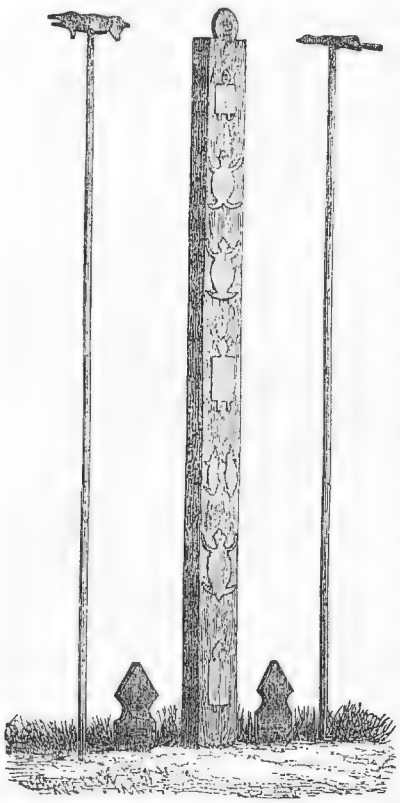
казалъ при этомъ много мужества и терпѣнія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, надобно замѣтить, что онъ не обнаружилъ также ни малѣйшаго уваженія къ чужимъ правамъ и обычаямъ.

Гольды, о которыхъ и Франкле, и другіе путешественники получили столь выгодное мнѣніе, живутъ по обѣимъ сторонамъ Зунгари, ниже города Санъ-Сина, по Усури, ниже Добиху, а по Амуру—до впаденія въ него Горина, откуда начинается уже область тунгузовъ. Маакъ, которому мы обязаны превосходными свѣдѣніями о гольдахъ, дѣлитъ ихъ на „ходзенгъ“, занимающихъ пространство до устья Усури и на „киленгъ“, простирающихся до впаденія Горина.

Близъ рукавовъ и по островамъ вышеозначенныхъ рѣкъ, разсѣяны многочисленныя селенія гольдовъ, которыя, разумѣется, состоятъ часто изъ трехъ или четырехъ, иногда же изъ двѣнадцати и двадцати пяти юртъ. Всѣ селенія расположены на лучшихъ и удобнѣйшихъ пунктахъ, и въ этомъ отношеніи могутъ служить образцами для будущихъ русскихъ колоній. Гдѣ горная цѣпь прерывается обширной долиной съ журчащимъ потокомъ, или гдѣ равнина хорошо защищена горами, тамъ, навѣрное, подъ уступами или терасами, прячется гольдская деревушка. Лѣтнія жилища ставятся, напротивъ, на песчаныхъ или каменистыхъ прибрежьяхъ. Первыя обмазаны глиной;—вторыя построены изъ березовой коры, и вообще всѣ селенія гольдовъ, до мельчайшихъ подробностей, такъ похожи одно на другое, какъ два яйца. Деревнямъ этимъ обыкновенно предшествуетъ длинный рядъ кольевъ, соединенныхъ перекладинами, на которыхъ сушится зимній запасъ рыбы. Породы рыбъ здѣсь тѣ же, которыя были упомянуты при описаніи рыбной ловли гиляковъ, а именно: лосось, называемый китою-горбушкою, и да еще болѣе рѣдкій осетръ. Зимой сушеная рыба и пшено составляютъ единственную пищу гольдовъ; тѣмъ же самымъ замѣняются и говяжьи порціи русскихъ солдатъ, на сторожевыхъ постахъ.

Лѣтнія юрты ставятя всегда на низменностяхъ, неподалеку отъ берега, и на зиму переносятся иногда на другое,

болѣе удобное для рыбной ловли мѣсто. На возвышенностяхъ за лѣтними юртами стоятъ постоянно зимнія жилища, построенныя изъ глины, перемѣшанной съ сухою травою. Эти домики ничѣмъ не отличаются отъ описанныхъ нами даурскихъ и манджурскихъ хижинъ: тѣ же большія окна, заклеенныя бумагой, вокругъ стѣнъ тѣ же нары, покрытыя соломенными цыновками и отопляемые снизу посредствомъ канала; наконецъ, возлѣ наръ тѣ же три или четыре углубленія для угольевъ, смотря по количеству семействъ, живущихъ въ юртѣ. Всѣ гольды, мужчины и женщины, не исключая даже дѣтей, страстные курильщики, которые не могутъ существовать безъ табаку, а потому за каждой гольдской деревенькой вы встрѣтите огороды, главное украшеніе которыхъ составляютъ длинные, зеленые листья манджурскаго табаку. Описаніе гольдскаго селенія довершаютъ стаи дикихъ, кусающихся собакъ, нѣсколько старцевъ, женщинъ и дѣтей, оставшихся дома для хозяйства, въ то время какъ остальные отправились на рыбную ловлю, да притянутыя къ берегу лодки.



Столбы-идолы.

Въ гольдскихъ деревушкахъ встрѣчаются изрѣдка чрезвычайно дурныя китайскія картины, купленныя дорогою цѣною двухъ или трехъ собольихъ шкуръ. Ближе къ берегу, передъ жилищами, стоятъ столбы-идолы. Столбы, представлен-

ные на нашей картинкѣ, Маакъ встрѣтилъ въ гольдскомъ селеніи Сильви, ниже Зунгари. Вершина средняго столба представляетъ человѣческую голову, глаза, носъ и ротъ которой были обозначены грубыми надрѣзами, а на самомъ столбѣ, сверху до низу, находятся столь же грубыя изображенія слѣдующихъ предметовъ: человѣкъ, два лягушкоподобныя животныя, опять человѣкъ, два четвероногія, животное, похожее на черепаху, и опять человѣкъ. Съ каждой стороны столба лежало по обрубку, долженствовавшему изображать человѣческую голову, а направо и налѣво отъ послѣднихъ было два шеста, на одномъ изъ которыхъ красовалась птица, на другомъ какое-то четвероногое животное. Гольды часто держатъ свиней, которыхъ не встрѣтишь у другихъ тунгузскихъ племенъ; но мясо этихъ животныхъ, откармливаемыхъ почти исключительно одною рыбой, принимаетъ отвратительный вкусъ и положительно негодно для европейца. Кошекъ, вывезенныхъ изъ Манджуріи, они держатъ въ домахъ, и для того, чтобы торговля ими оставалась исключительно въ ихъ рукахъ, манджурцы холостятъ всѣхъ продаваемыхъ гольдамъ котовъ.

Тигръ, встрѣчающійся всего чаще между Амуромъ, Зунгари и Усури, страшный врагъ гольдовъ, и они чрезвычайно гордятся, если имъ удастся убить подобнаго звѣря. Убитаго хищника вѣшаютъ на стѣнѣ хижины, и все семейство кланяется ему и иронически называетъ его „господиномъ“. Гольды большею частію не рѣшаются приблизиться къ этому „господину звѣрю,“ котораго называютъ *маре*. Нордманнъ разсказываетъ, что въ зиму 1857 года у бѣдныхъ гольдовъ одной деревушки, лежащей при устьѣ Усури, тигръ передушилъ всѣхъ упряжныхъ собакъ, повадившись посѣщать селеніе каждую ночь. Наконецъ, они рѣшились принести ему въ жертву собственныхъ дѣтей своихъ, но, къ счастію, нѣсколько казаковъ убили его совершенно случайно.

На Берейскомъ хребтѣ, русскіе нерѣдко убивали тигровъ, не подозрѣвая даже, какого именно убиваютъ звѣря. Такъ,

осенью 1860 года, общество, состоявшее изъ трехъ казаковъ, отправилось по кровавымъ слѣдамъ тигра, утащившаго въ лѣсъ задранную имъ лошадь. Казаки застали тигра за трапезой; онъ только злобно посмотрѣлъ на нихъ, но неоставлялъ своего занятія. Одинъ изъ казаковъ положилъ длинное ружье свое на вилы, но ружье нѣсколько разъ дало осѣчку. Тигръ все еще не трогался съ мѣста, и выражалъ свое неудовольствіе ужасающимъ ревомъ. Тогда другой изъ смѣльчаковъ, вооружась топоромъ, рѣшился идти на тигра; но когда онъ подошелъ къ нему и замахнулся оружіемъ, тигръ мигомъ схватилъ его, повалилъ на землю и придержалъ передней лапой. Одинъ изъ оставшихся казаковъ поспѣшно бросился спасать своего товарища, но подвергся той же участи. И вотъ оба товарища, лежа на землѣ, взывали о помощи къ третьему, а тигръ вторилъ ихъ мольбамъ сильнымъ басомъ. Наконецъ, только третьему изъ нихъ удалось высвободить своихъ товарищей изъ-подъ когтей тигра; онъ прокололъ его штыкомъ. Этотъ случай переданъ Нордманномъ въ засѣданіи московскаго общества естествоиспытателей.

Что касается до гольдовъ и отношенія ихъ къ сосѣднимъ народамъ, то можно сказать, что они отличаются отъ манджурцевъ болѣе смуглой кожей и сильнѣе выдающимися скулами, да, кромѣ того, еще необыкновеннымъ пристрастіемъ къ разнаго рода побрякушкамъ. Даже мужчины продѣваютъ въ уши огромныя мѣдныя кольца съ привѣсками изъ пестрыхъ камешковъ. Женщины носятъ подобныя же кольца въ ушахъ, а маленькія дѣвочки въ носу. Въ остальномъ гольды совершенно похожи на манджурцевъ; подобно имъ брѣютъ лобъ, заплетаютъ длинныя косы и носятъ такое же платье.

Кроткій, миролюбивый взглядъ, чрезвычайно бѣдная одежда и небольшіе усы мужчинъ, смѣлыя, улыбающіяся лица дѣтей, застѣнчивость и всхлипывающій тонъ рѣчи женщинъ вполнѣ характеризуютъ это племя.

Жилище гольдовъ.

XIV.

Усури.

Усури.—Путешествіе де-ла-Брюньера.—Санъ-Синъ.—Сухой путь къ Усури.—Китайцы и гольцы.—Вызыванія духовъ.—Путешествіе Вено (Venault).—Мирный договоръ съ гиляками убійцами.—Бенюковъ плыветъ вверхъ по Усури.—Джизенговыя плантаціи. — Золотоискатели. — Переходъ черезъ береговой хребетъ. — Колонизація по Усури. — Манджурская береговая полоса. — Горный хребетъ Шихота.—Алинъ.—Заливъ Кастриса и Александровскъ.—Барракута.—Орочи. — Заливъ Ольга. — Заливъ Викторія. — Городъ Хунъ-Чунъ.

Послѣ Зунгари, Усури значительнѣйшій притокъ Амура, впадающій въ него съ юга. Источники его находятся подъ 44°. с. ш. Верховье рѣки, Зандугу, имѣетъ необыкновенно быстрое теченіе и съ обѣихъ сторонъ защемлено горами. Большую часть водъ своихъ Усури беретъ изъ озера Кингки, лежащаго между 44°36′ и 45° с. ш. Озеро это, окруженное

съ сѣвера трясинами, образуетъ въ то же время самую южную границу распространенія гольдовъ. Первыми свѣдѣніями объ Усури мы обязаны католическимъ миссіонерамъ, изъ провинціи Ліао-тонгъ; они проѣхали по этой рѣкѣ до устья Амура, желая обратить въ христіанство живущихъ тамъ гиляковъ. Первый изъ нихъ, благочестивый и кроткій патеръ де-ла-Брюньеръ, поплатился за эту попытку жизнію; но отправившійся, спустя нѣсколько времени послѣ него, Вено, благополучно совершилъ свое путешествіе и разъяснилъ участь погибшаго собрата. Сообщаемыя здѣсь нами, въ высшей степени интересныя, путевыя замѣтки, даютъ ясное понятіе о состояніи нижне-амурскихъ странъ до прибытія туда русскихъ.

Уже извѣстный намъ, по разсказамъ Франклэ, миссіонеръ де-ла-Брюньеръ отправился изъ Пакіадзе въ путь, 16 іюля 1846 г., взявъ съ собою, въ качествѣ проводниковъ, двухъ новообращенныхъ монголовъ. Прежде всего прибылъ онъ въ недавно построенный городъ А-ше-хо. Онъ наполненъ почти исключительно одними китайцами, поселившимися здѣсь въ числѣ 60,000, и стоитъ въ 40 миляхъ на сѣверъ отъ Гирина и въ 25 миляхъ на западъ отъ Зунгари. Здѣсь онъ нашелъ радушный пріемъ у знакомаго одного изъ своихъ проводниковъ, котораго онъ тщетно старался обратить въ христіанскую вѣру. Честный китаецъ предупреждалъ его, чтобы онъ остерегался манджурскихъ тигровъ и медвѣдей, которые, при малѣйшей оплошности, могутъ его растерзать. Проводники струсили, но миссіонеръ утѣшалъ ихъ, говоря, что мясо европейцевъ имѣетъ особенный запахъ, въ слѣдствіе чего ни одинъ тигръ не отважится тронуть его. За А-ше-хо, по дорогѣ къ Сань-Сину, также извѣстному намъ изъ описаній Франклэ, путешественникъ долженъ былъ проходить пустынныя, мало населенныя мѣстности, которыя, не смотря на отсутствіе тигровъ и медвѣдей, превратились для миссіонера и его проводниковъ въ источникъ адскихъ мученій, въ слѣдствіе безчисленнаго множества комаровъ, слѣпней и жига-

локъ. Три путника вооружились конскими хвостами, для отмахиванія своихъ мучителей, но этимъ средствомъ только еще болѣе возбуждали ихъ кровожадность, и де-ла-Брюньеръ увѣряетъ, что всякій разъ, какъ онъ подносилъ руку къ лицу, давилъ отъ десяти до двадцати этихъ маленькихъ чудовищъ. Двѣ несчастныя лошади, навьюченныя багажемъ, не могли идти далѣе; покрытыя кровью, онѣ бросились въ траву и отказывались даже отъ принятія пищи. Не оставалось ничего болѣе дѣлать какъ днемъ отдыхать, а ночью путешествовать, хотя комары и тогда не лѣнились исполнять свою работу. Люди, знакомые съ этою мѣстностью, не отваживаются проходить чрезъ нее безъ маски. Мученія эти еще болѣе увеличиваются вблизи рѣкъ и болотъ, особенно въ окрестностяхъ Санъ-Сина, гдѣ на путника нападаютъ самые густые рои. Въ домахъ, въ этомъ отношеніи, царствуетъ нѣкотораго рода безопасность, потому что ихъ окуриваютъ лошадинымъ и коровьимъ навозомъ; впрочемъ, комары и осы никогда совершенно не исчезаютъ до сентября.

Вечеромъ, 4 августа, путники увидѣли Санъ-Синъ съ его деревянными домами и заборами. Описаніе города, сдѣланное де-ла-Брюньеромъ, совершенно согласно съ описаніемъ Франклэ, хотя послѣдній посѣтилъ его пятнадцатью годами позже. Онъ видѣлъ странныя деревянныя мостовыя, наблюдалъ за строгой неприступностью пограничной линіи и имѣлъ сношенія съ „юпи-та-тцами“, пріѣхавшими по Амуру для мѣноваго торга. Изъ Санъ-Сина мисіонеръ отправился по Зунгари въ гольдскую деревеньку Зу-зу, расположенную по берегамъ этой рѣки, и перешелъ черезъ запрещенную границу. На четвертыя сутки онъ встрѣтился съ военнымъ мандариномъ, ѣхавшимъ въ сопровожденіи одного только офицера. Мандаринъ сошелъ съ лошади и вѣжливо привѣтствовалъ мисіонера, появленіе котораго его чрезвычайно поразило. Они оба усѣлись на травѣ и выкурили вмѣстѣ трубку. Для удовлетворенія своего любопытства относительно де-ла-Брюньера, мандаринъ обратился съ разспросами къ его проводникамъ.

Люди эти, предупрежденные, какъ имъ держать себя въ подобныхъ случаяхъ, отвѣчали, что они ничто болѣе какъ слуги и не заботятся о важныхъ дѣлахъ своего господина. Получивъ такой отвѣтъ, мандаринъ принялъ француза за тайнаго агента правительства, явившагося для ревизіи границы, и относился къ нему съ еще большею покорностью. Такимъ образомъ прошли два часа въ пріятномъ разговорѣ, и мисіонеръ благополучно прибылъ въ Зу-зу. Гольды были чрезвычайно поражены его появленіемъ. Его одѣяніе, требникъ и распятіе вызывали тысячи предположеній. Незначительными подарками онъ скоро привлекъ къ себѣ добряковъ, началъ проповѣдовать Евангеліе и уже надѣялся на успѣхъ, такъ какъ ему принесъ большую пользу счастливый рыбный ловъ на такомъ именно мѣстѣ, гдѣ ничего не удавалось поймать туземцамъ. Де-ла-Брюньеръ началъ изучать манджурскій языкъ, сродный съ гольдскимъ, такъ какъ гольды любятъ его болѣе китайскаго, хотя онъ и вытѣсненъ послѣднимъ.

Однажды неожиданно на рѣкѣ раздался звукъ тамтамовъ, отъ котораго жители пришли въ ужасъ. То была большая лодка, прибывшая изъ Санъ-Сина, съ двумя мандаринами и двадцатью солдатами, для сбора податей въ Зу-зу. Сначала они были въ хорошихъ отношеніяхъ съ мисіонеромъ и, касательно пребыванія его въ этомъ краѣ, не мѣшали его личному усмотрѣнію; не смотря на то, де-ла-Брюньеру казалось, что ихъ тяготитъ его присутствіе, такъ какъ при требованіи податей они привыкли обращаться чрезвычайно жестоко; поэтому онъ, чтобы избѣгнуть непріятностей, отправился обратно въ Санъ-Синъ, куда прибылъ 23 августа, и нанялъ квартиру у магометанина.

Такъ какъ де-ла-Брюньеръ носилъ бороду, то хозяинъ и принялъ его сначала за единовѣрца, но заблужденіе это разсѣялось тотчасъ же, какъ только путешественникъ принялся ѣсть свинину. Человѣкъ этотъ былъ сильно пораженъ разсказами мисіонера о сотвореніи міра, о путешествіяхъ Авраама и т. д. Третья часть народонаселенія Санъ-Сина со

стоитъ изъ магометанъ; у нихъ есть мечеть и марабу, обязанный преподавать дѣтямъ коранъ.

Магометанинъ, у котораго жилъ де-ла-Брюньеръ, охотно помогалъ ему снаряжаться въ дорогу, и, 1-го сентября 1845 года, мисіонеръ отправился далѣе на востокъ, желая добраться до Усури, находящагося въ 120 миляхъ, по узкой тропинкѣ, извѣстной однимъ собирателямъ джинзенга. Всѣ кухонныя принадлежности были уложены на лошака и взяты съ ними въ пустыню, такъ какъ желающій пройти отъ Санъ-Сина къ Усури не смѣетъ разсчитывать на какой бы то ни было пріютъ: постель его — земля, покрывало—небо, и человѣкъ, не взявшій съ собой съѣстныхъ припасовъ, неминуемо долженъ умереть отъ голода. По причинѣ осеннихъ дождей, переходъ продолжался четырнадцать дней, и все, перенесенное де-ла-Брюньеромъ прежде, казалось ему дѣтской игрой въ сравненіи съ настоящими мученіями. Они принуждены были срубать деревья для разведенія огня въ защиту отъ тигровъ и комаровъ, занимавшихся своимъ кровавымъ ремесломъ до двѣнадцати часовъ ночи; незначительное количество пищи, приготовляемой подъ проливнымъ дождемъ, часто портилось; лѣса и воды при началѣ путешествія было вдоволь; но за 30 миль до Усури не было ни одного источника, и странники должны были ѣсть невареное пшено. Въ лѣсахъ господствуютъ уродливые дубы.

Вечеромъ 14-го сентября мисіонеръ достигъ Усури, находящагося въ 40 миляхъ на сѣверъ отъ озера Кингки. Первый пріютъ нашелъ онъ въ уединенномъ домикѣ китайскихъ купцовъ, которые поселились здѣсь ради торговли джинзенгомъ. Купцы эти дали ему лодку, въ которой онъ и проѣхалъ еще 24 мили внизъ по рѣкѣ, для посѣщенія другой китайской колоніи. Когда колонисты эти замѣтили, что онъ христіанинъ, то стали обращаться съ нимъ весьма недружелюбно; не смотря на это, де-ла-Брюньеръ пробылъ у нихъ довольно долго и имѣлъ случай наблюдать замѣчательное явленіе стихій. Это было въ серединѣ октября; де-

ревья стояли голыя, и пожелтѣвшая трава указывала на приближеніе зимы. Около полудня на горизонтѣ показалось густое облако дыма, затмившее сіяніе солнца, и раздался страшный крикъ: „огонь, огонь!“ Китайцы, вооружась топорами, бросились изъ домовъ и принялись срубать окружавшія селеніе деревья и кустарникъ и побросали ихъ въ рѣку, а траву вокругъ жилищъ выжгли. Все ближе и ближе подвигалось дымное облако, происходившее отъ страшнаго лѣснаго пожара и, наконецъ, настигло колонистовъ. Въ одно мгновеніе вся окрестность деревушки превратилась въ огненное море, изъ котораго доносился трескъ валившихся деревъ, и красное пламя взбиралось по нимъ, подобно огненнымъ змѣямъ; однако, пожаръ исчезъ съ такою же быстротою, съ какою онъ явился далѣе, и поворотилъ на сѣверъ. Кругомъ лежали обгорѣлые пни, а по землѣ стлался паръ; самая же деревня не пострадала нисколько, и нѣсколько стакановъ водки уничтожили послѣдніе слѣды испуга у китайцевъ.

Въ то время, когда еще не было и помина о русскихъ колоніяхъ на Усури, по этой большой рѣкѣ и ея притокамъ жило не болѣе 800 человѣкъ, изъ которыхъ 600 были гольды, а 200 китайскихъ переселенцевъ. Послѣдніе, изверги человѣчества, были убійцы, разбойники и всякаго рода негодяи, бѣжавшіе отъ кары правосудія и основавшіе здѣсь добровольную колонію преступниковъ. Если бы даже висѣльники эти и не разсказывали вовсеуслышаніе о своихъ похожденіяхъ, то ужъ, по однимъ бездѣльническимъ лицамъ, легко было узнать, что это за птицы. Каждый у нихъ совершилъ два или три убійства, и незадолго до прибытія мисіонера, 68-ми-лѣтній старикъ убилъ 67-ми-лѣтняго. Единственное средство къ пропитанію состоитъ у нихъ въ собираніи джинзенга, о которомъ послѣ будемъ говорить подробнѣе.

Совершенно иными показались французу „рыбьи кожи“ или юпи-та-тцы, какъ онъ называетъ гольдовъ. Разсказы его согласуются съ другими свѣдѣніями, пріобрѣтенными имъ изъ различныхъ источниковъ, объ этомъ добродушномъ

народѣ. Такъ какъ де-ла-Брюньеръ провелъ у нихъ цѣлую зиму съ 1845—1846 г., то могъ въ точности узнать религію гольдовъ. Будучи охотничьимъ народомъ, они признаютъ трехъ главныхъ духовъ, находящихся въ связи съ преобладающимъ ихъ занятіемъ: духа оленя, лисы и ласточки. Если гольдъ заболѣлъ, то причину болѣзни, разумѣется, относитъ къ духамъ, которые должны быть заклинаемы шаманомъ; приближеніе послѣдняго возвѣщается еще издалека звукомъ тамбуриновъ, причемъ хозяинъ дома выходитъ встрѣчать его. Для этого случая приготовляется въ большомъ запасѣ водка и, еще до захожденія солнца, все общество пьяно. Когда приходитъ часъ духа, шаманъ надѣваетъ свои священныя платья; на шапкѣ его развѣваются бумажныя полоски и кусочки березовой коры; пестрая юпка доходитъ до колѣнъ, но самую главную часть одежды составляетъ поясъ, который состоитъ изъ трехъ различныхъ лентъ, съ привѣшенными на нихъ мѣдными колокольчиками, отъ семи до осьми дюймовъ величиною.

Съ тамбуриномъ въ одной рукѣ и палкою въ другой, садится шаманъ и затягиваетъ свою заунывную пѣсню, съ акомпанементомъ барабана; звуки эти отнюдь не непріятны, такъ какъ въ нихъ слышится извѣстный размѣръ. Съ окончаніемъ каждаго стиха, шаманъ корчитъ страшныя гримасы; звуки барабана становятся все быстрѣе, пока, наконецъ, испустивъ нѣсколько глухихъ, свистящихъ звуковъ, заклинатель внезапно не умолкнетъ; вслѣдъ затѣмъ всѣ присутствующіе испускаютъ громкое „Э!“ По окончаніи пѣсни, шаманъ скачетъ по хижинѣ, какъ сумасшедшій, страшно коверкается и производитъ оглушающій шумъ колокольцами и барабаномъ. Въ это время показывается духъ, видимый, впрочемъ, однимъ шаманомъ, остальные же зрители догадываются объ его появленіи только по кривляніямъ шамана.

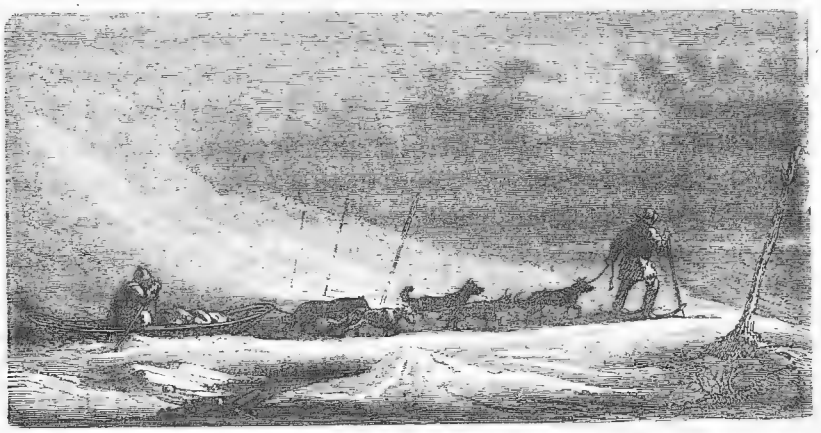
Гольды, живущіе по Усури, охотятся только зимою. Снѣгъ, покрывающій горы и равнины, часто футовъ на шесть, не представляетъ для нихъ ни малѣйшаго затрудненія. Къ но-

гамъ привязываютъ они сосновыя доски въ шесть футовъ длины, которыя прикрѣпляются ремнями изъ оленьей кожи, и, съ помощью этихъ лыжъ, они свободно ходятъ по снѣгу. Зимняя одежда дѣлается изъ оленьей шкуры съ волосами, обращенными концами внизъ, что и мѣшаетъ имъ потонуть въ снѣгу. Кромѣ того, гольды превосходные рыболовы; въ своей маленькой лодкѣ они несутся по водѣ съ бѣшеной быстротой, почему китайцы и называютъ ихъ челноки куай-ма, т. е. быстрыя лошади. Усури обиленъ рыбою, и жаръ, производимый въ крови рыбной пищей, дѣлаетъ гольдовъ не столь чувствительными къ зимнимъ морозамъ. Однако, лѣтомъ, отъ излишняго употребленія рыбы, между гольдами появляются различныя болѣзни; особенно опустошительно дѣйствуетъ оспа, и многіе до четырехъ разъ заболѣваютъ этою страшною болѣзнію.

Единственнымъ зимнимъ путемъ сообщеній служитъ замерзшая рѣка. Переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто въ легкихъ, книзу закругленныхъ саночкахъ, отъ пяти до шести футовъ длиною, сдѣланныхъ изъ дубовыхъ кольевъ и возимыхъ нѣсколькими собаками. Каждое семейство держитъ отъ пятнадцати до двадцати этихъ полезныхъ животныхъ; хозяева ѣдятъ рыбье мясо, а собаки довольствуются костями и внутренностями. Зимою собакъ кормятъ вяленою рыбою, въ слѣдствіе чего кровь ихъ такъ горячится, что онѣ совершенно покойно спятъ въ снѣгу, не заботясь о другомъ, болѣе удобномъ пристанищѣ. Восемь собакъ, средняго роста, везутъ человѣка и 6 пудовъ тяжести въ продолженіе цѣлаго дня, со скоростью хорошихъ каретныхъ лошадей.

5 апрѣля 1846 года добрый патеръ де-ла-Брюньеръ послалъ собранныя имъ свѣдѣнія къ мисіонерамъ въ Ліаотонгъ; это были послѣднія, полученныя отъ него извѣстія. Надѣясь на Бога, онъ хотѣлъ отправиться на Амуръ въ маленькомъ суднѣ, такъ какъ проводники его страдали тоской по родинѣ. Онъ дѣйствительно уѣхалъ и болѣе не возвращался; всѣ розыски о немъ оставались тщетными, пока

наконецъ, не разнесся слухъ, что онъ убитъ „длинноволосыми“ гиляками, живущими по нижнему Амуру. Четыре года спустя, въ 1850 году, французскій мисіонеръ Вено, поселившійся въ А-ше-хо, предпринялъ путешествіе, съ цѣлью разъяснить участь своего собрата. На саняхъ, запряженныхъ тремя лошадьми, пріѣхалъ онъ въ Санъ-Синъ, но, въ слѣдствіе существующаго на Зунгари пограничнаго запрета, не могъ проѣхать на Амуръ и отправился сухимъ путемъ къ Усури, котораго и достигъ противъ впаденія его въ Имму, почти на томъ же мѣстѣ, куда прибылъ къ этой рѣкѣ и



Сани гольдовъ.

де-ла-Брюньеръ. Зимній переѣздъ этотъ былъ чрезвычайно затруднителенъ.

Первый привалъ онъ сдѣлалъ въ десяти миляхъ на востокъ отъ Санъ-Сина, въ Вей-цеКеу, области, состоящей изъ разбросанныхъ деревень, густо населенныхъ земледѣльческими народами. Далѣе на востокъ прекращается всякая культура и между вышеупомянутой страной и Усури, на разстояніи болѣе 100 миль, встрѣчаются по ущельямъ только уединенныя хижины собирателей джинзенга. Въ этихъ хижинахъ Вено встрѣтилъ лишь нѣсколько стариковъ; женщинъ

совсѣмъ не было видно. Поселенцы срубаютъ деревья и даютъ имъ сгнить; изъ гнили выростаетъ губка, составляющая одинъ изъ главныхъ предметовъ торговли въ Санъ-Синѣ. Такъ какъ за Вей-це-Кеу было мало снѣга, то поклажу переложили изъ саней на лошадей и маленькое общество шло пѣшкомъ двѣнадцать дней. Они обыкновенно спали на землѣ и только изрѣдка находили пріютъ въ какой-нибудь хижинѣ. Вечеромъ срубали дерево и зажигали костры для защиты отъ холода и тигровъ; съ послѣдними Вено хотя и не встрѣчался, однако, находилъ человѣческія кости и клочки платья, принадлежавшія, вѣроятно, жертвамъ хищныхъ животныхъ. Мѣстечко Имма-кеу-це, лежащее противъ впаденія Иммы въ Усури, состоитъ изъ небольшаго числа хижинъ собирателей джинзенга. Поселившіеся тамъ китайцы образуютъ республику висѣльниковъ, среди которыхъ Вено пробылъ два мѣсяца. При наступленіи весны и освобожденіи Усури отъ ледянаго покрова, мисіонеръ купилъ лодку въ 25 футовъ длины и въ 2 фута ширины, взялъ проводника изъ манджурцевъ и 31 апрѣля поѣхалъ къ „длинноволосымъ“. Проводникъ, получившій 10 китайскихъ таэлей, около тридцати рублей въ мѣсяцъ, оказался коварнымъ обманщикомъ, исполнявшимъ съ отвращеніемъ свою обязанность, почему Вено и принужденъ былъ взять еще другаго проводника, китайца, бывавшаго на нижнемъ Амурѣ и знакомаго съ языкомъ гиляковъ. О Вено ходили странные толки между береговыми жителями: одни считали его великимъ колдуномъ, другіе принимали за русскаго генерала.

Въ концѣ четвертаго мѣсяца, проѣхавъ весь Усури и дойдя ужъ до Амура, прибылъ онъ въ деревню Дондонъ, расположенную на лѣвомъ берегу рѣки, подъ $49^1/_2{}^0$ с. ш. Въ деревнѣ этой жилъ мандаринъ, сборщикъ податей, подкупивъ котораго, Вено безпрепятственно перешелъ границу и, не смотря на всѣ увѣщанія, что у гиляковъ его ожидаетъ участь, подобная де-ла-Брюньеровой, онъ смѣло пошелъ въ деревню Пуль, находящуюся на правомъ берегу Амура. Ис-

пуганные проводники отказывались идти далѣе, почему онъ нанялъ въ Пулѣ, у туземца, другую лодку, оставивъ въ залогъ свой багажъ, взялъ новаго проводника и отправился къ гилякамъ, которыхъ называетъ „килими“. Тамъ ему сказали, что де-ла-Брюньеръ былъ убитъ близъ деревни Гутонгъ. Сначала мисіонеръ послалъ туда нѣсколько человѣкъ изъ своихъ людей, вернувшихся черезъ шесть дней съ полнымъ разъясненіемъ печальнаго конца жизни де-ла-Брюньера. Узнавъ о приближеніи посланныхъ, всѣ участники убійства бѣжали, и въ деревнѣ остался только одинъ человѣкъ. По словамъ его, несчастный де-ла-Брюньеръ занимался приготовленіемъ обѣда на берегу, на который вышелъ для спасенія лодки отъ бурныхъ волнъ Амура. Въ это время къ нему подошли жадные къ добычѣ гиляки, вооруженные стрѣлами и копьями. Семь человѣкъ окружили и закололи его; ни одинъ звукъ не вылетѣлъ изъ груди благочестиваго человѣка, павшаго героемъ за свою вѣру. Вырвавъ у покойника зубы и глаза, его оставили на берегу, гдѣ онъ лежалъ до тѣхъ поръ, пока надъ нимъ не сжалились волны исполинской рѣки и не унесли въ океанъ, гдѣ онъ и нашелъ себѣ могилу. Убійцы раздѣлили между собою добычу. Монеты и кресты, принадлежавшіе убитому мисіонеру, служатъ теперь украшеніями гилякскимъ женщинамъ.

Оставшійся убійца выказывалъ раскаяніе и возвратилъ всѣ, еще уцѣлѣвшіе отъ грабежа предметы: священный камень, чашу, остатки термометра и два компаса. Посланные Вено, вмѣстѣ съ тремя гилякскими начальниками, наложили на него пеню, на которую онъ охотно согласился. Онъ долженъ былъ доставить пять горшковъ, два копья, два мангъпао (пестрое мандаринское платье), мѣховое платье, кусокъ шелковой матеріи и соболью шкуру. Когда эти предметы были доставлены Вено, была составлена бумага, заключавшая въ себѣ мирный договоръ обѣихъ сторонъ. Вотъ содержаніе его, въ переводѣ съ китайскаго языка: „Въ тридцатомъ году правленія императора Тао-Кванга, прибыли Шіэнъ-

Венъ-Минъ (Venault) и Че-ту-Чу (одинъ изъ его христіанскихъ спутниковъ), требуя удовлетворенія за совершенное въ двадцать шестомъ году убійство надъ мисіонеромъ Пао (де-ла-Брюньеръ) жителями деревень Арконгъ, Сіэлонгъ и Хутонгъ и миръ былъ возстановленъ. Вышеозначенныя деревни симъ обязуются не враждовать съ путешественниками, пріѣзжающими лѣтомъ на кораблях, а зимой на саняхъ, но обращаться съ ними по-братски. Родственники же и друзья священника Пао, съ своей стороны, обѣщаютъ не мстить за убійство. Но такъ какъ сказанное слово пропадаетъ и забывается, то соглашеніе обѣихъ сторонъ перенесено на бумагу въ присутствіи переводчиковъ, обязанныхъ слѣдить за выполненіемъ договора".

Послѣ возстановленнаго такимъ образомъ мира, люди Вено затѣяли между собою драку, за предметы, взысканные съ убійцы, такъ какъ Вено отдалъ имъ эти вещи. Дѣло не обошлось безъ ножей.

Вено намѣревался проникнуть до острова Сахалина, но его тогда не допустили, и разъ онъ былъ даже принужденъ спрятаться отъ китайцевъ въ лѣсу. Въ то время на Амурѣ уже замѣчалось вліяніе русскихъ, и Вено встрѣтилъ много европейскихъ предметовъ, вымѣненныхъ туземцами у русскихъ. О гольдахъ и Вено имѣетъ хорошее мнѣніе; гиляковъ же, напротивъ, онъ описываетъ грабительскимъ, вѣчно пьянымъ, кровожаднымъ народомъ. Достигнувъ предположенной цѣли, — разъясненія участи де-ла-Брюньера,—мисіонеръ благополучно возвратился въ Аше-хо.

Итакъ, этимъ двумъ благочестивымъ и мужественнымъ мисіонерамъ обязаны мы первыми свѣдѣніями объ Усури, ученое изслѣдованіе котораго производилъ Венюковъ въ 1858 году, въ то время когда еще не укрѣпились тамъ русскіе, какъ это случилось со времени айгунскаго договора. Въ слѣдствіе этого, онъ и перенесъ нѣсколько непріятностей отъ манджуровъ, тогда какъ гольды принимали его самымъ

радушнымъ образомъ и выражали надежду сдѣлаться вскорѣ русскими подданными.

Экспедиція эта состояла изъ 16 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 12 казаковъ и одинъ переводчикъ, знавшій гольдскій языкъ. 13-го іюня Венюковъ оставилъ устье Усури и быстро проѣхалъ мимо конечностей Хоэхцскихъ горъ (Хохзира), образующихъ водную границу между Амуромъ, Усури и Татарскимъ каналомъ. Горы эти круты и покрыты лѣсомъ, въ которомъ преобладаютъ вязы, дубы, волошскій орѣшникъ, береза, осина и рябинникъ; хвойныя деревья находятъ своихъ представителей въ небольшомъ числѣ сибирскихъ кедровъ. Виноградная лоза и жасминъ растутъ дико, и вообще южная покатость Хоэхцскихъ горъ напоминаетъ своею растительностью самыя благословенныя страны Европы. По ту сторону горъ, по обоимъ берегамъ Усури, стелется обширная луговая равнина, рѣдко поросшая дубами, вязами и ивами. Однако еще въ іолѣ, вся страна лежитъ подъ водою, а потому и неудобна для колонизаціи, но за то обильна дичью и рыбою. Въ болотахъ водятся черепахи, употребляемыя гольдами въ пищу; большое число черепашьихъ яицъ, закапываемыхъ въ песокъ близъ берега, уничтожается хищными птицами. Рыбы здѣсь было такое множество, что она сама прыгала въ лодку. Что же касается названія юпи-та-тцы или „рыбьи кожи,“ то оно въ настоящее время не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ теперь одежда гольдовъ состоитъ, почти исключительно, изъ бумажной матеріи, а платья, приготовляемыя изъ рыбьей кожи, становятся теперь рѣдкостью.

На второй день путешествія Венюкова, начался дождь, шедшій безпрерывно въ теченіе сорока пяти дней. Эти продолжительные ливни, находясь въ связи съ близостью страны къ морю, составляютъ климатическую особенность усурской долины и немало увеличиваютъ обиліе водъ Усури и его притоковъ.

Въ первые два дня своего пути, Венюковъ встрѣтилъ

только три селенія, въ которыхъ было всего-на-всего восемь хижинъ, обитаемыхъ немногими гольдами и китайцами. На третьи сутки, прибылъ онъ къ устью Хоро или Холо, ошибочно обозначеннаго на старыхъ картахъ подъ именемъ Поръ. Онъ вытекаетъ изъ Шихота-Алинской береговой цѣпи и, послѣ стремительнаго теченія, во время котораго вырываетъ и влечетъ за собой деревья и камни, изливается пятью рукавами въ Усури. Неподалеку оттуда находится гольдская деревня Хои-ча, которая, не смотря на трехверстное протяженіе, заключаетъ въ себѣ только девять хижинъ, большая часть обитателей которыхъ находилась въ отлучкѣ. Поэтому Венюковъ вошелъ безъ церемоніи въ юрту, дверь которой была не заперта. Хозяйственная обстановка была очень проста; вся утварь состояла изъ нѣсколькихъ рыбачьихъ принадлежностей, глиняныхъ горшковъ и большаго котла. Особенное вниманіе Венюкова возбудилъ стоящій вблизи маленькій храмъ. На внутренней стѣнѣ его висѣло уродливое изображеніе какого-то божества, вѣроятно, вышедшее изъ рукъ китайскаго художника. Передъ храмомъ стоялъ небольшой сосудъ, въ который отъ времени до времени кладутъ огонь. Во времена іезуитовъ между юпи-тацами не было еще и слѣда общественнаго богослуженія. Прежде китайскіе бонзы не находили у нихъ ничего заманчиваго, но съ тѣхъ поръ, какъ они начали воздѣлывать пшеницу и рисъ, китайскія божества тоже нашли къ нимъ дорогу. Туземцы говорятъ, что по Хоро можно проѣхать въ лодкѣ, до самаго источника, находящагося срёди высокихъ горъ, которыя отстоятъ на четыре дня пути отъ морскаго берега.

17-го іюня дождь былъ такъ силенъ, что Венюковъ, ради сбереженія своихъ запасовъ, принужденъ былъ выйти на берегъ. Гольды, вблизи которыхъ онъ высадился, испугались, приняв его за мандарина, и не мало удивились, когда получили плату за рыбу. Въ это время вышла жен-

щина съ своимъ маленькимъ сыномъ, прятавшимся до тѣхъ поръ, и запѣла пѣсню въ честь великодушія Венюкова.

На другое утро погода какъ будто разъяснилась, но послѣ обѣда нагрянула ужасная гроза, принудившая путешественниковъ искать пристанища въ китайской хижинѣ. Хозяинъ ихъ былъ очень угрюмъ на всѣ вопросы отвѣчалъ словомъ „нѣтъ“ и запертилъ своему слугѣ, гольду, говорить съ ними. Послѣдній ухитрился однако сообщить русскимъ, что маньджурское правительство издало указъ, чтобы ихъ вездѣ принимали такимъ образомъ, и совѣтовалъ имъ довѣряться только

Гольды.

людямъ его племени. Отношенія маньджуровъ и гольдовъ повсемѣстно носили печать недружелюбія.

Начиная съ этого мѣста, правый берегъ Усури покрытъ безпрерывными цѣпями горъ, тогда какъ по лѣвому стелятся тѣ же равнины. Путешественники проѣхали устье маленькой рѣчки Аомъ; луга смѣнялись рощами изъ вязовъ, березъ и дубовъ. Оранжевыя лиліи, розы и яблони стояли въ полномъ цвѣту. Характеръ мѣстности не измѣнялся до впаденія Пора, впивающагося съ лѣвой стороны въ Усури.

.. Венюковъ проѣхалъ устья Абуэры, Зибку и Бикина и вездѣ встрѣчалъ народонаселеніе, состоявшее изъ смѣси гольдовъ съ китайцами. Всѣ эти небольшіе притоки имѣютъ быстрое теченіе и холодную воду. Близъ большей части изъ нихъ, въ уединенныхъ, соединенныхъ однѣми тропинками хижинахъ, живутъ китайскіе собиратели джинзенга. Венюковъ переночевалъ по ту сторону Бикина у гольдовъ. Одинъ изъ нихъ, замѣтивъ у путешественника серебряныя монеты, пожелалъ вымѣнять ихъ на собольи шкуры, чтобы сдѣлать браслетъ для своей умирающей матери; другой, въ знакъ печали, отрѣзалъ себѣ косу. Гольды придерживаются многоженства, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ объясняется чувствомъ долга. Такъ, напримѣръ, тридцатилѣтній мужчина, обремененный большимъ семействомъ, имѣлъ трехъ женъ, изъ которыхъ двѣ принадлежали его умершимъ братьямъ. Судя по мнительности гольдовъ, должно считать особенной милостью, что хозяинъ Венюкова позволялъ ему въ своемъ отсутствіи оставаться въ его хижинѣ; казаковъ же онъ держалъ на возможно дальнѣйшемъ разстояніи, такъ какъ имѣлъ уже прежде такого рода стычки съ манджурами.

Въ слѣдствіе проливныхъ дождей, Усури поднималась выше и выше, и вода покрыла мели, бывшія открытыми большую часть года, что особенно замѣчалось при устьѣ Иммы, самаго большаго притока Усури, котораго путешественники достигли 29 іюня. Имма вытекаетъ изъ Шихота-Алинскихъ горъ и, не имѣя быстринъ и мелей, судоходна на всемъ протяженіи. Имму, главный притокъ которой Акулъ китайцы называютъ Ниманомъ. По верхнему теченію ея уже встрѣчаются орочи, занимающіе собственно берега Татарскаго канала. Отъ устья Иммы до моря пять дней пути. Вода Иммы такъ темна, что въ продолженіе почти цѣлаго часа ея теченіе можно прослѣдить въ Усури.

Противъ устья Иммы, на нѣсколькихъ красныхъ, выдающихся скалахъ, расположилась китайская деревня Имма, или Ниманъ. Жители этой красивой деревеньки, окруженной

огородами, занимаются разведеніемъ коровъ и лошадей. Отсюда идетъ дорога въ Санъ-Синъ, вѣроятно та самая, по которой проходили Вено и де-ла-Брюньеръ. Венюковъ остановился на жалкомъ постояломъ дворѣ.

Выше Иммы, по Усури, появляются небольшіе холмы изъ красной земли, на склонахъ которыхъ, густо поросшихъ лѣсомъ, образуются площадки, удобныя для колонизаціи. На разстояніи дня ѣзды, далѣе вверхъ по рѣкѣ, въ Усури впадаетъ съ запада довольно значительная рѣка Муренъ, которая берстъ свое начало въ горахъ, лежащихъ на востокъ отъ манджурскаго города Нингута. Устье Мурена образуетъ большую дельту. Отъ этого мѣста, теченіе Усури чрезвычайно извилисто и быстро, но рѣка не шире 6 — 7 сажень, и маленькіе рукава ея богаты рыбою. И здѣсь гольды испугались Венюкова и его спутниковъ, такъ какъ предполагали въ нихъ своихъ мучителей, манджуровъ, являющихся сюда за податью. Сборщики являются одинъ или два раза въ годъ и, съ палкой въ рукахъ, сдираютъ съ несчастныхъ послѣднюю шкуру. Одинъ гольдъ разсказывалъ, что его отецъ, мать и два брата повѣсились въ слѣдствіе перенесенныхъ отъ нихъ мученій, и что всѣ соплеменники его радуются водворенію въ этой странѣ русскихъ.

4-го іюля Венюковъ прибылъ къ устью Зунгачона, вытекающаго изъ озера Кингки, а оттуда отправился къ Кубурезану. Страна, по которой протекаютъ эти два притока, очень удобна для колонизаціи. Въ дубовыхъ лѣсахъ растетъ дикій виноградъ, а хвойныхъ деревъ совсѣмъ не видно. Что касается растительности по Амуру до этой мѣстности, то въ горахъ, ниже Иммы, преобладаетъ дубъ, а въ равнинахъ встрѣчаются осина, вязы, волошскій орѣшникъ, черная и бѣлая береза, дубы, кленъ и, лишь кое-гдѣ, липа. Въ степяхъ, покрытыхъ высокою пятифутовою травою и мало разнящихся отъ амурскихъ, есть множество полыни. Вязы достигаютъ иногда до 100 футовъ вышины и 10 футовъ въ

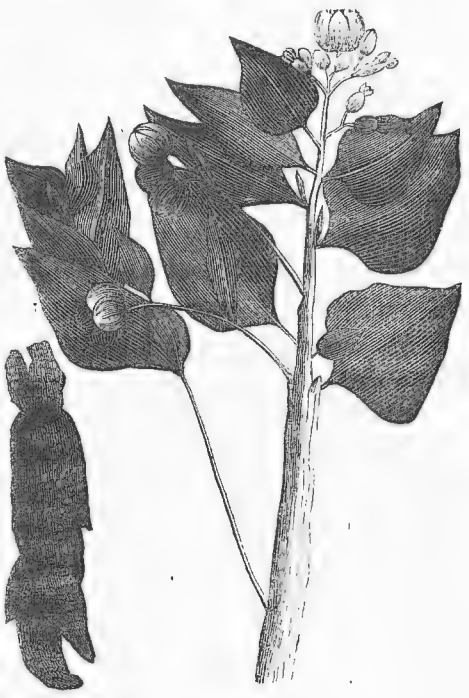
объемѣ. Волошскій орѣшникъ и липа также достигаютъ значительныхъ размѣровъ, но первый рѣдко приноситъ плодъ.

14 іюля Венюковъ, подъ 45° с. ш., проѣхалъ устье Добиху, гдѣ нанялъ надежнаго проводника изъ гольдовъ, обѣщавшаго довести его до ручья Ниту, откуда уже его мѣсто долженъ былъ замѣнить орочъ. Съ немалымъ удивленіемъ узналъ Венюковъ, что, по верхнему теченію Добиху, китайцы занимаются золотопромышленичествомъ. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на близкое начальство въ городѣ Хун-чунѣ, они отправляютъ добытое золото въ Корею, что весьма странно при той строгости, съ которою китайское правительство охраняетъ этотъ промыселъ. Въ Манджуріи запрещено вообще всякое горное занятіе, такъ какъ было бы неприлично рыть землю, на которой родились знаменитые предки нынѣ царствующей династіи.

Спѣша далѣе въ юго-восточномъ направленіи къ Добиху Венюковъ проѣхалъ мѣстность, въ которой видны слѣды прежней цивилизаціи и значительнаго народонаселенія. Между 44 и 45° с. ш. видны развалины древнихъ городовъ и укрѣпленій, можетъ быть, изъ временъ царствованія династіи Гинъ. Невозможно, впрочемъ, вывести заключенія, противъ кого именно сдѣланы были эти насыпи. Размѣщенныя частію по холмамъ, частію на равнинахъ, онѣ имѣютъ правильное строеніе, и должно предполагать, что между отдѣльными фортами проведены были соединительныя линіи. Туземцы называютъ эти развалины „Манджу-Баллапти-Хотонъ“, т. е старые манджурскіе города.

17 іюля, при впаденіи Вонго въ Усури, Венюковъ встрѣтилъ джинзенговыя плантаціи, обработываемыя десятью поселившимися здѣсь китайцами и принадлежащія богатому пекинскому купцу. Сравнительно съ цѣнностью этого корня владѣлецъ его долженъ получать громадный доходъ съ маленькаго клочка земли. Болѣе 30 грядъ, каждая въ 35 аршинъ длиною, въ 4—шириною, были засажены этимъ дорогимъ растеніемъ. Палатки и деревянные навѣсы защищали отъ

солнечнаго зноя растенія, ягоды которыхъ хотя въ то время еще не созрѣли, но уже начинали краснѣть; земля въ грядахъ была очень черна и рыхла. Растенія, поднявшіяся на четыре или пять дюймовъ отъ земли, тщательно привязываются къ колышкамъ, часто поливаются и полются. Вся плантація окружается изгородью, и сторожъ день и ночь караулитъ драгоцѣнные корни, изъ которыхъ не смѣетъ продать ни одного. Говорятъ, что въ сосѣдствѣ есть еще много подобныхъ плантацій, съ которыхъ корни отправляются въ Хунчунъ, а оттуда ужъ морскимъ путемъ перевозятся въ Кантонъ.



Джинзенгъ.

Джинзенгъ (panax ginseng) называется китайцами орхота, т. е. первое изъ всѣхъ растеній. Они считаютъ его драгоцѣннѣйшимъ даромъ земли, за исключеніемъ алмазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней, такъ какъ джинзенгъ, по ихъ словамъ, творитъ настоящія чудеса въ медицинскомъ отношеніи. Онъ исцѣляетъ чахотку въ то время, когда уже не существуетъ половины легкаго; придаетъ старцамъ живость молодости и служитъ противоядіемъ для всѣхъ ядовъ. По изслѣдованіямъ европейскихъ медиковъ, растеніе это вовсе не обладаетъ означенными свойствами и нисколько не отличается своими цѣлебными качествами отъ самыхъ обыкновенныхъ растеній. Напротивъ, французскіе мисіонеры, живущіе въ Китаѣ, отчасти подтверж-

даютъ мнѣніе китайцевъ, и де-ла-Брюньеръ, съ его помощію, самъ излечился отъ закоренѣлой болѣзни желудка. Если не преувеличены разсказы мисіонеровъ, то китайцы за джинзенгъ платятъ неимовѣрныя деньги, именно 13,000 рублей за фунтъ! Венюковъ же, которому смѣло можно вѣрить, получилъ на Иммѣ связку отъ 12 — 15 кореньевъ за 25 рублей, а на возвратномъ пути переводчикъ досталъ ему еще двадцать корней приблизительно за 10 рублей. Члены русской мисіи въ Пекинѣ получали нѣсколько разъ отъ императора по полуфунту джинзенга, въ видѣ чрезвычайной милости.

Лѣтомъ нѣсколько сотъ китайцевъ отправляются въ долины верхняго Усури для собиранія дико-растущаго джинзенга, который, по ихъ мнѣнію, дѣйствительнѣе искусственно обработываемаго. Каждый китаецъ находитъ среднимъ числомъ корней сорокъ. Пятнадцать уходятъ на необходимое пропитаніе, а остальные двадцать пять продаются на плантаціи, гдѣ за корешокъ въ пять дюймовъ платятъ отъ одного до двухъ рублей, такъ что наибольшій доходъ каждаго собирателя джинзенга составляютъ пятьдесятъ рублей, на которые онъ и долженъ существовать цѣлую зиму. Иногда встрѣчаются, какъ рѣдкость, корни въ восемь дюймовъ длиною и въ полдюйма толщиною. На упомянутыхъ плантаціяхъ Венюковъ насчиталъ 12,000 корней, представлявшихъ собою значительный капиталъ. Съ выросшихъ корней прежде всего обрѣзаютъ листья, потомъ варятъ ихъ, сушатъ и каждый отдѣльно завертываютъ въ бумагу. Китайцы, живущіе по Усури, постоянно носятъ съ собою кусочекъ джинзенга, употребляемый во всѣхъ болѣзняхъ. Гольды не цѣнятъ такъ высоко джинзенга, и если случайно находятъ корень, то продаютъ его китайцамъ.

Послѣ пяти дней труднаго пути, Венюковъ достигъ потока Нинту, гдѣ дожидался обѣщаннаго въ проводники ороча. Пользуясь этимъ временемъ, Венюковъ готовился къ дальнѣйшему странствованію, но ужъ пѣшкомъ, такъ какъ ѣхать на суднѣ нечего было и разсчитывать. Бывшій проводникъ

Венюкова, дѣйствительно, привелъ къ нему своего родственника ороча, который хорошо зналъ дорогу къ морскому берегу, но только лишь по устраненіи многочисленныхъ затрудненій онъ согласился на проводничество.

21-го іюля они поднялись въ дорогу, желая достигнуть моря въ сѣверо-восточномъ направленіи. Такъ какъ китайцы не давали имъ лошадей, то путешественникамъ нашимъ пришлось взвалить свою поклажу на спины. Дороги были отвратительны, и при переправѣ черезъ вздувшуюся рѣчку *Фудзу* построенный тамъ плотъ былъ разбитъ быстриною. Венюковъ, слѣдуя совѣту проводника, пошелъ не по теченію Усури, верховье котораго носитъ названіе Зандунгу, а свернулъ въ долину притока Фудзы. 27-го іюля, близъ источниковъ Фудзы, перешелъ онъ невысокій, болотистый горный хребетъ, составляющій водную границу, и вступилъ, такимъ образомъ, въ область рѣки *Лифулы*, впадающей въ Японское море.

Пространство отъ устья Нинту до вышеупомянутыхъ горъ занято обширною долиною, весьма удобною для земледѣлія. Она поросла дубами и вязами, но далѣе вверхъ появляются сибирскіе кедры, лиственница и сосна, перемѣшанныя съ березой, осиной и различными другими породами. Особенно кедръ достигаетъ гигантскаго роста. Самый же хребетъ покрытъ одною пихтой.

Оба берега Фудзы населены китайцами, занимающимися земледѣліемъ; они воздѣлываютъ просо, ячмень, пшеницу, полбу и коноплю, картофель, огурцы, тыкву и всевозможную зелень. Произведеній этихъ хватаетъ какъ для ихъ собственной надобности, такъ и для собирателей джинзенга. Многіе изъ нихъ держатъ быковъ, лошадей и домашнихъ птицъ. Лошади малорослы, но сильны; быки крупны. У нѣкоторыхъ китайцевъ есть винокурни, въ которыхъ употребляются мѣдные кубы; они всѣ безъ исключенія охотники. Охота на барсовъ, медвѣдей, лисицъ и соболей производится огнестрѣльнымъ оружіемъ, а добыча сохраняется въ храмахъ.

Лифула, по всему теченію которой расположены китай-

скія колоніи, съ прекрасной пахатной землей, течетъ къ морю въ юго-восточномъ направленіи и извѣстна орочамъ подъ именемъ Тадучу. 30 іюля, послѣ полуторамѣсячнаго странствованія, Венюковъ благополучно достигъ гористаго берега Японскаго моря подъ 44° 20′ с. ш. На холмѣ онъ велѣлъ поставить крестъ съ надписью, что на этомъ мѣстѣ прибылъ онъ къ морю. Казаки занимались ловлей тюленей, а шедшіе вдоль берега орочи собирали морскую траву коричневаго цвѣта, имѣющую семь футовъ въ длину и называемую каи-цай. Китайцы никогда не доходятъ до моря и всегда останавливаются въ долинѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него. Этимъ оканчивается плаваніе Венюкова по Усури и путешествіе его по горамъ и долинамъ, лежащимъ между Фудзой и Линфулой; тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ прибылъ сюда, онъ возвратился и обратно домой.

Колонизація долины усурской, равно какъ и амурской, началась вскорѣ послѣ этой экспедиціи, въ 1858 г. Отправленные туда колонисты, съ имуществомъ и скотомъ, благополучно достигли цѣли своего путешествія и тотчасъ же принялись за постройку жилищъ. Успѣхъ этой первой попытки на Усури побудилъ правительство Восточной Сибири увеличить на слѣдующій годъ число колонистовъ, и весной 1859 года отправило изъ Забайкальской области 1,800 человѣкъ. Управленіе транспортомъ и судами съ хлѣбомъ поручено было казакамъ, плаваніе которыхъ по Амуру было, однако, такъ неудачно, что переселенцы только осенью прибыли къ мѣсту своего назначенія. Утомленный долгимъ переѣздомъ и не находя свѣжаго корма, скотъ весь погибъ, въ слѣдствіе чего, въ слѣдующую же весну, нечѣмъ было обработывать полей, да и само мѣсто поселенія, находясь близъ устья Усури, было подвержено наводненіямъ. Противъ напора волнъ невозможно было устроить плотинъ, потому что, въ слѣдствіе плотности дерна, почва была совсѣмъ скрѣплена сѣтью сплетшихся корней, уступавшихъ только ударамъ топора, почему всякая земляная работа оказалась невозможною. Лишь

въ 1862 г., когда былъ присланъ новый транспортъ людей и скота, расположенныя по Усури колоніи Казакевичъ, Киселевъ, Мейеръ и др. могли разсчитывать на лучшую будущность. Увеличеніе рабочихъ силъ, прибавленіе тягловаго скота, жатвы послѣднихъ годовъ, давшія зерно лучше привезеннаго изъ Забайкальской области и, наконецъ, опытность, пріобрѣтенная, конечно, только цѣною большихъ усилій и потерь, въ настоящее время совершенно гарантируютъ успѣхъ земледѣлія въ этихъ, завоеванныхъ для цивилизціи странахъ, составляющихъ самую лучшую часть всего Амурскаго края.

Манджурское прибрежье.

То повышающаяся то понижающаяся горная цѣпь, идущая параллельно съ Усури и нижнимъ Амуромъ, отдѣляетъ область этихъ рѣкъ отъ Восточнаго океана. Хребетъ этотъ, называемый китайцами Шихота-Алинъ, можетъ быть принятъ за продолженіе Шанъ-Алинскихъ горъ, находящихся на югѣ. Рѣки, впадающія въ Татарскій каналъ и Японское море, слѣдовательно, текущія на востокъ, всѣ имѣютъ короткое теченіе и судоходны только при устьѣ. Горы, достигающія отъ 4,000—6,000 футовъ высоты, покрыты на вершинахъ хвойнымъ, а на склонахъ лиственнымъ лѣсомъ. Многіе болотистые проходы представляютъ возможность соединенія Усури и Амура съ морскимъ берегомъ, который, въ слѣдствіе большаго числа превосходныхъ гаваней, чрезвычайно важенъ для Россіи и примиряетъ нѣкоторымъ образомъ съ недостатками Николаевской гавани. Первая бухта, которую мы встрѣчаемъ на скалистомъ берегѣ южной Манджуріи, по выходѣ изъ Амурскаго залива, есть бухта Кастрисъ.

Заливъ этотъ, называемый туземцами Ньянгморъ, получилъ свое имя отъ знаменитаго французскаго мореплавателя

Лаперуза, который открылъ его 28 іюля 1787 года и назвалъ въ честь тогдашняго морскаго министра маркиза де-Кастрисъ. Этотъ обширный заливъ находится у западнаго берега Татарскаго канала, къ которому съ трехъ сторонъ примыкаютъ еще меньшія бухты: изъ нихъ довольно значительны заливъ Лососевый и маленькій портъ Александровскъ. Окрестности залива Кастрисъ гористы и покрыты густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Окрестныя горы нисходятъ къ морскому берегу болѣе или менѣе высокими уступами, совершенно отвѣсными, и состоятъ изъ сплошной или слоистой массы трахита и базальта. Мысъ д'Аррасъ на сѣверѣ и Клостеркампъ на югѣ составляютъ границы этого залива, въ которомъ находится нѣсколько маленькихъ острововъ и множество мысовъ.

Возлѣ порта Александровска, ниже мыса Лаперуза, выдающагося въ море крутою массою, находится естественное отверзтіе, имѣющее форму правильной дуги. Во время прилива, вода проникаетъ подъ сводъ, куда въ то время можно проѣхать на лодкѣ. Сводъ этотъ уже существовалъ еще во время открытія залива, да и по настоящее время называется Лаперузовыми воротами. Говорятъ, что на скалѣ сохранились еще надписи со времени посѣщенія французскаго мореплавателя.

Между горами, окружающими бухту Кастрисъ, преимущественно выдается *Арбодъ*, вершина котораго, образующая полушаріе, состоитъ изъ сѣрыхъ, поросшихъ мохомъ камней, и, какъ кажется, превышаетъ всѣ сосѣднія горы. *Арбодъ* имѣетъ около 1,500 футовъ высоты, далеко видѣнъ съ моря и служитъ плавающимъ по Татарскому каналу морякамъ примѣтой залива Кастриса. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ этотъ заливъ, стоитъ упомянуть одну Лососевую, которая беретъ свое начало въ ущельяхъ береговаго хребта, въ 20 миляхъ на западъ отъ своего устья. Не смотря на быстрое теченіе, рѣчка эта, даже для легкихъ гилякскихъ лодокъ, судоходна только на маломъ протяженіи и въ иныхъ мѣстахъ совершенно заперта мелями.

Все пространство залива Кастрисъ обнимаетъ 50 квадратныхъ верстъ, слѣдовательно одну квадратную милю, изъ которой значительная часть занята мелководьями и мелями. Во время отлива, Лососевая бухта совсѣмъ высыхаетъ и по каменистому глинистому берегу ея протекаетъ тогда Лососевая рѣка, которая становится соленою отъ смѣшенія съ морскою водою. На обнажающихся тогда скалистыхъ отмеляхъ находятъ множество устрицъ, чрезвычайно вкусныхъ и равныхъ по величинѣ съ голштинскими.

Лѣтомъ, начиная съ апрѣля и до сентября, почти постоянно дуетъ восточный вѣтеръ, образующій надъ заливомъ Кастрисъ продолжительные туманы, которые иногда не расходятся въ продолженіе нѣсколькихъ дней и такъ густы, что корабли принуждены стоять все время передъ мысомъ Клостеркампомъ и не могутъ различить входа въ заливъ, хотя и слышатъ сигнальные выстрѣлы съ форта Александровска. Предвѣстникомъ такой погоды служитъ Арбодъ, вершина котораго также покрывается туманомъ. Начиная съ декабря и до апрѣля заливъ покрывается льдомъ, что все-таки представляетъ нѣкоторое преимущество передъ Амуромъ, такъ какъ ледяной періодъ въ Николаевскѣ продолжается болѣе пяти мѣсяцевъ.

Страна, лежащая совершенно на западъ отъ бухты Кастрисъ, покрыта дѣвственнымъ лѣсомъ, въ которомъ, какъ и по всему протяженію нижняго Амура, преобладаютъ хвойныя деревья. Чаще всего встрѣчается красная сель, которая на сухихъ горныхъ выступахъ достигаетъ гигантской высоты. Ближе къ заливу Кастрисъ, характеръ лѣса замѣтно измѣняется; растительность дѣлается скуднѣе, деревья становятся тоньше, и верхушки ихъ какъ бы надломлены или оторваны бурными морскими вѣтрами. Красная ель смѣшивается у Александровска съ лиственницей и образуетъ хотя низкій, но густой лѣсъ.

Лососевая рѣка, по множеству находящихся въ ней лососей, справедливо носитъ такое названіе. Кромѣ того, всего

чаще встрѣчается здѣсь горбушка, упомянутая уже прежде, и изъ выписываемаго здѣсь разсказа естествоиспытателя А. Нордманна можно составить себѣ понятіе о невѣроятномъ количествѣ этой рыбы. Онъ говоритъ: „Когда я, осенью 1850 года, находился въ бухтѣ Кастрисъ, то въ сопровожденіи туземца отправился на медвѣжью охоту. Тунгусъ разсказывалъ мнѣ, что на Лососевой рѣкѣ медвѣди занимаются рыболовствомъ. Идя вдоль рѣки, мы пришли въ лѣсъ и увидѣли слѣды медвѣдей. Множество разбросанной и надкусанной рыбы свидѣтельствовало о миновавшемъ пиршествѣ медвѣдей. Рѣка, имѣющая въ этомъ мѣстѣ лишь нѣсколько аршинъ ширины и фута два глубины, была рѣшительно переполнена рыбой, ясно видимой сквозь прозрачную поверхность воды. На мой вопросъ, какъ ловить эту рыбу, тунгусъ влѣзъ въ воду, погрузилъ въ нее длинный, заостренный шестъ и смѣясь вытащилъ три или четыре рыбы. Я повторилъ тотъ же опытъ и мнѣ удалось проколоть нѣсколько рыбъ, даже шомполомъ ружья.“

Находящійся при Александровской гавани, фортъ Александровскъ защищенъ нѣсколькими батареями, но до сихъ поръ это не болѣе какъ военная колонія, заключающая въ себѣ около 70 избъ, церковь и госпиталь. Живущіе въ ней полтораста человѣкъ солдатъ, съ семействами, занимаются отчасти хлѣбопашествомъ. Обыкновенная же солдатская пища состоитъ изъ ухи и устрицъ. Для надсмотра за кораблями здѣсь приставленъ начальникъ гавани, при которомъ находится переводчикъ, знающій нѣмецкій, англійскій и французскій языки. На Колстеркампѣ есть также маякъ и нѣсколько лоцмановъ, обязанныхъ провожать корабли, прибывающіе на Амуръ.

Далѣе на югъ, ближайшая и значительнѣйшая гавань есть Портъ-Имперіаль или Барракута-Бай (49 град. 2 мин. сѣв. широты, 140 град. 19 мин. восточной долготы). Это заливъ, окруженный скалами, въ который впадаетъ рѣка Хаджи; болѣе внутрь простираются лѣса лиственницъ и

пихтъ. Еще въ 1853 году, русскіе построили портъ Константиновскъ и думали устроить здѣсь главную военную гавань, но проектъ этотъ не состоялся и выборъ палъ на болѣе удобную бухту Ольга.

У залива Кастриса живутъ гиляки, а здѣсь встрѣчаются ужъ съ новымъ племенемъ, орочами, находящимися въ самомъ близкомъ родствѣ съ гольдами и мангунами, отъ которыхъ разнятся лишь нѣкоторыми особенностями. Такъ, напримѣръ, у нихъ вокругъ стѣнъ хижины нѣтъ длинной печи, замѣняющей скамью и кровать; дома ихъ деревянные и обшиты березовой корой, а среди избы сдѣлано мѣсто для огня, надъ которымъ виситъ большой котелъ; дымъ выходитъ въ дверь или крышу, въ слѣдствіе этого орочи часто страдаютъ глазными болѣзнями и въ старости слѣпнутъ. Еще одна особенность племени орочей заключается въ томъ, что женщины кормятъ грудью дѣтей своихъ до трехъ и даже до четырехъ лѣтъ. На западъ отъ орочей живутъ мангуны и гольды, съ которыми они, по крайней мѣрѣ, по словамъ Венюкова, часто смѣшиваются; на югъ, по верхнему теченію Усури и въ окрестностяхъ бухты Сибиллы, они встрѣчаются въ смѣси съ китайцами.

Китайцы здѣсь тотъ же бѣглый сбродъ, что на нижнемъ Усури. Интересны разсказы о нихъ Киман-Кима, обращеннаго въ христіанство корейца. Онъ говоритъ, что, съ цѣлью искорененія существующаго беззаконія, они избрали изъ среды себя начальника, и что человѣкъ совершившій убійство — зарывается у нихъ въ землю живымъ. Какъ большая часть китайскихъ выходцевъ, они не берутъ съ собою женъ, а потому крадутъ женщинъ, при всякомъ возможномъ случаѣ.

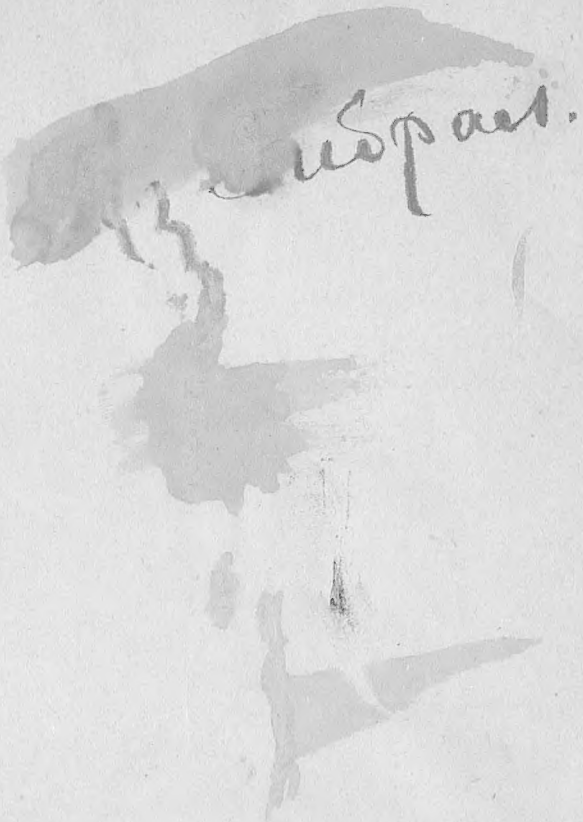
Бухта Ольга, находящаяся подъ 43 град. 44 мин. сѣв. широты и 135 град. 4 мин. восточной долготы отъ Гринича, получила свое имя отъ русскаго парохода „Америка,“ предпринявшаго въ 1857 году, подъ командой адмирала Путятина, крейсировку по Восточному океану. При достаточной глубинѣ,

бухта такъ защищена отъ вѣтра и морскихъ волнъ, что ей придали названіе Тихая Пристань. Горы, окружающія заливъ съ его „Тихой Пристанью," покрыты лѣсомъ, въ которомъ замѣчается однако недостатокъ строеваго лѣса. По берегамъ залива разбросано нѣсколько китайскихъ домиковъ, окруженныхъ полями и садами, засѣянными превосходною пшеницею, коноплей, картофелемъ и разными другими полевыми и огородными растеніями. Когда экипажъ парохода „Америка" вышелъ на берегъ, жители поспѣшно обратились въ бѣгство, а потому и невозможно было узнать что-либо объ отношеніяхъ ихъ къ Китаю. Такъ какъ дорога изъ Китая въ эту гавань ведетъ черезъ Манджурію, а китайское правительство запрещаетъ своимъ подданнымъ имѣть съ нею сношенія, то вѣроятно, что поселившіеся здѣсь китайцы самовольно оставили свое отечество и не признаютъ его власти.

Послѣдняя, самая южная бухта русско-манджурскаго берега есть Викторія или заливъ Петра Великаго, который открывается на сѣверъ и, посредствомъ Альбертова полуострова и Евгеніева архипелага, дѣлится на заливъ Наполеоновъ и бухту Геринъ. На южной конечности Альбертова полустрова находится русскій фортъ Владивостокъ. Берегъ этотъ состоитъ изъ глинистаго сланца, перемѣшаннаго съ краснымъ порфиромъ; вообще, здѣсь замѣчаются слѣды вулканической дѣятельности. Въ окрестностяхъ много прекрасныхъ лѣсовъ изъ дуба, вяза и волошскаго орѣшника, а также превосходныхъ луговъ для скотоводства. Здѣсь хорошо зрѣетъ виноградъ. Двадцать острововъ Евгеніева архипелага населены китайцами, и берега ихъ представляютъ хорошую якорную стоянку.

Заливомъ д'Анвилль, на границѣ Кореи, оканчиваются русскія владѣнія къ югу, такъ какъ здѣсь, подъ 42 град. 27 мин. сѣв. широты, находится устье пограничной рѣки Тумена или Микіанга. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега, находится на китайской землѣ городъ Хун-чунъ, значитель-

нѣйшее торговое мѣсто для Кореи и Китая. Народонаселеніе его не слишкомъ густо и управляется мандариномъ втораго разряда. Изъ Нингута, лежащаго при Хуркѣ (притокъ Зунгари), пріѣзжаютъ сюда китайцы на неуклюжихъ двуколесныхъ телѣжкахъ каждые два года; половина дня назначается для торговъ. Корейцы привозятъ сюда корзины, кухонныя принадлежности, рисъ, рожь, свиней, бумагу, маты, быковъ, шубы и чрезвычайно быстрыхъ лошадей и промѣниваютъ ихъ китайцамъ на собакъ, кошекъ, трубки, кожу, оленій рогъ, мѣдь, лошаковъ иословъ. Морская трава тонгъ составляетъ также одинъ изъ главныхъ предметовъ торговли въ Хунъ-джунѣ.

КОНЕЦЪ.

Инв. № 32.